

*Доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН
Михаил Абрамович Давыдов*

Пореформенная модернизация России: статистика и идеология

Проблема «голодного экспорта», имея самостоятельную научную ценность, в то же время прямо связана с проблемой благосостояния населения России в конце XIX - начале XX вв. и – что не менее важно – с нашими представлениями об этом благосостоянии.

Не секрет, что в сознании множества наших современников доминирует представление о том, что главной причиной революции 1917 г. было якобы бедственное положение народных масс в пореформенную эпоху. В последние годы прежде всего вследствие рестаилинизации эта тематика «вдруг» стала весьма актуальной.

В общем виде существуют два основных подхода к интерпретации причин российской революции. Первый – негативистский, пессимистический. Его метафорой вполне может служить картина И.Е. Репина «Бурлаки на Волге». Отталкивающий, негативный образ пореформенной России был сформирован еще в народнической публицистике, породившей всю дореволюционную оппозиционную литературу. Позже он в дополненном и исправленном виде вошел в советско-марксистское объяснение отечественной истории, артикулированное Сталиным в «Кратком курсе истории ВКП(б)», а затем только уточнявшееся.

Этот взгляд исходит из того, что революция была логическим, «закономерным» завершением порочного в целом пути развития страны, следствием которого было перманентное ухудшение положения народа в пореформенное время. После «буржуазных реформ» Россия вступила в затяжной системный кризис, вызванный в первую очередь «грабительскими» условиями освобождения крестьян и сохранением помещичьего землевладения. Крестьянство нищало, угнетаемое помещиками, непомерными податями и выкупными платежами, «малоземельем» (из чего, в частности, неявно следовало, что крестьянам было бы лучше оставаться крепостными), нарождающийся пролетариат нещадно эксплуатировался буржуазией и т.п.

В рамках этого подхода вся жизнь страны трактуется с точки зрения «презумпции виновности» правительства во всех мыслимых и немыслимых изъянах и недостатках развития пореформенной России. Правительство буквально *все* делало неправильно, оно априори было виновато во всем, кроме, условно говоря, смены времен года (степень условности, замечу, здесь не слишком велика). Масштабы этой массовой психопатии потомкам представить очень трудно.

Общество как будто расплачивалось с государством за века вотчинно-крепостнической истории, за которую Александр II определенно не отвечал.

В силу подобной логики в массовом сознании образованного класса покушения на царя вплоть до его убийства 1 марта 1881 г., не говоря о терроре в отношении менее значительных лиц, обрели характер чуть ли не обыденного явления, морально-этическая оправданность которого была настолько очевидна, что как бы и не обсуждалась.

Россия по-прежнему «навсегда» отставала от передовых держав, положение населения непрерывно ухудшалось, его недовольство нарастало, и Первая Мировая война стала лишь последним толчком в закономерном процессе краха Империи; непонятно, правда, почему она при этом в 1913 г. уверенно входила в пятерку ведущих стран по многим из важных показателей экономического развития.

До 1917 г. такое видение эпохи должно было объяснять и оправдывать борьбу оппозиции против «ненавистного царизма», а для советской историографии – не только

оправдывать, но и легитимизировать переворот 25 октября 1917 г., Гражданскую войну и «обычную» советскую жизнь.

Второй подход, который разделяется рядом историков, в том числе и мной, можно назвать оптимистическим, «позитивистским».

Согласно ему, Великие реформы дали стране мощный импульс для успешного развития, значительно усиленный затем «модернизацией Витте – Столыпина», а также принятием в 1905 г. конституции. Это не значит, что Россия была страной без сложных проблем (таких в истории не бывает), однако эти проблемы не относились к числу *принципиально* нерешаемых. Для масштабной реализации потенциала модернизации требовались пресловутые «20 лет покоя внешнего и внутреннего». Однако принявшая неизвестный дотоле человечеству масштаб Первая Мировая война и вызванные ею трудности стали главной причиной русской революции 1917 г.

В основе этого взгляда лежит тот факт, что поражение в тотальной войне само по себе – достаточная причина для революции и не может служить критерием успеха или неуспеха предшествовавшей модернизации страны.

Революции, как известно, происходят не только после проигранных войн, но весьма часто происходят и после них, потому, что при прочих равных они **деморализуют** нацию и явно демонстрируют несостоятельность Власти (в данное конкретное время, конечно, а не в течение всей истории государства). Обоснованность этой точки зрения подтверждается, в частности, крушением Германской и Австро-Венгерской империй в 1918 г., благоприятный исход модернизаций в которых сомнению не подвергается.

Крайне важно, что разница между пессимистическим и оптимистическим подходами к пореформенной истории России заключается вовсе не в противоположной оценке одних и тех же фактов. «Пессимисты» унаследовали от народников нехитрый набор хрестоматийных стереотипов, таких, например, как «обнищание народных масс», «малоземелье», «голодный экспорт», «непомерные платежи», «провал Столыпинской аграрной реформы» и пр., которые давно считаются аксиоматическими и лишь варьируются в том или ином виде.

Однако при ближайшем рассмотрении эти «бесспорные факты» оказываются либо полными фикциями либо, в лучшем случае, некорректными упрощениями. Источниковая база, которой оперируют сторонники второго подхода, несравненно шире, не говоря уже о более высоком методологическом и методическом уровне исследований, а потому их выводы, несмотря на непривычность, с научной точки зрения куда более обоснованы.

Цель настоящей работы – доказать, что негативистская схема трактовки истории пореформенной России неверна, как неверен и взгляд, сто лет выводящий причины русских революций из «бедственного» положения народных масс.

Первую и наиболее масштабную свою задачу я вижу в том, чтобы на основании как известных, так и – по преимуществу – новых материалов, прежде всего статистических, показать несостоятельность ряда вышеуказанных постулатов традиционной историографии.

Сам по себе пессимистический подход, как говорилось, – продукт начавшегося еще в 1870-х гг. народническо-марксистского анализа пореформенной действительности, по определению предвзятого и некорректного. Однако примерно с 1930-х гг. в его (подхода) формировании стала участвовать и другая причина – преднамеренное игнорирование фактора, условно говоря, семантической «инфляции». Под нею я подразумеваю тривиальный факт изменения с течением времени семантики множества терминов, в том числе и самых простых. Изучение этого фактора – вторая задача моей работы.

На этом обстоятельстве нужно остановиться особо.

Будущие историки с первых курсов должны усваивать банальную, но притом коварную в своей кажущейся простоте истину – при обращении к любому историческому периоду, необходимо постоянно помнить о том, что с течением времени многие простые понятия меняют смысловое наполнение. «Презентизм», т.е. механическое проецирование

(перенесение) нашего сегодняшнего понимания отдельных явлений, терминов и т.д. на прошлое, недопустим, поскольку способен извратить понимание истории.

Не случайно, например, И.Н. Данилевский начинает свою работу «Киевская Русь глазами современников и потомков (IX-XI вв.) главой «Всегда ли мы понимаем летописца?», убедительно показывая, что происходит это далеко не всегда. И применительно к другим эпохам русской истории споры о значении тех или иных терминов в историографии ведутся иногда буквально столетиями.

По ряду причин пореформенной эпохе в этом отношении чрезвычайно не повезло, хотя, казалось бы, она была совсем недавно.

Между тем, как будет показано ниже, люди того времени, т.е. не самые далекие наши предки, в понятия «голод», «голодовка», «нужда», «непосильные платежи», а также «насилие», «произвол» и др. вкладывали не совсем тот, мягко выражаясь, смысл, который вкладываем мы сейчас.

Наши современные представления об этих феноменах вытекают из исторического опыта советской эпохи, а он был принципиально *иным* и неизмеримо более трагичным.

У каждого времени, напомню, свой «среднестатистический» порог печали и страданий. Многие тысячи страниц, опубликованных до 1917 г., изображали «тяжелое», «бедственное» и т.д. положение российского народа, и думаю, значительная часть писавших об этом была искренна. Трудно предполагать, например, что кривили душой В.Г. Короленко и многие другие, наблюдавшие народную нужду. В рамках представлений своего времени, в тогдашней системе координат «плохо/ хорошо», когда голодом категорически именовался не только реальный голод 1891-1892 гг., но и любой позднейший неурожай, эти авторы, если они старались быть объективными, часто были правы.

Все эти описания фактически одномоментно обесценились с введением «красного террора», продовольственной диктатуры, продотрядов и продразверстки, людоедства времен Гражданской войны, голода 1921-1922 гг., не говоря о коллективизации и голоде 1932-1933 гг.

Переворот 25 октября 1917 г. создал новую чудовищно жестокую систему координат во всех сферах бытия, и старые стандарты соотносились с ней примерно так же, как обиды ребенка и трагедия человека, идущего на эшафот.

Если постоянно не иметь этого в виду, то об объективном изучении истории России можно забыть.

Что написал бы по поводу карточной системы времен «военного коммунизма», например, А.И. Шингарев, сделавший себе имя на брошюре «Вымирающая деревня» (1901), если бы его не растерзал «революционный караул» в 1918 г.? А как оценил бы плакат Моора «Помоги» (1922) умерший в том же 1918 г. в горе и раскаянии А.А. Кауфман?

Короленко умер в декабре 1921 г., а летом того же года его избрали почетным председателем Всероссийского комитета помощи голодающим, и он написал Горькому, что «у нас голод не стихийный, а искусственный».¹ Он, безусловно, успел не только ощутить себя в новой системе ценностей, но и высказать свое к ней отношение – к ярости Ленина, кстати.

Сказанное, понятно, не делает нужду и недоедание людей во время неурожая конца XIX - начала XX вв. фикцией, однако показывает, что они должны оцениваться в контексте *всех* наших знаний и в свою настоящую «цену».

Если мы претендуем на цельное понимание своей истории, если мы хотим трактовать ее как единый глобальный и непрерывный процесс, то мы обязаны выработать четкие критерии, четкую терминологию для обозначения различных градаций одних и тех

¹ Кристкалн А.М. Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы. Автореф.канд.дисс. М., 1997. С.25

же константных исторических явлений – так, чтобы история не представлялась, условно говоря, собранием отдельных «картин»-эпох, а была бы цельным полотном.

У моей работы есть еще одна, хотя и подчиненная, задача, теснейшим образом связанная с той же проблемой семантической «инфляции».

В последние годы история России конца XIX - начала XX вв., помимо сугубо академической, приобрела свою крайне уродливую вненаучную специфику.

До Перестройки любое сопоставление Российской Империи и СССР имело целью подчеркнуть «исторические свершения государства рабочих и крестьян». За последние 25 лет «свершения» и «достижения» явно девальвировались, и в то же время выяснилось, что и до 1917 г. в России не все было «так запущено», как нас долго уверяли.

Тогда новейшие коммунисты и их союзники начали выдавать советскую власть за логическое и притом естественное продолжение предшествовавшей истории России. Царская Россия и СССР стали уравниваться в «негативе», чтобы оттенить то, что апологеты «Отца всех народов, кроме репрессированных» считают «позитивом».

Жуткие реалии советского времени стали механически переноситься на пореформенную эпоху. Имперская власть теперь представляется чуть более смягченным вариантом советского режима. В частности, на центральных каналах ТВ начали всерьез сравнивать голод и террор в СССР и в имперской России, цитируя распространяемые в интернете фальшивки о «миллионах православных душ», якобы умерших от голода при Столыпине (!!!) и т.д.

Вновь оказались востребованы так называемые «эксперты», которые в СМИ и на телевидении занимаются привычным ремеслом фальсификации по курсу «Истории КПСС» Пономарева, вводя в заблуждение такую аудиторию, которая в силу недостатка знаний объективно не в состоянии поймать их за руку. Впрочем, у этой возрастной публики есть и прилежные молодые ученики – это явно говорит о наличии спроса на такие фальсификации.

Сказать, что подобные сравнения Российской Империи и СССР – наглое вранье, значит ничего не сказать.

Это – чистой воды сознательная манипуляция общественным сознанием, которая имеет целью приучить людей – прежде всего молодых – примерно к такому «силлогизму». Россия всегда была страной объективно бедной, прежде всего из-за климата и отсутствия природных ресурсов (фактически до Петра I). Народ в ней *всегда* жил трудно, он столетиями угнетался правительством, но не потому, что правительство было «плохим», а потому что «прибавочного продукта» было очень мало, и без насилия его было не изъять, и, соответственно, стране не устоять под натиском врагов. Нужда и голод – постоянные компоненты русской истории, это наша карма, однако только при советской власти, несмотря на «исторически оправданные» людские потери, мы были великой державой и нас все боялись.

Эта конструкция находит своих слушателей, потому, полагаю, что многим нынешним россиянам хочется гордиться своей страной в каком угодно формате, даже в таком.

Отсюда ясно, насколько важно для современного «агитпропа» уравнивать Российскую Империю и СССР по уровню государственного произвола и числу жертв в голодные годы.

Успех этой манипуляции капитально облегчается воистину неандертальским невежеством множества людей относительно собственной истории. Особенно тех, кто родился в 1980-1990-х гг. и учился в эпоху развала школьной системы.

Однако История – не ток-шоу, и здесь модный фокус со всенародным якобы голосованием не проходит.

Дело в том, что преступления царизма были весьма подробно описаны и расписаны в обычных советских школьных учебниках, найти которые и сейчас не очень сложно. И о миллионах людей, умерших от голода при после 1861 г. там не найти ни слова. Хотя

советская власть была *очень* заинтересована во всемерном обличении самодержавия и не слишком церемонилась с историей, в этом смысле порядочности у авторов учебников было больше, чем у современных «идеологов» «светлого будущего».

При этом советскую власть хотят выдать за спасительницу 150-ти миллионов жителей Империи от нищеты, голодания и «полукOLONиального» прозябания – в полном соответствии с «Кратким курсом истории ВКП(б)».

Стремление это понятное, но уж больно бесстыжее. Мы ведь никогда не узнаем, что на этот счет думают десятки миллионов людей, погибших после 1917 г., а также их неродившиеся дети, внуки, правнуки и праправнуки, с которыми мы все могли бы быть знакомы лично. Кстати, по независимым подсчетам демографов, не будь 1917 г. – к середине XX в. население России (имперской или республиканской) равнялось бы минимум 350-ти, а то и 400 млн.чел. вместо примерно 180-ти млн.

Я рассчитываю на конкретных примерах показать, что «надо обладать очень медным лбом или очень крупным невежеством, чтобы смешивать два такие разнородные ... понятия»², как пореформенная абсолютная монархия, с одной стороны, и тоталитарный режим с мощнейшим репрессивным аппаратом, с «Большим скачком», «Большим террором» (не говоря о «среднем» и «малом»), с ГУЛАГОм и т.д., с другой.

Ниже мы убедимся в том, что многие расхожие представления о дореволюционной России имеют мало или ничего общего с тем, что говорят многочисленные источники.

Важное предупреждение.

В этом тексте, как и в других своих работах, под интеллигенцией пореформенной эпохи я, исходя из известного определения П.Н. Милюкова³, подразумеваю политически активное меньшинство образованного класса, прежде всего народников и марксистов, а также радикальную часть кадетов.

Во избежание недоразумений, хочу предупредить, что в отношении терминов «интеллигенция», «оппозиция» и «модернизация» *любые* аллюзии с 2011-2012 гг. совершенно неуместны.

Итак, начнем с проблемы «голодного экспорта».

Оборот «голодный экспорт», вообще говоря, может существовать только как реплика в обыденном бытовом разговоре, в таком приблизительно контексте – «у нас люди голодают, а они хлеб вывозят». Примерно с таким же основанием в современной России можно говорить, что мы, мол, мерзнем, а они газ экспортируют. Как будто плохо топят от того, что газ качают в Мюнхен или в Донецк, и если трубу перекроют, то немедленно станет тепло!

С точки зрения политической экономии «голодный экспорт» - полная бессмыслица.

В стране *с рыночной экономикой*, а пореформенная Россия таковой и была, экспорт – часть процесса обмена, часть торговли, течение которой определяется соотношением спроса и предложения – и только. Товар идет туда, куда его притягивает цена. Если произведенные товары не могут быть реализованы в своей стране, поскольку внутренний рынок уже насыщен ими, то они продаются за границей. Это элементарно. Товары, конечно, могут продаваться и в убыток и не продаваться вовсе, оставаясь на складах. Однако работа в убыток, насколько мне известно, не является целью бизнеса.

Поскольку продавцу важно достичь наилучшей цены, ему безразлично, куда будет отправлен его хлеб, это «решает» рынок. Продавец часто и не знает этого – он продает свою продукцию и получает живые деньги.

В конце XIX - начале XX вв. за оборотом «голодный экспорт» стояла та мысль, что из-за «непосильных податей» крестьяне *вынуждены* продавать свой хлеб на рынке в ущерб собственному питанию.

² Головин К.Ф. Мужик без прогресса или прогресс без мужика? СПб., 1895. С.216-217.

³ П.Н. Милюков. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С.298-299;

Чтобы согласиться с этой идеей, мы должны убедиться, во-первых, в том, что у крестьян не было иных статей расходов, кроме значительных выплат государству, во-вторых, – что в стране существовала очень жесткая система взимания платежей, и, в-третьих, что вывоз хлеба играл все возрастающую роль в хлебном хозяйстве стране.

Ниже на все три вопроса дается отрицательный ответ.

Я считаю, что идея «голодного экспорта» хлеба из России, согласно которой хлеб вывозился в ущерб питанию населения страны – это миф, не имеющий подтверждения в статистике производства, транспортировки и экспорта хлебов. Одновременно это – нелепость и с точки зрения элементарного здравого смысла.

В 2003-ем году я писал, что «сама постановка вопроса о голодном экспорте имеет вполне провокационный характер, поскольку подразумевает некий, пусть и не всемирный, но заговор против российского крестьянства. Если довести идею народнической публицистики до логического конца (или абсурда, что в данном случае совершенно одно и то же), то придется признать, что одной из приоритетных задач правительства Российской империи было максимальное ухудшение положения собственного народа. Для этого, в числе других средств, оно использовало экспорт хлеба. Нельзя не заметить, что такой подход делает экспорт хлеба не просто главной, но чуть ли не единственной причиной недоедания российских крестьян. То есть, если бы хлеб не вывозили, то крестьяне питались бы нормально»⁴.

Я наивно думал, что подобные нелепости вместе с политизированной историографией остались в XX веке, когда тезис о «голодном экспорте», наряду с другими подобными, усваивался миллионами наших соотечественников со школьной скамьи, включая и многих из здесь присутствующих.

Как ни удивительно, но эта идея и сейчас не потеряла «права гражданства», и есть люди, почему-то именующиеся историками, которые вполне сознательно продолжают ее эксплуатировать.⁵

Сама по себе данная проблема, подобно другим мифам национального самосознания, заслуживает отдельного социально-психологического и даже философского исследования. Но в любом случае его необходимо предварить исследованием историко-статистическим, которое должно верифицировать этот феномен, с помощью имеющихся источников. Он проведен мной в монографии «Всероссийский рынок в конце XIX - начале XX вв. и железнодорожная статистика» (СПб., Алетея, 2010). Но прежде, чем изложить его основные результаты, необходимо остановиться на проблеме источников.

Проблемы урожайной статистики.

Есть три комплекса источников, которые позволяют ответить на вопрос о роли экспорта в хлебной торговле России конца XIX - начала XX вв. Прежде всего, это таможенная статистика; статистика урожайности Центрального статистического комитета МВД (далее - ЦСК МВД) и транспортная статистика, т.е. «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам» и статистика речных перевозок МПС.

Я уверен, что таможенная статистика достоверна настолько, насколько может быть достоверна официальная государственная дореволюционная статистика, и поэтому в любых вариантах анализа ее данные являются четким и достаточно надежным ориентиром. Весьма репрезентативна и созданная С.Ю. Витте «Сводная статистика перевозок», тарифная статистика Министерства финансов. Статистика речных перевозок МПС, по мнению самих составителей, недоучитывала четверть перевозок по внутренним водным путям.

Для тех, кто интересуется этой темой, не секрет, что наибольшие и вполне

⁴ Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России в конце XIX - начале XX вв. М., 2003. С.211-212

⁵ Нефедов С.А. О причинах Русской революции // О причинах Русской революции. М., 2010. С.42-44.

обоснованные сомнения - в силу самой методики сбора данных – вызывает урожайная статистика МВД (статистика Министерства земледелия и земская еще менее надежны).

В 2003 г. я писал: «Урожайная статистика России — своего рода Пизанская башня отечественной исторической науки, которая, в отличие от оригинала, радует глаз не столько красотой, сколько удобством, несмотря на очевидное отклонение от нормы. Вопрос о достоверности урожайной статистики ЦСК МВД, как известно, был поставлен еще до революции, и уже тогда была хорошо известна ее сомнительность. Однако комфортность применения данного источника **всегда** перевешивала сомнения. «Урожай 18.-го года» (или любого иного) — солидное издание в прямом смысле слова, в своем роде мечта исследователя»⁶.

Не вдаваясь в детали, скажу, что погубернское сопоставление урожаев главных хлебов и их перевозок в начале XX в., а также и нарративные источники, убедило меня в правоте тех историков, которые не считают урожайную статистику ЦСК МВД репрезентативным источником.⁷ Из самых что ни на есть корыстных соображений ее респонденты, как минимум, в голодные годы определенно занижали величину урожаев. Поэтому мы вправе предположить, что в реальности вывозилась меньшая часть урожая, чем это показывают мои таблицы (см.ниже).

Тем не менее, несмотря на недостоверность данных ЦСК МВД, мы вынуждены их использовать – за неимением других столь же масштабных. Ведь исследование, охватывающее не менее 63-х губерний, должно основываться, по возможности, на однотипных источниках, обрабатываемых по единой методике, поскольку в такой работе особенно необходимы ориентиры, обладающие хотя бы *относительной устойчивостью* во времени и пространстве. К тому же вектор искажения урожайности известен. Как ни странно, на первый взгляд, но эту весьма тривиальную мысль в научном сообществе требуется специально объяснять, в первую очередь таким его специфическим представителям, как С.А. Нефедов, что само по себе симптоматично.

Как можно использовать подобную информацию в принципе, еще в 1899 г. показал К.Ф. Головин, попутно очертив круг предубеждений чисто психологического характера, связанных с урожайной (и не только) статистикой.

Критикуя тех, кто отвергал мнение о перепроизводстве хлеба в годы мирового аграрного кризиса, он пишет: «Статистика, говорят они, дает точные цифры для мирового урожая и для ввоза хлеба в потребляющие страны. Цифры эти неотразимо показывают, что хлеба не хватает, что, с одной стороны, рост его производства, а с другой—ввоз его в западноевропейские государства отстает от роста населения.

Не приходило в голову им одно лишь—усомниться в верности и убедительности этих цифр. А всякий раз, что точные вычисления приводят к нелепому выводу, следовало бы задаться вопросом, не вкралась ли в это вычисление две ошибки: одна—фактическая, касающаяся цифровых данных, другая—логическая, кроющаяся в оценке этих данных.

И, становясь на эту почву, мы не можем не усомниться в достоверности статистики урожаев. Допустим, что в странах, где статистика эта ведется издавна, и где аппарат для собирания сведений усовершенствован, словом—в наиболее культурных странах Западной Европы, сведения о собранных урожаев близки к истине.

Для таких стран, как Испания, Италия и балканские государства, не говоря уже о Турецкой империи, сомневаться в этом позволительно. Возможен скептицизм и по отношению к Соединенным Штатам, где, во-первых, население большинства западных хлебородных штатов очень скудно и малообразовано, а во-вторых, обнаружение официальных данных об урожаях находится под прямым воздействием крупных экспортеров, часто заинтересованных в их искажении.

А что сказать о прочих американских государствах, о Канаде, где площадь

⁶ Давыдов М.А. Очерки аграрной истории... С.62-63

⁷ Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX - начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., Алетейа, 2010. С.68-73, 231-233.

засеваемых земель среди незаселенных степей Манитобы растет не по дням, а по часам,— о Чили, об Аргентине, о Мексике? Что сказать, наконец, об Индии и Австралии?

Неужели есть люди, серьезно верящие, что существует точная регистрация хлебного производства на всем пространстве Индостана, среди его полуварварского населения, или в пустынях Австралии? (полагаю, это намек на А.Ф. Фортунатова, издавшего в 1898 г. книгу «Население и хозяйство Австралии» - М.Д.)

Признаемся, наконец, что и в нашем отечестве статистика оставляет поле для сомнений, хотя бы уже в виду того, что эта статистика у нас многоглавая, и каждое ведомство имеет свои, конечно, весьма точные, но далеко не тождественные данные.

Несомненно одно—за последнюю четверть века и засеваемая площадь, и хлебный экспорт у нас выросли в очень крупных размерах... Едва достигший в конце 80-х годов 250 мил. пуд., вывоз нашего зерна за трехлетие, с 1894—96 гг., выразался цифрой, близкой к 630 мил. пуд.

Сколько бы ни говорили, что русский мужик недоедает—и понижение цен несомненно влечет за собою усиленную распродажу крестьянского зерна,—недоедание имеет свои пределы.

Если население, возросшее за 25 лет с 90 мил. душ до 130, тем не менее, вывозит почти втрое больше хлеба, нельзя не признать, что производство этого хлеба растет еще быстрее, чем населенность.

Что это именно так, видно из статистики урожаяев, составляемой в министерстве земледелия. Об этой статистике мы, конечно, должны сказать тоже, что повторяли не раз по отношению ко **всем** официальным цифрам, так усердно собираемым нашими ведомствами: **она обладает достоверностью лишь очень относительной.**⁸

Но когда, тем не менее, она в целом ряде данных указывает на одно и тоже постоянное явление, ей можно верить, если не безусловно, то, по крайней мере, признавая в ней несомненного указателя на наличность такого явления. И вот, если взять цифры урожая за весь период с 1883 — 1898 г., нельзя не остановиться перед одним поразительным фактом. За два несомненно урожайных года—1887 и 1888 г., когда ни одна из внутренних губерний не пострадала от недорода, хлеба было собрано в Европейской России—в первом из этих годов 2.541 мил. пуд., а во втором 2.453 мил. Между тем, для двух далеко не благополучных годов—1897 и 1898, когда в целом ряде черноземных губерний обнаружился прямой недостаток в продовольствии, соответствующие цифры были 2.451 мил. п. и 2.793 мил.

Таким образом, истекший год, во время которого несколько уездов Казанской, Симбирской и Самарской губерний голодали, даже превысил по валовому сбору зерна высокоурожайный 1887 г. **Это несомненно показывает, что сравниваются неодинаковые величины и что площадь посевов в настоящее время гораздо значительнее, чем десять лет назад.** И если бы в истекшем году урожая был повсеместным, как в 1887 и 1888 гг., мы получили бы, вероятно около 3,5 миллиарда пудов хлеба и не знали бы, куда его девать, то есть продавали бы по тем же ценам, как в 1894 и 1895 гг., надолго загромождив амбары всей Европы запасами на будущее время.

А кто высчитал расширение посевной площади в Аргентине, Канаде, Мексики, Австралии? Мы имеем, правда, сведения о том, сколько оттуда еженедельно вывозится зерна в Европу, каков размер плывущих грузов и так называемых «видимых запасов», но эта **цифровая фантасмагория**, открывающая перед нами с **кажущеюся ясностью** короткое поле зрения среди непроглядной темноты общего баланса хлебного дела, ничего не говорит нам о запасах невидимых, лежащих под ключом фермерских амбаров.

Итак, остается одно лишь: не доверяя мнимо точным известиям о производстве зерна в странах экспортирующих, подсчитывать цифры ввоза в страны потребления»⁹.

Эти строки, на мой взгляд, прекрасный пример профессионального суждения о

⁸ Здесь далее в цитатах курсив принадлежит авторам, выделение жирным шрифтом – мне

⁹ Головин К.Ф. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887-1898. СПб., 1899. С.101-104

проблемах, решаемых на массовом статистическом материале. К.Ф. Головин, человек большого и острого ума, огромных знаний и прекрасно развитого здравого смысла, хорошо показывает несуразность истовой механической веры в кажущуюся точность *любых* цифр, столь свойственную человечеству во все времена (эта вера сама по себе – предмет для специального изучения наукой психологией).

Головин совершенно справедливо отмечает принципиальную связь между достоверностью урожайной статистики, с одной стороны, и размерами территории той или иной страны, уровнем культуры ее населения и способами собирания информации.

И это помогает даже людям, далеким от проблем источниковедения, понять две из причин, по которым ни правительству, ни земствам не удалось сделать урожайную статистику добротным и репрезентативным источником.

Первая из них – российские просторы, вторая – методика сбора данных. Мы как-то не очень задумываемся о том, насколько в принципе сама по себе масштабна и сложна задача – наладить сбор полноценной массовой статистики, причем не в Бельгии, например, которая вся по площади практически равна одному Николаевскому уезду Самарской губернии, а в самой большой стране в мире.

И одновременно Головин объясняет, почему об основных тенденциях развития изучаемых процессов можно судить, используя и не вполне корректные данные, если известен вектор искажения: «Но когда, тем не менее, она (урожайная статистика) в целом ряде данных указывает на одно и то же постоянное явление, ей можно верить, если не безусловно, то, по крайней мере, признавая в ней несомненного указателя на наличие такого явления». Если в неурожайный для ряда губерний год валовый сбор зерна больше, чем в высокоурожайном 1887 г., то **«это несомненно показывает, что сравниваются неодинаковые величины и что площадь посевов в настоящее время гораздо значительнее, чем десять лет назад»**. Особо хочется отметить недоступную адептам «голодного экспорта» даже и сегодня мысль о том, что «недоедание имеет свои пределы».

Мысли Головина относятся, разумеется, не только урожайной статистике МГИ, но и к статистике МВД, и к статистике как «факту мироздания» вообще.

Здесь уместно привести следующую мысль Б.Н. Миронова: «При оценке точности данных любой статистики, в том числе сельскохозяйственной, нужно принимать во внимание, что абсолютно надежных данных не бывает в принципе. Колебания данных в разных источниках закономерны и, если они в пределах 10-20%, то они приемлемы для научного анализа. При современном учете, неизмеримо более совершенном, чем 100-200 лет назад, точных данных также не существует. Английский статистик О.Моргенштерн установил, что в США статистические данные, разрабатываемые двумя главными центрами сельскохозяйственной статистики, Бюро цензов и Министерством сельского хозяйства, в 1950-е гг. отличались друг от друга по уборочной площади основных культур от +0,6 до -24,6%, по производству – от +6,0 до -13,4%»¹⁰.

Для большинства современников недостоверность урожайной статистики, в том числе и ЦСК МВД, была такой же *банальностью*, как для советских людей – приписки в этой советской жизни вообще и в колхозах, в частности, только с обратным знаком. В колхозах показатели завывались, а до революции урожаи, численность поголовья скота и т.д. занижались.

Занижение урожаев статистикой МВД закономерно вытекало из самой системы сбора сведений о них. Напомню, что ЦСК МВД рассылал в волостные правления (и землевладельцам) специальные опросные листки. Путем анкетирования выяснялась площадь посевов и высота урожайности на единицу площади, а затем умножение первого показателя на второй давало величину валовых сборов культур в отдельной волости. Сумма волостных данных принималась за урожай уезда, а сумма данных по уездам – за

¹⁰ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010. С.292

урожаем губернии.

Между тем, крестьяне, прежде всего, из «податных опасений» негативно, а нередко и агрессивно воспринимали разного рода опросы, анкетирование и т.п., которые они считали исходящими от Власти (в широком смысле слова) и которые были направлены на выяснение истинного положения дел в их хозяйстве. Вот, например, что пишут об этом агрономы области Войска Донского: «Цель обследования была более глубокой: нам хотелось выяснить, как относятся крестьяне вообще к анкетам и различным обследованиям; опыт убедил нас в том, что с этим нужно быть поосторожнее. В противном случае можно столкнуться с явлениями (!), от которых у обследователя опускаются руки и отпадает всякая охота к дальнейшим шагам в этом направлении. Темнота, невежество и предрассудки многих крестьян заставляют последних относиться с недоверием к настойчивым расспросам для выяснения тех или иных областей сельского хозяйства... Не скрою, что обследование сопряжено с громадными трудностями, благодаря косности невежества отдельных групп крестьян, но отсутствие статистических данных является громадным тормозом для продуктивного и целесообразного развития агрономической помощи населению... Массовые обследования до настоящего времени не производились и вряд ли в ближайшее время будут произведены. Причин, которые служат тормозом к такого рода начинанию, много. Главная же из них та, чтобы не породить в среде крестьян нелепых слухов и тем самым не заставить их облечься вновь в броню недоверия и боязни вообще к агрономическому персоналу... Утверждать, что везде будет именно так, а не иначе, — я не берусь, но все же в большинстве случаев, несмотря ни на какие разъяснения и объяснения, с подобными явлениями, пожалуй, встретиться придется»¹¹.

Крестьяне не доверяли статистике во всех ее видах, что естественно — она по-прежнему ассоциировалась у них с переписями-ревизиями времен крепостного права, т.е. с податями. Напомню, что ставшая к концу XIX в. заметным явлением в жизни страны земская статистика прежде всего была статистикой оценочной — и правительству, и в первую очередь самим земствам было необходимо хотя бы приблизительно знать, сколько можно требовать с населения налогов (примерно 75% доходов земств поступало от обложения недвижимости, прежде всего земли). Земская статистика и возникла в связи с необходимостью переписать все подлежащие обложению земли в уездах и — это основное — определить их «ценность и доходность», от которых зависел размер податей.

Крестьяне, понятно, стремились платить как можно меньше, и несложно поэтому представить их отношение к людям, от мнения, т.е. от оценок, которых прямо зависела величина налогов. Очевидно, что статистика не воспринималась крестьянами как нечто, призванное облегчить им жизнь.

Соответственно, и опросные анкеты ЦСК МВД о размерах посевов и урожайности и бюджетные обследования воспринимались крестьянами (в том числе и волостными писарями, ведавшими этими анкетами) в этом же контексте. Дискуссия о способах преодоления недоверия и настороженности крестьян занимает видное место в земской статистической литературе.¹²

А.А.Кауфман писал: «Читатель знает, что с 1893 г., особенно с 1900 года, земской статистике подчинены оценки земель для целей земского обложения. Это обстоятельство, конечно, повысило практическое значение статистики *для земства*—но повысило отнюдь не в таком направлении, какое было бы способно снискать статистике доверие и симпатии *населения*.

¹¹ Отчет землеустроительной комиссии Области Войска Донского за 1913 г. Новочеркасск, 1914. С. 67, 70, 75.

¹² Фирсов П.П. К вопросу об оценке земель как предмета земского обложения (Историко-критический этюд). Херсон, 1894; Кауфман А.А. К вопросу о бюджетных исследованиях // Кауфман А.А. Сборник статей. Община. Переселение. Статистика М., 1915; Там же. Земская статистика и статистическая методология.

Напротив: раз собираемые статистикой данные непосредственно предназначаются для использования в целях обложения: раз, следовательно, от результатов статистики непосредственно зависит, или, во всяком случае, может зависеть, размер налоговой тягости; раз, значит, эти результаты могут быть непосредственно выгодны для одних и непосредственно убыточны для других,—отношение населения к статистике, которое прежде было, может быть, только безразличным, становится опасливым и недружелюбным, **и это опасливо- недружелюбное отношение населения** является одним из серьезнейших затруднений для правильного функционирования статистики.

Чтобы земская статистика... приобрела, в самом деле, доверие и сочувствие массы населения—то доверие и сочувствие, которое так облегчило бы ее работу и повысило бы достоверность ее результатов, необходимо, чтобы земская статистика приняла непосредственное участие в земской работе»¹³.

Кауфман считает, что **«можно ослабить, но никакими стараниями нельзя совершенно устранить и стремления той или другой части лиц, числящихся в составе корреспондентов, давать сознательно неверные сведения: реже в сторону подсказываемого главным образом тщеславием и другими подобными мотивами преувеличения, чаще—в сторону преуменьшения, внушаемого, главным образом, податными опасениями. С непониманием вопросов и неумением излагать ответы, с одной стороны, с намеренно-неверными показаниями, не говоря просто, об ошибочных, с другой, придется – повторяю – считаться всегда»**¹⁴.

Для данной темы интересен и важен рассказ правительственного агронома Виленской губернии К.П. Рудзита, руководившего в 1913 г. обследованием единоличных хозяйств в Троцком (Тракайском – М.Д.) уезде этой губернии для землеустроительной анкеты: «Агрономы приехали... Приехали агрономы...» слышались на базаре в селении Бутриманцах голоса то в одном, то в другом месте. – Крестьяне, рассказывает К.П. Рудзит, были в большом недоумении, зачем приехали агрономы в таком большом количестве. Некоторые крестьяне выражали предположение, что по всей вероятности из-за леса, выдаваемого при переносе построек; другие же говорили: «Наша-то деревня ведь лес получила, не на счет ли податей это». Так примерно рассуждали крестьяне, когда в Троцкий уезд прибыли счетчики для производства статистическо-экономического обследования хуторских хозяйств.

Впоследствии, когда счетчики выехали на места обследований, приходилось слышать боязливые вопросы в роде того, что не по той ли цене, что сейчас записывают в опросных листках, от них будут брать лошадей, а также скотину на мясо в случае войны.

Разговоры эти, однако, скоро прекратились. Дело в том, что во главе каждой партии обследователей находилось по одному правительственному агроному»¹⁵, которые для крестьян были «едва ли не единственными людьми, которым они **более или менее доверяют**. Все же по отчетам крестьян и по тому раздумью, с каким давались эти ответы, нетрудно было догадаться, что **в душе крестьянина кроется какое-то недоумение, не позволяющее ему уяснить самому себе: в пользу ли улучшения хозяйства или ухудшения ему следует давать ответы.**

Видя подобные колебания в крестьянах, рассказывал Рудзит, было бы бесполезно сразу же приступать к делу обследования и задавать один вопрос за другим, не заручившись предварительным доверием крестьянина и не разъяснив ему цели предстоящей анкеты... Крестьянин действительно очень часто не знает в точности высеваемого им количества зерна, а если к этому прибавить еще **стремление его всегда и во всем (из-за боязни увеличения податей или других соображений) уменьшить**

¹³ Кауфман А.А. Агрономический персонал и его место в земском статистическом аппарате. Самара. 1916. С.4-5.

¹⁴ Там же, С.17-18.

¹⁵ Юрьевский Б. Возрождение деревни. Пг., 1914 С. 162–163.

цифры, касающиеся его экономического благосостояния, то становится понятными вся медлительность и все ухищрения хуторянина при подаче ответов.

Подобное же явление наблюдается и при подсчете урожая. Здесь крестьянин первоначально начинает говорить, что плохо уродилось, затем уменьшает количество собранных копен или возов, а в конце концов уменьшает и умолот с копны или с воза. В одном случае, со слов крестьянина, выходило так, что он собрал гороха осенью менее, чем на другую весну посеял; на вопрос, где покупал семена гороха и по какой цене, он ответил, что своих семян хватило. Становилось ясным, что опять урожай заведомо преуменьшен. После этого, говорит Рудзит, начинаешь убеждать крестьянина говорить правду и не хитрить, но вряд ли можно быть убежденным, что последующие после этого ответы не будут опять преуменьшены»¹⁶.

Ключевые слова в этом сообщении – «стремление его (крестьянина. – М.Д.) всегда и во всем (из-за боязни увеличения податей или других соображений) уменьшить цифры, касающиеся его экономического благосостояния»¹⁷.

Уже эти мнения ясно очерчивают первый пласт проблем, связанных с проблемой репрезентативности урожайной статистики и бюджетных обследований.

После голода 1891 г. в России всерьез развернулась правительственная продовольственная помощь, Она сопровождалась списанием десятков миллионов рублей продовольственных долгов и вскоре фактически приобрела благотворительный характер. У крестьян появился, таким образом, дополнительный стимул преуменьшать размеры урожаев – они быстро поняли, что размеры этой помощи зависят от сведений о величине сборов, и отнюдь не стремились представить их в истинном свете (замечу на полях, что по времени этот процесс совпал со становлением урожайной статистики ЦСК МВД).

Председатель Темниковского уездного Комитета Красного Креста, кн. Н. Н. Енгальчев писал, в частности, на этот счет: «Неурожай 1906 года коснулся как озимой ржи, так и яровых хлебов, и особенно трав. К сожалению, сведений об урожае не удалось получить своевременно ни правительственным органам, ни земским управам. Получение более или менее точных данных действительно связано с большими трудностями, вследствие неудовлетворительной постановки у нас сельскохозяйственной статистики. К очередным уездным земским собраниям в конце сентября 1906 года были представлены весьма гадательные подсчеты о количестве хлеба и корма, необходимых для продовольствия населения и прокормления скота. Объясняется это отчасти тем, что население приучено последними годами к широкой раздаче пособий к мысли, что стоит только заявить о нужде, как помощь посыплется как из рога изобилия. **Большинство крестьян-хозяев, по этим соображениям, уменьшают размеры собранного урожая в сообщаемых ими сведениях и сгущают краски, указывая на недород**»¹⁸.

Во время обсуждения Государственным Советом и Государственной Думой продовольственных трудностей 1907–1908 гг. их члены обратили внимание на «чрезвычайную неполноту сведений, приводимых министерством (внутренних дел. – М.Д.) в его представлениях по испрошению продовольственных кредитов для некоторых местностей... Тем не менее, высшие государственные учреждения признали возможным кредиты эти отпустить, чтобы не поставить население в затруднительное положение ко времени посева, – но без уверенности в том, что они во всех местностях соответствуют действительной нужде. На это было в Государственном Совете мною (А.С. Ермоловым. – М.Д.) сказано, что **при существующей системе собирания сведений о продовольственных потребностях и порядке ассигнования средств на их удовлетворение, МВД не имеет других способов, как основываться на донесениях и запросах с мест, несомненно, весьма часто преувеличенных, и сколько-нибудь достоверными данными располагать не может.** Уже многократно Государственный

¹⁶ Там же. С. 164–168.

¹⁷ Там же. С. 167–168.

¹⁸ Ермолов А.С. Наши неурожай и продовольственный вопрос СПб., 1909. Т. 1. С.378-379

Совет оказывался в необходимости разрешать отпуск испрашиваемых кредитов (для помощи населению пострадавшим от неурожая местностей – М.Д.) без уверенности в действительной их необходимости и не имея никакой возможности их проверить»¹⁹.

Разумеется, я не считаю заведомо недостоверными все 100% показаний статистики ЦСК. Сомнения вызывают прежде всего данные черноземных губерний, а из них – прежде всего губерний общинных, на которые падала не только значимая часть товарного хлеба, но также подавляющая часть продовольственных долгов и недоимок (см. ниже).

В целом состояние российской сельскохозяйственной статистики было таково, что правительственные органы и до Первой Мировой войны зачастую не имели объективной картины положения на местах

В издании «Производство, перевозки и потребление хлебов России в 1909-1913 гг.» говорится: «Наибольшие возражения, по-видимому, вызывают комитетские данные (т.е. данные ЦСК МВД – М.Д.) о посевных площадях. **Есть немало авторитетных статистиков, которые готовы были считать эти данные чуть ли не за случайный набор цифр и, во всяком случае, не за статистические величины, пригодные для обоснования тех или иных выводов.** С противоположной стороны раздавались иногда осторожные указания на то, что по большим сравнительно совокупностям (уездам и губерниям) волостные данные дают в общем результаты, близкие к результатам экспедиционных обследований»²⁰. Преуменьшить урожай проще всего за счет снижения размеров посевов.

И.Д. Ковальченко в монографии «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» в общем виде так охарактеризовал проблему репрезентативности урожайной статистики: «Вопрос этот (о достоверности данных ЦСК. – М.Д.) обсуждался уже современниками. Как всегда в подобных случаях, высказывались разные мнения. Одни подвергали сомнению достоверность сведений об урожайности ЦСК. Основой для сомнений служило несовершенство методов их сбора, некомпетентность местной сельской администрации, отсутствие какой-либо системы контроля, недостаточная тщательность разработки материалов и т. д. Другие, наоборот подчеркивали положительное значение однообразия и устойчивости в методах урожайной статистики ЦСК сравнительно с приемами Министерства земледелия и земств, отмечали, что по закону больших чисел крайние отклонения даже в пределах одного года уравнивались. В итоге эти данные признавались достаточно надежными»²¹.

На позиции тех «других», считавших информацию ЦСК МВД «достаточно надежной», нужно остановиться особо.

Вообще говоря, люди, обращающиеся к статистике, делятся, как мне кажется, на три категории. Одни с ее помощью хотят удовлетворить собственную любознательность, им важно и интересно на ее основе выяснить, что же было (или что происходит) на самом деле. У других задача прагматически утилитарная – им нужно доказать то, что хочется или нужно доказать, неважно по каким причинам.

Полагаю, что именно в результате осмысления первыми усилий вторых и увидела свет известная мысль о статистике как одном из видов лжи. О третьем типе пользователей я скажу ниже.

В специфических российских условиях уже с 1870-х гг. данные урожайной статистики перестали быть нейтральной, т.е. справочной статистической информацией, поскольку аграрное развитие страны из проблемы хозяйственно-экономической превратилось в проблему также и политическую.

Дело в том, что заведомо заниженная статистика урожаев – а иной она и не могла быть – как будто специально предназначалась для иллюстрации тяжелого положения крестьянства. И, соответственно, уже начиная с Янсона, она начала играть важную роль в

¹⁹ Ермолов А.С. Наши неурожай.... Т. 1. С. 540–541.

²⁰ Производство, потребление и перевозки хлебов России в 1909-1913 гг. СПб., 1916. С. X.

²¹ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 251.

публицистической борьбе оппозиции с правительством. Утверждения о низком уровне урожайности и потребления населения, о «недоедании», удивительным образом не имеющем «пределов», должны были демонстрировать, в числе прочих аргументов, несостоятельность царизма (в тех же целях ее использовала и советская историография).

Примеры этому найти несложно. Так, Н.Осипов замечает: «Со времен Тенгоборского принято считать, что вычисляемый урожай примерно на 10% ниже действительности; и мнение это подтверждается, между прочим, тем обстоятельством, что в некоторые годы разность между чистым сбором и вывозом хлебов, при разделении этой цифры на численность населения, **давала такую потребительную норму, которая послужила даже поводом к утверждению, что в России будто бы происходит массовое недоедание** (Николай-он, «Очерки нашего пореформенного хозяйства»), - мнение, к счастью, до сих пор не подтвержденное никакими прямыми и бесспорными фактами»²².

Но тут важно было произнести «слово», потому что читающей аудитории в России и не требовались никакие подтверждения тезиса, который ее устраивал.

Кстати, вот как характеризует содержащую подобные утверждения книгу Николай-она (Н.Ф. Даниэльсона), М.И. Туган-Барановский: «Эта работа долгое время считалась у нас образцом статистического искусства и знания. Но позднейшая критика обнаружила, что статистика г. Н-она, несмотря на свой более научный вид, столь же неудачна, как и статистика г. В.В. (В.П. Воронцова –М.Д.). Отличительной чертой статистических построений обоих этих авторов – и даже г. Н-она еще более, чем г. В.В.– является крайне некритическое отношение к статистическим источникам, к которым они прибегают, соединенное с весьма небрежным пользованием этими источниками. **Оба они не только верят любой цифре, помещенной в официальных изданиях, как бы ни была очевидна несостоятельность этой цифры, но сплошь и рядом не вникают в имеющиеся в этих самых источниках разъяснения относительно того, что именно изображают эти цифры.** Поэтому, они нередко сравнивают абсолютно несравнимое. Получаются фантастические статистические построения, дошедшие до своего апогея в трудах профессоров Карышева и Каблукова. Ввиду этого о статистике г. Н-она лучше умолчать»²³.

Туган-Барановский называет имена кумиров «передовой» интеллигенции. Даниэльсон был марксистом, Воронцов и остальные – народниками, однако манера обращения их со статистикой была равно неприемлемой – она была *ниже* дилетантизма. М.И. в своих работах вдоволь посмеялся над их «обратившими на себя общее внимание» опусами.

Не смешно, однако, было то, что все эти люди имели большой авторитет у «передовой» читающей публики, которая глотала все, что угодно, лишь бы это было состряпано по социалистическим рецептам. Правда ей была не нужна, и критику Туган-Барановского, кстати, тоже социалиста, она пропускала мимо ушей. Подобная абсурдная ситуация сплошь и рядом проявляется и в наши дни.

В 1884 г. К.Ф. Головин, иронически оценивая стремление народнических экономистов доказать, – без учета фактора плодородия почвы – что в общинных губерниях урожайность выше, чем в подворных, писал: «Наконец, а это главное, самые цифры, на которых основан этот фактический материал, заслуживают мало доверия, так как данные, относящиеся к одной и той же губернии, но взятые из различных источников, расходятся между собою гораздо сильнее, чем цифры, получаемые одним и тем же ведомством из различных губерний».

Нельзя, в самом деле, без смеха читать глубокомысленные соображения иных исследователей, ломающих себе голову, отчего это в таком-то уезде средняя урожайность ржи на какую-нибудь десятую часть четверти ниже, чем в другом, соседнем, и объясняющих это все возможными условиями, климатическими, почвенными,

²² Осипов Н. К вопросу о статистике урожая. СПб., 1901. С.20

²³ Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1997. С.514-515.

культурными и даже этнографическими. А настоящее объяснение, между тем, зачастую лишь в том, что обе средние цифры урожаев попросту неверны. Смешно это кропотливое добывание выводов из сомнительных, по меньшей мере, статистических данных, и невольно оно приводит на память ироническое замечание графа Толстого, когда по поводу административной деятельности Алексея Александровича Каренина, он говорит, что на каждый запрос правительственного лица всегда получаются ответы самые точные и не допускающие сомнения. Искусственная точность всегда была идеалом бюрократии; жаль, что за последнее время ее стали добиваться и ученые исследователи»²⁴.

В 1880-1890-х гг. народнически настроенные авторы начали осторожно проводить идею о том, что урожайная статистика ЦСК может считаться приемлемой, поскольку размеры занижения ею сборов велики не принципиально. Можно думать, что не в последнюю очередь это было связано с пропагандистским «удобством» этих цифр.

Показательна в этом смысле популярная в свое время книга П.И. Лященко «Очерки аграрной эволюции России» (1908), самая марксистская из его дореволюционных работ.

Лященко должен был показать, в частности, как разоряется крестьянство под влиянием наступившего капитализма и вовлечения в сельскохозяйственный рынок. Для марксистов, в отличие от народников, этот процесс был не предметом скорби, а естественным и позитивным проявлением «научно обоснованных» «непреложных закономерностей» исторического развития, по поводу чего этикет, однако, требовал пролить скупую марксистскую слезу.

П.И. Лященко, безусловно, был по-настоящему крупным ученым, прекрасно знавшим предмет исследования и хлебный рынок, в частности, однако изначальная *идеологическая* заданность вектора исследования и соответственная ограниченность его пространства на пользу еще никому не шли. И поэтому профессионал в нем постоянно борется с марксистом.

Сначала он обозначает уровень сложности решаемых проблем: «Непосредственный статистический учет, например, хлеботоргового обмена – главного вида обмена в хозяйстве сельского населения – т.е. статистический учет размеров хлебных продаж сельским производительным населением, с одной стороны, и размеров хлебного снабжения несельского потребляющего населения, с другой, **представляется гораздо более трудным, чем даже учет общего хлебного производства, также весьма несовершенный**»²⁵.

Замечания эти абсолютно справедливы, как и мысль о том, что урожайная статистика «весьма несовершенна». Однако тут же автор дает следующую характеристику ее репрезентативности: ««Наша урожайная статистика имеет свою весьма обширную критическую литературу; в ней достаточно уже выяснено, насколько точными должны считаться собираемые официальными органами сведения и подводимые на основании их абсолютные итоги урожая».

Вместо господствовавшего прежде огульного осуждения волостной статистики, на основании которой Центральный статистический комитет строит свои данные, такие компетентные исследователи, как Янсон, Фортунатов, Грасс и другие далеко не разделяют взгляды о полной непригодности волостной статистики. Для нас, однако, более важен не столько вопрос об абсолютной точности урожайных данных, сколько вопрос об относительной их точности, т.е. о сравнимости их на протяжении ряда лет между собою и с другими статистическими данными об условиях и характере хлебных цен»²⁶.

Итак, на одном полюсе – «огульное осуждение волостной статистики», на другом – мнение народнически настроенных авторов, которые «далеко не разделяют взгляды о **полной непригодности** волостной статистики». Даже если Лященко не совсем точно сформулировал свою мысль, из этой последней фразы следует что угодно, но только не

²⁴ Головин К.Ф. Разрешен ли крестьянский вопрос? // Русское обозрение 1894 г. № С.211-212

²⁵ Лященко П. Очерки истории аграрной эволюции России. СПб., 1908. Т. 2. С.279

²⁶ Там же, С.283-284

тезис о том, что эта статистика достоверна.

Автор никак не настаивает об «абсолютной точности урожайных данных» – ему понятно, что они не точны. Однако при этом Лященко важно иметь хоть какую-то точку отсчета, чтобы анализировать данные о перевозках. Понятно, что комфортнее при этом в своих изысканиях отталкиваться не от взгляда о полной «непригодности волостной статистики», а от мнения о том, что она не так уж плоха.

Однако тут же возникает не весьма удобный вопрос – а насколько она все-таки плоха? Сколько у статистики может быть степеней «непригодности», пусть не «полной»? Какую из них следует предпочесть исследователям и т.д.?

Излагая историю становления урожайной статистики после 1861 г., Лященко резюмирует: «Таким образом, данные ЦСК даже на протяжении последних 15 лет не отличаются полным однообразием ни по способу собирания, ни по способу обработки сведений, ни по району, который они охватывают. **Особенно важным внутренним недостатком является отсутствие правильных данных о посевных площадях, ставящее и все дальнейшие исчисления на зыбкую почву**»²⁷.

Это – вывод профессионала, в дальнейшем, однако, побеждаемого «партийностью». С одной стороны, Лященко постоянно извиняется за то, что делает категорические и притом «глобальные» выводы на очень куцем материале, источниковедческую уязвимость которого и сам прекрасно сознает, но, с другой стороны, он упорно их делает!

Получается довольно забавно.

Автор предпринимает «статистическое изучение» внутреннего сельскохозяйственного рынка на основании торговой, урожайной и транспортной и ценовой статистики, *постоянно оговаривая при этом слабость своей статистической базы* в части касающейся статистики урожаев и потребления. Так, в заключительной главе монографии, «Крестьянское хозяйство и хлебный рынок», снова заранее оговариваясь, что в его распоряжении нет «каких-либо общих, исчерпывающих статистических данных», которые могли характеризовать отношения крестьянского хозяйства к рынку и наоборот, Лященко пишет: «Все, что можно дать здесь – это ряд описательных иллюстраций из богатой в этом отношении земской литературы, хотя, конечно, уже несколько устаревшей по этому живому вопросу»²⁸. Тем не менее «описательные иллюстрации» становятся поводом для жестких заключений – российские крестьяне вынуждены продавать не только излишки урожая, но и тот хлеб, «который отнимается от собственного продовольствия и продажу которого приходится восполнять обратной покупкой»²⁹.

Обращаясь к проблеме потребления, он опять-таки признает несовершенство используемых статистических данных – ущербность бюджетных обследований для установления «каких-либо потребительных норм, средних и тому подобных признаков этого потребления» – и делает вполне здравое заключение о том, что определение подобных душевых норм – **«прием очень шаткий в своих основах, благодаря чрезвычайной подвижности, неуловимости, сжимаемости и расширяемости этого потребления»** и т.д.

Тем не менее и здесь автор, не имея возможности оспорить рост внутреннего потребления хлебов в масштабах страны, делает все же стратегический вывод: «Некоторое увеличение душевого потребления отмечается лишь для городского и промышленного населения; в местном же потреблении самим сельским производительным населением не заметно почти никакого увеличения.

Но, конечно, и среди этого последнего уменьшение потребления имеется в действительности лишь для наименее обеспеченных экономических групп; для них и отмечается... «изъятие лучших сортов хлеба» и замена их худшими или даже

²⁷ Там же, С.286

²⁸ Там же, С. 388.

²⁹ Там же, С. 398.

суррогатами. Благодаря тому, что большая часть увеличения народного производства идет не на местное потребление, а отчуждается на рынок, из необходимости удовлетворения возрастающих денежных нужд хозяйства, страдает не только личное потребление, но и хозяйственное потребление с производительными целями. Не только **простое недоедание**, но и недостаток семян на посев являются результатами таких продаж. Попадая в зависимость от рынка, земледельческий производитель не только ограничивается в условиях личного своего существования, но и не может развивать производительных сил своего хозяйства»³⁰.

Увы, Лященко был не первым и не последним, кто сознавал и признавал неточность урожайной и бюджетной статистики, несовершенство и даже ущербность используемой для оценки потребления населения методики, однако делал, тем не менее, с их помощью весьма широкие, а главное – пессимистические обобщения.

Эта порочная метода – типичная черта работ оппозиционных авторов. Особенно обидно видеть ее не у не доморощенных «экономистов» типа Даниэльсона или Воронцова, которые **просто не понимали статистики**, а у профессионалов по-настоящему высокой квалификации, подобных А.А. Кауфману или П.И. Лященко, загнанных партийными симпатиями в неприемлемую для настоящего ученого ситуацию – писать то, чего не думаешь, восполняя отсутствие значимой информации публицистичностью.

Характерно и притом интересно, что в последующих работах Лященко, написанных до 1917 г. и сохраняющих научное значение и сегодня, либо и намек нет на этот агитационный стиль, либо он очень сильно сглажен.³¹

В 1915 г. Д.Н. Иванцов опубликовал свою знаменитую работу «К критике русской урожайной статистики», актуальную и в наши дни. Причины, побудившие его взяться за перо, таковы: «Оправданием настоящей критической попытки служат следующие довольно общеизвестные обстоятельства. С выхода в свет монументальных трудов Л.И. Грасса и А.Ф. Фортунатова прошло с лишком 20 лет, и содержащаяся в них оценка пореформенной урожайной статистики не удовлетворяет современного исследователя уже по тому одному, что затрагивает первые ее шаги, когда физиономия главных источников едва успела сложиться.

Новейшие же авторы или оперируют с территориально узким материалом, лишаящим их выводы общего значения, или сосредотачиваются на чисто методологических изысканиях и отдают числовому анализу ничтожное место. Мало этого: в своих итогах они нередко категорически расходятся с Л.И. Грассом и А.Ф. Фортунатовым, и, таким образом, не заменяя их трудов, еще дискредитируют их...

Как известно, заключения **Грасса** и **Фортунатова** носят довольно оптимистический характер. В противоположность этому, Гудзь пишет («Труды Комиссии по вопросам земской статистики»): «Нынешний тип регистрации урожаяев должен считаться совершенно непригодным, по крайней мере, для двух весьма важных отраслей земского хозяйства, какими являются оценочная статистика и продовольственное дело». Составитель XV-й главы материалов «Комиссии 16 ноября 1901 г.», констатируя значительный рост сборов за 40-летие 1861-1900, отказывается придавать соответствующим цифрам серьезное значение, подчеркивая подавляющее воздействие на них формально-статистического момента. **Осинов**, предлагая свой проект ре организации урожайной статистики, даже не аргументирует ее настоятельности, как будто непригодность существующих данных уже доказана или ясна без доказательств. В.Г. Михайловский заявляет на XII съезде Естествоиспытателей и врачей: «В общем насчитывается не меньше 15 различных источников сведений об урожаях, и несмотря на

³⁰ Там же, С.416

³¹ Лященко П.И. "Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Описательно-статистическое исследование" СПб., 1912.; Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915.

такое перепроизводство урожайной статистики, в конце концов нельзя даже с уверенностью сказать, каковы результаты в данном году, большой ли у нас урожай или голодный год»³².

Сопоставляя размеры ежегодных урожаев по разным источникам, Д.Н. Иванцов пришел к следующим заключениям. Общие ежегодные урожаи (сумма крестьянских и владельческих) по данным ЦСК и Министерства земледелия различались в 43 губерниях более, чем на 10%, а в 16 губерниях – более 15%. Из примерно 600 сопоставлений данных ЦСК и земств об урожайности на крестьянских и частновладельческих землях только в половине случаев разница не превышала 10%, которую Иванцов считал нормальной. «При этом наблюдалась неустойчивость близости сведений источников по отдельным годам, что не позволяет вывести какую-либо поправку. **В итоге Д.Н. Иванцов пришел, видимо, к справедливому выводу, что ежегодные данные об урожайности непригодны для практической утилизации...** Наконец, Д.Н. Иванцов пытался проверить близость сведений ЦСК и земств по размерам посевных площадей... В трех губерниях из пяти эти данные различались более чем на 10%. По уездным показателям положение было еще хуже. Не обнаружилось сопряженности и в динамике посевных площадей. Вывод был тот, что полагаться на данные ЦСК и земств о посевных площадях нельзя»³³.

Особо подчеркнут вывод И.Д. Ковальченко о том, что Иванцов, «видимо», прав, настаивая на непригодности для практической работы ежегодных данных ЦСК о величине сборов.

Среди недостатков статистики ЦСК МВД Иванцов выделяет «исключительную роль, выпадающую при собирании материала на долю низшей сельской администрации, – заваленной другими делами, в массе случаев невежественной, при всем желании не способной удовлетворительно выполнять возложенные на нее статистические функции; полное отсутствие контроля и недостаточную тщательность и аккуратность при разработке собранного материала». Этим «далеко не исчерпываются слабые стороны комитетской статистики, но очевидно, что и их одних достаточно, чтобы породить резкое недоверие к комитетским данным, и особенно к данным о площадях посевов, в применении к которым даже руководители Центрального Комитета находят свой метод «не строго научным и притом спешным»³⁴. В итоге автор пришел к выводу о необходимости 15%-ной поправки к данным ЦСК МВД.

Работа Иванцова стала важной вехой в изучении российской урожайной статистики. Позволю напомнить мнение П.Грегори, справедливо считающего, что «основной предмет обсуждения» дореволюционной сельскохозяйственной статистики – «это так называемые «исправления Иванцова», которые использовались Госпланом в середине 1920-х гг. для того, чтобы скорректировать цифровые данные Центрального статистического комитета, повысив их на 19%. Можно себе представить, что столь значительная корректировка данных создает большую разницу в оценках выпуска и рынков продукции» Есть увеличивающая поправка в 10% (к ней, в частности, склоняется Б.Н. Миронов). Сам Грегори обосновывает цифру в 7%.³⁵

В 1925 г. вышла статья Н.М. Виноградовой «Русская урожайная статистика», также ставшая в своем роде рубежной в историографии вопроса.

Виноградова ставит проблему следующим образом: «Уже одно то обстоятельство, что в литературе нередко вся острота спора о пригодности или непригодности сведений ЦСК сосредотачивалась на квалификации волостных писарей, как органов статистической

³² Иванцов Д.Н. К критике русской урожайной статистики. Петроград. 1915.

³³ Массовые источники по социально-экономической истории.... С. 256–257.

³⁴ Иванцов Д.Н. К критике ... С.3

³⁵ Грегори, Пол. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С.111.

службы, заставляет и нас поставить вопрос о том, к чему же на практике сводилось участие волостных писарей в собирании данных об урожаях?»³⁶

После сравнительного анализа методики сбора данных об урожаях Департаментом земледелия, земствами и ЦСК и в 1883-1915 гг. она приходит к следующему выводу: «Если признать, что корреспондентские данные вообще могут быть несколько повышенными, то из всех приведенных данных вытекает, по-видимому, с достаточной степенью убедительности, что данные Центрального Статистического Комитета *устанавливали уровень урожая очень близко к действительности*»³⁷. И это – заслуга волостных писарей, поскольку, по мнению автора, сообщения, поступавшие в ЦСК «в огромном большинстве случаев основывались на субъективных оценках среднего урожая, сделанных волостными правлениями применительно к условиям данной местности и данного типа хозяйства»³⁸.

Роль волостных писарей, нарушавших инструкцию, по ее мнению, «не сводилась к простой передаче полученных от хозяев и исключительно последними заполнявшихся бланков об урожае. И именно последнему обстоятельству следует приписать **доброкачественность** данных Центрального Статистического Комитета и в то же время признать, что **в лице волостных писарей Комитет располагал достаточно надежным аппаратом для получения первичных данных об урожае**»³⁹.

А.Л. Вайнштейн сразу же откомментировал данное заключение: «Этот вывод Н. Виноградовой сам по себе очень интересен, ибо наносит сильный удар общепринятому в настоящее время положению о необходимости поправок, и очень значительных к абсолютному уровню довоенной урожайности по данным ЦСК»⁴⁰.

На деле удар оказался не сильным, а попросту сокрушительным, т.к. после него упомянутые поправки исчезли из отечественной литературы и историографии как факт.

В последние годы этот вывод – только без малейших оговорок, которые все же «за кадром» ощущаются у Виноградовой, – и притом весьма напористо отстаивает Нефедов.

Однако, при всем уважении к качеству статистического анализа, проведенного Виноградовой, я не могу согласиться с ее выводом по двум, как минимум, соображениям.

Во-первых, он кажется умозрительным, поскольку не слишком убедительно вытекает из предыдущего авторского изложения. У меня нет возможности проводить здесь текстологический анализ обширной статьи Н.М. Виноградовой. Однако ее непредвзятые читатели должны согласиться, что вся она, по сути, посвящена ответу на поставленный мной выше, применительно к рассуждениям П.И. Лященко, вопрос о том, каким числом процентов можно измерить «непригодность», пусть и «неполную» имеющейся урожайной статистики, в том числе и волостной.

Ведь задача Виноградовой сводилась к определению того, какой из трех источников *надежнее* других. А задачу выяснить, какой из них *«настоящий»*, она и не могла себе ставить, ибо такового среди них не было изначально. Это было хорошо известно научному сообществу того времени, и, если она взялась опровергать его точку зрения, ей следовало мотивировать это более серьезно.

В результате своего анализа она выбрала из трех заведомо недостоверных источников тот, который заслуживает большего доверия – урожайную статистику ЦСК МВД (с чем я согласен). Но из этого никак не следует мысль о том, что «данные Центрального Статистического Комитета *устанавливали уровень урожая очень близко к действительности*». Здесь явно не хватает придаточного (условного) предложения – «насколько мы можем представить себе действительность по этим источникам». Да,

³⁶ Виноградова Н.М. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1925 г. № 10-12. С.38

³⁷ Виноградова Н.М. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1926 г. № 1-6. С.90

³⁸ Виноградова Н.М. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1925 г. № 10-12. С.39

³⁹ Виноградова Н.М. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1926. № 1-6. С. С.99

⁴⁰ Вайнштейн А.Л. Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития в будущем. // Избранные труды. Советская экономика в 20-е годы. М., 2000. книга 1. С.293.

Виноградова определила более качественный, чем два других, динамический ряд данных, но и только! Однако она ничем *не* доказала, что он соответствует «действительности»!

Во-вторых, она не разбирает возражения критиков статистики ЦСК МВД по существу вопроса, а просто постулирует тезис о том, что «в лице волостных писарей Комитет располагал достаточно надежным аппаратом для получения первичных данных об урожае». Подобный вывод был бы неоспорим, если бы в ее (и нашем) распоряжении были нарративные источники, подтверждающие этот вывод, но как итог *сугубо статистического* исследования он неубедителен. Вспоминается мысль Дж.Коллингвуда о том, что статистика для историка хороший слуга, но плохой господин.

Сам по себе переход от «общепринятого» мнения о «необходимости поправок, и очень значительных» к урожайной статистике ЦСК, от поправки Иванцова в 15% и поправки Струмилина в 19% к утверждению о **полной достоверности источника** выглядит уж очень неожиданным, и однозначно требует куда более обширного обоснования, чем то, которое дает Виноградова, притом, что и в рамках ее текста, повторюсь, это утверждение не кажется вполне логичным.

Виноградова продолжает «оптимистическую», в отношении данных ЦСК, линию, начатую Гроссом и Фортунатовым и поддержанную П. Лохтиным и Лященко, и повторяет аргументы Лохтина, подводя определенную базу под идею о том, что «статистика от писарей» не так уж и плоха. Логика дореволюционных авторов понятна – если достоверность данных ЦСК, сильного пропагандистского аргумента, оспаривается по причине ненадежности волостной статистики, то, соответственно, нужно доказывать обратное. А поскольку серьезных доводов нет, то остается то, что остается – словесная эквилибристика, примеры которой мы видели у Лященко.

Впрочем, один аргумент красной линией проходит через их рассуждения – писари, дескать, давно несут государственные обязанности, в которые входит и предоставление статистической информации вышестоящим инстанциям, следовательно, они привыкли это делать, механизм уже отработан и т.п.

Спора нет – и механизм был отлажен, и статистику в вышестоящие инстанции они подавали десятилетиями, хотя само по себе это довольно слабая гарантия ее надежности. Вопрос в том, *как* они делали это! Можно ли говорить о том, что и остальные свои «государственные» обязанности они выполняли «доброкачественно»?

Ясно, что о всех писарях в многих тысячах волостей мы судить не можем, но можем использовать свидетельства компетентных современников о том, что для них было вполне очевидно.

Не могу сказать, что дореволюционная литература подтверждает мысли Лохтина и Виноградовой. Совсем наоборот.

В 1887 г. К.Ф. Головин, рассуждая о том, что община вовсе не спасает крестьянство от пролетаризации, пишет: «Статистических сведений о числе безлошадных дворов по губерниям у нас чрезвычайно много. И как оно всегда бывает с нашей статистикой, сведения эти довольно разноречивы... Происходит это, конечно, от того главным образом, что при обширности нашей территории и разнообразии того персонала, который собирает данные на месте, в цифровые таблицы легко вкрадываются ошибки. **Наша статистика**, и правительственная и земская, в конце концов, **не может обходиться без просвещенного содействия волостных писарей; а всем достаточно известно, до какой степени эти почтенные деятели фантазируют, когда им приходится отвечать на официальные запросы.** До какой степени перепись скота и лошадей дело нелегкое, даже при полной добросовестности исследователей, мы видим из отчета г. Армфельда о скотоводстве во Владимирской губ. Г. Армфельд приводит четыре различные цифры о числе голов рогатого скота в этой губернии. И крайнее колебание этих цифр превышает 100.000 голов (!)»⁴¹.

⁴¹ Головин К.Ф. Сельская община в литературе и действительности. СПб., 1887. С.153-154.

В 1895 г. тот же автор констатирует: «Статистика вообще очень неверное зеркало экономического быта, а там, где она вынуждена полагаться на показания волостных писарей, ей нельзя доверять и подавно»⁴².

Возможно, кто-то упрекнет Головина в чрезмерно строгих оценках деловых качеств последних. Однако волостные писари вообще не являются положительными героями литературы конца XIX - начала XX вв., будь то воспоминания С.Т. Семенова «25 лет в деревне» (за одним, впрочем, исключением) или специальная монография Н.К. Бржеского «Недоимочность и круговая порука сельских обществ».

Из последней, например, никак не заметна озабоченность писарей, в основном занятых своими житейскими проблемами, предоставлением каких бы то ни было качественных статистических материалов. Напротив, через всю книгу проходит мысль о «полной беспорядочности», о «крайне беспорядочном состоянии», о «запутанности» податного счетоводства вследствие ли «безграмотности старшин», или же того, что «взимание податей существенно зависит от волостных писарей – людей часто весьма мало пригодных»⁴³. А ведь податное дело априори было куда более важной сферой деятельности волостных писарей, чем ведомственная статистика.

В 1901 г. Н. Осипов представил Статистическому совещанию при Министерстве финансов свой проект реформы статистики, который по распоряжению председателя этого совещания был опубликован в брошюре «К вопросу о статистике урожая». Это тот самый проект, о котором упоминает Д.Н. Иванцов, и он заслуживает внимания.

Реформа должна была основываться на коренном изменении самой системы сбора различными ведомствами местной статистической информации через волостных писарей. Соответственно, автор, с одной стороны, должен был продемонстрировать недостатки статус-кво, а, с другой, убедить читателей, что предлагаемое преобразование возможно. Сейчас нас больше интересует первое.

Оценивая проблемы урожайной статистики в целом, Осипов говорит, что даже в странах Запада сведения о посевах и урожаях «крайне неточны». В подтверждение этой мысли он приводит мнение статистика Конрада, вообще усомнившегося «в полезности статистики урожая». А ведь там они собираются в «до бесконечности» более легких, в сравнении с Россией, условиях, прежде всего, за счет неизмеримо меньшей территории и несравненно более высокой культурности населения.

Неудивительно, принимая во внимание те условия, в которые поставлена российская урожайная статистика, «что статистика посевов и урожая является у нас крайне неточной и—по нашему глубокому убеждению—должна таковою оставаться еще долгое время—до тех пор, пока не изменятся те условия, неизменным результатом которых эта неточность является»⁴⁴.

Что же это за условия?

«Огромность и разбросанность культурного пространства, миллионы и даже десятки миллионов независимых сельских хозяев, их почти поголовная неспособность дать письменные ответы на письменные же вопросы, наконец, соби́рание сведений о посевах и урожае хлебов главным образом для **правительственных целей**—таковы коренные условия организации статистики посевов и урожая в России, условия—очевидно непохожие на западноевропейские и североамериканские и игнорирование которых может привести к совершенно напрасной трате сил и материальных средств без достижения цели»⁴⁵.

Вместе с тем автор считает, что недостатки нашей статистики постепенно могут быть устранены, но для этого нужна разумная реформа и время (возможно, не один десяток лет).

⁴² Головин К.Ф. Мужик без прогресса... С.71

⁴³ Бржеский Н.К. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. СПб., 1897. С. 215, 240, 251 и др.

⁴⁴ Осипов Н. К вопросу о статистике урожая... С.19

⁴⁵ Там же, С.15

Осипов называет 4 пункта, на которых базировалось мнение исследователей о занижении величины урожаев: «1) Сведения об урожае собираются волостным правлением – учреждением, имеющим близкое соприкосновение с органами фиска и потому не располагающим население к откровенности в отношении размеров его благосостояния, главнейшим определителем которого является урожай.

2) Заведомая небрежность волостных писарей в составлении всякого рода сведений, вследствие которой всего вероятнее ожидать пропусков, чем прибавлений.

3) Отсутствие у населения записей о площадях посевов и урожаев, вследствие чего, даже при желании населения дать добросовестные показания и при полной аккуратности волостных писарей, все-таки возможны по причине естественной забывчивости более или менее крупные пропуски в площадях посева, ведущие, конечно, к преуменьшению урожая.

4) Наконец, нет никаких поводов ни у населения, ни у волостных писарей преувеличивать показания об урожаях.

Что касается до частных владельцев, которые сами доставляют полицейским чинам сведения об урожае, то к ним, за немногими исключениями, вполне применимы пункты 2-й, 3-й и в значительной степени – по крайней мере к мелким землевладельцам из недворянских сословий – пункт 1-й. Случай, когда частные владельцы преувеличивают достоинство своих земель, очень немногочисленны вообще – это именно при закладе и при продаже земель – и притом не имеют никакого отношения к ежегодному определению урожаев.

Хотя все эти соображения... имеют лишь косвенное значение, однако им нельзя отказать в достаточной убедительности и можно признать за достоверное, что существующие сведения об урожаях преуменьшены против действительности в более или менее значительной степени; но как велико это преуменьшение - на 10 ли процентов, как полагал Тенгоборский, более или менее – положительных данных на это нет»⁴⁶. (20-21).

Отметим, что упрек в небрежности предьявляется не только волостным писарям, но и землевладельцам – это необычно и заслуживает внимания.

Содержание пунктов 1-го и 4-го раскрывает следующая мысль Осипова: «Регистрация (сведений об урожаях – М.Д.) в глазах населения долгое время, если не навсегда, сохранит **фискальный характер**; да и в действительности она, без сомнения, имеет таковой оттенок, так как, в конце концов, главнейшая ее цель — по крайней мере в России — заключается или в определении податной силы населения, понимая этот термин, разумеется, в широком смысле, или в выяснении продовольственных потребностей. Далее, какие бы формы ни были придуманы для регистрации сельскохозяйственных и экономических явлений, как бы ни были смягчены и предупредительны способы собирания сведений, все-таки регистрация эта будет вторжением в частнохозяйственную жизнь населения, которое равно неприятно как для регистраторов, так и для населения; и это последнее всегда будет относиться к ним, по меньшей мере, недружелюбно»⁴⁷.

Очень интересно мнение Осипова о главных действующих лицах предлагаемой им реформы: «В предыдущем изложении уже неоднократно приходилось упоминать о волостных писарях, как собирателях первоначального статистического материала. О волостных писарях вообще и, в частности, как статистиках существует столь всеобщее и столь давнишнее предубеждение, что об этом предмете необходимо высказаться с полной подробностью... Старый тип волостного писаря—невежественного, нетрезвого, трусливо-плутоватого, живущего взяточничеством, вымогательством и вообще незаконными доходами, рабски подчиненного всем уездным начальствам и вместе с тем крестьянству—хорошо всем известен и никто, конечно, не может не принимать этого в соображение, когда речь идет о привлечении волостного писаря к какой либо деятельности.

⁴⁶ Там же, С.20-21

⁴⁷ Там же, С.47-48

Не вдаваясь в рассмотрение вопроса, насколько возможно вести статистику при помянутых качествах волостного писаря, следует, однако, прежде всего поставить на вид, что тип этот принадлежит довольно уже отдаленному прошедшему и если кое-где попадает, то лишь в виде исключения и при особенной бедности в людях. 40-летние заботы правительства об образовании всех слоев народа не остались без последствий и привели к тому, что численность лиц, обладающих образованием, несколько превышающим курс элементарной народной школы, значительно возросла, и отсюда-то главным образом рекрутируется контингент волостных писарей»⁴⁸.

Вместе с тем автор считает, что «прежний тип волостного писаря в настоящее время уже выводится» в силу усложнения обязанностей волостного управления и соответствующего стремления местного начальства к привлечению на эту должность людей, «сколько-нибудь удовлетворяющих своему назначению», а также повышению общего образовательного уровня населения.

«Тем не менее», - продолжает автор, - «отнодь не следует самообольщаться относительно истинных свойств этого разряда должностных лиц волостного управления. Без сомнения, они далеко выше прежнего; но не подлежит также сомнению, что они далеки и от того, чем бы должны быть.

Все-таки огромное большинство волостных писарей рекрутируется из неудачников на других поприщах службы или деятельности, преимущественно по причине недостаточности образования. Причины невозможности улучшить состав волостных писарей заключаются, главным образом, в полной неопределенности их положения: с одной стороны на них возлагается весьма значительная ответственность (как на должностных лиц), так что при плохом старшине писарь является фактическим хозяином волости, а с другой— незначительность вознаграждения, полная зависимость от ближайшего начальства и необходимость удовлетворять требования всех уездных начальств и т. д. словом, крайняя непрочность и некоторая унижительность положения— все это отвращает от должности волостного писаря тех, которые выше нынешнего его уровня и которые имеют хотя малейшую возможность найти себе лучшее положение.

Это представление о волостном писаре, к сожалению, почти никогда не принимается в расчет при требованиях, обращенных к волостному правлению в области статистики, а между тем оно-то и должно быть положено в основу при обсуждении вопроса, какие статистические сведения может—а потому и должно дать волостное правление, и каких, напротив, оно не может дать, а потому, если оно дает их, то о них заведомо можно сказать, что они вздорные, и если могут быть верными, то лишь при особо благоприятных условиях и притом случайно»⁴⁹.

Дальнейшее изложение подводит читателя к ключевой мысли: «Волостная статистика в настоящее время плоха не потому, что волостной писарь не может быть низшим статистическим агентом, а потому, что она совершенно дезорганизована.

Дезорганизация заключается в том, что многие статистические программы выше интеллектуального уровня волостных писарей, что последние никем ни инструктируются, ни контролируются и потому совершенно безответственны в отношении собирания статистических сведений; наконец, благодаря тому, что нет ведомства, которое не обращалось бы в волостные правления чрез своих местных агентов, писаря чрезвычайно обременены статистической работой и вынуждены исполнять ее небрежно»⁵⁰.

Осипов колоритно описывает обстановку, в которой происходит статистическая деятельность волостных писарей.

Почти во всех министерствах с удивительной легкостью и быстротой составляются разнообразные статистические программы, причем «если бы составителям этих программ хотя однажды пришлось самолично выполнить подобную программу, то у многих из них

⁴⁸ Там же, С.27-28

⁴⁹ Там же, С.28-30

⁵⁰ Там же, С.72

навсегда пропала бы охота к составлению форм ведомостей». Осипов имеет ввиду здесь не трудоемкость их заполнения, а те сложности, которые возникают «вследствие невозможности уложить в заранее придуманную программу все разнообразие жизненных явлений». Надежными могут считаться только сведения, собранные по программе, составленной и тщательно продуманной компетентными людьми (и в идеале апробированной). Однако ведомства, как правило, поступают наоборот, — «и это первая и, быть может, главная причина неудовлетворительности волостной статистики».

Важнейшее условие успешной реализации любой программы — ее «удобопонятность для исполнителя и приспособленность к уровню его образования и развития». Условие это игнорировалось не только в прежние времена, но и теперь можно встретить немало программ, которые очевидно не по плечу исполнителям.

О добром старом времени рассказывается случай, что на вопрос одной программы: «каковы в данной местности фауна, флора и климат» получился убежденный ответ: «ни флоры, ни фауны нет, а вместо климата — один только зной палящий». Весьма вероятно, что это — статистический анекдот, о котором, однако, можно сказать: *Si non e vero, e ben trovato*⁵¹.

Осипов приводит реальный пример программы для сбора сведений об общинном землевладении в Сибири, на основании которой писались затем конкретные научные работы, которые и сейчас находятся в библиотеках. Он лично видел в волостных правлениях черновики ответов на вопросы этой программы, сам собирал аналогичные сведения, и «может удостоверить что ничего похожего на действительность он в этих черновиках не нашел. И причина этого была совершенно ясна и понятна: волостной писарь в программе ровно ничего не понимал. Он видел перед собой слова и предложения, но смысла их не понимал — не понимал самого первого слова этой программы: «община» — слово, которое нигде, кроме науки и литературы, не употребляется. Обязанный отвечать на поставленные вопросы, он в каждое слово их влагал, после долгих догадок и обдумываний, свой собственный смысл и на него-то уже писал ответ, в котором чувствовалось что-то похожее на действительность, но что ни в каком случае не было ею и на чем, конечно, нельзя было делать ни выводов, ни обобщений, ни заключений, потому что все это, взятое в общем, было, в сущности, какой-то фантазмагорией»⁵².

До сих пор, пишет автор, к волостным правлениям постоянно обращаются с вопросами, которые превышают «их обычный интеллектуальный уровень». Беда, однако, в том, что «от этих безрассудных статистических требований страдают» не только те, кто придумывает эти программы — «страдает вся статистика, базируемая на волостном писаре. Отвечая решительно на всякую программу и видя, как все это сходит с рук, волостной писарь, сначала с уважением относящийся к статистическим программам, **постепенно делается развращеннейшим (sic!) в статистическом отношении существом (!)**: для него нет трудностей, нет неисполнимых программ, нет недобываемых сведений. И если бы он получил вопрос определить, «какое, примерно, число лучей, падающих на землю от Сириуса, приходится на каждого жителя N-ской волости», то он нимало не затруднился бы ответить на этот вопрос».

Автор, имевший «очень много... дела с волостными писарями», говорит, что «первое, что нужно было сделать, чтобы пользоваться их услугами, — это искоренить в писаре убеждение, что он может доставить какие угодно сведения. Нужно было сначала до осязательности ясно показать писарю, до какой степени „не просто“ дать ответ на самый простой вопрос, например, о числе дворов или домохозяев в данном селении? Чего, кажется, проще — а между тем сколько недоразумений может быть из-за этого коротенького, в 5 букв, словечка»⁵³. Приводимый им пример, на котором я не могу

⁵¹ Там же, С.30-31

⁵² Там же, С.31-32

⁵³ Там же, С.33-34

остановиться подробнее из-за недостатка места, надо сказать, из ряда весьма впечатляющих. Он убедительно показывает разницу между реальной жизнью и «городскими» представлениями об оной.

Писарей необходимо отучить от «зловредной мысли, что статистика не требует ни ума, ни знания и есть не что иное, как только разграфленная бумага, наполненная цифрами, которые могут обозначать что угодно». Именно с этого нужно начинать исправление волостной статистики.⁵⁴

Пока же существует «такое нелепое положение, что несколько ведомств, получив от подчиненных им органов различные донесения об одном и том же явлении, например, об урожае, вступают между собой в пререкания, взаимно стремясь опорочить цифры другого ведомства» (с этим сюжетом историография, кажется, не знакома – М.Д.). Сведения об урожае, напомним, собирало МВД (во-первых, через губернаторов, во-вторых, через ЦСК), Министерство финансов (через податную инспекцию) и Министерство Земледелия и Государственных имуществ (через Управления государственных имуществ и единоличных корреспондентов).

Единственным источником информации для всех них (кроме корреспондентов МГИ) является волостное правление.

Казалось бы, сведения, которые оно представляет, «должны бы быть тождественны».

А между тем это не так, во-первых, из-за различия в формах анкет, а, во-вторых, по причине «небрежности или недальновидности волостных писарей: **аккуратный или умный писарь всегда будет подгонять** (что, впрочем, не всегда возможно) **сведения к первоначально посланным им куда-нибудь сведениям, небрежный писарь будет их выдумывать, а недальновидный—вновь собирать по новой форме**».

И разницей между сведениями разных министерств об урожае, и «шаткость этих сведений» вытекают также из того, что волостное правление, буквально заваленное «всевозможными статистическими требованиями», одновременно «лишено всякого живого инструктирования по этой части». Все вышестоящие инстанции считают себя вправе требовать любые сведения, но инструктировать волость в этом отношении полагают не обязательным.

Кроме того, практическое отсутствие контроля и ответственности волостных писарей за представленную информацию также не идут на пользу делу. Простота и понятность статистических программ, даже и «хорошо разъясненных исполнителям» все равно не гарантируют успеха: «Как показывает всеобщий опыт, можно ожидать ошибок, происходящих от тупости или недобросовестности исполнителей. Контроль в статистике столь же полезен, как и во всяком деле, хотя бы даже он не давал непосредственно-осязательных результатов — самое бытие его уже полезно, возбуждая в тупых усилия понять дело, а в недобросовестных — исполнительность. **В настоящее время волостной писарь что захочет, то и напишет, и ошибки его будут замечены разве в том случае, если он площадь измерит часами, а время аршинами.** Какие бы сведения волостные правления ни доставили—они без проверки подсчитываются в том учреждении, которое их требовало, без всякой гарантии какого бы то ни было сходства этих сведений с действительностью. Само собой разумеется, что одно это обстоятельство способно деморализовать даже добропорядочных волостных писарей и в значительной степени парализовать благие последствия осуществления двух первых условий упорядочения волостной статистики»⁵⁵.

Хотя волостные правления обременены сбором различной статистики, но «в лестнице обязанностей волостных писарей» эта обязанность «считается очень второстепенной». Им важно вовремя представить необходимые сведения, и они «заботятся лишь о чистоте переписки, — смотря по начальству, которому сведения

⁵⁴ Там же, С.36

⁵⁵ Там же, С.40-41

должны быть представлены. **Что же касается до верности самых цифр, то об этом писаря всего менее заботятся, и они верны лишь постольку, поскольку вообще это возможно при нынешнем состоянии волостной статистики»⁵⁶.**

Сейчас ЦСК «с величайшей поспешностью и с таким же количеством ошибок» выпускает ежегодно два издания с урожайной статистикой. Для большей оперативности он «получает все сведения о посевах и урожаях непосредственно от волостных правлений и чинов уездной полиции. Сколько в этих листочках пишется вздору—это хорошо известно не только Центральному Статистическому Комитету, не только лицам, занимающимся сельскохозяйственной статистикой, но всем землевладельцам, всем становым, всем волостным писарям»⁵⁷.

Информация об урожае «озимовых» поступают в ЦСК к 15 сентября, а об урожае яровых—к 15 октября. Но к этому времени «получается лишь сырой и непроверенный материал; худо ли, хорошо ли, но Центральный Статистический Комитет делает этому материалу некоторую проверку в том хотя бы направлении, чтобы исключить из подсчета сведения явно вздорные или прямо нелепые, на что, конечно, уходит немало труда и времени». После этого ЦСК проводит огромную работу по перемножению площадей на урожаи и по суммированию этих произведений по волостям и уездам.⁵⁸

«В результате—когда, на основании таким образом собранного материала, ЦСК начинает делать свои выводы об урожаях, в полученных цифрах является общая неуверенность, не исключая самого ЦСК. Эта неуверенность остается, обыкновенно, без последствий, так как в годы хорошего и среднего урожая к цифрам, публикуемым ЦСК, относятся без должного внимания.

Напротив, в годы неурожая, цифры эти подвергаются справедливой критике, получается общая сумятица, и сам ЦСК теряет под собой почву, так как не может опереться на свидетельство местных начальств, мимо которых прошел весь основной цифровой материал и которые, при малейшем затруднении в продовольственном деле, начинают вновь собирать сведения об урожае, решительно игнорируя сведения ЦСК, который, в свою очередь, и сам не решается на них настаивать»⁵⁹. В итоге отсутствие местной проверки сведений об урожаях, которая приносится в жертву скорости получения их ЦСК, «лишает их всякой полезности именно тогда, когда они всего нужнее, т.е. в годы неурожая».

Разумеется, эти негативные мнения не могут поголовно относиться, как уже говорилось, ко всем тысячам волостных писарей, среди которых, как мы уже знаем, есть и «аккуратные» и «умные», и «добропорядочные», и те, кто «сначала с уважением относится к статистическим программам», однако тенденцию, полагаю, они (мнения) демонстрируют вполне отчетливо.

Проект Осипова относится к 1901 г., однако нет оснований считать, что в дальнейшем ситуация исправилась. По окончании продовольственной кампании 1906–1907 гг. МВД затребовало отзывы местных крестьянских учреждений о необходимости реформы продовольственного дела. Отзывы были получены из 23-х губерний Европейской России: «**Почти отовсюду** указывается на необходимость улучшения порядка собирания и разработки статистических сведений об урожае, причем в некоторых отзывах высказывается мысль об изъятии обязанностей по собиранию таких сведений из рук волостных правлений и чинов полиции, с возложением этой обязанности на земства, которые от себя будут сообщать правительственным учреждениям результаты регистрации урожая в определенные сроки и по однообразной форме. При этом

⁵⁶ Там же, С.41-42

⁵⁷ Там же, С.71, 67

⁵⁸ Там же, С.69-70

⁵⁹ Там же. С.67-68

указывается **на недостоверность статистических сведений всякого рода, собираемых при посредстве сельских писарей»**⁶⁰.

В 1915 г. А.А. Кауфман вновь констатирует уже знакомую нам мысль: «Никакими разъяснениями нельзя устранить того несомненного факта, что крестьянину и целому крестьянскому обществу так-таки **выгодно**, или может быть выгодным, давать неверные показания, преуменьшать размеры своей земельной обеспеченности и своего имущественного благосостояния, ибо их показания, без всякого сомнения, **могут** отразиться на размерах обложения, повлиять на исход тех или других земельных ходатайств, предрешить размер продовольственной помощи или отказ в ней и т.п.»⁶¹.

В своем учебнике «Теория и методы статистики» Кауфман пишет, что «о крестьянском скотоводстве и земледелии мы получим несравненно более полные и достоверные данные, если прибегнем к специальному, правильно организованному опросу, чем, если обратимся к не представляющим **никаких гарантий достоверности реестрам, которые ведутся в волостных правлениях**...Весьма различною может оказаться степень пригодности материалов вторичной статистики и в зависимости от их характера. **Трудно надеяться извлечь достоверные сведения об урожаях из записей волостных правлений»**⁶², замечая, что писари, «при достаточной добросовестности, со своей стороны опрашивают некоторое число попадающихся им, так сказать, под руку крестьян».

Но мы уже знаем, что далеко не все писари были добросовестными.

Еще один пример. В 1912 г. правительственные агрономы, работавшие при Саратовской губернской землеустроительной комиссии, сопоставили, как это часто бывало в те годы, урожаи на показательных полях и в соседних крестьянских хозяйствах (которые — это дважды особо подчеркивается — «в отношении сельскохозяйственной техники представляют из себя до известной степени также улучшенный тип хозяйства»). Специфика этого сравнения состоит в том, что агрономы в отчете привели две оценки крестьянского урожая — свою собственную, с одной стороны, и губернской земской управы, с другой. Эти сопоставления занимают несколько страниц.

Автор отчета приходит к следующему заключению: «В таблицах резко бросается в глаза чрезвычайно большая разница в высоте урожаев на соседних с показательными учреждениями крестьянских полях — по определениям агрономического персонала со статистическими сведениями губернского земства о средних урожаях в 1912 году — на основании сообщений волостных правлений.

Только в двух случаях для ржи и одном для проса средний урожай по статистическим сведениям превышает таковой же по наблюдениям агрономов; во всех остальных случаях (порядка сотни — М.Д.) по отношению ко всем пяти главным хлебам, наоборот, высота среднего урожая по данным статистики гораздо меньше зарегистрированного агрономами урожая на соседних (с показательными) крестьянских полях, причем разница нередко достигает до **100** и даже **150%**». Автор делает отсюда вполне естественный вывод о том, что, что «приведенный факт, по нашему мнению, **лишний раз подтверждает общеизвестное явление — неуклонную тенденцию волостных правлений уменьшать в своих сведениях высоту полученного сбора хлебов»**⁶³.

Вся приведенная выше аргументация Н.М. Виноградовой просто игнорируется, хотя, как минимум, с частью ее она, безусловно, была знакома. С одной стороны, это и понятно, поскольку эти свидетельства показывают явную несостоятельность ее тезиса о «достаточно надежном аппарате волостных писарей». Но, с другой стороны, лично для меня во всем этом есть безусловная странность.

⁶⁰ Ермолов А.С. Наши неурожаи... Т. 2. Приложение. С. 6

⁶¹ Кауфман Община. Переселение. Статистика. М., 1915. С.466

⁶² Там же, С.257

⁶³ Деятельность правительственной агрономической организации при Саратовской губернской землеустроительной комиссии в 1912 г. Саратов, 1913. С.71-72

Напомню о трех категориях людей, работающих со статистикой.

Для двух первых статистика – источник сведений, необходимых либо для удовлетворения своей любознательности, либо для выполнения «личного» или социального заказа. Исходя из этого, Д. Иванцова, например, я отношу к первой категории, а П. Лохтина – ко второй.

При этом в обоих случаях речь идет о людях с повышенной степенью *личной* заинтересованности, сейчас неважно, по каким мотивам.

Но есть и третья категория тех, кто пользуется и пользовался статистикой. Они по роду деятельности должны были применять свои навыки в обработке статистических материалов, ибо такова их профессия.

Они приходили на службу, допустим, в середине и второй половине 1920-х гг. «в Главк», и за жалованье должны подсчитывать что угодно – от импорта грузов через Ленинградскую таможню и добычи угля в Сталино, например, до урожаев в Ульяновской и Центрально-Черноземной областях и т.д. По роду своих занятий им приходилось также иногда сравнивать эти данные с ввозом товаров через таможню Санкт-Петербурга, добычей угля в Юзовке и урожаями в Симбирской, а также Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерниях в 1913 г.

Мало того, что при этом им приходилось тысячи пудов переводить в тонны, – ведь в случае с урожайностью нужно было еще учитывать, какие уезды после 1917 г. отрезали от указанных губерний или включили в них. Несложно представить, что в этих условиях пересчет валовых сборов с дополнительной поправкой мог вызывать у множества статистиков, работавших в советских экономических учреждениях, элементарную идиосинкразию. Тем более, что в 1920-е гг. эти данные потеряли житейскую, если так можно выразиться, повседневную актуальность и, по большому счету, после 1917-1922 гг. не были важны – та жизнь ушла. Им, безусловно, было удобнее открыть источник и просто брать оттуда цифры. Тут, конечно, тоже есть личная заинтересованность, но в несколько ином варианте.

Разумеется, я не настаиваю на этом предположении, но, думаю, что оно имеет право на существование именно как предположение. Лично я склоняюсь к нему, потому что, на мой взгляд, исследовательский уровень Виноградовой сам по себе, и вся стилистика ее текста, не предполагают такого неожиданного и как бы нарочито скомканного вывода, который она делает в конце статьи. Как будто виртуоз вышел на сцену и закончил «Кампанеллу» «Собачьим вальсом».

С этой версией логически связана еще одна.

То, что зрелая советская историография не испытывала потребности в правдивой дореволюционной урожайной статистике, понятно. Но, может быть, уже в 1925 г. в связи с надвигающимся построением социализма в «одной отдельно взятой стране» повышенные сборы зерна в конце XIX - начале XX вв. тоже начали кому-то мешать? Было ли это эпизодом известного противостояния между Госпланом и ВСНХ, или чего-то в этом роде?

Пока это неизвестно. Но помнится, что в советское время вот так – выходом одной категорической «приговорной» статьи – нередко заканчивались дискуссии по острым вопросам. В любом варианте – даже если это и не входило в планы Виноградовой – здесь был именно такой случай.

Советская историография после ее статьи перестала сомневаться в достоверности данных ЦСК МВД. Б.Н. Миронов показал, как влияли «идеологические» моменты на обсуждение проблем урожайности на примере, в частности, дискуссии о губернаторских отчетах.⁶⁴ Напомню при этом мнение И.Д. Ковальченко, поддерживающего точку зрения Иванцова о невозможности использования ежегодных данных ЦСК МВД о сборах.

Разумеется, не случайно, что в наши дни идея о полной достоверности урожайной статистики снова возникла из небытия, когда С.А. Нефедову потребовалось обкорнать

⁶⁴ Миронов Б.Н. Благополучие населения... С.279-295.

историю России под шаблоны неомальтузианской структурно-демографической теории, чтобы с помощью производящих неизгладимое впечатление на гуманитариев оборотов в роде «область сжатия» и т.п. доказать постулат «Краткого курса истории ВКП (б)» о закономерности революции в якобы перманентно голодающей стране. Разумеется, увеличивающие поправки к статистике ЦСК МВД разрушают необходимую ему картину, для оценки которой слово «примитивная» является безусловным комплиментом.

Впрочем, о понимании им источниковедения исчерпывающе говорит всего одна фраза о ссылках на «старые работы А.Ф. Фортунатова и Д.Н. Иванцова»⁶⁵ как свидетельстве отсутствия у оппонентов нового знания.

Sapienti sat!

Теперь, надо думать, критерием истины должна выступать ссылка «Нефедов, 2011»?!)

При таком подходе статистические сведения уподобляются компонентам бутерброда, которые, во-первых, появляются из холодильника в нужный момент, а, во-вторых, обладают той же мерой *подлинности и осязаемости*, что и продукция мясо-молочной промышленности.

Переубеждать носителей подобных взглядов бессмысленно, но я надеюсь, что эта информация будет небесполезна читателям этого текста.

Подведем некоторые итоги.

Урожайная статистика ЦСК МВД не является достоверным источником. Тем не менее, при *квалифицированном* профессиональном обращении он может использоваться в исследованиях как ориентир, как точка отсчета и т.д.

Только не нужно воспринимать данные этого источника как стихотворение «Я Вас любил», т.е. как нечто абсолютное и притом абсолютно достоверное.

К статистике – какой бы то ни было – так вообще лучше не относиться.

Поэтому мой вывод таков - введение современными авторами (П.Грегори, Б.Н. Миронов) в проводимых ими исследованиях поправок к сведениям ЦСК МВД об урожаях с источниковедческой точки зрения необходимо и оправданно.

Однако я сам в своих работах использую данные о валовых сборах без поправок и не пытаюсь вычислять чистые сборы.

Задачи моей работы таковы, что я не вижу смысла вдаваться в полемику о том, какая поправка ближе к истине – в 19% или 7%. Принципиально для меня то, что все они исходят из тезиса *о занижении* размеров сбора ЦСК. К тому же я не уверен, что поправка для всех регионов страны всегда имеет унифицированный характер.

Пессимистические результаты, полученные мной при сопоставлении величин урожаев главных хлебов и их перевозок в производящих губерниях, когда транспортировка равна или превышает, иногда на 100%, зафиксированный урожай, минимизируют у меня как у автора всякое желание высчитывать чистые сборы.

Я не считаю возможным использовать заведомо неточные данные, притом неточные дважды, поскольку заниженный чистый сбор выводится из заниженного же валового. Поэтому я предпочитаю оперировать данными о валовых урожаях, как об *относительно внятном* ориентире, полагая указанные искажения стабильными. Нам важно сейчас понять вектор развития процесса.

Нефедову, объясняющему расхождение данных о перевозках и об урожае тем, что хлеб якобы хранился на элеваторах, советую хотя бы минимально ознакомиться с историографией вопроса.⁶⁶ Все же факт наличия или отсутствия зернохранилищ в стране, в отличие от проблемы репрезентативности урожайной статистики, – не может быть вопросом веры.

⁶⁵ Нефедов С.А. О причинах Русской революции... С.33

⁶⁶ Точка зрения о том, что превышение дает хлеб урожая предыдущего года не выдерживает критики. Хранить такие количества хлеба, как показывает П.И. Лященко, было негде. Амбары в России были, а вот элеваторы только начинали строиться.

Значение экспорта в хлебной торговле России конца XIX - начала XX вв.

Рассмотрим структуру хлебного экспорта России в конце XIX – начале XX века.

Таблица 1. Среднегодовой экспорт хлеба из России за 1889-1913 гг. (тыс.пуд.)*

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Мука		Главный хлеб	Второст. хлеба	Все хлеба
					пшеничная	ржаная			
В среднем за 1889-	54534	157357	65543	49043	3407	2496	332381	42776	375157
В среднем за 1894-	78384	210468	107765	59505	4005	4188	464315	69500	533815
В среднем за 1899-	83415	160712	91128	62335	4268	9080	410956	81911	492867
1904	60051	280884	151838	54062	6363	11993	565191	83620	648811
1905	59674	293834	138263	127327	5919	7123	632140	65361	697501
1906	65366	219995	148810	69544	6142	7523	517380	73378	590758
1907	45164	131674	132665	26137	4043	6344	356027	114355	470382
1908	24911	89803	161389	29374	3243	6178	314898	90006	404904
В среднем за 1904-	51035	205238	146593	61289	5142	7832	477127	85344	562471
1909	35499	314469	219202	74663	5764	7010	656607	105329	761936
1910	40538	374590	244702	83947	6820	6498	757095	93077	850172
1911	53874	240545	262638	85130	7352	9491	659030	165056	824086
1912	30596	161020	168708	51799	6368	5996	424487	127183	551670
1913	39470	203256	239718	36604	9963	6980	535991	114889	650880
В среднем за 1909-	39995	258776	227014	66429	7253	7195	606644	121086	727730

Источники: Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год; Материалы к пересмотру торгового договора с Германией. Вып. V. Россия. Привоз, вывоз и направление вывоза главнейших сельскохозяйственных продуктов за 1884-1910 гг. Пг., 1915; Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1922. Лященко П.И. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915.

Таблица 2. То же в процентах к общему вывозу

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Мука		Главный хлеб	Второст. хлеба	Все хлеба
					ржаная	пшеничная			
1889-1903	14,5	41,9	17,5	13,1	0,7	0,9	88,6	11,4	100
1894-1898	14,7	39,4	20,2	11,1	0,8	0,8	87,0	13,0	100
1899-1903	16,9	32,6	18,5	12,6	1,8	0,9	83,4	16,6	100

1904	9,3	43,3	23,4	8,3	1,8	1,0	87,1	12,9	100
1905	8,6	42,1	19,8	18,3	1,0	0,8	90,6	9,4	100
1906	11,1	37,2	25,2	11,8	1,3	1,0	87,6	12,4	100
1907	9,6	28,0	28,2	5,6	1,3	0,9	75,7	24,3	100
1908	6,2	22,2	39,9	7,3	1,5	0,8	77,8	22,2	100
1904-1908	9,1	36,3	26,2	10,9	1,4	0,9	84,8	15,2	100
1909	4,7	41,3	28,8	9,8	0,9	0,8	86,2	13,8	100
1910	4,8	44,1	28,8	9,9	0,8	0,6	89,0	11,0	100
1911	6,5	29,2	31,9	10,3	1,2	0,9	80,0	20,0	100
1912	5,5	29,2	30,6	9,4	1,1	1,2	76,9	23,1	100
1913	6,1	31,2	36,8	5,6	1,1	1,5	82,3	17,7	100
1909-1913	5,5	35,6	31,2	9,1	1,0	1,0	83,4	16,6	100

Из таблиц 1-2 следует, что вплоть до предвоенного пятилетия пшеница с большим отрывом лидировала среди экспортных культур. Вывоз ее по абсолютной величине возрастал, но доля в хлебном экспорте постепенно падала: с 42% в 1889-93 гг. до 29-31% в 1911-1913 годах. Экспорт муки был незначителен, что отражало определенную – до поры – неразвитость России в этом отношении. Например, США до 50% своего хлеба вывозили в виде муки, что, конечно, стоило дороже.

Экспорт ячменя стабильно возрастал по обоим показателям, и к началу Первой Мировой войны ячмень стал главной экспортной культурой страны.

Вывоз ржи устойчиво снижался и по абсолютной величине, и в относительном выражении с 16,9% в 1899-1903 гг. до 5,5% в 1909-1913 гг.

Вывоз овса по пятилетиям растет, но экспорт его наименее стабилен.

Экспорт второстепенных хлебов, большую часть которых составляли кукуруза, отруби и жмыхи, увеличивался как в количественном, так и в относительном выражении. В отдельные годы он превышал 20%.

Диаграмма 1 Структура хлебного экспорта России в 1889-1893 и 1909-1913 гг. (%)

Структура хлебного экспорта

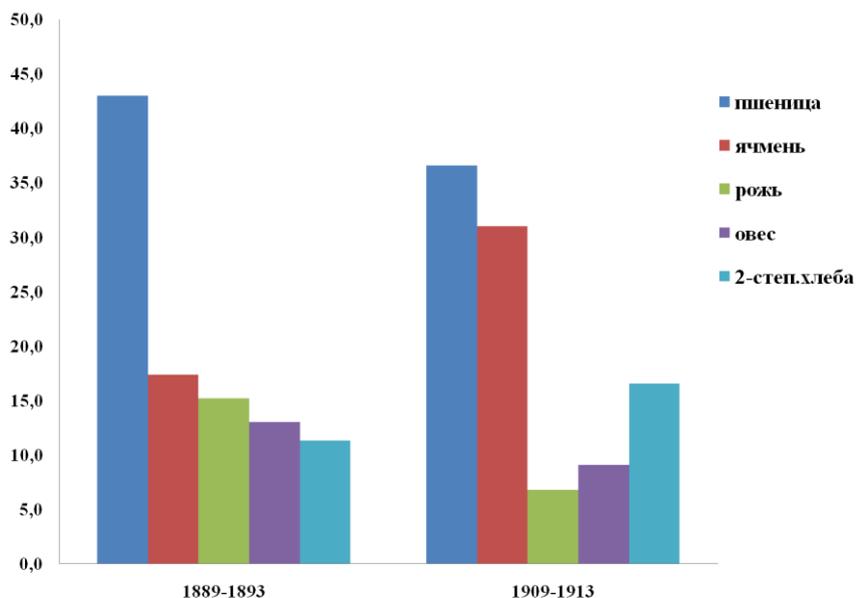

Диаграмма 1 а. То же

Структура хлебного экспорта
1889-1893

Структура хлебного экспорта
1909-1913

Очевидна явная неустойчивость экспорта как отдельных главных, так и всех хлебов вообще. Перепады в отдельные годы иногда достигают 300% и более.

Таблица 3. Соотношение урожаев и экспорта главных хлебов* (тыс.пуд. и %)

ГО ДЫ	РОЖЬ	ПШЕНИЦА	ЯЧМЕНЬ	ОВЕС

	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора	Урожай	Экспорт	Доля экспорта от сбора
1893	1114720	37053	3,3	709718	160455	22,6	421166	111228	26,4	673044	56801	8,4
1894	1341087	85671	6,4	697675	209762	30,1	351272	153139	43,6	673910	94395	14
1895	1203995	95541	7,9	626017	242752	38,8	327682	108319	33,1	648948	66739	10,3
1896	1181142	83717	7,1	606512	224633	37	324955	81605	25,1	645948	67512	10,5
1897	962730	78837	8,2	475589	218327	45,9	306308	89441	29,2	527772	43617	8,3
1898	1097484	71418	6,5	678029	183564	27,1	397797	106320	26,7	556332	25264	4,5
1893-1898	1150193	75373	6,6	632257	206582	32,7	354863	108342	30,5	620992	59055	9,5
1899	1356886	67097	4,9	653989	112224	17,2	289865	74549	25,7	805157	28463	3,5
1900	1393641	104063	7,5	657550	122979	18,7	309358	53676	17,4	720215	80047	11,1
1901	1137353	92692	8,1	667132	143853	21,6	313397	77631	24,8	527812	80317	15,2
1902	1378534	109395	7,9	931437	190701	20,5	442096	104165	23,6	786122	63333	8,1
1903	1354909	94273	7,0	916678	262372	28,6	465857	145619	31,3	645135	59517	9,2
1899-1903	1324265	93504	7,1	765357	166426	21,7	364115	91128	25	696888	62335	8,9
1904	1506805	73377	4,9	1033855	289368	28	451541	151838	33,6	943773	54062	5,7
1905	1090758	67588	6,2	944168	301726	32	450371	138263	30,7	754674	127327	16,9
1906	982671	73725	7,5	749260	228184	30,5	408430	148810	36,4	561168	69544	12,4
1907	1193880	52213	4,4	727345	147065	20,2	459972	132665	28,8	728461	26137	3,6
1908	1168700	31775	2,7	812723	94127	11,6	491606	161389	32,8	739447	29374	4,0
1904-1908	1188563	59736	5	853470	212094	24,9	452384	146593	32,4	745505	61289	8,2
1909	1351606	43288	3,2	1182093	322154	27,3	622676	219202	35,2	946088	74623	7,9
1910	1299405	47758	3,7	1162046	381526	32,8	602788	244702	40,6	856205	83947	9,8
1911	1151182	64420	5,6	742738	250348	33,7	537236	262638	48,9	702598	85130	12,1
1912	1567736	37258	2,4	1036356	169511	16,4	606045	168708	27,8	864424	51799	6,0
1913	1507246	47226	3,1	1391966	216540	15,6	627336	239718	38,2	979677	36604	3,7
1909-1913	1375435	47990	3,5	1103040	286016	24,3	599216	226994	37,9	869798	66421	7,6

Источники: см. таблицу 1.

* Ржаная и пшеничная мука переведены в зерно в пропорции соответственно 90% и 75% процентов выхода муки из пуда зерна.

Данные таблицы 3, в которой сопоставляются урожаи и экспорт главных хлебов, позволяют сделать следующий вывод: урожаи продолжали расти, но доля вывоза в урожае всех главных хлебов, за исключением ячменя, уменьшалась, причем иногда и в абсолютном выражении. Реально же процент экспортируемого из страны хлеба был еще ниже – во-первых, потому что урожаи были выше, чем показывает статистика ЦСК МВД, а, во-вторых, из-за того, что мы не учитываем сборы в Азиатской России; то есть вывоз хлеба из Томской, например, губернии зафиксирован, а урожаи в ней – нет.

Данные транспортной статистики вполне позволяют конкретизировать вывод о снижении значения экспорта. В конце XIX - начале XX вв. основными поставщиками товарного хлеба на рынок оставались черноземные губернии. Для того, чтобы понять направление эволюции хлебного рынка, я проанализировал данные о железнодорожных

перевозках *всех* хлебных грузов и, соответственно, о соотношении вывозного и внутреннего отправления 29-тью черноземными губерниями.

Поясню терминологию. Для каждого года у нас есть определенная величина учтенных «Сводной статистикой» перевозок хлеба (или других грузов) по сети русских железных дорог. Это – *общее отправление*. Часть перевозок фиксируется прибытием в пункты, в которых имеются таможни, и этот объем принимается за *вывозное(экспортное) отправление*. Разница между объемом всех перевозок, т.е. общим отправлением, и вывозным отправлением считается *внутренним отправлением*. То же относится и к речным перевозкам.

Среди вывозных пунктов были и обычные железнодорожные станции, маленькие порты, а были и весьма крупные центры, как Петербург, Рига, Ревель, Одесса, Ростов и т.д. Ясно, что часть грузов, прибывавших в такие пункты потреблялась на месте, но в большинстве случаев мы можем вычленить эту часть только весьма приблизительно. Например, я оцениваю потребности города Петербурга в овсе примерно в 16-17 млн. пудов в год. Это естественный вывод из анализа статистики привоза овса в столицу по железной дороге и по рекам и вывоза его через таможни за ряд лет. Важно отметить, что, по ряду причин, фиксируемое источниками вывозное отправление каждого из главных хлебов *всегда* меньше величины его экспорта.

Анализ соотношения экспортного и внутреннего железнодорожного отправления всех хлебных грузов показывает, что в ряде черноземных губерний темпы перевозок хлеба очевидно замедляются и даже снижаются. Это отражает рост плотности населения и вытекающий из него рост местного потребления производимых хлебов. Кроме того, это позволяет говорить о завершении экстенсивного этапа развития зернового хозяйства.

Данная ситуация совершенно обычна для всех зернопроизводящих стран. Например, был момент, когда США стали активным экспортером, но затем сократили объем вывоза хлебов, потому что увеличился приток эмигрантов, и не было смысла везти хлеб за границу, поскольку он размещался внутри страны.

Если в 1890-х гг. вывозное отправление было важным для Центрально-Черноземных, Юго-Западных, Малороссийских и других губерний, то в 1900-х годах его размеры там падают и по абсолютной и по относительной величине, часто при росте внутренних перевозок.

Очень важно, что и там, где экспортное отправление в целом не уменьшается, приросты внутреннего отправления значительно, иногда в несколько раз, выше приростов вывозного отправления.⁶⁷

Таблица 4. Среднегодовое железнодорожное отправление всех хлебных грузов (в млн. пуд.)^{*}

Годы	Общее	Вывозное		Внутреннее	
		абс.	% к общему	абс.	% к общему
1889–1890	484	292	60,3	192	39,7
1894–1895	661	388	58,8	273	41,3
1901–1903	926	416	44,9	510	55,1
1908–1911	1195	541	45,3	654	54,7
1912–1913	1273	515	40,5	758	59,5
1908–1913	1221	527	43,2	694	56,8

Источники: Материалы по пересмотру хлебных тарифов российских железных дорог. СПб, 1897; Материалы к пересмотру торгового договора с Германией и другими иностранными государствами. СПб,

⁶⁷ Давыдов М.А. Всероссийский рынок... С.162-172

^{*} Включая перевозки внутри Одесского железнодорожного узла.

1914 Ч.1; Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам... за 1912, 1913 и 1914 гг. Петроград, 1916.

* Включая перевозки внутри Одесского железнодорожного узла.

Общий прирост вывозного железнодорожного отправления всех хлебных грузов с 1994-1895 гг. по 1908-1911 гг. составил свыше 173 млн.пуд. (я специально не брал годы высоких урожаев – 1912 и 1913 гг.). Из этого количества 127,8 млн.пуд., или 81,9% приходится на Донскую и Кубанскую области, Екатеринославскую, Херсонскую, Ставропольскую, Самарскую и Саратовскую губернии.⁶⁸

То есть, в конце XIX – начале XX вв. экспорт хлеба из России возрастал главным образом за счет лишь семи губерний степной полосы.

Участие отдельных губерний в хлебной торговле было далеко не равноценным. Половину всей ржи в стране отправляли только 8 губерний, овса – 7, пшеницы – 5, ячменя – 2 губернии. Это показывает, насколько далеко зашла специализация отдельных губерний на товарном производстве хлебов. Приведенные данные говорят, что соотношение внутреннего и внешнего вывозного рынков – насколько его можно восстановить по железнодорожной статистике – в целом зеркально меняется в сравнении с концом 80-х и началом 90-х годов XIX века.

Теперь я бы хотел коротко охарактеризовать каждый из рынков главных хлебов.

Пшеница была главной экспортной культурой. В рассматриваемый период мировое производство пшеницы составляло около 6 млрд. пуд. Россия, собиравшая в среднем примерно 1 млрд. пуд., занимала среди производителей второе место после США. Пшеницей было занято около четверти посевов всех полевых культур, и такую же примерно часть суммарного сбора главных хлебов составлял ее урожай. При этом около трети сбора падало на озимую пшеницу, остальное количество – на яровую.

На карте № 1 показаны среднегодовые урожаи пшеницы в 1909-1913 гг. Как можно видеть, что Донская, Кубанская области и Самарская губерния - это главные производители пшеницы. Следом за ними идут Ставропольская и Новороссийские губернии (но без Бессарабской, где важнее было производство кукурузы). В отдельные урожайные годы к ним примыкают соседние Саратовская, Воронежская, Харьковская, Полтавская, Киевская, Подольская и Бессарабская губернии. Характерно, что к 1909-1913 годам в число зерновых лидеров выходит и Томская губерния, которая активно участвует не только во внутренней российской торговле, но и поставляет часть зерна на экспорт.

Карта № 2 показывает районы избытков и недостатков пшеницы. Картина, как можно видеть, совершенно ясная. Здесь, кстати, хорошо видно, как идет граница черноземного клина от Предуралья до Трансильвании и Румынии.

В 1909-1913 гг. доля пшеницы в потреблении главных хлебов составляла 28,3% в целом по стране и 24,1 % в Европейской ее части. В 34 из 87 губерний на нее приходилось от 1/3 до 2/3 потребления, причем 22 из этих 34 губерний располагались в Азиатской России. Две столичные губернии и Ферганская область поглощали 22,1% общего недостатка пшеницы, равного 216208 тыс. пуд., а 22 губернии с нехваткой от 3 до 10 млн. пуд. – 56,2 %. Более слабая, в сравнении с рожью, концентрация – по числу губерний – нехватки пшеницы отражает, полагаю, относительную ограниченность ареала производства товарной пшеницы, а также растущее ее потребление в губерниях ржано-овсяного пояса.

Избыток пшеницы в количестве 492,2 млн.пуд. распределялся между 32 губерниями. Почти 3/5 его концентрировалось в Донской и Кубанской областях и Самарской губернии, 27,6% – в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях, а 22,4% в пяти

⁶⁸ Возможно к ним следует добавить и Таврическую губернию, но это предмет дальнейшего исследования (к портам губернии много хлеба подвозили гужем).

губерниях с избытком от 10 до 25 млн. пуд. То есть, 89,5% «лишней» пшеницы приходилось на 11 губерний.

Таблица 5. Динамика средних сборов, вывоза и остатка пшеницы в 1897-1913 гг. (тыс.пуд. и %)

Период	Средний Сбор	Средний Вывоз	Средний Остаток	Динамика Роста сред. сбора	Динамика Роста Вывоза	Динамика роста остатка	Доля вывоза от урожая, %	Доля Остатка от Урожая, %
1897-1901	626457	156189	470268	100%	100%	100%	24,9	75,1
1902-1905	956535	261042	695493	152,7	167,1	147,9	27,3	72,7
1906-1908	763109	156459	606650	121,8	100,2	129,0	20,5	79,5
1909-1913	1103040	268447	834593	176,1	171,9	177,4	24,3	75,7

Источники: Урожай 18... года; Обзор внешней торговли России ...

В таблице 5 помещены данные о средних сборах, вывозе и остатке пшеницы в стране (урожай минус экспорт), сгруппированные по периодам большей или меньшей урожайности. Колебания сборов, как можно видеть, достаточно велики. Хотя доля вывоза от урожая, на первый взгляд, меняется незначительно, но ее количественное выражение вполне красноречиво. Из сопоставления показателей 1909-1913 гг. и 1897-1901 гг. следует, что из 476,6 млн. пуд. среднегодового прироста сборов ушло за границу 112,3 млн. пуд., или 23,6 % прироста, а 364,3 млн. пуд., или 76,4%, осталось внутри страны.

При иной периодизации картина не изменится. В 1893-1898 гг. среднегодовая величина остатка равнялась 425,7 млн. пуд., а в 1909-1913 гг. – 834,6 млн. пуд., то есть, **средний ежегодный остаток пшеницы за эти годы практически удвоился (!)**. Только за десятилетие с 1899-1903 по 1909-1913 гг. он вырос на 39,3%, почти на две пятых.

В действительности он был еще выше, так как, во-первых, мы оперируем данными лишь по 63 губерниям Европейской России. Картина станет рельефнее, если рассматривать соотношение урожая и экспорта пшеницы для всей Империи, что возможно сделать, однако, начиная лишь с 1906 г. Как можно видеть, видеть из таблицы 5а, привлечение общеимперских данных уменьшает долю вывоза от урожая в пределах от 2,6% в 1908 г. до 7% в 1911 г. в сравнении с аналогичным показателем по 63-м губерниям (то же относится и к другим главным хлебам). Во-вторых, мы помним, что статистика урожайности занижена.

Таблица 5а. Доля экспорта пшеницы от урожая в 63-х губерниях и по Империи в 1906-1912 гг. (тыс.пуд. и %).

Год	Урожай 63 губ.	Урожай Империя	Экспорт	Доля экспорта от урожая	
				63 губ. %	Империя %
1906	749260	902966	228184	30,5	25,3
1907	727345	932536	147065	20,2	15,8
1908	812723	1042895	94127	11,6	9,0
1909	1182093	1405871	322154	27,3	22,9
1910	1162046	1389383	381526	32,8	27,5
1911	742738	936208	250348	33,7	26,7
1912	1036356	1331655	169511	16,4	12,7

Источники: см.табл.1; Давыдов М.А. Всероссийский рынок... С.176-177

Таблица 6. Железнодорожные перевозки пшеничных грузов (тыс.пуд. и %)

Годы	внутреннее отправление	вывозное отправление	общее отправление	доля внутреннего отправления	доля вывозного отправления	Темпы роста отправления			
						Внутрен.	Вывозное	Внутрен.	Вывозное
1882-84	78656	136155	214811	36,6	63,4	100	100	""	""
1889-91	88099	113572	201671	43,7	56,3	112,0	83,4	100	100
1893-95	139053	119069	258122	53,9	46,1	176,8	87,5	157,8	104,8
1901-03	268546	133697	402243	66,8	33,2	341,4	98,2	304,8	117,7
1908-11	342324	202377	544701	62,8	37,2	435,2	148,6	388,6	178,2
1912-13	421528	159906	581434	72,5	27,5	535,9	117,4	478,5	140,8
1908-13	368531	188413	556944	66,2	33,8	468,5	138,4	418,3	165,9

Источники: Дополнения к Статистическому сборнику МПС № 1,2 и 3; Материалы по пересмотру тарифов на перевозку хлебных грузов в 1896 г. Спб., 1897; Материалы к пересмотру торгового договора с Германией... Ч.1; «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам»; Статистические данные об отправлениях и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам... за 1912, 1913 и 1914 гг. Пг., 1916.

Таблица 6 показывает, что если в 1882-1884 гг. соотношение внутреннего и вывозного железнодорожного отправления пшеницы составляло 36,6% и 63,4%, то в 1908-1913 гг. ситуация зеркально изменилась – 66,2% и 33,8%. При этом протяженность железнодорожной сети за эти годы увеличилась с 23,8 до 69,2 тыс. км.

Сопоставление темпов роста отправления дает вполне ясную картину: экспортное отправление увеличивается в 1,4 -1,6 раза, а внутреннее – в 4,7- 4,2 раза в зависимости от точки отсчета.

Полагаю, в рассматриваемый период экспорт пшеницы достигает своего потолка. Это, конечно, не означает, что, не начавшись в 1914 г. Первая Мировая война, показатели 1913-го или даже 1910 года, рекордного по вывозу, не были бы превзойдены. Просто наши данные красноречиво говорят о масштабах роста внутреннего рынка пшеницы в конце XIX - начале XX вв. и его потенциале. Кстати, прогресс в ее потреблении заметен не столько на перевозках зерна, сколько на перевозках муки. Любопытный момент.

Рожь. Применительно к ней тезис о «голодном экспорте» выглядит совсем неубедительно, поскольку вывоз составлял небольшую часть урожая, притом же основная часть экспортного отправления ржи приходится на Новороссию, где рожь исторически не была популярна (лишь в Гражданскую войну она заменила пшеницу).

Рожь доминировала среди сельскохозяйственных культур в России. Она считается «главным крестьянским хлебом», – 36,3% потребления по стране в целом; 40,0 % в Европейской России. Она занимала свыше четверти всей посевной площади в стране и на нее приходилась почти треть общего сбора зерновых хлебов, причем площадь, занимаемая рожью, относительно постепенно снижалась.

Карта № 3 показывает среднегодовые урожаи ржи в 1909-1913 гг., а карта № 4 – области ее избытков и недостатков.

В 50 из 63 губерний Европейской России на рожь приходилось от 1/3 до 2/3 потребления главных хлебов, притом в 28 губерниях – более 50%. Нехватка ржи фиксируется в 51 губернии из 87, показатели которых мы рассматриваем; общая величина ее равна 105352 тыс. пуд. Более трети (35%) этого количества приходится на Петербургскую и Московскую губернии, 39,2 % – на Владимирскую, Петроковскую,

Новгородскую, Тверскую, Смоленскую, Костромскую, Калужскую и Ярославскую, которые ввозили от 3 до 8 млн. пуд. ржи. Таким образом, почти 3/4 нехватки ржи в Империи было сосредоточено в 10 из 87 губерний.

В свою очередь, область избытков ржи почти разрезает Европейскую Россию строго в направлении с северо-востока на юго-запад. Граница проходит по линии северного чернозема (с изъятием Волынской и Орловской губерний). Общая величина избытков составляет 151,6 млн.пуд., 35,9 % которых сосредоточили Уфимская, Тамбовская, Самарская. Всего же 9 губерний производили 70,5 % всей «лишней» ржи в стране. Концентрация достаточно высокая.

Таблица 7. Железнодорожные перевозки ржаных грузов

Годы	ОТПРАВЛЕНИЕ			Темпы роста отправления			доля Внутренн.	доля вывозного
	Внутренн.	вывозное	общее	внутренн.	вывозное	Общее		
1889-91	54252	49154	103406	100,0	100,0	100,0	52,5	47,5
1893-95	70549	49299	119847	130,0	100,3	115,9	58,9	41,1
1901-03	108839	68706	177544	200,6	139,8	171,7	61,3	38,7
1908-11	132122	39787	171908	243,5	80,9	166,2	76,9	23,1
1912-13	134109	41807	175916	247,2	85,1	170,1	76,2	23,8
1908-13	133116	40797	173912	245,4	83,0	168,2	76,5	23,5

Источники: см. таблицу 6.

Как следует из таблицы 6, транспортировка ржи по железной дороге достигает пика в 1901–1903 гг., а затем начинает снижаться. Рожь теряла былое товарное значение. При этом внутренние перевозки безусловно доминируют, доля их возрастает на четверть; напомним, что перевозки в Петербург, например, относятся к вывозным.

Схожую картина дает рынок **овса**. Россия со своим урожаем примерно в 1 млрд. пуд. (это порядка ¼ мирового производства) овса занимала второе место после США. На овес приходилось порядка ¼ потребления главных хлебов и в стране в целом, и в Европейской России.

Карта № 5 показывает среднегодовые урожаи овса в 1909-1913 гг.

Главные недостатки овса ожидаемо приходятся на губернии с развитым городским населением: на Петербургскую, Московскую, Варшавскую губернии, а также на Петроковскую – центр Лодзинского промышленного района. Избытки овса концентрировались прежде всего в ЦЧР, который и давал основную массу вывозимого овса.

Из таблицы 8 очевидно, что, как и в случае с пшеницей, соотношение внутреннего и вывозного отправления в начале и конце рассматриваемого нами периода меняется зеркально: 41%-59% и 58%-42%. Внутренние перевозки уверенно растут.

Таблица 8. Железнодорожные перевозки овса

Годы	внутренне е отправлен ие	вывозное отправлен ие	общее отправ л.	доля внутр отправлен ия	доля вывоз. отправлен ия	Темпы роста отправления		
						Внутрен .	вывозно го	общег о
1889-91	35077	50291	85368	41,1	58,9	100	100	100

1893-95	35204	70563	105767	33,3	66,7	100,4	140,3	123,9
1901-03	64479	62642	127121	50,7	49,3	183,8	124,6	148,9
1908-11	80956	69512	150468	53,8	46,2	230,8	138,2	176,3
1912-13	92780	54674	147454	62,9	37,1	264,5	108,7	172,7
1908-13	86868	62093	148961	58,4	41,6	247,6	123,5	174,5

Источники: см. таблицу 6.

Ситуации с **ячменем** самая простая. В начале XX века Россия была мировым лидером по производству этого хлеба – порядка 30% всего производства.

Об урожаях ячменя накануне Первой Мировой войны можно судить по карте № 6. Ячмень успевал вызревать даже в Архангельской губернии. Производили его везде, но суммарный недостаток его номинален – 9 млн.пуд. Однако в северной половине Европейской России ячмень был не слишком востребован, здесь роль главной кормовой культуры играл овес. Ячмень был популярен в черноземных районах, в Новороссии, Предкавказье, Закавказье, не говоря о Средней Азии. 85,5% из 236,9 млн.пуд. внушительных избытков ячменя сосредоточены в пяти Новороссийских губерниях и Кубанской области, откуда они через порты Черного и Азовского морей шли на экспорт.

Таблица 9. Железнодорожные перевозки ячменя

Годы	внутренне е отправлен ие	вывозное отправлен ие	общее отправ л.	доля внутр отправлен ия	доля вывоз. отправлен ия	Темпы роста отправления		
						внутрен.	вывозно го	общег о
1889-91	6621	25080	31701	20,7	79,3	100	100	100
1893-95	12226	55882	68108	15,5	84,5	184,7	222,8	214,8
1901-03	21110	43441	64551	32,7	67,3	318,8	173,2	203,6
1908-13	28128	97398	125526	22,4	77,6	424,8	388,3	396,0

Источники: см. таблицу 6.

Еще раз подчеркну, что роль ячменя как экспортной культуры в пореформенное время неуклонно возрастала. К 1914 г. он вышел на первое место, обогнав в 1911–1913 гг. даже и пшеницу. Доминанта вывозного отправления очевидна, как показывает таблица 9. В то время как значение внешнего рынка для ржи, пшеницы, овса постепенно падало, для ячменя оно, напротив, возрастало, притом необычайно активно. Ячмень стал лидером по темпам роста посевных площадей и приростам урожаяев.

В результате прежняя многокультурная сельскохозяйственная композиция Юга России изменилась на самую выгодную в товарном отношении комбинацию – пшеницу и ячмень.

Диаграмма 3. Суммарный урожай и экспорт главных хлебов в 1894-1913 гг. (тыс.пуд.)

Урожай и экспорт главных хлебов (тыс.пуд.)

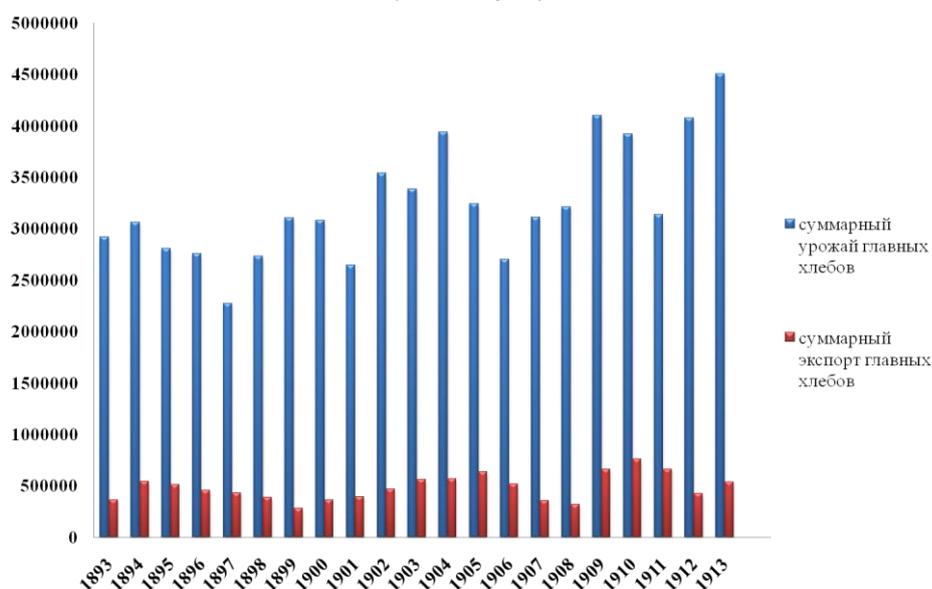

Диаграмма 3, полагаю, дает ясное представление о том, что экспорт хлеба явно не был угрозой, как сейчас модно выразиться, «продовольственной безопасности» Российской империи. Вывоз был именно частью процесса обмена, торговли – не более того!

В процессе изучения данной темы я проанализировал 26 динамических рядов, содержащих данные о размерах урожаев, экспорта и остатков каждого из главных хлебов, их перевозке по железной дороге, а также стоимости хлебного вывоза, питейного дохода, акцизных доходов с сахара, табака, нефтепродуктов, спичек за предвоенное 20-летие..

Для каждого показателя вычислялись средние ежегодные приросты, полученные при построении линейных трендов динамических рядов, а также средние арифметические для периодов промышленного подъема 1894-1900 гг., кризиса и депрессии 1901-1908 гг. и предвоенного подъема 1909-1913 гг., т.е. 1890-х гг. (таблица 10).

Таблица 10. Урожай, экспорт, остаток и перевозки главных хлебов и акцизные сборы в 1894-1913 гг. (тыс.пуд. и тыс.руб.).

ПОКАЗАТЕЛИ	Тренд 1894-1913	Среднее 1894-1900	Среднее 1901-1908	Среднее 1909-1913	1894-1900 за 100%	Среднее 1901-1908	Среднее 1909-1913
Рожь- урожай	8637	1219566	1226714	1375435	100	100,6	112,8
Рожь - экспорт	-2742	83763	74380	47990	100	88,8	57,3
Рожь остаток	11379	1135803	1152334	1327445	100	101,5	116,9
Рожь - перевозка по ж.д.	3323	137716	182470	179297	100	132,5	130,2
Овес - урожай	14073	654040	710824	869798	100	108,7	133,0
Овес - экспорт	-193	58005	63701	66421	100	109,8	114,5
Овес - остаток	14266	596035	647126	803378	100	108,6	134,8
Овес - перевозка по ж.д.	3282	102791	131786	155698	100	128,2	151,5
Пшеница - урожай	29445	627909	847825	1103040	100	135,0	175,7
Пшеница - экспорт	2805	187749	207175	268016	100	110,3	142,8

Пшеница - остаток	26640	440160	640650	834593	100	145,5	189,6
Пшеница - перевозка по ж.д.	19234	288253	433070	587555	100	150,2	203,8
Ячмень - урожай	17177	329605	435409	599216	100	132,1	181,8
Ячмень - экспорт	7854	95293	132548	226994	100	139,1	238,2
Ячмень - остаток	9322	234313	302861	372223	100	129,3	158,9
Ячмень - перевозка по ж.д.	5362	49231	77861	136762	100	158,2	277,8
Все главные хлеба -урожай	69332	2831121	3220771	3947489	100	113,8	139,4
Все главные хлеба - экспорт	7725	424810	477803	609420	100	112,5	143,5
Все главные хлеба - остаток	61608	2406311	2742972	3337638	100	114,0	138,7
Все главные хлеба - перевозка по ж.д.	31201	577992	825187	1059312	100	142,8	183,3
Хлебный экспорт (тыс.руб.)	20940	384130	492360	746788	100	128,2	194,4
Питейный доход (тыс.руб.)	35141	358262	627697	845458	100	175,2	236,0
Сахарный доход (тыс.руб.)	5089	53760	86255	126872	100	160,4	236,0
Табачный доход (тыс.руб.)	1953	36426	50694	62703	100	139,2	172,1
Нефтяной доход (тыс.руб.)	1608	22435	32893	45836	100	146,6	204,3
Спичечный доход (тыс.руб.)	802	7197	11278	18764	100	156,7	260,7

Источники: Урожай 189...года. Спб.; Ежегодник Министерства финансов на 189.. год Спб.; Отчет Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1913 г. Пг., 1914. С.14; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год. СПб; Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 189... год. СПб.

На основании таблица 10 составлена таблица 10а, дополнительно иллюстрирующая вышесказанное о хлебном рынке России в конце XIX - начале XX вв.

Таблица 10 а. Средние ежегодные приросты урожаев, железнодорожных перевозок, экспорта и остатка главных хлебов в 1894-1913 гг. (тыс.пуд.)

Хлеб	Урожай	Перевозки	Экспорт	Остаток
Рожь	8637	3323	-2742	11379
Овес	14073	3282	-193	14266
пшеница	29445	19234	2805	26640
Ячмень	17177	5362	7854	9322

Источники: см.табл.10

Как можно видеть из таблицы 10а, экспорт ржи в рассматриваемый период ежегодно уменьшался в среднем на 2742 тыс.пуд., а экспорт овса – на 193 тыс.пуд. В контексте темы «Голодный экспорт хлеба из России» отрицательные тренды вывоза ржи и овса, главных крестьянских хлебов, выглядят, полагаю, достаточно пикантно. Не слишком велик прирост экспорта пшеницы по отношению к приросту урожаев – 9,5%. И только прирост вывоза ячменя составляет 45,7% прироста сборов. Таким образом, мы вновь убеждаемся, что в конце XIX - начале XX вв. отечественное сельское хозяйство определенно не «работало на Запад».

Но это не все. Корреляционный анализ указанных динамических рядов (остатков, т.е. за вычетом трендов) в числе прочего дал следующие результаты.

Таблица 11. Коэффициенты корреляции между урожаями, перевозками и стоимостью вывоза главных хлебов и питейным доходом в 1894-1913 гг.

Урожай	Экспорт	Перевозки	Стоимость хлеб.эксп.	Питейный Доход
Рожь	-0,13	0,16	0,21	0,27

Овес	-0,05	0,58	0,55	0,58
пшеница	0,48	0,86	0,72	0,74
Ячмень	0,88	0,92	0,88	0,89

Источники: см.табл.10.

Эмпирически было известно (об этом писал и я), что не всегда заметна прямая связь между урожаем того или иного хлеба в каком-либо году и вывозом этого хлеба. Однако тот факт, что этой связи либо нет вовсе, либо она совершенно незначительна – представляется заслуживающим внимания, поскольку добавляет новый нюанс в понимание проблемы «голодного экспорта».

Из таблицы 11 нетрудно видеть, что связь между урожаями ржи и овса и их вывозом практически отсутствует (предупреждая возможные вопросы, скажу, что подсчет корреляции с лагом этого вывода никак не поколебал, да и идея эта сама по себе в данном случае весьма уязвима). Не очень заметна связь урожая и экспорта для пшеницы (0,48), и действительно значима она для ориентированного на экспорт ячменя (0,88). Очень слабый коэффициент корреляции между сборами ржи и железнодорожной ее перевозкой, возможно, несколько занижен, потому что немалые объемы ржи перевозились в бассейне Волги, не попадая на рельсовые пути; это же относится и к овсу.⁶⁹ Однако в любом случае ясно, что не следует преувеличивать степень товарности серых хлебов, которые в массе, конечно, потреблялись на месте.

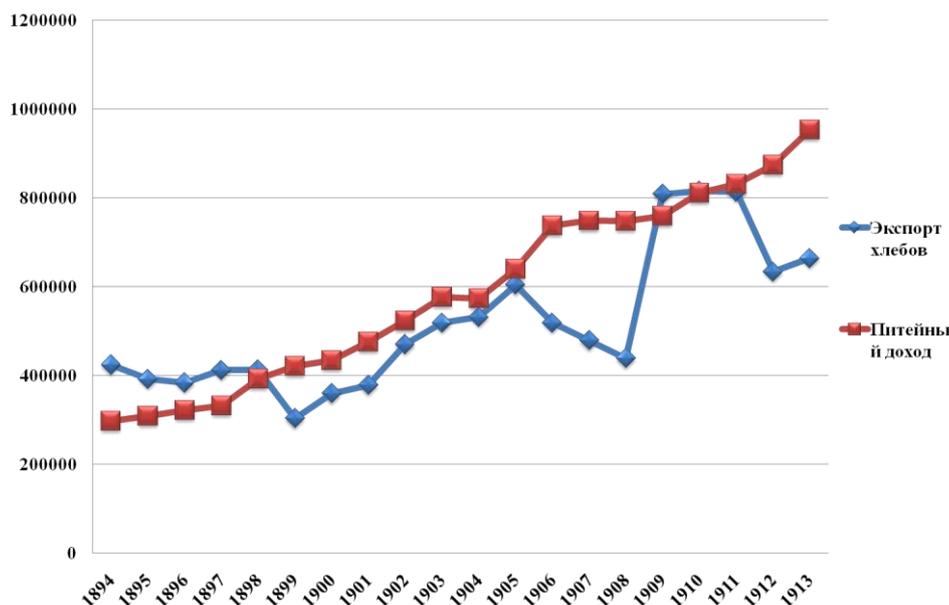
При этом приведенные данные подтверждают высказанное еще век назад мнение о постепенном падении значения ржи в общем объеме зернового производства Империи – в 1906-1913 гг. средние сборы в сравнении с 1894-1905 гг. выросли лишь на 2,2%, а остаток ржи (урожай минус вывоз) - на 5,4%. Для овса аналогичные показатели соответственно равны 16,2 и 19,3%, для пшеницы – 31,7% и 40,8%, для ячменя – 47,5 и 32,5%. Товарность красных же хлебов, особенно ячменя, заметно выше. Об этом говорит и достаточно сильная связь их урожаев с питейным (0,74 и 0,89) и остальными акцизными сборами, а равным образом и с перевозками подавляющего большинства грузов (порядка 0,8-0,9).

Мифологический характер тезиса о «голодном экспорте» весьма наглядно выступает при сопоставлении стоимости хлебного экспорта и величины питейного дохода. Диаграмма 4, составленная на основании данных таблицы 12, заставляет, как мне кажется, задуматься о многом в наших знаниях и представлениях о своей истории.

Диаграмма 4. Сопоставление стоимости экспорта всех хлебов и питейного дохода в 1894-1913 гг.

⁶⁹ Давыдов М.А. Всероссийский рынок... С.50-59, 204-224.

Экспорт всех хлебов и питейный доход (тыс. руб.)

На графике питейный доход сравнивается с суммарным экспортом хлебов, семян и жмыхов; я хочу избежать возможных упреков в занижении показателей вывоза.

Нетрудно видеть, что до 1899 г. питейный доход составлял порядка 80-95% стоимости хлебного экспорта, а после 1899 г. лишь в годы больших урожаев – 1909 и 1910 гг. – цена вывезенного хлеба слегка превысила цену выпитой водки, что прямо ставит вопрос о структуре бюджета населения. При этом я не учитывал ввоз спиртного из-за границы.

Таблица 12. Сопоставление ценности хлебного экспорта и размеров питейного дохода в 1893-1913 гг. (тыс.руб.)

Годы	экспорт хлебов	вывоз семян и жмыхов	Сумма вывоза с семенами	Величина питейного дохода	вывоз хлеба к питейному доходу (%)	вывоз хлеба с семенами к питейн.дох.(%)
1893	295776	38960	334736	260729	113,4	128,4
1894	381387	42649	424036	297281	128,3	142,6
1895	335897	56456	392353	308896	108,7	127,0
1896	322455	61298	383753	321803	100,2	119,3
1897	353876	58122	411998	332483	106,4	123,9
1898	370911	42063	412974	391929	94,6	105,4
1893-1898	343384	49925	393308	318853	107,7	123,4
1899	260377	43509	303886	420947	61,9	72,2
1900	306404	53504	359908	434493	70,5	82,8
1901	345030	33417	378447	476007	72,5	79,5
1902	433002	36075	470077	523483	82,7	89,8
1903	480217	38093	518310	576461	83,3	89,9
1899-1903	365006	40920	406126	581533	62,8	69,8
1904	496679	34973	531652	573278	86,6	92,7

1905	568456	35515	603971	639135	88,9	94,5
1906	472222	46368	518590	736898	64,1	70,4
1907	430789	47966	478755	748258	57,6	64,0
1908	379849	59231	439080	748058	50,8	58,7
1904-1908	469599	44811	514410	689125	68,1	74,6
1909	749593	58691	808284	759045	98,8	106,5
1910	747705	67515	815220	811048	92,2	100,5
1911	739065	74308	813373	830796	89,0	97,9
1912	551509	81879	633388	873591	63,1	72,5
1913	593986	69690	663676	952810	62,3	69,7
1909-1913	676472	70417	746788	845458	80,0	88,3

Источники: Ежегодник Министерства финансов на 189... год; Отчет Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1913 г. Пг., 1914. С.14; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год. СПб.

В 1913 г., последнем предвоенном, питейный доход достиг астрономической цифры в 952 млн.руб., т.е. был лишь на 16 млн.руб. (примерно 1,5%) меньше суммарного бюджета военного, (военно) морского министерств и министерства народного просвещения, притом что бюджет страны в 1913 г. составлял порядка 3,4 млрд.руб. Напомню, что по потреблению алкоголя Россия при этом не находилась в числе европейских лидеров.

Если ситуация, при которой цена выпитой населением водки составляет не 10 и не 20%, а свыше 80-90% стоимости вывозимых вторым экспортером хлебов в мире, а затем свыше 10 лет намного ее превосходит, может именоваться «голодным экспортом», тогда в толковых словарях русского языка что-то нужно исправлять.

Я, разумеется, не буду сейчас обсуждать феномен удовлетворения человеческих потребностей, столь же сложный, сколь и интересный для понимания любой исторической эпохи. Однако приведенная информация, полагаю, сама по себе показывает, что более чем вековые народническо-марксистские причитания о несчастной доле жителей Империи и прежде всего крестьян стоят недорого. Во всяком случае, куда дешевле экспорта картофельной муки.

Впрочем, данные таблицы 12 сами по себе более чем красноречивы.

Итак, тезис о «голодном экспорте», точнее о негативном воздействии экспорта хлеба на питание населения России и, в частности, крестьян не находит подтверждения в статистике производства, вывоза и перевозки хлебных грузов, а также других источниках. Преобладающую, и притом перманентно возрастающую роль в торговле хлебом играл внутренний рынок, что абсолютно естественно вытекает из законов рыночной экономики.

При этом закономерный характер большого хлебного экспорта России людям компетентным был ясен и в то время. А.Н. Челинцев, классик жанра, в общем виде рассматривал вопрос о динамике соотношения внутреннего и внешнего хлебных рынков за 1880/84 – 1907/10 гг. По его подсчетам чистый привоз в области недостатков за эти годы увеличился в 2,2 раза, а все избытки хлеба – в 2,8 раза: «Предложение южной половины страны перегоняло, таким образом, рост спроса в северной половине Европейской России. И избыток хлеба должен был находить все больший сбыт за границей. Вывоз за границу с 262,4 млн. пуд. в 1880/84 г. вырос до 585,1 млн. пуд. в 1907/10 гг., т. е. на 322,7 млн. пуд. Итак, несмотря на рост, внутренний рынок не мог поглотить того предложения хлеба, которое выросло... более всего в южно-

черноземных губерниях. И в результате Южная Россия и Россия в целом стали в большей мере заинтересованы во внешнем рынке, чем 25–30 лет тому назад»⁷⁰.

Развивая эти мысли, исследователь писал: «Рост индустрии городов и неземледельческого населения вообще не был достаточен для поддержания объема сельскохозяйственного производства на достаточной высоте... Занятое сельским хозяйством население удерживалось в побочных занятиях для пополнения заработка от собственного сельского хозяйства, выселялось, уходило на временные сельскохозяйственные заработки и пр.

Но не только в этом можно было видеть недостаточность объема внутрирусского сельскохозяйственного рынка, которая задерживала должное расширение сельского хозяйства. Ограниченность внутреннего сельскохозяйственного рынка была очевидной из того, что уже при достигнутом в России уровне производительности сельского хозяйства, часть его продуктов могла продаваться лишь за пределами России. Как земледельческая по преимуществу страна, она могла размещать свои продукты, лишь прибегая к загранице. Другими словами, сложившийся объем русского сельского хозяйства поддерживался в известной своей части сбытом на этот заграничный рынок... Увеличивался вывоз тех хлебов, культура которых была... главной в редкозаселенных южных, юго-восточных и восточных районах с быстрым расширением хлебной площади, т. е. ячменя и пшеницы»⁷¹.

Приведенные мной данные, в числе прочего, показывают, что направление эволюции потребления зерновых хлебов и факторы, влияющие на нее, были в России теми же, что и во многих странах Европы.

Повсюду основной первоначально является та культура, которая оптимально соответствует природным условиям, а значит, обходится дешевле. С этим, в частности, связано преобладание ржи в Нечерноземье и в северно-черноземных губерниях. Население степного Юга России (как и Южной Европы) питалось пшеничным хлебом. Хлеб дополнялся кашами и крупами из пшеницы, ячменя, гречихи, проса, кукурузы, а также бобовыми, прежде всего горохом.

Рост благосостояния населения приводит к постепенной замене ржаного хлеба пшеничным. Англия, в которой рожь когда-то была основным хлебом, в рассматриваемый период питалась уже исключительно пшеничным хлебом. В Германии доля пшеницы в рационе быстро росла, хотя ржаной хлеб еще преобладал.⁷² Ф.Бродель говорит о том, что во Франции «господство» белого хлеба «устанавливалось **медленно**, и окончательно он восторжествовал **не раньше конца XIX века**. До тех пор он оставался роскошью, не доступной городской бедноте, а для деревенских жителей зачастую и вовсе невиданной»⁷³.

Статистические данные о росте внутреннего потребления пшеницы в конце XIX - начале XX вв., приводимые мной в данной работе, ясно говорят, что аналогичные процессы начались и в России с понятной региональной «поправкой».

Тем не менее идея «голодного экспорта» оказалась весьма удобной пиар-находкой из разряда – «чем нелепее, тем лучше», и успешно эксплуатируется свыше ста лет, поскольку в течение этого периода потребность в негативном имидже имперской России была высока.

С экспортом связано также несколько «родственных» недоразумений, по-своему отчасти понятных, но плохо сочетающихся с реальной жизнью. Одно из них – идея запрета экспорта в голодные (и не только) годы, которая неоднократно дискутировалась как в России, так и в Европе в соответствующих ситуациях. Это «слишком по-

⁷⁰ Челинцев А.Н. Перемены в хлебной продукции Европейской России в связи с общим развитием сельского хозяйства. Харьков, 1913.

⁷¹ Челинцев А.Н. Сельскохозяйственная география России. Берлин, 1923. С. 6–7.

⁷² Бруцкус Б.Д. Экономия сельского хозяйства. Народнохозяйственные основы. Берлин.1923. С.126-127 и далее.

⁷³ Бродель Ф. Что такое Франция? М., 1997. Т. 2.2, С.133.

человечески» (одна из частых фраз С.Ю. Витте). Екатерина II, к слову, осудила ее еще в XVIII в.

Однако во второй половине XIX в. за критикой экспорта стояло не только стремление *запретить*, т.е. рефлекторный и понятный порыв защититься от угрозы, свойственный людям во все времена, но и вполне конкретное желание *распределить* вывозимые товары, которое и тогда уже имело совершенно социалистическую окраску. Ведь начиная с Чернышевского, русская интеллигенция всюду мечтала о государстве распределения, точнее, мечтала *сама* распределять.

Другими словами, речь шла о том, что государство может прекратить экспорт и распределять хлеб (и вообще все на свете) внутри страны «сверху», подобно тому, как это будет при «военном коммунизме», а потом при «плановом социалистическом хозяйстве», игнорируя не только законы рыночной экономики, но и законы человеческой природы.

По сути, содержанием термина «голодный экспорт» в этом контексте является мысль о том, что нельзя что-то вывозить за рубеж, если не все жители страны потребляют экспортируемые продукты в достаточной степени. Сообразно с этой логикой Германия, условно говоря, должна прекратить экспорт «Мерседесов», поскольку часть немцев ездит на «Фольксвагенах», а некоторые и вовсе ходят пешком.

А, собственно говоря, почему это должно быть так? Если считать это требованиями морали, нравственности, то, на мой взгляд, такие мораль и требования весьма сомнительны. Распределяют между рабами и крепостными. А люди *свободные* должны сами зарабатывать на то, что хотят потреблять.

Апологеты распределительной системы считают, что если, предположим, у кого-то не хватает молочных продуктов для ребенка, то вывоз масла за границу аморален. Точка зрения не слишком основательная.

Во-первых, сначала нужно выяснить структуру бюджета недоедающей семьи, определить, на что она тратит деньги, понять уровень понимания родителями своих обязанностей по отношению к детям и меру их ответственности за свою семью, а уже потом переходить к обобщениям макроисторического и макроэкономического масштаба. Кто не знает людей, которые обожают жаловаться на свою трудную жизнь, но при этом далеко не используют те возможности, которые есть у них для того, чтобы эту жизнь улучшить. Всегда есть люди, которым проще оправдывать свои недостатки несовершенством окружающего мира.

Во-вторых, наивно думать, что количество товаров на рынке не зависит от степени уверенности производителей в том, что они продадут свою продукцию. Кто сказал, что при отсутствии сколько-нибудь гарантированного рынка сбыта, объем производства того или иного товара будет на том же уровне, что и при наличии такового? Что, например, то масло, которое вывозится якобы в ущерб чьему-то питанию, было бы выработано? *Спрос* рождает предложение. И когда у сибирского маслоделия на рубеже веков появился новый рынок сбыта в Англии, чем сибиряки до сих пор с полным основанием гордятся, это стало приносить больший доход тем крестьянам, которые его производили. Подобные примеры есть под рукой у всех нас – вспомним, хотя бы варианты придорожных торговли и питания, что на шоссе, что на железных дорогах. Кто будет строить шашлычную на проселке?

Возьмем историю хлопководства в Средней Азии. Когда, наконец, был определен сорт американского хлопка, который мог успешно культивироваться в Туркестане, потребовались прицельные усилия правительства, в первую очередь в таможенной сфере, чтобы сделать хлопок привлекательной для дехкан культурой, поскольку производить хлеб и кормовые травы поначалу было выгоднее. Как только были созданы условия, сделавшие производство хлопка более прибыльным, чем выращивание хлеба и кормовых трав, – появилось отечественное хлопководство.

Еще раз повторю, что рынок, неважно – внешний или внутренний – создает для крестьян стимул производить, работать больше и пр. Они готовы приложить

дополнительные усилия, если они будут хоть как-то вознаграждены, а если нет – зачем работать? Кровавый кризис продрозверстки и переход к НЭПу, а также все кризисы хлебозаготовок в 1920-е годы, кажется, доказали это более, чем определено.

А какой процент потребляемых в советское время продуктов давали приусадебные участки!?

Кстати, пореформенная Россия имела опыт запрета экспорта хлеба, и он оказался весьма поучительным. С началом голода 1891 г. министр финансов И.А. Вышнеградский вынужден был «под напором общественного мнения и под влиянием тех же газет, которые так недавно еще поощряли усиленный экспорт хлеба, прибегнуть к таким чрезвычайным мерам, как воспрещение вывоза за границу не только ржи в зерне, ржаной муки и отрубей, но затем, в октябре и ноябре того же года, и всех прочих хлебов и вырабатываемых из них продуктов. Трудно, однако, сказать, чтобы эти меры, тогда же сопровождавшиеся потрясением всей нашей хлебной торговли и еще пагубнее отразившиеся на ней впоследствии, оказали сколько-нибудь благотворное влияния на хлебные цены, которые продолжали расти неудержимо вплоть до весны 1892 года, когда началось довольно быстрое их падение, невзирая на то, что до нового урожая было еще далеко»⁷⁴ - так комментирует указанную акцию один из крупнейших специалистов по сельскому хозяйству конца XIX - начала XX вв. А.С. Ермолов, министр земледелия Александра III и Николая II. Итак, запрет экспорта не снизил цены на внутренних рынках – они поднимались вплоть до весны, когда выяснились хорошие виды на урожай, и обнаружилось (!) большие запасы хлеба. Если бы не запрет вывоза, то, возможно, часть этих запасов ушла бы за границу, однако Ермолов сомневается в этом, поскольку тогда внутренние цены были выше зарубежных.

После 1891 и 1892 гг. был ряд сравнительно благоприятных урожайных лет, но сельское хозяйство страны еще долго переживало последствия одной из самых радикальных мер для борьбы с неурожаем 1891 г. – запрещения вывоза хлеба за границу, в связи с последовавшей вскоре затем таможенной войной с Германией.

Германия и Англия были важными потребителями русского хлеба (в Германию поставлялись рожь и овес, а в Англию – преимущественно пшеница). В эти годы основным конкурентом России на европейских рынках были США, которые до 1890-х гг. предпочитали производить и экспортировать более дорогую пшеницу, нежели рожь. Пшеничный рынок Европы Россия делила с США, однако в отношении овса и в еще большей степени ржи Россия была вне конкуренции, особенно на германском рынке.

В 1880-х гг. Германия, защищая интересы своего сельского хозяйства под влиянием аграриев, а отчасти в ответ на повышение российских таможенных пошлин на ряд германских товаров, прежде всего, на металлические изделия, наложила пошлину на русские хлеба. Россия тем не менее приступила к пересмотру таможенного тарифа в смысле еще большего усиления протекционизма, и в Германии обсуждалась идея еще большего повышения пошлин на ввозимый из нее хлеб.

«Однако германское правительство», – пишет Ермолов – «колебалось осуществить эту меру, опасаясь того, что она может вызвать неудовольствие со стороны потребителей русского хлеба в Германии вследствие чрезмерного повышения цен на него, без нашего хлеба там не считали возможным обойтись. Но вот наступил голодный 1891 год и мы сами запретом вывоза нашего хлеба сыграли Германии в руку. Русский хлеб исчез с ее рынков, как и с английских, но наше место немедленно же заняла на них Америка, которая скоро и рожь начала более прежнего производить и вывозить, чтобы завладеть рынком германским. Тогда и Германия, убедившись, что она может обойтись без нашего хлеба, перестала с нами церемониться и в конце 1891 года заключила ряд торговых договоров на базисе понижения хлебных пошлин со всеми конкурирующими с нами странами, ввозящими на германские рынки зерновой хлеб. После этого наши рожь и

⁷⁴ Ермолов А.С. Наши неурожаи... т.1. С. 104–105.

пшеница стали оплачивать при ввозе в Германию пошлину в 11 коп. с пуда, а овес на 10 коп. большую, нежели хлеба других стран.

В отместку за это Россия ввела двойные таможенные тарифы на ввозимые к нам германские товары, и началась так называемая таможенная война наша с Германией. Немцы ответили дальнейшим на 50% повышением хлебных ставок на русские хлеба, и нам пришлось оплачивать рожь и пшеницу пошлиною на 31 к. с пуда, а овес на 25 к. более высокою, нежели наши конкуренты; важнейший для нашей хлебной торговли германский рынок был для нас почти совершенно закрыт. А за это время положение Америки на нем все более и более упрочивалось. Когда же запрещение заграничного вывоза было у нас отменено, и, начиная с 1893 года, вступил ряд высоко урожайных лет, **когда мы вновь получили возможность вывозить свои громадные в ту пору хлебные избытки за границу**, то оказалось, что за время приостановки нашего экспорта торговые конъюнктуры на заграничных рынках совершенно и к полной нашей невыгоде изменились.

Многие из рынков были почти потеряны, и России пришлось их завоевывать заново. Для этого ей, с одной стороны, пришлось пойти на серьезные уступки в пользу Германии в своем таможенном тарифе, чтобы добиться некоторых от нее уступок в хлебных тарифах в свою пользу, что и было зафиксировано в таможенном договоре с Германией 1894 г., а, с другой стороны, значительно понизить цену на свой хлеб, что, естественно, «самым пагубным образом отразилось на нашем сельском хозяйстве»⁷⁵.

«Таким образом», – подытоживает Ермолов – «наши сельские хозяева, как землевладельцы, так и крестьяне, большинство которых во всех хлебобордных местностях России тоже ставит свой хлеб на рынок, потерпели колоссальные убытки и под влиянием неурожая 1891 и отчасти 1892 года, когда большинству из них продавать было нечего, а напротив, самим приходилось покупать и хлеб, и корма, – и от непомерного, ниже стоимости производства, падения цен на хлеба, когда запрет вывоза был снят, но заграничные рынки оказались уже в значительной мере и надолго для нас потерянными, а затем под влиянием повышенных германских тарифных ставок на наш хлеб.

В течение многих лет мы из этих крайне для нашего сельского хозяйства невыгодных условий выбраться не могли и долгие годы нам пришлось расплачиваться за такую меру, как воспрещение вывоза русского хлеба, которое ожидаемую от него пользу в голодный год едва ли принесло, но зато самым пагубным образом отозвалось на нас же впоследствии. И надо надеяться, что к подобной мере, совершенно основательно... осужденной еще в XVIII столетии, мы уже никогда, ни при каких условиях возвращаться не будем»⁷⁶.

Применительно к стране, живущей по законам рыночной экономики, идея сформулирована и раскрыта вполне внятно.

А теперь позволю себе коротко напомнить о том, что произошло, когда после 1917 г. призыв вождя «государства всеобщего благоденствия», воплощения уравнилельно-распределительных мечтаний русской интеллигенции и апогея *нерыночной* экономики стал реальностью.

Надо сказать, что **наша история дает воистину страшные примеры материализации лживых мыслей и слов.**

Настоящий голодный экспорт был тогда, когда Сталин ограбил крестьянство в коллективизацию так, как никаким татаро-монголам вкупе с крепостническим государством не снилось, и вывез изъятый хлеб за границу, чтобы купить заводы, заплатить Альберту Кану и др., уморив голодом миллионы людей. А до этого, напомню, во время Гражданской войны была своего рода репетиция коллективизации – продовольственная диктатура, комбеды и продразверстка, когда хлеб также реквизируют «за бесплатно», обрекая людей на голодную смерть. Ленин звучно

⁷⁵ Там же. С. 136–139.

⁷⁶ Там же. С. 139–140.

именовал это «непосредственным переходом к коммунистическому производству и распределению». И уже в 1922/23 начали вывозить.

В несколько меньшем масштабе ситуация повторилась в 1946-1947 гг., когда «государство рабочих и крестьян» сознательно пошло на голод, накапливая запасы для отмены продовольственных карточек и предстоящей денежной реформы 1947 года. При этом из «соображений престижа» оно не только отказалось от международной гуманитарной помощи, но и вывезло 2,5 млн. тонн зерна в страны Восточной Европы (см. ниже).

Вернемся, однако, к России в конце XIX - начале XX вв. Уже приведенные факты требуют корректировки привычных представлений о покупательной способности населения.

О правительственной продовольственной помощи.

Логичным представляется после доказательства мифологического характера тезиса о «голодном экспорте» обратиться к смежному сюжету – продовольственной помощи населению, пострадавшему от неурожая.

Продовольственная помощь – система мероприятий, призванная обеспечить питание населения в неурожайные годы.

Народники, затем советская историография, а теперь и новая генерация поклонников «Отца всех народов, кроме репрессированных», обожают рассуждать о голодовках в царской России, однако упорно игнорируют наличие в стране продовольственной системы, продовольственного законодательства, которое обеспечивало питание жителей страны в неурожайные годы. Игнорируют, понятно, для удобства – «антинародное» государство, обрекающее свое население на нищету, по определению не может заботиться об этом населении.

Любой, кто не знаком с этой проблематикой специально, но со школы знает о народных страданиях, о «голодном экспорте» (а кто о них не знает?), совершенно естественно полагает, что «ненавистное» царское правительство выкачивало из деревни хлеб – наподобие того, как это делала советская власть – обрекая на голодовки миллионы крестьян, и никаким образом не заботилось о борьбе со *стихийными* бедствиями в виде частых неурожаяев. На деле же имперская власть тратила значительную часть государственного бюджета на продовольственную помощь, чего русская интеллигенция как бы и не замечала, точнее, обращала на это свое высокое внимание, как мы увидим, лишь для того, чтобы снова и снова обличать Власть в некомпетентности. И этот заговор молчания, как и идея «голодного экспорта», оказался вполне успешным.

Между тем без учета феномена продовольственной помощи понять пореформенную Россию невозможно. Относительно подробное описание его я дал в работе «Всероссийский рынок в конце XIX - начале XX вв.»⁷⁷, а сейчас хочу лишь напомнить некоторые важные его характеристики.

Продовольственная помощь существовала при крепостном праве. На барине, по закону, лежало две основных обязанности в отношении крестьян – он не должен был допускать их до нищенства и обязан был кормить в голодные годы. Поэтому слова княжны Марьи, сказанные крестьянам во время «Богучаровского бунта» о том, что они могут брать хлеб, следует понимать в контексте эпохи, т.е. не нужно видеть в этом предложении что-то из ряда вон выходящее. При этом князья Болконские были, судя по «Войне и миру», хорошими помещиками (хотя старый князь едва ли сделал бы богучаровских мужиков «вольными хлебопашцами», подобно князю Андрею, воспользовавшемуся Указом 1803 г.).

⁷⁷ Более подробная история продовольственной помощи - см. М.А. Давыдов «Всероссийский рынок в конце XIX - начале XX вв. и железнодорожная статистика». С. 254-309.

При этом правительство задолго до отмены крепостного права было озабочено «устранением вредной мысли поселян о безусловном праве их требовать пособие от правительства» в неурожайные годы. Еще в 1833 г. Государственный Совет во время обсуждения вопроса об организации работ констатировал наличие «превратного мнения, укоренившегося у крестьян», будто бы правительство **обязано** продовольствовать нуждающихся из них, причем требуя настоятельно пособия, они в то же время продают собственные свои запасы и отказываются от работ у помещиков, домогаясь безусловной дачи им хлеба. События такого рода и бывшие даже при том беспорядки убеждают в необходимости принятия заблаговременно мер, кои, побуждая нерадивых и беспечных к трудолюбию, постепенно истребили бы вредную для государства и для собственного благосостояния поселян мысль о праве их на пособие от владельцев и правительства»⁷⁸.

То есть, настроения, которые позже назовут иждивенческими, вполне отчетливо проявлялись у крестьян и до 1861 г., и это естественно, ибо они (настроения) были прямым порождением крепостничества. Ход рассуждений крестьянства был примерно таким: мы от вас (помещиков и правительства) **полностью** зависим, вы за нас решаете **все** – как нам жить, когда жениться, когда ложиться спать, идти ли в рекруты и т.п. Поэтому будьте любезны кормить нас, если Бог не дал урожая.

При создании после 1861 г. продовольственной системы правительство понимало стратегическую опасность подобных ожиданий крестьянства. Поэтому Комитет Министров и другие правительственные органы много лет словом и делом убеждали население в том, что Власть «в годину неурожая оказывает ему временную помощь, но не иначе, как в виде ссуды, которую ему, во всяком случае, придется потом возместить. Всякая идея безвозвратных пособий, даровой кормежки, самым энергичным образом отвергалась—население получало ссуды под ответственностью земств, которым было предоставлено их распределение среди нуждающихся,— и фактически их возвращало... За весь этот период продовольственный фонд во всех его видах был в действительности фондом оборотным, и правительство, приходя в тяжелые годы на помощь пострадавшему населению, оказывало ему такую помощь только заимообразно, отнюдь не принимая на себя даже и в эти годы дарового его прокормления.

Это означало, что ресурсы государственного казначейства, пополняемые за счет всего русского населения, не могут служить для содержания одной его части на средства, собираемые с другой, стояло твердо, а потому твердо стояла и вся основанная на этом начале продовольственная система»⁷⁹.

В 1864-1890 гг. продовольственный устав, с некоторыми дополнениями, действовал в полном своем объеме, без принципиальных отступлений от его духа.

Черту под сравнительно благоприятным 25-летним периодом руководства земствами продовольственным делом в России подвел страшный по тем временам голод 1891 г.

Бедствие в разной степени затронуло 27 губерний, и А.С.Ермолов оценивает сумму казенных ассигнований на помощь населению, которую ему удалось подсчитать, в 172 млн.руб. Для сведения – в 1891 г. расходы Империи на оборону составили 271,6 млн.руб. (226,1 млн. руб. пришлось на военное министерство и 45,5 млн.руб. – на морское)⁸⁰.

Для понимания многого из того, что случится в стране в последующую четверть века, и, в частности, специфики формирования иждивенческой психологии крестьянства в конце XIX - начале XX вв., о которой так много пишут **ненароднические** дореволюционные авторы, крайне важно следующее.

Несмотря на стремление властей соблюдать определенные принципы (правила) в продовольственной помощи, «весть о «способии», о «Царском пайке», широко распространялась по всему пространству пострадавший, губерний и внушила населению

⁷⁸ Ермолов А.С. Наши неурожай... т.1. С. 56-7.

⁷⁹ Там же, С.96-97.

⁸⁰ Министерство финансов. 1802-1902. СПб. Ч.2. С.642.

глубоко в него внедрившуюся мысль о том, что оно имеет право на пособие, что Правительство обязано его кормить, и притом всех без разбора. На каждое исключение кого бы то ни было из списков нуждающихся крестьяне стали смотреть уже как на притеснение на злоупотребление. Более того, во многих местах распространялось убеждение, что Царь прислал деньги на помощь всем, поровну, а если кому не дают, то это значит чиновники, либо помещики, часть Царских денег утаили, себе присвоили. Бывали случаи самых назойливых со всевозможными угрозами, требований от лиц, заведовавших раздачей хлебных ссуд и даже оказывавших населению благотворительную помощь на частные, иногда собственные средства»⁸¹.

Голод был тяжелым испытанием для страны. Трудным было и положение, в котором оказалась Власть. И она вступила на путь, который органично укладывался в привычную патерналистскую схему ее отношений с подданными – она начала облегчать условия возврата продовольственных ссуд.

Высочайшее повеление 23 июля 1892 г. установило, что продовольственные ссуды, выданные по случаю неурожая 1891 года, крестьяне могут возвращать, по своему желанию, либо деньгами, соответственно заготовительной цене хлеба, или натурой из расчета пуда за пуд полученного хлеба. В числе прочего, это означало, что за полученный правительством с населения натурой хлеб из общей суммы земских продовольственных долгов казне списывалась сумма, равная стоимости полученного хлеба, **но по той цене, в какую он обошелся земству.**

Через год, 20 июня 1893 г., вышел Высочайший Указ, согласно которому для дальнейшего облегчения уплаты продовольственных ссуд, выданных в предшествующие годы, эти ссуды взыскивались не по заготовительным ценам на хлеб, а сообразно к средним ценам на рожь и овес за последнее десятилетие.

Не вдаваясь в детали этих законодательных актов (важные сами по себе), отмечу, что на их основании было тогда же списано с населения до 52 млн.руб. лежавших на нем долгов⁸².

14 Ноября 1894 г. Высочайшим Манифестом, изданном по случаю свадьбы Николая II, с населения было сложено еще около 50 млн.руб. продовольственных долгов⁸³.

Все это радикально изменило ситуацию с продовольственной помощью.

А.С.Ермолов: «Эти меры, благодетельные по своим намерениям, так как ими имелось в виду снять с населения лежавшие на нем тяготы, освободив его от обязанности возврата долгов, зачисленных за ним в бедственные годы неурожая, **внушили, однако, крестьянам ту пагубную мысль, что продовольственная помощь, оказывается им безвозвратно, что продовольственных ссуд с них обратно взыскивать не будут.** Нужно ли говорить о **гибельных последствиях этого воззрения, глубоко теперь укоренившегося в народ?»⁸⁴**. Официальный Отчет Управления сельской продовольственной частью МВД развивает эту мысль: «Население все более и более приучалось смотреть на предъявляемые к нему местными крестьянскими учреждениями требования об уплате продовольственных долгов как на исполнение пустой формальности, а на полученные им ссуды, как на безвозвратное пособие – **«Царский паек»»⁸⁵**.

Под знаком изменившейся политики Власть прошли 1891-1900 гг. Продовольственное дело формально еще оставалось в ведении земств, однако фактически

⁸¹ Отчет по продовольственной кампании 1910-1911 гг. Управления сельской продовольственной частью МВД. Спб., 1912. С.107-108

⁸² Ермолов А.С. Наши неурожай... т.1. С.134-136.

⁸³ Там же, С.142-143.

⁸⁴ Там же, С.143.

⁸⁵ Отчет по продовольственной кампании 1910-1911 гг. ... С.109,110.

руководство им все больше уходило к правительственным органам – центральным и местным.

Сложение долгов не отменяло и других мер, облегчавших положение нуждающихся, таких, как закупки правительством лошадей для крестьян (однажды - без малого 70 тысяч), неоднократное разрешение Министерством земледелия и государственных имуществ крестьянам пасти скот в казенных лесах, косить сено, а также к заготовке веток лиственных пород на корм скоту, к сбору мха, хвои и листьев на подстилку скоту и к добыче песку, камня и гальки на казенных землях, за соответствующий отработок и многое другое.⁸⁶

За 1891-1900 гг. из средств Казначейства и из общеимперского продовольственного капитала на поддержку населения в годы неурожаев, на поддержание крестьянского скотоводства и на организацию общественных работ было отпущено 230 млн. руб. (не считая 1,6 млн.руб. лесного ведомства), т.е. в среднем за год – более 23 млн.руб.⁸⁷

Из этих почти 232 млн.руб. порядка 90% - 211 млн. руб.- подлежали возврату (ссуды продовольственные и семенные, на прокорм скота, на покупку лошадей и пр.). Меньшая часть, израсходованная на общественные работы и другие надобности, затрачивалась безвозвратно.

На деле же население вернуло лишь около 19 млн.руб., а большая часть долгов была аннулирована Всемилоостивейшими манифестами, Именными указами и Высочайшими повелениями. Из одних только ссуд по неурожаю 1891—1892 г.г. сложено было, как говорилось уже, свыше 100 миллионов рублей. Остальное составляли расходы безвозвратные, долги губернским капиталам, долги за отпущенных лошадей и пр., также в основном позже сложенные.⁸⁸

Напомню, что бюджет страны в эти годы составлял порядка 1440 млн.руб.⁸⁹. Понятно, каким тяжелым бременем ложились на Казначейство продовольственные расходы.

Как кажется, обзор продовольственной помощи в 1900-х гг. целесообразно предварить следующей информацией, которая содержится в учебнике Истории России, выпущенном МГПУ, и которая позволит лучше представить финансовый масштаб обсуждаемых проблем.

«По сведениям фабрично-заводской инспекции средняя по России зарплата за год составляла: в 1900 г. - 194 руб., в 1908 г. - 245, в 1913 г. - 263 руб. У металлистов, металлургов она доходила в 1913 г. до 500 (на Путиловском заводе - 610, у металлистов Петербурга -546 руб.). Самые низкие зарплаты были у текстильщиков - 215 и у пищиков - 240 руб. Таким образом, средние месячные зарплаты колебались в 1913 г. от 18 (у ткачей) до 50 руб. (у металлистов). Начинающие рабочие получали ниже средней зарплаты, квалифицированные - выше.

У рабочих, не относящихся к фабрично-заводской инспекции, заработки в 1913 г. были следующие: чернорабочие – 30 руб. в месяц, строители (столяры, штукатуры, слесари и др.) - 56, монтеры - 70-80, машинисты на железной дороге -80-100 руб. В среднем с 1908 г. по 1913 г. зарплаты рабочих по стране поднялись на 7,5 %, а индекс всех розничных цен - на 5,3 %, т.е. росла и реальная зарплата. Доплаты к зарплате увеличивали ее примерно на 10-60 %.

...Представление об уровне жизни населения не может быть полным без указания цен на продукты, услуги и основные предметы потребления.

Среднегодовые цены в 1913 г. в Москве (кстати, в провинции, особенно в сельской местности и на Юге, продукты стоили дешевле (несравненно дешевле! – М.Д.), в

⁸⁶ Ермолов А.С. Наши неурожаи... т.1. С.142-174.

⁸⁷ Там же, С.176.

⁸⁸ Там же, С.176-177

⁸⁹ Из архива С.Ю.Витте. Воспоминания. Том 1. Рассказы в стенографической записи. книга 2. Спб., 2003. С.538.

Петербурге - чуть дороже), по данным статистических справочников, были следующими (в коп. за 1 кг):

Хлеб черный -	5	Вино (1 л)	—	40
Хлеб белый -	12	Ситец (1м)	18	
Мука ржаная -	6	Сукно (1 м)	2,8 руб	
Мука пшеничная	7	Ботинки женские	4 руб	
Картофель -	2	Полуботинки мужские	- 3 руб	
Говядина выс.сорта	50	Сапоги	7 руб.	
Молоко (1 л) -	8	Полушубок	- 15 руб	
Колбаса вареная	35	Билет в Большой театр	- 32 ко	
Колбаса копченая	75	Билет в кино	- 18-20	
Чай (фунт) -	150	Визит к врачу	- 20	
Масло растит. (1 л)-	32	Плата за обучение ребенка в школе	- 2 руб. в мес.	
Масло сливочное	-70-90	Сервиз фаянсовый на 12 человек	- 10 руб.	
Крупа гречневая	-9			
Водка(1 л) -	30			

п.

На питание тратилось в среднем, по материалам бюджетных обследований, у низкооплачиваемых одиноких мужчин 46 % заработка, у среднеоплачиваемых - 33, у семейных - 57 и 45 % соответственно. Более половины питалось дома, это считалось дешевле и вкуснее. Преобладала пища хлебно-овощная (щи, каша, хлеб, картошка, капуста). В рацион входило мясо, жиры, рыба, сахар. Фрукты почти отсутствовали, молочные продукты покупались главным образом семейными, имеющими детей.

Второе место занимали расходы на квартиру, отопление и освещение. Можно было снять по сравнительно дешевым ценам: «угол» (1 руб. в месяц в 1913 г. в Москве, в центре - дороже), комнату (от 3 руб. и выше; в центре с прислугой - 11 руб.), снять или купить квартиру (квартплата в среднем 20 коп. за 1 метр квадрат.) или дом.

Приведенные цены и зарплаты показывают, что в среднем рабочие могли неплохо питаться и найти жилье, но в то же время малооплачиваемые жили в плохих условиях в казармах, на мелких предприятиях часто ночевали в рабочих помещениях, а их питание, по отзывам санитарных врачей, было недостаточным. Водку пили почти все рабочие, но среднее потребление (5 л чистого алкоголя в год на душу населения) было не выше, чем в других странах»⁹⁰.

В 1901 г. произошел новый неурожай, потребовавший новых значительных расходов. Ситуация в сельском хозяйстве страны оставалась такой, что несмотря на то, что 1902-1904 гг. были вполне благоприятными, каждый год происходили очередные «инъекции» из Государственного Казначейства на подкрепление общеимперского продовольственного капитала, и из этого капитала на помощь отдельным губерниям.⁹¹

Долг населения по продовольственным ссудам на начало 1901 г. составлял 52,7 млн. руб., а вернуло оно к 1905 г. лишь 771 тыс.руб. Между тем за те же годы во исполнение различных актов о предоставлении населению облегчений по взысканию с него продовольственных ссуд, списано со счетов долгов продовольственному капиталу 24,9 млн.руб.

И все же, несмотря на это, к 1 января 1905 г. долги снова возросли до 127,6 млн.руб., т.е. увеличились за 4 года на 74,9 млн.руб.⁹²

⁹⁰ Новейшая история Отечества. XX век. Учебник для вузов в двух томах. Под редакцией А.Ф.Киселева и Э.М.Шагина. том.1. М.1998, С.30-33

⁹¹ Ермолов А.С. Наши неурожаи... Том 1. С.230-266.

⁹² Там же. С.266-267.

25 июня 1904 г. вышло Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров о порядке взыскания продовольственных долгов по ссудам, выданным до 1 января 1901 г., продолжавшее «облегчительную» тенденцию прежних лет.

11 августа 1904 г. последовал Высочайший манифест, изданный по случаю крещения наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича, содержащий новые и воистину царские милости подданным.

В частности, со всех вообще крестьян манифест слагал недоимки по выкупным, земским и другим сборам, накопившимся на день его издания. Очень серьезное облегчение – даже в сравнении с предыдущими актами – вновь получили крестьяне, пострадавшие в прежние годы от неурожая.⁹³

Высочайший указ Сенату от 5 апреля 1905 г., изданный во исполнение положений Манифеста 11 августа, продолжил ту же линию, т.е. был направлен, как и предыдущие, на облегчение бремени продовольственных долгов, лежащих на населении.

Из наиболее значительных милостей следует, как кажется, отметить следующие. Из общей суммы продовольственных долгов, которые лежали за населением **всем** продовольственным капиталам по ссудам, выданным в неурожай 1891-1892 гг., и за время 1894-1904 гг. (от свадьбы Николая II по день рождения наследника Алексея Николаевича), повелевалось сложить в Казанской, Нижегородской, Новгородской, Псковской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Уфимской губерниях и в Терской области две трети, а в прочих губерниях половину всех долгов. Сложение решено было производить для всех должников, без различия их состоятельности. Кроме того, полностью освобождались от продовольственных долгов те семьи, члены которых были призваны из запаса в действующую армию и во флот во время войны с Японией.

Общая сумма указанных долгов составляла тогда 116,7 млн.руб. Согласно положениям Указа должно было быть сложено порядка 72,9 млн.руб., после чего общее количество долгов, оставшихся за населением и подлежащих взысканию, определялось в сумме 47,7 млн.руб.

На деле сложено было гораздо больше. Согласно отчету ведомства Государственного Контроля за 1905 г. было исключено со счетов общеимперского продовольственного капитала долгов казне 90,7 млн.руб. В долгах же населения этому капиталу осталось на 1 января 1906 г. 46,9 млн.руб.

Население тогда было должно общественным капиталам 9,4 млн.руб. деньгами и хлебозапасным магазинам натурой 45 млн.пуд. озимого и 22 млн.пуд. ярового хлеба. Эти долги не были сложены и подлежали взысканию полностью. Однако дальнейшие положения того же Указа серьезно смягчали режим взыскания этой задолженности.

Последним пунктом Указа 5 апреля 1905 г. списывался долг общеимперского продовольственного капитала Государственному Казначейству в размере 75,1 млн.руб.⁹⁴

Таблица 13. Ассигнования Казначейства в имперский продовольственный капитал (млн.руб.)

Годы	Сумма
1881	3,2
1891-1892	146,5
1897-1898	35,0
1900	0,7
1901	20,0
1902	18,6
1903	5,0

⁹³ Там же. С.267-268.

⁹⁴ Там же. С. 269-273.

1904	1,5
1905-1906	71,2
1906-1907	169,7
1907-1908	24,0
Всего	495,4

Источник: Отчет по продовольственной кампании 1908-1909 гг. СПб., 1910. С.151

Очень важно отметить, что по закону право на помощь из общего по Империи продовольственного капитала имело население тех местностей, которые участвовали в его образовании (за счет особых сборов).

Однако, когда капитала стало не хватать и деньги для него начало выделять Государственное Казначейство, это правило во многом утратило свое значение.

Так, в 1900-х гг., в особенности с началом аграрной реформы Столыпина ссуды «стали выдаваться населению таких местностей, которые не участвовали в его образовании и таким разрядам сельских обывателей, которые не имеют права на ссуды из названного капитала.

К числу последних относятся переселенцы. Из числа переселенцев правом на ссуды пользуются лишь те, положение которых окончательно определялось на местах нового водворения, так как между ними и прочим крестьянским населением Империи в отношении права на продовольственную помощь не существует никакой разницы. Однако в последние продовольственные кампании помощь оказывается и прочим категориям переселенцев, находившихся в периоде водворения и даже новоселам, вовсе не производивших посевов на местах нового поселения. Попечение о новоселах составляет обязанность Главного Управления Землеустройства и Земледелия на основании 42 и 48 статей правил о переселении, в силу коих оказание помощи переселенцам в течение первых трех лет возложено на Главное Управление из особых кредитов на домообзаводство. Недостаток этих кредитов в связи с острой нуждой переселенцев побуждал МВД выдавать продовольственные и семенные ссуды и переселенцам указанной категории с разрешения Совета министров»⁹⁵.

О динамике движения размеров общеимперского капитала можно судить по таблице 13.

Даже этот очень краткий обзор продовольственной помощи в конце XIX - начале XX вв. позволяет судить о направлении вектора социальной политики правительства, и это направление имеет очень мало общего с привычными штампами традиционной историографии.

Главный вывод, который можно сделать из изложенного выше таков: ***правительство не просто спасло десятки миллионов людей от последствий неурожая. Оно фактически приняло на себя ответственность за стихийные бедствия.***

Но только ли стихия повинна в том, что неурожай превратились в обыденный факт российской жизни конца XIX - начала XX вв.?

К.Ф. Головин в 1887 г. писал о быстром росте недоимок перед казной за ссуды на продовольствие и обсеменение полей, что не имело аналогов не только в Европе, но даже и в крепостной России. Это явление он условно называет «продовольственным банкротством крестьян». «Плачевное» руководство земством продовольственным делом к этому времени прошло, по его мнению, три стадии: «расхищение хлебных магазинов, растрату губернских продовольственных сумм и хронические заимствования на государственного продовольственного капитала. Не проходит года, даже самого урожайного, в который к правительству не обращались бы за ссудой несколько земств. Есть уезды, где эти займы повторяются из года в год. На крестьян все тяжелее ложится

⁹⁵ Отчет по продовольственной кампании 1908-1909 гг. СПб., 1910. С.150.

многомиллионная недоимка, быстро превращающаяся в неоплатный долг. И нет повода думать, чтобы в будущем это дело исправилось. Пока не устранена причина зла, — все более частое повторение неурожая,—нарушенное равновесие не может быть восстановлено.

Либеральная печать обыкновенно и в этом вопросе ссылается на малоземелье как на источник дефицита. Но, как бы назло ей, заимствования у казны всего чаще встречаются в губерниях наиболее многоземельных».

И затем Головин указывает: «Есть у нас целая обширная область, где займы из продовольственного капитала бывают лишь как редкое исключение или даже не встречаются: вовсе. Это— весь Западный край и Прибалтийские губернии. Финляндия при скудости своей почвы прибегала к этому средству крайне редко. Привислинские губернии, несмотря на густоту своего населения, не прибегали к нему никогда.

Есть, стало быть, в способе ведения хозяйства великорусскими крестьянами **нечто**, способствующее частому повторению неурожая и, заметим это мимоходом, чем более они обладают земельным простором, тем более рискованно и шатко их хозяйство»⁹⁶.

Искомое «нечто», как нетрудно догадаться, – уравнильно-передельная община.

Головин в 1887 г. не мог знать, что «неоплатный долг» крестьянства после 1891 г. примет на себя «антинародная» Власть, которая, сама того, видимо, не желая, встало на путь поощрения социального иждивенчества, регулярно прощая населению продовольственные долги, пытаясь по-своему вновь показать ему – *кто* на самом деле заботится о нем.

Среди попыток осмыслить причины голода 1891-1892 гг. совершенно особое место заняла книга А.С. Ермолова «Неурожай и народное бедствие» (СПб., 1892), «впервые однозначно связавшая неурожай и голод, потрясшие Россию, с характерными особенностями общинного землевладения и, по существу, поставившая дилемму: «или ликвидация общинных порядков, или периодическое возвращение голода на русскую землю»⁹⁷.

Вот как излагает взгляд Ермолова О.Г. Вронский: «Волна уравнильных переделов, прокатившаяся по Центрально- Земледельческому району в середине 80-х гг. XIX в., нарушившая видимую поземельную стабильность общинного землевладения, резко активизировавшая уравнильные тенденции в общине бывших государственных крестьян, потеснившая общину ревизских душ общиной наличных душ у крестьян бывших помещичьих, не выполнила задачи «земельного поравнения», не продвинула общину по пути к всеобщему равенству.

Негативные же последствия возвращения переделов как массового явления в общину земледельческого центра страны были весьма серьезными: несколько лет борьбы за передел, ожидание передела привели к ухудшению обработки земли, к сокращению ее удобрения, неумело произведенные переделы потребовали ежегодных «поправок» в виде свалок-навалок и переверсток, принципиальная возможность передела дамкловым мечом висела даже над беспередельными общинами. В предельно жесткой форме охарактеризовал ситуацию поземельной нестабильности рубежа 80-90 гг. XIX в. А.Ермолов, впрямую связав ее с беспомощностью русского крестьянского хозяйства перед лицом неурожая и голода 1891-1892 гг.: «Переделы, которые повторяются в неопределенные сроки, по усмотрению сельского схода, ставят крестьян в полную неуверенность относительно продолжительности пользования ими данными участками земли, - писал Ермолов, - у крестьян наших черноземных губерний прочного хозяйства теперь... нет вовсе, а есть одна спекуляция - землю, заработками, скотом, - спекуляция, основанная на возможности удачи в благоприятные годы и которая приводит... к полному

⁹⁶ Головин К. Сельская община... С. 148-149

⁹⁷ Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX-XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. – Тула, 1999. С.33

экономическому расстройству, к нищенству и голоданию в годы выходящего из ряда неурожая». Публикация книги А.С. Ермолова буквально скандализовала русское образованное общество своей яркой антиобщинной направленностью, плохо согласующейся с общим духом «народного самодержавия» Александра III»⁹⁸.

В последующие годы «фактор общины» продолжал оказывать все более сильное влияние на проблему неурожая. В 1909 г. в монографии с красноречивым названием «Наши неурожайи и продовольственный вопрос» Ермолов резюмировал свои исследования этой линии жизни страны.

В составленной по его материалам таблице 14 систематизированы погубернские сведения о неурожайных годах за период 1867-1908 гг. Из нее следует, что реже всего – 1-2 раза за более чем 40 лет – неурожай официально отмечались в 10 губерниях, в числе которых три Юго-Западных, две Прибалтийских, две Литовских, одна Белорусская, одна Малороссийская; исключение – Ярославская губерния. За 43 года ни единого раза не получали ссуд из *общеемперского* продовольственного капитала губернии Гродненская, Курляндская, Минская и Московская, а также 10 польских губерний, в которых полных неурожаяев не было вовсе.⁹⁹

Таблица 14. Неурожайные годы в 1867-1908 гг.

Губернии	Число неурожайных лет			Губернии	Число неурожайных лет		
	1867-1890	1891-1908	1867-1908		1867-1890	1891-1908	1867-1908
Таврическая	11	10	21	Тверская	4	4	8
Самарская	7	12	19	Калужская	1	6	7
Пензенская	12	6	18	Курская	0	7	7
Оренбургская	8	9	17	Рязанская	2	5	7
Новгородская	6	11	17	Витебская	1	5	6
Вятская	3	12	15	Харьковская	1	5	6
Саратовская	4	11	15	Ставропольская	1	4	5
Псковская	7	8	15	Владимирская	1	4	5
Казанская	5	9	14	Черниговская	3	2	5
Симбирская	4	10	14	Астраханская	1	3	4
Екатеринославская	6	7	13	Архангельская	1	3	4
Херсонская	6	6	12	Костромская	0	4	4
Орловская	3	8	11	Донская	0	3	3
Уфимская	3	8	11	Виленская	1	1	2
Воронежская	0	10	10	Полтавская	0	2	2
Нижегородская	2	8	10	Волынская	0	1	1
Смоленская	7	3	10	Киевская	0	1	1
Тамбовская	1	9	10	Ковенская	1	0	1
Вологодская	6	3	9	Могилевская	1	0	1
Олонецкая	4	5	9	Лифляндская	0	1	1
Тульская	0	9	9	Подольская	0	1	1
Бессарабская	1	7	8	Эстляндская	1	0	1
Пермская	0	8	8	Ярославская	0	1	
Петербургская	4	4	8	Всего	130	256	386

Источник: Ермолов А.С. Наши неурожайи и продовольственный вопрос. Спб., 1909. Т.2. С.4-6;

⁹⁸ Там же, С.85-86

⁹⁹ Ермолов А.С. Наши неурожайи... т.2, С.6.

Таблица 14 показывает, что за пореформенный период область все чаще повторяющихся неурожаев сместилась с северных и северо-западных губерний на восток и юго-восток Европейской России, захватив и ЦЧР. В Малороссии и Юго-Западном крае неурожаи бывали только спорадически, а в Новороссии повторялись чаще.

Число неурожайных лет не позволяет, однако, судить о масштабах неурожаев в отдельных губерниях. Так, лидер по числу неурожайных лет, Таврическая губерния, за 21 год получила всего 4008 тыс.руб., а Самарская губерния за 19 лет – 64473 тыс.руб.

Поэтому более показательными являются сведения, во-первых, о величине ассигнований из общеимперского продовольственного капитала для борьбы с неурожаями, и, во-вторых, о сумме задолженности губерний этому капиталу, особенно с учетом «целого ряда оказанных населению милостей, в виде сложения с него, в силу Царских манифестов и Высочайших указов, большей части лежавших на нем продовольственных долгов»¹⁰⁰.

Таблица 15. Губернии, получавшие наибольшие ассигнования на продовольственную помощь в 1891-1908 гг.

Губернии	Ассигнования из общеимперского продовольственного капитала и средств Государственного Казначейства		Долги общеимперскому продовольственному капиталу на 1 января 1909 г.		Вся совокупность долгов населения губернии на 1 января 1909 г.		Задолженность населения в продовольственные капиталы на 1 января 1912 г.	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Самарская	64473	13,2	29810	14,1	35939	11,6	25030	12,0
Саратовская	60709	12,4	23131	11,0	28732	9,3	22181	10,7
Казанская	52365	10,7	21775	10,3	25672	8,3	20195	9,7
Симбирская	32134	6,6	12714	6,0	16742	5,4	12533	6,0
Уфимская	28282	5,8	11205	5,3	13487	4,4	9687	4,7
Тамбовская	27561	5,6	11500	5,5	15544	5,0	9228	4,4
Воронежская	26518	5,4	12981	6,2	19299	6,2	12093	5,8
Тульская	24755	5,1	12343	5,9	14838	4,8	12340	5,9
Пензенская	24495	5,0	10957	5,2	13870	4,5	10131	4,9
Нижегородская	19926	4,1	8950	4,2	11773	3,8	9775	4,7
Вятская	18979	3,9	8223	3,9	12695	4,1	5457	2,6
Орловская	16920	3,5	8754	4,2	11424	3,7	9580	4,6
Рязанская	16544	3,4	5544	2,6	8744	2,8	6180	3,0
Оренбургская	12758	2,6	2388	1,1	2813	0,9	2514	1,2
Пермская	9097	1,9	1073	0,5	3539	1,1	1286	0,6
Псковская	8542	1,7	3449	1,6	5366	1,7	3537	1,7
Херсонская	7084	1,5	3283	1,6	5243	1,7	3917	1,9
Курская	5201	1,1	587	0,3	3547	1,1	755	0,4
Всего в 18 губерниях	456343	93,5	188667	89,5	249267	80,5	176419	84,8
Сумма по Империи	488145	100	210750	100	309500	100	208116	100

Источник: Ермолов А.С. Неурожаи и продовольственный вопрос... Т.2. С.7-28; Отчет по продовольственной кампании 1910-1911 гг. Управления сельской продовольственной частью МВД. Спб. 1912. С.102-103.

Таблица 15 дает представление о размерах правительственных ассигнований на продовольственную помощь в наиболее нуждавшиеся 18 губерний, которые получили в

¹⁰⁰ Там же.

1891-1908 гг. более 5 млн.руб., а также сведения о задолженности этих губерний общеимперскому продовольственному капиталу и общей сумме их продовольственных долгов, дополненные информацией Управления сельской продовольственной частью МВД о долгах продовольственным капиталам на 1 января 1912 г.

Все эти губернии образуют единый массив, охватывающий ЦЧР, Среднее и Нижнее Поволжье, а также Приуралье (за его пределами остаются лишь Псковская и Херсонская губернии). Ермолов пишет, что население этого региона «всего чаще и всего больше пользовалось казенными воспомощениями, многие годы состоя, так сказать, на казенном иждивении», получив 93,5% зафиксированной Ермоловым гигантской суммы продовольственной помощи в без малого полмиллиарда рублей¹⁰¹. (Напомню, что «Большая флотская программа» оценивалась в 430 млн.руб.). И хотя населению этих губерний были прощены и списаны со счетов громадные суммы, на него приходилось почти 90% долга общеимперскому капиталу и свыше 80% общей продовольственной задолженности населения Европейской России.

Комментируя данный список, Ермолов акцентирует тот факт, что преобладают в нем губернии черноземные, в которых земледелие искони составляет главное... занятие населения. **Другую их отличительную черту составляет то, что в них господствует среди крестьян общинная форма землевладения».**

И, напротив, губернии, не получавшие помощи от правительства, – в подавляющем большинстве губернии с подворным землевладением (Гродненская, Ковенская, Могилевская, Московская, Подольская, Полтавская, Лифляндская, Курляндская, Эстляндская и губернии Царства Польского, на которые «впрочем, и не распространяются никакие правила нашего продовольственного устава»¹⁰² Они же были самыми исправными налогоплательщиками, занимая последние позиции по размерам долгов, по недоимкам¹⁰³ (см.ниже). В Западных губерниях еще с конца 1870-х гг. начался стихийный процесс землеустройства, и сотен деревень разверстались на хутора и отруба.¹⁰⁴

Общий вывод Ермолова таков – общая сумма долгов и разнообразных пособий, получаемых от правительства **«тем больше, чем богаче и плодороднее почва, которую население возделывает, и обратно. Точно также, на первом плане тут стоят губернии с общинной формой землевладения»**¹⁰⁵.

Как рождался миф о голоде.

Учащение неурожаев давало общественности новые желанные поводы для обвинения правительства в несостоятельности, и она использовала эти возможности весьма продуктивно.

В силу этого широчайшая продовольственная помощь, которой ведало МВД, была для СМИ неиссякаемым источником самых разнообразных инсинуаций антиправительственного характера. Не принижая значения частной благотворительности, замечу, что она составляла считанные проценты того, что давала Власть, реально

¹⁰¹ «Общий итог этих сумм дает цифру в 488.145.000 р., но к этой цифре надо добавить еще 15000.000 р., отпущенных в 1901 и 1902 г.г. на покупку хлеба для различных пострадавших от неурожая губерний, и которые я по отдельным губерниям разнести не могу; кроме того, такая же примерно сумма израсходована в 1891— 1892 годах на Анненковские общественные работы, тоже по губерниям не распределенная; в этот счет не входит и сумма, отпущенная в 1898 и 1899 годах на снабжение населения лошадьми. С добавлением этих расходов общий итог далеко превысит полмиллиарда рублей». Ермолов А.С. Наши неурожаи... т.2. С.9.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ См. напр. Ермолов А.С. Неурожаи и народное бедствие. Спб. 1891. С.79-178. Гурко В.И. Устои народного хозяйства. СПб., 1902. С.1-19.

¹⁰⁴ Кофод А.А. Крестьянские хутора на надельной земле. СПб. 1905.

¹⁰⁵ Ермолов А.С. Наши неурожаи ...т.2. С.32-33.

обеспечивавшая питание иногда *десятков* миллионов граждан России во время недородов.

Для понимания проблем эпохи крайне важно понять, как создавались те стереотипы «вечнологодной» России, которые, как показало время, почти не поддаются исторической «коррозии». Я попробую проиллюстрировать это явление на примере неурожая 1906—1907 гг., самого крупного после 1891-1892 гг. Эта продовольственная кампания имела ту особенность, что ситуация была радикально ухудшена аграрными погромами предшествовавших месяцев, в результате чего крестьяне потеряли возможность заработать в тех самых имениях, которые они недавно сожгли.

В январе 1907 г. А.С. Ермолов принял предложение возглавить весьма представительный по составу Центральный Комитет по оказанию врачебно-продовольственной помощи населению. Активно работая на этом поприще, он, в частности, лично ознакомился с положением дел на местах и то, о чем пишет, знал не понаслышке.

Анализируя устойчивое стремление прессы укрупнить в сознании читателей масштабы последствий неурожая 1906-7 гг. и заодно опорочить продовольственную помощь правительства, весьма подробно разбирая недобросовестные приемы, к которым она для этого прибегала¹⁰⁶, особый раздел своей монографии он назвал «Преувеличенность слухов о голодании населения».

Обращаясь «к тем страшным проявлениям голода – до голодных смертей и самоубийств включительно, о которых тоже так много писали и кричали», он говорит следующее: «Не подлежит никакому сомнению, что было много случаев смертей от болезней, развивавшихся на почве недоедания, преимущественно от разных видов тифа. Были местами вспышки скарлатины, уносившей, быть может, и более жертв, нежели обыкновенно при этой болезни, потому, что как тиф, так и скарлатина, поражали уже ослабленные организмы. Были, хотя очень редко, смертные случаи и от цинги, которая тоже очень ослабляет организм и иногда на долгие месяцы, от опухания конечностей, калечит людей».

Но, согласно сообщению всех опрошенных мною земских деятелей, представителей Красного Креста, членов местной врачебной администрации, – если уже не верить чинам администрации общей, – **ни одного случая смерти непосредственно от голода, от полного отсутствия всякой пищи, не говоря уже про случаи самоубийств или убийств детей из-за голода, не было констатировано ни разу и нигде.**

Все такого рода случаи, о которых сообщалось в газетах – всегда очень глухо, без точного указания места, селений и без (о)бозначения имен лиц, якобы умерших от голода или прибегнувших к самоубийству, или убийству детей – расследовались на местах, насколько это было возможно при неопределенности указаний, и нигде не подтверждались, если, конечно, не считать смертей от болезней на почве недостаточного, плохого питания, и еще более многочисленных детских смертей от недостатка молока у матерей, от продажи или падежа крестьянской кормилицы—коровы, от отсутствия за больными детьми не только врачебного, но и всякого вообще ухода. Подобные случаи, к несчастью, очень обычны у крестьян и в нормальные годы,—неудивительно, что в год полного неурожая они во много раз возросли»¹⁰⁷.

Одним из доказательств «страшного голодания населения в газетах отмечались частые будто бы случаи продажи крестьянскими бабами и девками своих кос», продолжает Ермолов, «чтобы ценою их купить себе и детям хлеба на пропитание». Он не оспаривает того, что «подобные факты, вероятно, бывали, но они бывают всегда и, очевидно, не составляют явления необычного, исключительно вызванного голодовкою. Более того, я скажу, что в прежнее время, когда наши дамы почти все носили шиньоны, покупка у крестьянских женщин кос и отправка их целыми партиями в города составляла

¹⁰⁶ Ермолов А.С. Наши неурожайи ... т.1. 408–414.

¹⁰⁷ Там же, С. 414–415.

широко распространенный промысел». Он лично был знаком с одним крестьянином-мордвином, привозившим в Петербург «целый транспорт такого товара». А.С. резонно замечает, что «в Париже, как известно, женщины из простонародья и зубы свои вырывают и их продают дантистам, чтобы несколько франков таким путем заработать, но ставить подобные явления на счет правительства едва ли там кому-нибудь приходит в голову»¹⁰⁸.

Еще менее основательными были «газетные рассказы о продаже татарами в Казанской губернии своих дочерей чуть не в рабство, и во всяком случае «на вывоз», чтобы избавить их от мук голодной смерти дома и самим на вырученные за них деньги прокормиться». Поскольку, в отличие от «обычных корреспонденций» такого рода, в данных публикациях были указаны населенные пункты и «даже поименованы отцы, будто бы продавшие своих дочерей», оказалось возможным проверить на местах все имеющиеся сообщения об этом. У Ермолова были копии с показаний, данных самими отцами при расследовании. Выяснилось, что во всех указанных случаях имела место обычная у мусульман выдача дочерей замуж за «калым», выкуп, уплачиваемый семьей жениха родителям невесты.¹⁰⁹

Вот что говорится об этом: «Газетные сообщения о продаже девушек безусловно ложны и опровергаются собранными на местах сведениями. Были только обычные случаи выдачи невест замуж за так называемый «калым», или выкуп, уплачиваемый женихом родителям невесты. На этот счет мне удалось добыть протокол произведенного расследования, за подписью самих родителей, будто бы продавших своих дочерей из-за нужды. Следует притом заметить, что все случаи, на которые было указано в газетах, имели место еще, весной 1906 г. и даже в 1905 г. (когда ни о каком голоде и речи быть не могло – М.Д.). Вот что, между прочим, говорится в составленных протоколах: «Мы нижеподписавшиеся такие-то дали настоящий отзыв в том, что предъявленный нам газетные корреспонденции совершенно ложны, так как продажи дочерей туркменам, или отправки на Кавказ не было, и по магометанскому шариату нам это не позволено. Дочери наши не проданы, а выданы замуж с получением «калыма», как это делается по нашему закону каждым. Такой нужды, чтобы торговать детьми, мы благодаря Богу не терпим. Замуж выданы (а не проданы) нами за туркменов: Биби-Сапрон за туркмена Ставропольской губернии, повенчана 25-го мая 1906 г. в нашей деревне и увезена мужем, получено калыма 50 р.; Гизель-Банат выдана замуж за туркмена той же губернии в 1905 г. 2-го сентября, повенчана местным муллою, увезена мужем, калыма получено 50 р.: Шамфай—была просватана за туркмена в мае месяце 1906 г., калыма получено 50 р. деньгами и товару на одежду и платья дочери на 30 р., дочь препровождена к мужу с местным крестьянином. Лайли-Бадар-Зайнулина, вдова, уехала в Ставропольскую губернию сама и там вышла замуж». Один татарин Тетюшского уезда показал, что в июле 1906 г. им была просватана дочь Биби-Хафиза в деревню Идыл-Бай Ставропольской губернии за туркмена, дочь была им отправлена к жениху с двоюродной сестрою ее, состоящей в замужестве за Туркменом той же деревни более 3-х лет. Деньги, 100 р., действительно получены, но не за продажу, а в калым, из них более 30 р. израсходовано на одежду дочери. Такой нужды, чтобы продавать детей, благодаря Богу не терпим. Дочь, как известно, живет хорошо, часто шлет письма и деньги, весной же ожидается приезд ее с мужем к родителям в гости.

Такого же рода были и разный другая сенсационные сообщения о голодовках, питании разными суррогатами, влекшими за собой если не смерть, то заболевания и т. п. Профессор доктор Высоцкий удостоверяет, что и в Казанской губернии хлеб пушной, или желудевый большею частью делался на показ, для экспорта, в виде доказательства отчаянного будто бы положения населения и с этой же целью предъявлялся в разных собраниях, но ни одного случая действительного питания населения таким хлебом, по его

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же, С. 416.

словам, констатировано не было»¹¹⁰.

Еще один эпизод, знаковый в исторической ретроспективе. Курьезной, но в определенном ракурсе и глубоко символичной, может показаться история раздачи в Казанской, Нижегородской, Самарской и Симбирской губерниях кукурузы, которую купили по цене намного ниже ржи.

В конечном счете этот опыт дал весьма позитивные результаты. Однако поначалу жители этих губерний, которым кукуруза была «совершенно незнакома», просто не знали, что с ней делать. А.С.Ермолов комментирует: **«Этим опять воспользовались газетные корреспонденты, усмотревшие в факте раздачи кукурузы чуть не преступление со стороны администрации.** Не только люди— ни одна даже скотина кукурузы будто бы не ест, и только куры ее глотают и от нее даже жиреют, а лошади и скот прямо отворачиваются. Это я сам читал во многих газетах.

И действительно, крестьяне пользоваться кукурузой сперва не умели, и скот от нее отворачивался. Но ведь известно, что, например, степные лошади, никогда не видавшие овса, или лошади южных стран, привычные к ячменю или к той же кукурузе, на первых порах и от овса отворачиваются,—нельзя же из этого заключить, что овес—корм для лошадей непригодный?

Точно также всякий сельский хозяин знает, как трудно приучить скот ко всякому новому, непривычному для него корму—к корнеплодам, к тыкке, к силосованной кукурузе; несколько дней приходится с ним биться—морду воротит, не ест, а потом все коровы ревут от радости, когда воз силосованного корма въезжает во двор и начинается раздача. Точно также и при переходе с подножного корма на сухой зимний, коровы с тела спадают, молока убавляют, пока не привыкнут.

Для многих южных народов, даже у нас, на Кавказе, в Бессарабии, не говоря уже про Болгарию, Румынию, Италию, кукуруза составляет любимую, главную пищу сельского населения, **а у нас крестьяне с голоду умирают, но есть ее не могут.** Повторяю, на первых порах крестьяне не знали, как к ней приступить, пока их не научили, что кукурузу надо молоть, так же, как и всякий другой хлеб, на мельницах. Правда, что при размоле сухой и твердой кукурузы жернова требуют частой насечки, и мельники брали ее поэтому в размол неохотно. Затем из кукурузной муки действительно хлеба печь нельзя,—из нее делают лепешки или едят ее в виде каши (мамалыга— в Бессарабии, полента в Италии).

До этого крестьяне, которые будто бы питались желудевым и пушным, с виду похожим на навоз, хлебом,—не дошли и сами кукурузы почти не ели, невзирая даже на присылку из Бессарабии особых инструкторов, которые должны были показать, как с нею обращаться, но зато стали с большим успехом давать ее в корм скоту, который, отказываясь есть ее в натуральном, не размолотом виде, только добрел, когда начали употреблять ее в виде подсыпки к соломенной резке. Таким образом, эта охаянная крестьянами и газетными корреспондентами кукуруза населению впрок пошла и сослужила ему полезную службу, если не для пищи людям, то в виде подсобного корма для скота»¹¹¹.

Да уж, долгий путь прошла Россия от 1906 г. до момента, когда полвека спустя ее руководителя будут именовать «кукурузником»! До положения, когда кукурузу только что за Полярным кругом не будут сеять!

А вот нижеследующая информация далека от курьеза: «Бывали случаи, когда крестьяне предъявляли хлеб, наполовину почти смешанный с мякиной, годный только в пищу скоту. Действительно, такие случаи бывали, но что же оказывалось? Расследования показывали, что крестьяне розданный им доброкачественный продовольственный хлеб нередко продавали на сторону, а тот, действительно наполовину иногда смешанный с

¹¹⁰ Ермолов А.С. Отчет о деятельности Центрального Комитета по оказанию врачебно-продовольственной помощи населению пострадавших от неурожая 1906 года губерний. СПб., 1908. С.75-77

¹¹¹ Ермолов А.С. Наши неурожай ... т.1. С.412-414.

мякиною или отрубями хлеб, который раздавался им для прокормления скота, предъявляли как розданный будто бы на продовольствие.

Бывали заявления и о том, что крестьяне получали в продовольствие хлеб чуть не на половину смешанный с землей, с песком. По расследованию оказалось, что крестьяне – возчики по пути между железнодорожной станцией или складом, откуда им отпускался хлеб, и селением, куда он отправлялся, часть хлеба продавали и досыпали землей или песком, а затем, по приезде домой, уверяли своих односельчан, что такой негодный хлеб был им отпущен, что, разумеется, вызывало массу жалоб, а затем и корреспонденции в газетах. В Самарской губернии несколько таких случаев было проверено, причем возчики хлеба были уличены в продаже хлеба дорогою и привлечены к законной ответственности»¹¹².

Разумеется, и в последующие годы тональность СМИ не изменилась.

В Отчете по продовольственной кампании 1911-1912 гг. есть специальный раздел «Периодическая печать», в котором наглядно демонстрируются приемы российской прессы того времени. Подробно анализировать его здесь нет возможности, хотя, право, он того заслуживает.

За ходом начавшейся кампании внимательно следил П.А. Столыпин, «требовавший самого внимательного отношения к указанным сообщениям». В отчете приводится одна из его резолюций, «положенная им за несколько дней до мученической его кончины, по поводу газетной корреспонденции: «В.Э. Фришу. Обратите внимание на сегодняшнюю статью о положении Зауралья (Челябинский уезд) и на телеграмму из Симбирска. Что же касается заволжской голодовки, то тут нам надо приложить максимум энергии, надо обследовать все уголки. Для нас это дело совести»¹¹³.

В ноябре и особенно в декабре 1911 г. число газетных сообщений с информацией и суждениями о ходе продовольственной кампании и положении дел на местах резко возросло, и «во многих из этих корреспонденций положение продовольственного дела представлялось в извращенном виде». Преемник П.А. Столыпина, Макаров, «признавая вполне естественным проявляемый обществом интерес к вопросам такой огромной важности», решил, что «правительство не может, тем не менее, мириться с допускаемым при этом некоторыми органами печати искажениями истины и обязано принимать меры против вовлечения читающей публики в заблуждение сообщениями неверных данных по вопросу столь выдающегося значения». МВД решило бороться с фальсификациями и начало внимательно следить за ходом освещения продовольственной кампании в печати. В январе 1912 года Управлением сельской продовольственной части МВД было сделано 52 сообщения и опровержения, в феврале – 39, в марте – 31 и в апреле – 22. О степени успеха этой контрпропаганды соотечественников судить трудно.

Однако о том, как освещалась продовольственная кампания, мы можем судить вполне. Нехитрая тактика тогдашних СМИ в отношении действий правительства коротко описывается не вполне академичным присловьем: «Что ни делает дурак, все он делает не так!». Что бы не предпринимало правительство, газеты были недовольны – шла ли речь об организации общественных работ для миллионов людей (в эту кампанию они развернулись в несравненно более широком масштабе, чем прежде.) или о рытье канав вокруг поселков в Тургайской области. Не было *буквально* ни одной правительственной меры, которая не была бы опорочена, или – в лучшем случае – не объявлена сомнительной.

Так, «продолжая настаивать на том, что общественные работы не могут удовлетворить нужды населения, печать ссылалась на ничтожность предоставляемого заработка, каким считался, например, поденный заработок работницы в 30 коп.; причем указывались и заработки за сдельные работы в 10 коп. — но таковые сообщения расследованием не подтвердились. Например, по проверке сообщения о том, что в

¹¹² Там же, С.411-412.

¹¹³ Отчет по продовольственной кампании 1911-1912 гг. СПб., 1913. книга 1. С.580.

Шадринском уезде были уволены с общественных работ крестьяне села Полевского за то, что жаловались на незначительность заработка, доходившего до 10 коп. в день на человека, оказалось, что Полевские крестьяне совсем в работах не участвовали, заработок же пешего рабочего в Шадринском уезде ниже 45 коп. в день не опускался. Точно также не подтвердилось и сообщение о малом заработке по Спасскому уезду, где пеший рабочий при сдельной работе в действительности получал в день от 50 до 70 коп....

В виду неоднократных, настойчивых, указаний газет на то, что тяжелые экономические условия заставляют население не только на много лет вперед в громадном количестве сдавать землю в аренду, но и продавать свои душевые наделы, Министерство Внутренних Дел, помимо запросов по поводу отдельных сообщений признало необходимым, полнее выяснить вопрос, и затребовало сведения о числе сделок по продаже надельной земли и о количестве проданных десятин, с 1 сентября 1911 года по 1 февраля 1912 года и за то же время в предыдущем году. Согласно полученным сведениям, по 10-ти наиболее пострадавшим губерниям Европейской России в 1911-12 гг. число сделок против 1910-11 гг. было больше на 2283, а земли продано более на 13797 дес., причем, по сообщению Губернаторов, если и были единичные случаи продажи земли нуждающимися, то громадным большинством продавцов являлись крестьяне, проживавшие на стороне и не занимающиеся хозяйством». В этом смысле показательно «газетное сообщение», в котором говорилось, что два авторитетных наблюдателя, «объехавшие 60 селений Бузулукского уезда», установили, что их жители продали около 100 тыс. дес. надельной земли. А уездный съезд и местные нотариусы ответили на запрос МВД, что «количество проданной земли по всему Бузулукскому уезду за время с 12 августа 1911 года по 1 февраля 1912 г. равнялось всего лишь 4947 дес.».¹¹⁴

Уменьшение поголовья скота – обычный спутник (и признак) неурожая, которое бывает следствием продажи его за бесценок, падежом от бескормицы или эпидемий, суровой зимы. Правительство действовало в этих условиях по закону – либо принимало излишний по местным условиям скот к зачету, либо выдавало корма в ссуду или продавало по заготовительной цене. Однако «эта точка зрения не разделялась многими органами печати, ставившими каждое уменьшение скота в вину Правительству, совершенно забывая, что к помощи владельцу 8-10 голов скота в неурожайной губернии в числе других был бы привлекаем плательщик податей —житель других губерний, подчас не имеющий и двух голов». Весьма характерное замечание.

Главным для прессы было обличение правительства. При этом, кроме информации из киргизских степей, большинство сообщений о падеже скота оказалось неверными. Например, сообщалось, что в с. Старо-Борисовском, Спасского уезда Казанской губернии, от бескормицы пало 600 голов скота, а на поверку оказалось, что из общего количества в 1657 голов в данном селе пала всего одна лошадь из 24-х, переболевших мытом.

Но что такое одно село? Не тот масштаб.

Согласно «сообщению одной газеты по Самарской губернии, где, будто бы, по подсчету Самарской губернской земской управы, с лета по 15 октября» у жителей губернии убыло 2,2 млн. лошадей и коров, в то время как в предыдущем году за тот же период времени прирост составил около 3 млн. голов

«Запрошенная местным Губернатором Самарская губернская земская управа уведомила, что указанных сведений у нее нет. Сведения о численности скота по губернии земством собираются два раза в год – 15 апреля и 15 октября. По этим данным на 15 апреля 1911 года в губернии было лошадей и крупного скота всего 2.212.951 голова: на 15 октября 1911 года осталось 1.735608 — только на 18594 головы менее того, что состояло на 15 октября 1910 года. Таким образом, за 6 месяцев 1911 года общее количество скота по губернии уменьшилось на 477.343 головы, а за тот же период времени, т.е. с 15 апреля по 15 октября, в 1910 году скота в губернии тоже не прибавилось, а убыло 93909

¹¹⁴ Там же, С.584, 586-587

голов»¹¹⁵.

С декабря 1911 г. в СМИ стали «появляться телеграммы о случаях смерти от недоедания, а также о самоубийствах, вызванных голодом, и, наконец, было сообщено о распродаже голодными крестьянами детей киргизам. По сообщениям этим производились самые тщательные проверки не только местным губернским начальством, но проверялись они и при командировках на места чинов центральных учреждений, на которых возлагались особые поручения по продовольственному делу. Все эти сообщения оказались неверными.

Так, например, крестьянин Леонтий Павлов, якобы три дня просившийся на общественные работы и не принятый, умерший к вечеру третьего дня от голода, как оказалось, долгое время страдал одышкой, и, имея сына - хорошего работника и не нуждаясь, сам от работ по болезни отказался; умер скорострительно.

Оказалось неверным и сообщение о смерти, удостоверенной якобы вскрытием, от питания одной гнилой картошкой трех детей с. Киязлы. Ничего общего с голодом не имели также причины смерти крестьян Березкина и Куликова.

Не подтвердилось и известие о смерти двух детей от голода в с. Сокуре. Духовенство, земский врач, смотритель земского училища и члены волостного попечительства заявили, что таких случаев не было, а размер оказанной населению Сокур помощи указывает, что таких случаев и не могло быть.

Сообщения о смерти от голода в поселке Грузинове, Саратовского уезда, проверить не удалось, так как такого поселка в данной местности не оказалось(!)...

Точно также не подтвердились и корреспонденции о самоубийствах от голода.

Крестьянин Калмыков, о котором сообщалось, что он, голодая, пошел «в кусочки», а ничего не собрав, вернулся домой и повесился, оказался рабочим, живущим на готовых харчах в экономии помещика Устинова, получающим жалованье и совершенно не нуждающимся и никогда нищенством не занимавшимся. В виду семейного разлада и в сильно нетрезвом виде, Калмыков взял веревку и заявил, что пойдет вешаться, но его во время успели остановить.

Порезнов, о котором сообщалось, что он повесился, оказался жив и заявил, что о своем якобы покушении на самоубийство он узнал из газет...

Ничего общего с неурожаем, конечно, не имело и самоубийство алкоголика-живописца, покушавшегося на самоубийство в г. Саратове.

Большое впечатление произвела телеграмма из Оренбурга следующего содержания. «Врач отряда официально сообщает о том, что в поселке Денисовском Кустанайского уезда голодные крестьяне, не получая помощи, в отчаянии распродают своих детей киргизам».

Оказалось, что указанное сообщение действительно было сделано, но не врачом отряда, а переселенческим пунктовым фельдшером Сатуниным, который сделал его, побывав в конце ноября в поселках Денисовском, Коломенском, Гришинском и Карпыковском.

Дознанием, проведенном во всех посещенных Сатуниным поселках, установлено, что случаев продажи переселенцами своих детей киргизам ни одного не было, разговор же об этом возник в виду того, что крестьянин поселка Карпыковского, Михаил Перетянин, явившись 7 ноября в сельскую управу, требовал выдачи ему продовольственного пособия, назначенного в виду производившихся в то время общественных работ только семьям, не имеющим рабочих. И получив отказ, демонстративно грозил продать своего двенадцатилетнего сына бывшему у него в гостях киргизу Аяцкой волости Мандобеку Калманову, будто бы согласившемуся на эту покупку.

Этот прием понравился всему поселку, включившему 8 ноября эту угрозу в свой приговор, представленный крестьянскому начальнику 14 ноября, с ходатайством о

¹¹⁵ Там же, С.587-588

выплате продовольствия. Поселок Карпыковский, имеющий 182 двора, заработал в течение осени 4156 руб. 76 коп. на общественных работах, а с 19 декабря, как и все перечисленные выше, получал продовольственную ссуду. В течение же первой половины 1911 года получил 31500 рублей деньгами домообзаводственных ссуд.

Крестьянин Перетягин перед описанным случаем два месяца служил возчиком казенного обоза, получая 18 рублей в месяц казенного жалованья. Фельдшер Сатунин объяснил, что основанием для донесения ему послужил случай с крестьянином»¹¹⁶.

Вот так российская пресса формировала у читателей картину окружающего мира.

Создается впечатление, что в редакциях была матрица с описанием болевых точек любой продовольственной кампании, качество заполнения которой зависело от уровня способностей конкретных репортеров. Совершенно очевидно, что советская журналистика родилась не в пустыне.

Кстати, в свете сказанного особенно ясна несостоятельность идеи о том, что правительство пренебрегало общественным мнением – поскольку в стране была реальная свобода слова, то власть постоянно была под микроскопом и под прицелом одновременно.

Однако становление гражданского общества – процесс двусторонний. Но о чем можно говорить, если каждый мелкий промах власти фиксировался со злорадным удовлетворением, если журналистская доблесть виделась в нагнетании апокалиптической атмосферы?!

При этом Отчет показывает взвешенность позиции МВД, которая проста и разумна: «Заканчивая настоящий очерк, нельзя не признать заслуг прессы в тех случаях, когда ею были указаны недостатки, всегда возможные в таком большом деле, особенно при наших громадных расстояниях, малой населенности и недостаточном количестве администрации.

Внимательно относясь к голосу печати и стремясь к одной цели – удовлетворению действительной нужды, правительство имело возможность устранить эти недочеты. Если немало было сообщений, несоответствующих действительности и сильно преувеличенных, то далеко не всегда, надо полагать, они являлись следствием намеренной тенденциозности газет, и появление их объясняется часто многими другими обстоятельствами.

Размер разразившегося стихийного бедствия не мог не повлиять на психику населения; создалась почва весьма благоприятная для распространения все возможных слухов. Легенда о распродаже детей киргизам служит тому примером.

Известной долей впечатлительности не могли не заразиться и корреспонденты, особенно если они являлись городскими жителями (!). Печальная действительность бедной русской деревни не могла не вызвать в человеке, мало знакомом с крестьянским бытом, чувства жалости. Для многих корреспондентов трудно было разобраться в ее причинах, когда налицо ближайшая из них – неурожай. Трудно было для них определить пределы той помощи населению, которая в данном случае возлагалась законом на Министерство внутренних дел...

Трудно было разобраться и в справедливости жалоб и заявлений самого населения.

Громадное впечатление на всю читающую Россию произвело напечатанное в газетах воззвание Епископа Дионисия, в котором говорилось: «К Оренбургскому епархиальному начальству голодающие обращаются с просьбами о совершении последней литургии: - исповедуемся, пишут несчастные,—«и причастимся, чтобы встретить голодную смерть... Подобные известия не единичны».

На посланные по поводу вышеприведенного возвания и Председателем Совета Министров, и Министром внутренних дел запросы епископ Оренбургский объяснил, что сообщение об обращении голодающих с просьбами о совершении последней литургии основано на словах прошения крестьян Петропавловского поселка. Кустанайского уезда

¹¹⁶ Там же, С.588-590

от 5 октября, в котором крестьяне, прося о помощи, пишут, что приготовились к смерти. Других прошений такого содержания не было.

Из донесения Тургайского губернатора выяснилось, что в Петропавловском поселке осенью были открыты работы на всю сумму продовольственной потребности населения, а именно на 17908 руб., причем до 27 октября было уже заработано 3688 руб.

Будем надеяться, что, если Господу Богу угодно будет подвергнуть русских земледельцев новому тяжелому испытанию, то печать выяснением действительных нужд населения и указанием на всегда возможные недочеты в деле оказания помощи пострадавшим, еще более поможет правительству в достижении его единой цели: в пределах указанных законом облегчить положение населения. Чем строже будет относиться сама печать к делаемым ею сообщениям, тем авторитетнее будет ее голос, тем ценнее ее указания»¹¹⁷.

Таким образом, МВД, признавая важность сотрудничества с прессой и приводя примеры достоверных газетных публикаций, благодарит ее за участие в важнейшем общем деле – помощи голодающим. Министерство только просит некомпетентных людей, оперирующих с информацией, в прямом смысле слова касающейся жизни людей, быть осторожнее и щепетильнее, не делать предвзятых масштабных обобщений и тем более не заниматься фальсификациями. А людей безответственных – идет ли речь о фельдшере Сатунине или о епископе Оренбургском хотя бы несколько задумываться о последствиях своих действий.

Это полное невеселой иронии заключение, сделанное сотрудниками центрального из ведомств Империи, примечательно. Занимаясь спасением миллионов людей от нужды, оно вынуждено было одновременно занимать круговую оборону и постоянно оправдываться перед людьми, сделавшими поношение властей своей профессией.

Вместе с тем приведенная выше информация наглядно демонстрирует, в какой мере можно доверять «апокалиптическим» сообщениям дореволюционных СМИ. И, соответственно, актуализирует такую источниковедческую проблему, как проблема достоверности материалов прессы конца XIX - начала XX вв.

* * *

Вернемся, однако, к продовольственной кампании 1906-1907 гг.

Вот как резюмирует ее итоги А.С. Ермолов: «Скажу, однако, что все эти опровержения заявленных, извращенных или преувеличенных фактов приводятся мною не для того, чтобы доказать отсутствие в посещенных мною губерниях нужды и народного бедствия – несомненно, что нужда была, она была, невзирая на все принятые меры, но тем не менее единичные случаи такой острой нужды, плохого питания, и часто даже полной нищеты отдельных крестьян, иногда целых даже селений и уездов – обобщать, распространять на весь пострадавший от неурожая район и на все поголовно население нельзя, как не следует вообще ничего преувеличивать.

Надо, наоборот, отметить, что благодаря принятым мерам, благодаря широкому ассигнованию денежных средств правительством, благодаря деятельности Красного Креста, земства, Общеземской организации, Вольного Экономического и Пироговского обществ и множества других учреждений, и развитию, хотя гораздо менее широкому, нежели в 1891 году частной благотворительности, с бедою удалось совладать и население пережило тяжкую годину с меньшими потерями и жертвами, нежели этого можно было даже ожидать»¹¹⁸.

Нельзя не сказать о том, что драматический пафос опровергаемых Ермоловым газетных публикаций, как множества аналогичных сообщений о массовом переходе крестьянства России «от постоянного недоедания к полной голодовке» заметно снижается

¹¹⁷ Там же, С.590-591

¹¹⁸ Там же, С. 416–417.

некоторыми статистическими данными, прежде всего расходами населения на водку в неурожайные годы.

Таблица 16. Средний душевой расход на водку в 1904-1907 гг.

Территория	Средний душевой годовой расход на вино в коп.			Увеличение в 1906-7 г. в % сравнительно с	
	1904-5*	1905-6*	1906-7*	1904-5	1905-6
В 32-х губерниях	457	486	498	7	2
В остальных губерниях	387	429	464	19	8
По Империи	416	453	478	15	5

Источник: Продовольственная кампания 1906-1907 гг. по данным материалов МВД. Спб. 1908. том 1. С.342

* С 1 июля текущего по 1 июля следующего года

Из таблицы 16 следует, что душевое потребление водки в 32-х губерниях и областях, на которые распространялась продовольственная кампания 1906-7 гг., было выше, чем в остальных губерниях и чем по Империи в целом, однако под влиянием неурожая относительно оно увеличилось меньше.

В таблицах 17 и 18 губернии разделены в зависимости от того, выросли или уменьшились в 1906-7 г. в сравнении с 1905-1906 г. расходы их жителей на спиртное.

Таблица 17. Губернии, в которых душевой расход на водку с 1 июля 1906 по 1 июля 1907 г. сравнительно с 1905-6 сельскохозяйственным годом увеличился (коп. на душу)

Губернии и области	1	2	3	Губернии и области	1	2	3
Витебская	310	36	679	Оренбургская	513	23	1288
Вятская	330	22	1480	Костромская	519	33	1062
Казанская	332	0	1064	Орловская	524	34	1584
Псковская	370	38	604	Харьковская	535	12	2036
Акмолинская	390	18	386	Архангельская	540	72	272
Воронежская	414	24	1635	Нижегородская	541	3	1263
Новгородская	415	46	815	Смоленская	572	46	1308
Пензенская	456	15	1013	Владимирская	591	60	1332
Тамбовская	461	6	1895	Тульская	655	54	1378
Калужская	500	6	851	Екатеринославская	741	14	2588
Ставропольская	500	14	703	Астраханская	1001	40	982
Рязанская	501	42	1355	Петербургская	1391	54	4332

Источник: Продовольственная кампания 1906-1907 гг. по данным материалов МВД. Спб. 1908. том 1. С.343

Значения пунктов 1-3 первой строки:

1. Средний душевой расход на водку с 1.07.1906 по 1.07.1907 г.
2. Увеличение сравнительно с 1905-6 сельскохозяйственным годом
3. Потребление водки в губернии в тысячах ведер с 1.07.1906 по 1.07.1907 г.

Таблица 18. Губернии, в которых душевой расход на водку с 1 июля 1906 по 1 июля 1907 г. сравнительно с 1905-6 сельскохозяйственным годом уменьшился (коп.на душу)

Губернии и области	1	2	3	Губернии и области	1	2	3
--------------------	---	---	---	--------------------	---	---	---

Тургайская	123	127	79	Симбирская	387	2	891
Уральская	153	13	138	Саратовская	427	11	1555
Уфимская	319	67	1083	Таврическая	518	20	1199
Самарская	376	56	1584	Донская	532	37	2122

Источник: Продовольственная кампания 1906-1907 гг. по данным материалов МВД. Спб. 1908. том 1. С.343

Значения пунктов 1-3 первой строки:

1. Средний душевой расход на водку с 1.07.1906 по 1.07.1907 г.
2. Уменьшение сравнительно с 1905-6 сельскохозяйственным годом
3. Потребление водки в губернии в тысячах ведер с 1.07.1906 по 1.07.1907 г.

Цифры и увеличения и снижения потребления водки, как можно видеть, различны (в Казанской потребление осталось на прежнем уровне), но лишь для Уфимской, Самарской и особенно Тургайской уменьшение достаточно заметно, в остальных же губерниях оно исчисляется несколькими процентами.

Средний душевой расход на водку в 1906-7 г. был равен 478 коп., и из таблиц 17-18 следует, что в 15-ти губерниях из 32-х расходы на водку оказались ниже этой цифры, а в 17-ти – выше.

Ермолов, в свою очередь, использует абсолютные погубернские цифры дохода от продажи питей, и картина, которую рисуют эти показатели, впечатляет. Он приводит данные о поступлении питейного дохода за 12 месяцев 1906–1907 г. в сравнении с двумя такими же предшествующими периодами по наиболее пострадавшим от голода 12-ти губерниям: Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской и Уфимской. За период с 1 мая 1906 г. по 30 апреля 1907 г. от казенной продажи питей поступило дохода 130505 тыс.руб., за тот же период 1905–1906 г. – 129943 тыс.руб., за тот же период 1904–1905 г. – 115454 тыс.руб. соответственно .

Таким образом, за голодный год население истратило на водку в этих бедствовавших губерниях на 562 тыс.руб. больше, чем в предыдущий год, и на 15051 тыс.руб. больше, чем за такой же период 1904–1905 г. Ермолов резюмирует: «В кампанию 1906–1907 гг. было израсходовано на ссудную помощь населению в тех 12-ти губерниях, о которых здесь идет речь, 128329 т.р. Пропито же в них за 12 мес., с 1 мая 1906 г. по 30 апреля 1907 г. вина на сумму 130505 т.р., т. е. на 2176 т.р. более той суммы, которую население в этих губерниях получило за предохранение его от голода и на обсеменение его полей»¹¹⁹.

Оценить масштаб этих цифр будет проще с учетом того, что крейсер «Варяг» обошелся России в 4,2 млн. руб.¹²⁰, что броненосец типа «Полтава» стоил 10,7 млн.руб., а типа «Бородино» - 14,6 млн.руб. В «Истории СССР с древнейших времен» говорится, что стоимость кораблей и вооружений, потерянных в ходе русско-японской войны, оценивалась почти в четверть млрд. рублей.¹²¹ К.Ф. Шацилло оценивал стоимость потерянных кораблей в 230 млн.руб., а с учетом флотского оборудования Порт-Артура – в 255 млн. руб.¹²² То есть, порядок затрат понятен.

Другими словами, сказанное следует понимать так, что жители лишь 12-ти (!) из 90 губерний и областей России всего за два года (при том, что для большинства этих губерний оба года были неурожайными) выпили водки на сумму, превышающую стоимость большинства боевых кораблей Балтийского и Тихоокеанского флотов Империи вместе взятых, а также вооружений, уничтоженных и захваченных японцами в Порт-Артуре и др.

¹¹⁹ Там же, С. 417-418, 421.

¹²⁰ Мельников, Р.М. Крейсер Варяг Л., 1983. С.22

¹²¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. VI. С.523

¹²² Шацилло К.Ф. Русский империализм и развитие флота. М. 1968. С.44.

Это определенно не согласуется с сообщениями оппозиционных СМИ «о поголовной народной нищете, об остром и всеобщем голодании в пострадавших от неурожая губерниях», и в еще большей степени противоречит представлениям советского времени о том, что такое «голод».

Тем интереснее, как МВД объясняло рост расходов на спиртное в 1905-1906 гг. В принципе размер душевого потребления водки в России после 1861 г. находился в зависимости главным образом от размера акцизной ставки, а следовательно и стоимости водки: чем ниже была акцизная ставка (в 60-х годах - 4-5 коп. за градус спирта) и, соответственно, дешевле водка, тем выше было душевое потребление и наоборот. В 1890-х годах потребление вина упало почти наполовину (акцизная ставка была 9,25 коп. и 10 коп.). Аналогичные явления отмечались и в других странах (Бельгия, Франция и т.д.).

Следующим по значимости фактором был урожай хлебов. С середины 1880-х гг. наибольшее падение потребления водки (с 0,57 вед. до 0,50 вед.) совпало с неурожайным 1891 г., и затем уровень потребления колебался явно в зависимости от урожая. Однако с 1905 года душевое потребление водки начало возрастать, несмотря на следовавшие один за другим (1905 и 1906 г.г.) неурожай.

Вот как составители Отчета интерпретируют это явление: «Несомненно, что появились новые, поднявшие душевое потребление вина, причины, в значительной степени обессилившие влияние не только неурожая, но и других неблагоприятных экономических условий. Таковыми, по данным Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей следует признать прежде всего приподнятое настроение (sic!), в котором находилось население под влиянием политических событий последних лет, сопровождавшихся местами аграрными беспорядками, погромами, разбоями, грабежами, уклонением от платежей государственных и земских повинностей, выборкой вкладов из сберегательных касс вследствие революционных воззваний и т.п. Кроме того, в городах, где главным образом и замечалось повышение потребления вина, немалую роль сыграл праздничный отдых приказчиков торговых заведений и ломовых извозчиков. Наконец, отмена выкупных платежей, сократив расходы сельского населения, тоже до некоторой степени способствовала усилению потребления вина, равно как и прилив в деревню денег в виде пособий, выдававшихся вследствие общей мобилизации.

На перечисленные причины ссылаются большинство управляющих акцизными сборами в своих донесениях Министерству Финансов.

Некоторые из них останавливаются при этом также на небывалом увеличении количества крестьянских свадеб, в зависимости от возвращения с войны запасных, в нередких случаях привезших с собою денежные сбережения, причем указывают и на наплыв в деревню рабочих, работавших на стороне и вернувшихся в родные деревни вследствие закрытия фабрик и заводов.

При неурядицах и смутах, охвативших сельскую жизнь, указывают отчеты управляющих акцизными сборами, крестьяне, совершенно выбитые из обычной колеи и крайне возбужденные всякого рода слухами об улучшении тем или иным путем их материального благосостояния, вполне естественно отбросили мысль о сбережении копейки про черный день, нередко тратя на вино даже последние деньги. Нельзя, наконец, обойти молчанием имевшие место, по свидетельству управляющих акцизными сборами, случаи реализации продовольственных ссуд и употребления получавшихся при этом денег на приобретение спиртных напитков»¹²³.

В плане характеристики положения населения заслуживают также внимания сведения о потреблении населением остальных предметов косвенного обложения, таких, как пиво, спички, сахар, нефть (керосин) и махорка. Поступление этих налогов в государственные доходы является не менее важным показателем благосостояния населения, чем расходы на водку, поскольку расширяет спектр жизненных потребностей,

¹²³ Продовольственная кампания 1906-1907 гг. по данным материалов МВД. СПб., 1908. том 1, С.344-345.

которая традиционной историографией неявно (а некоторыми ее адептами – и вполне явно!) сводится к потреблению углеводов и воды из колодцев.

Таблица 19. Душевое потребление и душевой расход на предметы косвенного обложения в 1904-1907 гг.

Годы	П И В О		САХАР		МАХОРКА		СПИЧКИ		Н Е Ф Т Ъ		Всего на душу коп.
	1	2	3	2	3	2	4	2	3	2	
1904	38	41	13,3	169	1,07	24	2,1	21	11,2	35	290
1905	42	47	14,5	184	1,02	22	2,0	20	15,0	52	325
1906	50	58	14,7	187	1,09	24	2,3	23	14,0	46	338
1907	51	60	15,6	197	1,04	23	2,6	26	16,0	52	358

Источник: Продовольственная кампания 1906-1907 гг. по данным материалов МВД. Спб. 1908. том 1. С.343

Значения пунктов 1-4 первой строки:

1. Потребление на душу в ведрах
2. Душевой расход в копейках
3. Потребление на душу в фунтах
4. Потребление на душу в коробках (пачках)

Из таблицы 19 можно видеть, что суммарный душевой расход населения на указанные предметы составил в 1904 г. 290 коп., в 1905 г. – 325 коп., в 1906 г. – 338 коп. и в 1907 г. – 358 коп.¹²⁴. Это значит, что если в 1904 г. семья из шести человек (средняя семья по переписи 1897 г.) тратила на эти товары 17,4 руб. в год, то в 1907 – уже 21,48 руб., т.е. на 23,4% больше.

При этом расходы на махорку и нефть не увеличиваются. Но первый факт объясняется не сокращением потребления табака, а ростом потребления дешевых папирос (20 штук за 5 и 6 коп.) «не только среди ремесленников, мастеровых и крестьян, проживающих в городах, но и среди сельского населения», показатели продаж которых ежегодно растут.¹²⁵ Нефтяная же промышленность России переживала в это время трудности, усугубленные активным участием Баку в революции 1905 г.

Статистика поступления косвенных налогов по губерниям и месяцам велась только для «вина», а для указанных продуктов – только по Империи и по календарным годам. Тем не менее, приведенные данные показывают, что потребление предметов косвенного обложения ни в 1906, ни в 1907 г., несмотря на неурожай, постигший большую часть страны, не сократилось.

Далее.

Понятно, насколько важной характеристикой экономического состояния населения является брачность. Из 12-ти наиболее пострадавших губерний снижение брачности в 1906-7 г. отмечается в четырех – в Нижегородской, Оренбургской, Самарской, и Уфимской, а в остальных – Казанской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской и Тульской брачность в 1906-7 г. в той или иной степени повышается.¹²⁶

Не нужно специально пояснять также, насколько важны и интересны данные о динамике вкладов населения в сберкассах – самом массовом и демократичном виде сбережений (процентными и иными ценными бумагами владела очень небольшая часть жителей страны), тем более в периоды, подобные 1906-1907 гг.

¹²⁴ Ермолов А.С. Наши неурожаи... Т. I. С. 423.

¹²⁵ Продовольственная кампания 1906-1907 гг.... С.346

¹²⁶ Там же, С.329-341

А.С. Ермолов считает важным подчеркнуть, что «наряду с такой печальной стороной русской народной жизни, как потребление вина на десятки миллионов рублей в то самое время, когда более или менее значительная часть населения находилась в состоянии полной нищеты и даже голодала, и во всяком случае не могла обходиться без правительственной и частной помощи», зафиксировано поступление больших сумм в тех же пострадавших от неурожая губерниях, денег в сберегательные кассы»¹²⁷.

Вот лишь некоторые данные, относящиеся к тем же 12 неурожайным губерниям за период с 1 мая 1906 по 30 апреля 1907 г. К началу этого года в сберкассах этих губерний находилось вкладов на сумму 154700 тыс.руб.

В течение 12 месяцев было внесено 103700 тыс.руб.

За то же время востребовано вкладов на 86600 тыс.руб.

Наличность вкладов на 1 мая 1907 г. 171800 тыс.руб.

Итого прирост за 12 месяцев 17100 тыс.руб.

Среди 12 губерний, к которым относятся эти данные, нет ни одной, где сумма выданных вкладов превышала бы поступления, хотя размер прироста вкладов был неодинаков.

Ермолов отказывается «основывать какие-либо определенные выводы на этих данных», он понимает при этом, что из армии возвращались запасные солдаты, что деньги в сберкассы откладывали, конечно, не те крестьяне, у которых не было хлеба не то что на продажу, а и на собственную еду. Да и неурожай на всей территории пострадавшего района был «пестрым», а не сплошным. Тем не менее «во всяком случае, заслуживает полного внимания тот факт», что к началу августа, когда неурожай был уже налицо, население 32 пострадавших губерний и областей «встретило этот бесхлебный год с запасом сбережений от прежних лет в 533,6 млн. руб., а к 1 июля следующего за тем года, не только этого запаса не истощило, а еще увеличило его на 66,5 млн. руб.»¹²⁸.

Что же следует из описания продовольственной кампании 1906-1907 гг.?

В первую очередь нужно отметить, что приведенные выше факты рисуют картину, разительно отличающуюся от того, что мы знаем о 1921-1922 гг. и 1932-1933 гг.

Источники говорят о том, что на фоне неурожая 1906 г. и нужды части – но отнюдь не всего – населения даже и в пострадавших губерниях «происходит жизнь» во всей своей полноте. Причем в 1905-1906 гг. она далеко выходит за пределы нормы – не только из-за «аграрных беспорядков, погромов, разбоев, грабежей», вызвавших своеобразную «приподнятость населения», но и в связи с окончанием бессмысленной войны, с возвращением солдат с фронта, со свадьбами и многим другим. Люди, несмотря на неурожай, продолжают печалиться и радоваться, как они это и делают всегда.

Да, есть болезни, которые всегда возникают при истощении организма и с которыми борются медики, но нет смертей от голода. И главное – нет населения, брошенного своим правительством на произвол судьбы, населения, оставленного один на один с природным (а не созданным специально) катаклизмом, как это было в 1932-1933 гг.

Представление о правительственной политике в отношении пострадавшего от стихийных бедствий населения не будет полным без упоминания о том, что в случае неурожая железнодорожные перевозки производились по льготным и пониженным тарифам. Так, в 1891 г. хлеб в пострадавшие районы транспортировался по ставке 1/100 с пуда и версты, по свидетельствам земских управ и правительственных учреждений или со скидкой в 52% с общей формулы без предъявления таких свидетельств, а перевозка кормов (сено, солома, барда, дробина, гуца и выжимки) стоила 3 коп. с вагона в 610 пудов со свидетельствами, и 6 коп. в случае их отсутствия; по аналогичным тарифам перевозился рогатый скот, лошади и дрова. Льготами пользовались лица, уезжавшие из пострадавших районов на заработки. Грузы, отправлявшиеся учреждениями общества

¹²⁷ Ермолов А.С. Наши неурожайи... Т. I. С. 425.

¹²⁸ Там же, С. 427-428.

Красного Креста, епархиальными комитетами и губернаторами транспортировались бесплатно.

Когда в 1892 г. началась эпидемия холеры, чрезвычайными тарифами была сделана скидка в 75% с общих тарифов для проезда врачей, студентов-медиков 4-го и 5-го курсов, фельдшеров и фельдшерниц, сестер милосердия и других лиц санитарного и медицинского персонала, а также необходимых для борьбы с холерой оборудования и медикаментов. Но уже с 1894 г. все такие перевозки стали бесплатными¹²⁹.

И в последующие годы правительство придерживалось той же линии.

Итак, во второй половине XIX - начале XX вв. продовольственная помощь в разнообразных формах была очень важной частью правительственной политики. Правительство Империи тратило огромные средства на организацию помощи пострадавшим от неурожая жителям и, в отличие от советского правительства, не заставляло людей в одиночку бороться с нуждой.

Статистика против публицистики: платежи и недоимки.

В нашем распоряжении есть и другие данные, которые не совмещаются с негативистским подходом к жизни пореформенной России.

Первый их комплекс касается «непосильных платежей» крестьянства. Сетования на них, как и на «постоянные голодовки», были неотъемлемым атрибутом картины народных страданий, созданной оппозиционной литературой. При этом всем известные тогда факты уменьшения правительством налогового бремени, лежащего на населении, получали предвзятую интерпретацию, сознательно преуменьшались или даже игнорировались.

После 1855 г. в налоговой стратегии правительства происходят важные изменения. Начавшийся переход к общегражданскому строю не мог не сказаться на структуре податного обложения. Значение прямых налогов в бюджете постепенно снизилось с 33,0% в 1867 г. до 14,5% в 1897 г., к уплате налогов стали привлекаться категории жителей, ранее свободные от нее, усилилось обложение имущих классов, центр тяжести был перенесен на косвенное налогообложение и др. Александр II отменил соляной налог, Александр III в 1880-х гг. уменьшил выкупные платежи, а затем отменил подушную подать, а Николай II с 1907 г. – и выкупные платежи. Все это в совокупности резко уменьшило обременение податного населения налогами.¹³⁰

Эти сюжеты освещаются в современной историографии,¹³¹ однако для понимания логики дореволюционной оппозиции нам следует обратиться к статье о налогах, помещенной в словаре Брокгауза и Эфрона.

Таблица 20. Структура прямых налогов в 1867-1897 гг. (млн.руб.)

Вид налогов	1867	1877	1887	1897
Подушные подати	37,2	56,8	1,1	1,3
Оброчная подать	34	33,8	2,4	2,4
Налоги местные с земель и др. недвижимых имуществ и личные	10,6	16,4	19,9	16,5
Налог на недвижимые	2,1	4,3	6,3	7,8

¹²⁹ Министерство финансов. 1802-1902. СПб., 1902. Т.2, С.264-265

¹³⁰ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. М., 2010. 324-325 и др.

¹³¹ Петров Ю.А. Налоги и налогоплательщики в России начала XX в. // Экономическая история. Ежегодник 2002 М., 2003; Шаццлло М.К. Эволюция налоговой системы России в XIX в. // Экономическая история. Ежегодник 2002 М., 2003; Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шаццлло М.К. История налогов в России: IX-начало XX в. М., 2006.

имущества в городах				
Гос.поземельн.налог	нет	7,7	12,4	8,0
Промысловый налог	9,5	15	28,9	46,6
Налог денежн.капиталов ^с	Нет	Нет	11,7	15,6
Квартирный налог	Нет	Нет	Нет	3,2
Итого	93,5	133,9	81,3	101,4

Источник: Энциклопедический словарь «Россия» Л.1991. С.199

Таблица 20 детализирующая компоненты прямых налогов в пореформенной России, комментируется следующим образом: «В 1867 г. прямые налоги, лишенные сословного характера (т.е. падавшие не на одних крестьян, а на все классы) приносили только 22,2 млн. руб., в 1877 г. – 43,4, в 1887 г. – 78,7 в 1897 – уже 97,7 млн. руб. Из сравнения цифр за 1877 и 1897 г. видно важное значение податной реформы, осуществленной Бунге и его преемниками: из податной системы исключено на 90,6 млн. руб. налогов, лежавших на одном крестьянском населении, и увеличено на 54,3 млн. руб. обложение, падающее на все классы населения, в большем или меньшем соответствии с их платежной способностью. Необходимо, однако, помнить, что оброчная подать, исключенная из состава податной системы, продолжает поступать в увеличенном размере в виде выкупных платежей с бывших государственных крестьян, так что действительное облегчение тяжести сборов, лежавших исключительно на крестьянах, представляет гораздо меньшую сумму, чем указано выше»¹³²

Здесь мы видим один из стандартных демагогических приемов русской интеллигенции – нехотя констатировать имевшие крупнейшее значение действия правительства в пользу крестьян и тут же их дезавуировать, считая при этом выкупные платежи налогом, а не выплатой ссуды!

Далее, в разделе «Выкупные платежи» в статье говорится, что они «по своему происхождению представляют уплату крестьянами процентов и погашения по выданной казною ссуде, но по способу взимания и раскладке и по установившемся на них воззрению плательщиков (!) они ничем (!?) не отличаются прямых налогов. Так на них смотрит и правительство...»¹³³. Это, конечно, – неотразимые аргументы в пользу того, чтобы считать ипотеку прямым налогом!

В 1867 г. поступления от выкупных платежей составили 23,6 млн.руб., в 1877 г. – 41,1 млн.руб., в 1887 г. – 92,0 млн.руб., 1892 г. – 77,1 млн.руб., в 1895 г. – 101,3 млн.руб., в 1897 г. – 88,5 млн.руб.¹³⁴

Далее в статье развивается начатая уже идейная линия: «Составляя обложение, и притом весьма высокое одного только класса населения, выкупные платежи играют в усиленной степени ту же роль, какую прежде играли подушные сборы, поддерживая деление народа на привилегированные и непривилегированные классы. Уже в 1881 г. было признано, что облегчение в выкупных платежах для многих местностей должно иметь большее значение, чем отмена подушного налога. С тех пор экономическое положение крестьянского населения во многих местностях значительно ухудшилось.

Противоречие, существующее между платежной способностью крестьян и высотой обложения, выражается в постоянном росте недоимок. Таблица 21, заимствованная из труда Н.Бржеского («Недоимочность и круговая порука сельских обществ»), рисует рост недоимок по окладным сборам с сельских обывателей:

Таблица 21. Оклады и недоимки в конце XIX вв.

¹³² Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С.199

¹³³ Там же, С..201

¹³⁴ Там же.

Пятилетия	Оклад	Поступление	Недоимка	Доля недоимок к окладу
1871-1875	134669	134466	30061	22,3
1876-1880	143453	140701	31744	22,1
1881-1885	136129	126583	40423	29,7
1886-1890	103835	102633	43478	41,9
1891-1895	103011	93016	98144	95,2

Источник: Энциклопедический словарь «Россия» Л., 1991. С.2018

Итак, несмотря на понижение оклада, недоимки постоянно увеличиваются и абсолютно и относительно, особенно за последнее десятилетие, что служит ясным доказательством непосильности для населения лежащего на нем податного бремени. Особенно сильное влияние на рост недоимок оказал голодный 1891-й г. в пострадавших губерниях... В 1897 г. сумма недоимок составила 105,2 милл.руб., т.е. достигла 108% оклада»¹³⁵.

В целом этот текст – типичная для того времени вариация на тему вины правительства за народные страдания, а заодно – по факту – и за собственное существование.

Любопытно сопоставить эти цифры и их комментарий, полный патетического сострадания, со средней величиной питейного дохода в 1891-1895 гг., составившей 276,6 млн.руб. Другими словами, несмотря на грядущий народнический Апокалипсис, имеющий будто бы воспоследовать из материализации таблицы 21, несмотря на «непосильность для населения лежащего на нем податного бремени» питейный доход в казну поступал исправно и даже в размерах втрое превышавших задолженность крестьян казне.

А теперь приглядимся к этой ситуации поближе. Ведь 106 миллионов рублей – большие деньги для России конца XIX - начала XX вв.

В таблице 22 содержатся данные о величине всех окладных сборов, в том числе и выкупных платежей, составлявших свыше 80% окладных сборов, а также недоимок по ним с распределением по категориям крестьян на 1 января 1898 г. в 18-ти наиболее задолженных губерниях Европейской России.

Таблица 22. Губернии с наибольшей величиной недоимок по окладным сборам и выкупным платежам на 1 января 1898 г. (тыс.руб. и %)

Губернии	ОКЛАДНЫЕ СБОРЫ					НЕДОИМКИ			
	Всего окладн. платежей	Всего выкупных платежей	Баланс выкупных платежей (%)			По всем окладным платежам	По выкупным платежам	Баланс по выкупн (%)	
			Бывшие госуд. крест.	Бывшие помещ. Крест.	Бывшие удел.кр.			Бывшие госуд. крест.	Бывшие помещ. Крест.
Казанская	3765	3493	89,8	8,8	1,4	12911	12865	87,2	11,9
Самарская	3506	3197	77,3	8,4	14,2	10728	10662	77,9	10,2
Воронежская	4960	4587	82,2	17,8	0	9064	8987	81,2	18,8
Нижегородская	2438	2208	32,6	62,6	4,8	8214	8158	32,9	63,9
Орловская	3473	3149	45,7	50,1	4,2	6520	6345	56,2	43,3
Тамбовская	4774	4384	68,1	31,9	0	6249	6120	63,4	36,6
Пензенская	2715	2499	62,1	37,9	0	5540	5522	59,6	40,4

¹³⁵ Там же.

Тульская	2730	2480	23,3	76,7	0	5361	5307	28,3	71,7
Московская	4074	2123	39,2	55,5	5,3	4725	4637	29,3	67,1
Рязанская	3145	2897	44,7	55,3	0	4637	4595	47,1	52,9
Саратовская	3278	3283	67,6	28,4	4	4619	4547	66,9	28,5
Симбирская	1987	1770	11,6	43	45,4	4092	4081	16,5	48,2
Оренбургская	885	797	95,1	4,5	0,4	3904	3881	93,1	6,3
Пермская	3283	3118	81	17,4	1,5	3713	3691	97,9	2
Курская	4423	4106	68,6	31,4	0	3424	3382	82,2	17,8
Уфимская	932	797	69	22,7	8,3	2848	2831	65,5	32,7
Харьковская	4419	3666	79,4	20,6	0	1985	1942	93,9	6,1
Псковская	1143	1051	44,5	55,5	0	1111	1101	35,1	64,9
Всего 18 губ. (т.р.)	55930	49605	31237	16462	1906	99645	98654	63053	32024
Всего 18 губ.(%)		100	63,0	33,2	3,8		100	63,9	32,5
Доля 18 губ. (%)	49,3	51,3	59,2	40,2	64,3	93,9	95,1	96,2	92,8
Всего 50 губ. (т.р.)	113448	96731	52774	40991	2966	106133	103707	65548	34517
Всего 50 губ. (%)	100	100	54,6	42,4	3,1	100	100	63,2	33,3

Источник: Источник: Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С.102-113, 117. Подсчеты автора

Как только начинается «персонификация» задолженности, картина становится более внятной и обретает иной масштаб убедительности. Недоимки, как показывает таблица 22, по территории страны распределяются отнюдь не равномерно.

Шесть губерний – Казанская, Самарская, Воронежская, Нижегородская, Орловская и Тамбовская, – которые должны были платить 20,2% всех окладных сборов и 21,7% всех выкупных платежей в 1897 г., сосредоточили соответственно 50,6% и 51,2% недоимок по ним (53,7 и 53,1 млн.руб.).

Всего же на 18 губерний с задолженностью свыше 1 млн.руб. приходится 93,9% всей суммы недоимок по окладным сборам и 95,1% по выкупным платежам в 50-ти губерниях Европейской России

Из этого следует, во-первых, что к остальным 32-м губерниям сказанные слова о «непосильности» податного бремени прямого отношения не имеют, что важно само по себе.

Данная картина верна не только для 1897 г. Аналогичные таблицы я построил и каждого из 1897-1901 гг., но здесь нет смысла их приводить. Оклады выкупных платежей почти не меняются, меняется размер недоимок в тех же самых губерниях.

Несколько общих замечаний.

Нетрудно видеть, что этот список почти идентичен со списком губерний, преимущественно общинных, получавших наибольшие объемы продовольственной помощи (таблица 15); пока ограничимся этой констатацией.

Даже по этим, самым общим, данным таблицы 22 можно видеть, на каком эфемерном основании стоит едва ли не любимейший миф традиционной историографии о малоземелье как решающем факторе развития крестьянского хозяйства.

Положим, наличие губерний ЦЧР и Средне-волжских в списке главных должников можно трактовать как следствие малоземелья, но о каком же малоземелье можно говорить в Самарской, Уфимской или Оренбургской губерниях?

И в связи с этим попутно рассыпается не менее популярный стереотип о прямой связи между размерами наделов и уровнем жизни отдельных категорий крестьянства, пропагандисты которого, как Нефедов, и сегодня с апломбом невежества считают, исходя

из условий освобождения, государственных крестьян благополучными, а помещичьих – бедствующими¹³⁶.

Как известно, в ходе Великой реформы помещичьи крестьяне получили в среднем 3,4 дес. на душу, удельные – 4,9 и государственные – 5,7 дес. на душу.

И что же?

Таблица 22 показывает, что в 11-ти из 18-ти губерний-должниц доля государственных крестьян и в окладе, и в недоимках превышает 60% (в Пензенской губернии – 59,6%).

Государственные крестьяне накопили заметно большую долю недоимок в сравнении с окладом в Курской, Орловской, Пермской, Харьковской губерниях, а помещичьи – в Московской и Псковской. В остальных губерниях баланс оклада и баланс недоимок в общем совпадают.

Что же мешало крестьянам в Самарской, например, губернии с гигантскими пореформенными наделами – иногда 15 дес., т.е. полтора квадратных километра на душу (!) вести нормальное хозяйство?

Из того факта, что доля государственных крестьян в окладе составляет 54,6%, а в недоимках 63,2%, никак не следует, что они работали хуже помещичьих, это отдельная и малоизученная проблема. А вот как они, всегда платившие меньше помещичьих крестьян, **восприняли** уравнившее их с ними в этом отношении введение обязательного выкупа – ту самую переоброчку, повысившую их платежи, о которой говорилось выше, – это любопытный вопрос, на который пока ясного ответа нет.

Однако наш анализ не закончен.

К интересным результатам приводит поуездный анализ величин оклада всех прямых налогов и выкупных платежей, а также и недоимок в 1897 и также неурожайном 1901 гг. в указанных 18-ти губерниях. И оклады, и недоимки по уездам одной и той же губернии распределялись неравномерно. В ряде случаев доля уезда в окладе губернии и в недоимках примерно соответствуют друг другу, а иногда и нет, и размеры этого несоответствия довольно значительны. Например, Казанская губерния дает нечастый пример относительно равномерного распределения и оклада, и недоимок по уездам. В Орловской губернии, в отличие от Казанской, на Елецкий, Ливенский и Малоархангельский уезды приходится в сумме 45,6% оклада и 71,7% недоимок в 1897 г. и 71,2% в 1901 г. В остальных уездах, кроме Мценского, доля недоимок ниже доли оклада. Совершенно иная ситуация наблюдается в Харьковской губернии, где из 11-ти уездов 9 практически безнедоимочны. При этом Старобельский уезд – самый большой по территории и самый населенный в Харьковской губернии – на который падало 19,0% оклада, сконцентрировал свыше 80% недоимок и т.д.

Поскольку поуездная концентрация недоимок в отдельных губерниях не была одинаковой, я выделил те уезды, доля которых в недоимках в 1897 или 1901 году составила не менее 10% (с рядом исключений).

Всего в 18-ти губерниях насчитывалось 187 уездов (при анализе данных по Московской губернии я исключил столичный уезд, на который приходится оклад в 2 млн. руб.). Для анализа, результаты которого представлены в таблице 23, был отобран 71 уезд.

Таблица 23. Уезды с наибольшей задолженностью по окладным сборам на 1 января 1898 г.

Губерния	Уезды	оклад Тыс.руб.	доля в окладе губернии	недоимки		Недоимки	
				1897 г. Тыс.руб.	доля в недоимках	1901г. Тыс.руб.	доля в недоимках
Казанская	Казанский	481	12,8	1922	14,9	2273	14
"	Лаишевский	296	7,9	1329	10,3	1602	9,9

¹³⁶ О причинах Русской революции ... С.44-45

"	Мамадыжский	323	8,6	1246	9,7	1637	10,1
"	Свияжский	239	6,3	1261	9,8	1472	9,1
"	Спасский	306	8,1	1191	9,2	1642	10,1
"	Тетюшский	337	9	1628	12,6	2099	12,9
"	Чистопольский	567	15,1	2375	18,4	2929	18
Самарская	Бугурусланский	506	14,4	1919	17,9	2457	19,3
"	Бузулукский	692	19,7	3580	33,4	3958	31,2
"	Николаевский	745	21,2	2834	26,4	2978	23,4
Воронежская	Воронежский	519	10,5	971	10,7	1073	11,7
"	Богучарский	722	14,6	1489	16,4	1457	15,9
"	Землянский	456	9,2	1452	16	1792	19,5
"	Нижнедевицкий	403	8,1	1474	16,3	1448	15,8
Нижегородская	Арзамасский	249	10,2	1484	18,1	1724	19
"	Княгининский	207	8,5	850	10,3	910	10
"	Лукояновский	331	13,6	1983	24,1	2186	24,1
"	Сергачский	254	10,4	1329	16,2	1470	16,2
Орловская	Елецкий	546	15,7	1860	28,5	2347	28,7
"	Ливенский	647	18,6	1865	28,6	2458	30
"	Малоархангельский	393	11,3	950	14,6	1023	12,5
Тамбовская	Борисоглебский	593	12,4	1180	18,9	983	17,1
"	Кирсановский	473	9,9	1288	20,6	1467	25,5
"	Усманский	405	8,5	1030	16,5	836	14,6
Пензенская	Городищенский	258	9,5	867	15,6	1002	17,4
"	Инсарский	377	13,9	519	9,4	503	8,8
"	Краснослободский	341	12,6	829	15	888	15,5
"	Нижнеломовский	303	11,2	750	13,5	765	13,3
"	Саранский	257	9,5	629	11,3	711	12,4
Тульская	Богородицкий	248	11,2	770	14,4	974	15,3
"	Ефремовский	223	10	1181	22	1411	22,2
"	Новосильский	253	11,4	1038	19,4	1155	18,2
"	Чернский	164	7,4	637	11,9	787	12,4
Московская	Богородский	234	11,1	450	10,1	438	9,7
"	Бронницкий	185	8,8	534	12	546	12
"	Звенигородский	175	8,3	748	16,9	745	16,4
"	Подольский	166	7,9	529	11,9	536	11,8
"	Рузский	133	6,3	685	15,4	710	15,7
Рязанская	Михайловский	325	10,3	890	19,2	1079	20,8
"	Пронский	216	6,9	762	16,4	770	14,9
"	Раненбургский	329	10,5	443	9,6	546	10,5
"	Скопинский	304	9,7	940	20,3	1049	20,2
Саратовская	Аткарский	429	11,5	669	14,5	830	13
"	Балашевский	535	14,4	553	12	561	8,8
"	Камышинский	582	15,6	1131	24,5	1429	22,4
"	Кузнецкий	271	7,3	528	11,4	729	11,4
"	Хвалынский	373	10	739	16	1358	21,3
Симбирская	Симбирский	320	15,3	636	15,5	915	17
"	Ардатовский	238	11,4	885	21,6	1034	19,2
"	Буинский	238	11,4	484	11,8	695	12,9
"	Корсунский	313	15	685	16,7	940	17,4
"	Курмышский	236	11,3	657	16,1	777	14,4
Оренбургская	Оренбургский	288	32,5	1508	38,6	1599	41,5
"	Челябинский	568	64,2	2381	61	2243	58,2
Пермская	Екатеринбургский	206	6,3	414	11,1	515	12,1
"	Камышловский	491	15	539	14,5	478	11,3

"	Красноуфимский	267	8,1	384	10,3	534	12,6
"	Шадринский	652	19,9	2172	58,5	2292	54
Курская	Белгородский	320	7,2	372	10,9	451	13,5
"	Обоянский	423	9,6	850	24,8	912	27,4
"	Старооскольский	283	6,4	552	16,1	486	14,6
"	Тимский	310	7,0	676	19,8	740	22,2
Уфимская	Уфимский	163	17,5	338	11,9	462	12,2
"	Белебейский	145	15,6	527	18,5	687	18,1
"	Мензелинский	371	39,8	1596	56	2178	57,5
"	Стерлитамакский	94	10,1	383	13,4	440	11,6
Харьковская	Купянский	452	10,9	228	11,5	169	8,5
"	Старобельский	787	19	1629	82,1	1595	80,1
Псковская	Псковский	277	24,2	164	14,8	209	22,3
"	Порховский	187	16,4	302	27,2	290	30,9
"	Холмский	75	6,6	267	24	170	18,1
	Всего 71 уезд	25075		73940		84554	

Источник: Источник: Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С.102-113; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1904 г. СПб., 1905. С. 92-103; Подсчеты автора

Итак, на 71 уезд с суммарным окладом в 25075 тыс.руб., что составляло 22,1% оклада 50-ти губерний, пришлось 73940 тыс.руб., т.е. 69,7% всех недоимок по окладным сборам 1897 г., и 84554 тыс.руб., или 67,6% суммы недоимок также неурожайного 1901 г.

71 уезд – это 14,1% общего их числа в 50-ти губерниях. И, полагаю, намного ближе к истине утверждение, что задолженность была велика в каждом седьмом уезде Европейской России, нежели «почти» в каждой третьей ее губернии.

Это, разумеется, не означает, что в остальных 430 уездах текли молочные реки с соответствующими берегами. Но это означает, что при оценке положения крестьянства пора перестать заниматься демагогией и порочить всю правительственную политику только потому, что она правительственная. Пора перестать при изучении процессов такого масштаба вводить «круговую поруку» и делать крестьян остальной России ответственными за долги своих компатриотов, уверяя, что неплатежи части крестьян говорят о бедственном положении *всего* крестьянства, как делалось в бесчисленных оппозиционных текстах.

Главный вопрос, тем не менее, заключается в том, почему в 71 уезде, на которые падает чуть больше пятой части оклада 50-ти губерний по выкупным платежам, сосредоточено более двух третей недоимок по ним?

За ответом, полагаю, следует обратиться к Н.К. Бржескому, автору самых серьезных работ по данной тематике, на статистические данные которого ссылается цитируемая статья в Брокгаузе и Эфроне, .

Этот ответ, замечу сразу, с привычной народнической трактовкой проблемы недоимок общего имеет не больше, чем дьяк Крякутный с историей российского воздухоплавания.

Уже на *первой* странице Введения своей монографии Бржеский дает совершенно иную интерпретацию явному парадоксу, когда несмотря на уменьшение суммы взимаемых правительством налогов, недоимки продолжают расти. Если проследить динамику государственных окладных сборов по пятилетиям с 1861 г. до 1896 г., отмечает он, то окажется, что задолженность крестьянства росла безостановочно, невзирая на экономическую конъюнктуру. Удивительно при этом, что *чем меньший* размер платежей устанавливало государство, *тем хуже шло их поступление* в казну, тем больше становились недоимки.

Бржеский пишет: «Если бы в росте податной задолженности сельских обществ видеть доказательство идущего соответственно такому росту упадка народного благосостояния, то следует придти к довольно неожиданному заключению, будто

понижение выкупных платежей, отмена подушной подати и соляного налога, а равно сложение с крестьян многомиллионных недоимок по манифестам 1880 и 1883 гг. (47 млн.руб. – М.Д.), — все благодетельные меры первой половины 80-х годов не привели ни к чему другому, как к ослаблению платежных сил сельского населения, так как оно во второй половине 80-х годов стало еще менее исправным в отбывании повинностей, чем было в эпоху обременительных платежей»¹³⁷. К этому нужно добавить, что нигде в мире, считает Бржеский, податные льготы в административном порядке не предоставлялись населению так широко, как в России.¹³⁸

Если, что и является «вполне доказанным», продолжает автор, то это факт накопления крестьянских недоимок «безотносительно и к хозяйственным условиям отдельных платежных единиц, и к податной тяготе, которая теперь отнюдь не сильнее, чем это было в эпоху крепостного права, когда недоимки составляли лишь несколько более 2% оклада».

Из данного факта следует совершенно логичный вывод о том, что «существует некая общая причина, обуславливающая у нас непрерывный рост податной задолженности сельских обществ и явившаяся вместе с крестьянской реформой».

Эта общая причина – принципиальное несовершенство созданной в 1861 г. податной системы. Подробный ее анализ в рамках этого текста невозможен. Сейчас важно указать на следующие аспекты проблемы.

Бржеский «оживляет» данные таблиц 22 и 23: «Рассматривая данные о податной задолженности крестьянского населения в любом из уездов Европейской России невольно поражаешься значительными колебаниями размера недоимочности по волостям и отдельным сельским обществам в пределах одной и той же волости, находящимся в заведомо одинаковых хозяйственных условиях. Сплошь и рядом встречаются селения, не только не обремененные недоимками, но даже совершенно от них свободные, наряду с такими, задолженность которых достигает 5,6 и даже более годовых окладов, причем напрасно было бы на почве экономических условий искать разгадку этого явления.

Нередки случаи, когда в одном сельском обществе крестьяне пользуются значительным достатком, имеют хорошие наделы или прибыльные заработки на стороне, и тем не менее недоимка в этом обществе достигает значительных размеров, а крестьяне другого общества с трудом перебиваются на неурожайной земле, имеют малые наделы, не ходят в отхожие заработки и, однако, исправно выполняют свои податные обязанности перед правительством. Указанные явления настолько заурядны и общеизвестны, что нет даже надобности иллюстрировать их подходящими примерами.

Действительно, при существующей постановке податного дела в сельских обществах недоимочность отнюдь не служит доказательством хозяйственного слабосилия плательщиков, а исправное пополнение оклада и отсутствие податной задолженности вовсе не свидетельствует о хозяйственном достатке крестьян и соразмерности платежей с доходностью надела»¹³⁹.

Это мнение, разительно противоречащее выводам всей оппозиционной литературы, делает вопрос о причинах недоимок еще более интригующим.

Несомненно, что нормальному ходу податного дела препятствовали некоторые объективные трудности, связанные с спецификой расселения крестьян в разных регионах и размерами волостей – чем многочисленнее селения и больше территория волости, тем труднее было собирать в них подати.

Однако коренная причина неблагоприятной ситуации в податном деле заключалась, повторю, в созданной Положениями 19 февраля 1861 г. системе, призванной обеспечивать исправное поступление крестьянских платежей, которая «представляла

¹³⁷ Бржеский Н.К. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. Историко-критический обзор действующего законодательства в связи с практикою крестьянского податного дела. СПб., 1897. С.1-II/

¹³⁸ 397

¹³⁹ Там же, С.218-219

собою совершенный тип круговой поруки».

Деятельность Редакционных Комиссий в этой сфере Бржеский оценивает как «весьма несовершенную», поскольку она не слишком органично соединила «разнообразные, нередко противоположные течения, которые были в среде деятелей крестьянской реформы».

С одной стороны, у них «сильна была заботливость об ограждении денежных интересов как помещного сословия, которое с освобождением крестьян становилось в совершенно новые условия хозяйственного быта, так и казны; отсюда – круговое ручательство крестьян в исправном отбывании повинностей даже при отсутствии общинного землепользования, и целая система понудительных мер взыскания, проникнутых духом крепостничества с преобладанием личной ответственности недоимщика перед имущественной, с полным подчинением его благоусмотрению мира, перед действиями которого в земельно-податном деле он оставался беззащитным.

С другой стороны, среди реформаторов были люди, идеализировавшие крестьянскую общину, полагавшие, что достаточно отменить крепостное право, чтобы крестьянин сумел воспользоваться благами широкого самоуправления, чтобы «мир» разумно и справедливо управлял хозяйственными общественными делами, чтобы крестьянские должностные лица заботливо относились к выполнению своих обязанностей как вообще, так, в частности, по наблюдению податного дела.

Отсюда те широкие основы самоуправления, которые намечены Положениями 19 февраля; основы, нисколько не согласованные с развитием народной массы, только что вышедшей из векового рабства, отвыкнувшей от понимания прав личности и частной собственности, невежественной настолько, что (и) теперь, спустя 35 лет после реформы, большинство даже должностных лиц крестьянского управления безграмотны»¹⁴⁰.

Из этого общинного романтизма вытекало нежелание Редакционных Комиссий регламентировать быт пореформенного крестьянства, в том числе и предоставление сходам полной самостоятельности в податном деле, закончившееся полным провалом.

Русская деревня середины XIX в. была достаточно замкнутым и в большой мере патриархальным образованием, в котором «старики» были авторитетны как носители житейского опыта и народных обычаев. Сходы блюли обычай в области имущественно-правовых отношений крестьян, и круг дел, которым они ведали, был связан с общественным хозяйством и невелик по объему. Поскольку не было круговой поруки, сходы не могли наносить ущерба ничьим материальным интересам, да и близкая власть помещика охраняла отдельных крестьян от произвола большинства.

Редакционные Комиссии пришли к выводу, что после 19 февраля 1861 г. сходы должны стать центральными органами крестьянского самоуправления, собранием, где будет обсуждаться и разрешаться *весь* комплекс проблем данного конкретного общества. Все хозяйственные дела сход отныне решал по своему усмотрению, и правительственные органы в его распоряжения по существу вмешиваться не могли, они были вправе лишь отменять приговоры схода, составленные с формальными нарушениями.

В итоге сходы получили объем компетенции, который не имел прецедентов не только в дореформенной России, – по мнению Бржеского, даже «в странах с весьма развитым самоуправлением местных союзов» нет органа самоуправления, которому предоставлены были бы столь обширные права и столь широкий круг ведомства, как это сделано в Положениях 19 февраля 1861 г. относительно сельского схода».

Помимо прочего, сход стал полным распорядителем общинной земли, который проводил и первоначальную разверстку земли между членами общества, и все последующие ее переделы, причем не только в смысле периодического переверстания земли между членами общества, но и в плане оперативной скидки и накидки тягол. Круговая порука сделала сельское общество полностью самостоятельным в податном

¹⁴⁰ Там же, С.376-377

деле. Оно разверстывало подати и собирало их, взыскивало недоимку или раскладывало ее на остальных членов общества, вносило деньги в казначейство, определяло порядок счетоводства и отчетности. Все это в сочетании со своеобразным дистанцированием правительства от постоянного контроля за податным делом привело к негативным результатам.

Романтическим надеждам Редакционных Комиссий на то, что сходы останутся справедливыми хранителями заветного обычая, о котором реформаторы, а часто и сами крестьяне, имели, надо сказать, весьма смутное представление, не было дано осуществиться. Члены Комиссий не до конца понимали, что создаваемое ими крестьянское самоуправление и те способы, какими они думали гарантировать исправное поступление в казну платежей, мало соответствовали интеллектуальному и правовому развитию миллионов вчерашних крепостных. И уж тем более, реформаторы не задумывались о том, как эта система управления будет функционировать в дальнейшем.

Жизнь очень быстро внесла коррективы в ту патриархальную картину, из которой исходили Комиссии. В десятках тысяч обществ она быстро деформировалась, прежде всего, потому, что крестьяне весьма активно включились в начавшуюся модернизацию страны. Большинство сходов постепенно перестало быть носителями народно-правовых обычаев. «Случайно образовавшееся большинство», которое господствовало на них, руководствовалось при разрешении подведомственных сходу дел вовсе не обычаями.

Основные требования любой разумно организованной податной системы состоят в том, что законом точно определяются – сумма налога, основания раскладки налога и способы ее обжалования, время взимания и ответственность за несвоевременный платеж.

Крестьянское податное дело этим критериям не соответствовало.

Изъяны созданной в 1861 г. податной системы особенно ясно выступают при сопоставлении ее с теми порядками, которые были установлены для государственных крестьян реформой П.Д. Киселева в конце 1830-начале 1840-х гг.

У государственных крестьян *буквально все* аспекты податного дела были подробно регламентированы законом, причем права и обязанности сельского схода и должностных лиц сельского и волостного управления были строго разграничены.

У помещичьих крестьян закон не устанавливал никаких правил по раскладке и сбору повинностей – и то, и другое было попросту отнесено к обязанностям сельского схода, который должен был также принимать «меры к предупреждению и взысканию недоимок», а права и обязанности сельского старосты и волостного старшины по податной части были совершенно идентичны, что часто порождало безответственность у обоих.

Равным образом, закон тщательно и подробно устанавливал порядок ведения податного счетоводства и отчетности у государственных крестьян, который неукоснительно контролировался палатой государственных имуществ.

У помещичьих же крестьян порядок счетоводства и хранения собранных сумм определялся самим обществом, равно как и порядок контроля за действиями старосты и/или сборщика податей в отношении собранных ими денег; никакому постороннему «вышестоящему» контролю эта сфера деятельности общества не подвергалась.

Все платежи государственных крестьян, – казенные, земские и мирские – производились по одним и тем же правилам, причем порядок распределения поступающих от плательщиков взносов между отдельными видами повинностей был установлен в законе.

У помещичьих крестьян картина была ровно обратной. Выкупные платежи, регулируемые особыми правилами, находились под наблюдением мировых посредников, а за взыскание казенных податей и недоимок отвечала полиция. Земскими сборами ведали земские учреждения, а взыскание также производилось полицией. Мирские сборы находились в исключительном ведении органов крестьянского самоуправления. При этом точных правил для распределения поступающих от плательщиков денег между разными

видами повинностей не было, что естественным образом провоцировало произвол со стороны причастных к податному делу должностных лиц – как крестьянских, так и правительственных. Замена мировых посредников в 1874 г. присутствиями по крестьянским делам, введение института земских начальников реально ситуацию не изменили.

У государственных крестьян правительственный надзор за податным делом был полностью в руках окружного начальника, подчинявшегося палате государственных имуществ, который и отвечал за успешное поступление крестьянских платежей.

У бывших помещичьих крестьян надзорные функции, а равно и ответственность за поступление податей, были раздроблены между должностными лицами крестьянского управления, мировыми посредниками и полицией, позже земскими начальниками и податными инспекторами. При этом несогласованность прав и обязанностей полиции и мировых посредников, как и всегда в таких случаях, нередко приводила к конфликтам между ними. Это в свою очередь давало крестьянам свободу маневра между двумя «начальствами», т.е. возможность не платить вовремя.

За платежами бывших помещичьих крестьян формально наблюдала казенная палата, которая, однако, не имела права самостоятельного распоряжения, в силу чего она «сосредотачивалась исключительно на переписке с органами, ей не подведомственными и не подчиненными».

Строгий правительственный контроль за податным делом у государственных крестьян был нацелен на своевременную выборку текущего оклада платежей, что успешно препятствовало образованию и накоплению недоимок.

У бывших помещичьих крестьян деятельность мировых посредников и полиции концентрировалась почти полностью на взыскании недоимок.¹⁴¹

Столь серьезные различия были следствием *принципиально* разных подходов правительства к постановке податного дела у государственных и помещичьих крестьян.

В обоих случаях круговая порука должна была обеспечить исправное поступление платежей. Однако по отношению к государственным крестьянам эта задача рассматривалась как сугубо фискальная. При этом правительство, понимая ситуацию в комплексе, понимая, так сказать, «аудиторию», приняло все меры для максимального облегчения тяжести применения круговой поруки и даже для устранения самой возможности этой акции. Сделано это было путем «правильной постановки всех сторон крестьянского податного дела на почву законодательной регламентации, обеспечивавшей интересы как сельских обществ, так и отдельных плательщиков».

А в отношении бывших помещичьих крестьян **«круговая порука рассматривалась как право сельских обществ, вытекающее будто бы из самой сущности общинного землепользования; во имя этого права правительства воздерживалось от всякого вмешательства во внутренние земельно-податные распорядки сельских обществ»**¹⁴².

Такова была степень воздействия общинного романтизма на реформаторов, из идейных соображений проигнорировавших позитивный опыт реформы Киселева.

На практике, пишет Бржеский, абсолютно обычной была ситуация, когда сумма сборов, которую должны были платить домохозяева зависела «исключительно от благоусмотрения сельских властей и полиции, от большей или меньшей напряженности взыскания», и «в сущности никто из домохозяев не знал заранее, сколько с него потребуют в уплату повинностей».

Многочисленные случаи нарушения интересов отдельных плательщиков при раскладке обычно оставались без обжалования, поскольку тягаться с миром крестьянам было «себе дороже» в виду слишком сильной зависимости от него. К тому же закон обходил молчанием способы такого обжалования. Земский начальник с 1889 г. мог

¹⁴¹ Там же, С.377-379

¹⁴² Там же, С.379

отменять общественные приговоры, составленные с нарушением интересов отдельных лиц, но лишь по жалобе потерпевших, а жаловаться осмеливались немногие.

К тому же приговоры о раскладке податей далеко не всегда и не везде составлялись в письменном виде, что способствовало злоупотреблениям должностных лиц, равно как и запутанность и беспорядочность податного счетоводства, вытекавшая из разновременности раскладок по казенным, земским и мирским сборам.

Закон устанавливал срок, начиная с которого полиция обязана была приступить ко взысканию. Однако срок для сбора податей внутри самих обществ определен не был, а там где имелись специально установленные сроки, за точным их выполнением никто не следил и они, соответственно, не соблюдались. Сельские власти, склонные, как правило, давать поблажки плательщикам, не выбирали податей, пока этого не требовала полиция. А как только полиция начинала действовать, в ход шли самые крутые меры взыскания.

Крестьяне отвечали за подати и недоимки не только имуществом и землей, но и своей личностью – недоимщика можно было отдать в заработки и подвергнуть телесному наказанию. Предел взыскания недоимок в законе указан не был, а установленная в нем градация применения принудительных мер не соблюдалась. Полиция могла продать за недоимку имущество крестьян по тем описям, которые утверждали крестьянские учреждения. Однако продажи, производимые самими сельскими обществами, ничем не лимитировались, и, таким образом, общество само, не отвечая по круговой поруке перед казной, могло безнаказанно разорить любого из своих сочленов-недоимщиков.¹⁴³

Уже это показывает, насколько далеко разошлась действительность с планами Редакционных Комиссий.

Круговая порука по определению лишает людей уверенности в том, что они могут сохранить результаты своего труда, а это в свою очередь негативно влияет на инициативу и предприимчивость работников, на простое желание трудиться и, в конечном счете, тормозит рост благосостояния населения.

С усилением имущественной дифференциации после 1861 г. эти общие недостатки круговой поруки увеличились, и соответственно, возросло число злоупотреблений: «Круговая порука в самом обществе является отличным средством для всякого рода прижимок со стороны исправных и достаточных домохозяев—беднейшей части однообщественников. Под предлогом круговой поруки менее исправные домохозяева получают нередко менее того количества земли, на которое они имеют право; вдовы, с малолетками или юношами сыновьями, почти всегда обижены при разделе земли; земля лучших качеств тоже достается более зажиточным крестьянам. При возражении со стороны обиженных слышится всегда один и тот же ответ: «ты недоимщик слабосильный, а мы за тебя плати подати и отбывай повинности», после чего обиженный молчит, хотя на самом деле его же, обиженного, в первую голову нарядят для исполнения какой-либо натуральной повинности, а недоимки и текущие платежи взыщут, если возможно, с него же, не уплатив ни одного гроша за обиженного землей при разделе ее по домохозяевам»¹⁴⁴. Примерами такого рода полны труды Совещания С.Ю. Витте

Закон не регламентировал точно, кто имеет право участвовать в деятельности схода, в силу чего во множестве селений перевес получили «наиболее вредные элементы» общества», которые стали использовать сход в своих целях и захватили в свои руки все мирское хозяйство. Именно этим объяснялись многие «беспорядки в сельском управлении, выбор на общественные должности людей слабых и неспособных, санкционирование неправильных мирских расходов (на вино), нарушение прав отдельных членов общества, преимущественно беднейших»¹⁴⁵.

В течение всего пореформенного времени десятки источников самого разного происхождения в один голос говорят о капитальном ухудшении качественного состава

¹⁴³ Там же, С.411-412

¹⁴⁴ Там же, С.412

¹⁴⁵ Там же, С.229

сходов, во многом связанном с начавшейся имущественной дифференциацией крестьянства.

Уже в 1873 г. Комиссия Валуева фиксирует значительные недостатки в работе органов крестьянского самоуправления. В частности, в докладе Комиссии указывается на частые неправильные и несправедливые приговоры сельских сходов, «которые не ограничены никаким законом и которыми часто руководит один произвол. Дела на сходах решают не лучшие и добропорядочные хозяева, а те, которые чаще принадлежат к худшим людям в селениях. Хозяева, которые ведут дурно и распущенно свое хозяйство, которые не платят государственных и общественных повинностей, заставляя за себя платить других, являются главными деятелями и решителями на сельских сходах, направляя эти решения в ущерб домовитых и заботливых хозяев. Сельские и волостные сходы редко обходятся без попок и даже отправление правосудия в волостных судах сопровождается вином»¹⁴⁶.

В дальнейшем ситуация только ухудшалась. В начале 1880-х гг. сенатор Мордвинов после ревизии Воронежской и Тамбовской губерний отмечал: «Крестьянское самоуправление находится в полном распадении повсеместно... Сельские и волостные сходы, составляющие по Положению 19 февраля 1861 г. краеугольный камень крестьянского самоуправления, потеряли всякое значение; собираемые из людей, соединяющихся под условием угощения водкой, эти сходы служат только орудием писаря или другого влиятельного лица в обществе для достижения противозаконных целей... Во многих селениях дошло до того, что сход без угощения определенным количеством водки не составляет приговор, например, о приеме крестьянина, отбывшего наказание, и напротив того, за несколько ведер водки отбирает у недоимщика землю и отдает ее в аренду за ничтожную плату...

Таким образом, встречая в сельском и волостном своем начальстве или совершенное бездействие и бессилие, или – в лице волостного старшины и писаря – произвол и притеснения; на сельских и волостных сходах односельцев, равнодушных к общему благу... или, напротив того, шумную толпу людей, закупленных угощением; в волостном суде лицепрятие по тем же побуждениям, а в уездном присутствии чисто формальное и поверхностное отношение к его правам и нуждам, крестьянин не находит защиты против притеснения сильного, как своего односельца, так и начальства в разных его видах **и должен окончательно потерять веру в правосудие**, в правительство и в представленное ему Положением 19 февраля 1861 г. самоуправление, к которому он при этом может сделаться неспособным»¹⁴⁷.

Эти мысли в разных вариациях повторяются затем в различных правительственных документах, в том числе при обосновании Министерством внутренних дел необходимости введения института земских начальников в Государственном совете в 1887 г., правил о земельных переделах в 1892 г. и во множестве мемуаров современников.

Бржеский считает, что деятельность сходов целесообразна (с оговорками) только в плане раскладки сборов, поскольку она базировалась на разверстке земли. В остальных же аспектах податного дела сходы в массе оказались совершенно несостоятельными.

Так, «предупреждать накопление недоимок возможно одним лишь путем внимательного и постоянного наблюдения за состоянием платежных средств каждого отдельного плательщика и улавливанием для податного платежа тех мелких денежных получек, из которых составляется доходный бюджет каждого домохозяйства», но подобного рода деятельность в принципе была не по силам сходу.

Равным образом невыполнимой для такого «местами многолюдного, но всюду неорганизованного собрания людей», как сход, оказалась задача эффективной организации счетоводства, хранения и расходования податных сумм, а также контроля за деятельностью должностных лиц: «Деньги всюду хранятся у сборщика или у старосты и

¹⁴⁶ Там же, С.230

¹⁴⁷ Там же, С.230-231

расходуются последними без всякой определенной отчетности; производство же учетов затруднено не только многолюдством и беспорядочностью сходов, но и слабым распространением грамотности не только среди участников схода, но даже среди должностных лиц крестьянского управления». В 1890-х гг. крестьяне стали чаще обращаться «к податным инспекторам и земским начальникам за участием и руководством на учетных сходах, но практика показывает, что и эти должностные лица встречают немаловажные затруднения при производстве учетов, крайне беспорядочного состояния податного счетоводства в сельских обществах»¹⁴⁸.

Что касается взыскания недоимок, то здесь ситуация была просто удручающей. Если сумма долгов была значительной, то сходам, состоящим из недоимщиков, «оставалось или поочередно разорять друг друга во имя круговой ответственности, или относиться совершенно безразлично к дальнейшему накоплению недоимок со стороны членов общества. Практика свидетельствует о том, что принимая в отношении недоимщиков ту или другую меру взыскания, сход по общему правилу действует не собственному почину, а лишь под давлением властей, грозящих в противном случае прибегнуть к применению круговой поруки.

Безответственность мира в данном случае оказывается выгодной и для полиции, и для сельских властей; неохотно прибегая к принудительным продажам движимости, хлопотливым и ответственным, полиция всегда предпочитает воздействовать на должностных лиц крестьянского управления, те в свою очередь воздействуют на мир, который, не стесняясь никакими правилами, не производя никаких описей, продает последнюю движимость недоимщика и безнаказанно вконец разоряет своих беднейших односельчан». Непременный член Рязанского губернского присутствия Протасьев констатировал: «Если бы представитель полиции при принудительном взыскании допустил десятую долю того произвола и того разорения, которое у всех на глазах допускается самодеятельным миром, то для такого полицейского чина не нашли бы подходящей скамьи подсудимого, а мужицкий «мир» творит все это безнаказанно»¹⁴⁹.

Сходы непосредственно участвовали в применении крайней меры взыскания недоимок – отобрании надела. Этот процесс заметно усилился после отмены подушной подати и понижения выкупных платежей. В начале 1890-х гг. губернаторы сообщали МВД о многочисленных фактах отобрания надела у «отдельных преимущественно беднейших членов обществ по проискам богатых домохозяев, нередко за водку».

После введения закона 8 июня 1893 г. о переделах сходы стали реже отбирать наделы за недоимки, однако чаще стала встречаться сдача наделов в аренду самими должниками под давлением сходов, крестьянских должностных лиц, а нередко земских начальников и полиции. Так, в 1894 г. в Рязанской губернии зафиксирован 12281 (!) случай отдачи отдельными домохозяевами своих наделов в аренду. Это значит, что лишь за один год и только в одной губернии свыше 12 тысяч домохозяев оказались неспособны к отбыванию повинностей и превратились в безземельных пролетариев. Аналогичные явления наблюдались и в других местностях Европейской России.¹⁵⁰

Недоимок, как показывал опыт государственных крестьян, могло не быть, но в пореформенной общине при существующих порядках они были неизбежны: «Податное дело требует постоянного заботливого наблюдения, доступного отдельным лицам, но не толпе; податные дела слишком близко касаются материальных интересов каждого отдельного плательщика, чтобы можно было предоставить последнего на усмотрение сходов, склонных нередко руководствоваться своекорыстными побуждениями мирских воротил; здесь место не безответной толпе, но ответственным должностным лицам»¹⁵¹.

Неэффективность закона усугублялась тем, что он позволял крестьянским

¹⁴⁸ Там же, С.239-240

¹⁴⁹ Там же, С.240

¹⁵⁰ Там же, С.242-243

¹⁵¹ Там же, С.243-244

должностным лицам, прикрываясь безответственностью сходов, принимать разорительные меры взыскания в своих корыстных целях.

По закону должности сельского старосты и волостного старшины были видными и влиятельными. Обширному кругу их обязанностей соответствовал значительный объем предоставленных прав. Однако их реальный статус после 19 февраля 1861 г. заметно отличался от задуманного реформаторами.

В результате Великих реформ должность волостного старшины некоторым образом приобрела общегосударственный характер, что отодвинуло на периферию его сословные обязанности, которые считались главными в 1861 г. Волостной старшина, который задумывался как хозяин волости и защитник мирских интересов, превратился в исполнителя распоряжений и предписаний всех министерств и ведомств, находящегося в постоянном временном цейтноте, особенно если волость была велика. К тому же он попал в «тяжкую зависимость от полиции», в силу чего куда важнее забот о благосостоянии волости, о надлежащем ходе дел в сельских обществах стали заботы о принятии мер ко взысканию недоимок. То же относилось, разумеется, и к сельским старостам, на которых в свою очередь давили уже волостные старшины.

Подобная ситуация не только затрудняла служебную деятельность этих должностных лиц, но и умаляла их авторитет в глазах населения, которым они управляли, поскольку они были вынуждены прибегать к самым жестким мерам для взыскания податей и недоимок со своих избирателей. В противном случае полиция могла их оштрафовать, арестовать и даже отстранить от должности. С престижем и почетом это коррелировало слабо.

Полиция, надо сказать, пользовалась своими правами отнюдь не точно. Так, в одной только Симбирской губернии, где числились 151 волостной старшина и 2239 сельских старост, за время с 1 сентября 1890 г. по 1 января 1895 г. были устранены от должности 96 старшин (63,6%) и 672 старосты (30,0%), а награждены 25 старшин (16,6%) и 2 старосты (0,09%). За 1894 г. административным взысканиям подверглись 281 старшина и 970 старост.¹⁵² Стоит заметить, что арест (от трех до семи дней) старшины и старосты отбывали в арестантских помещениях при квартирах станковых приставов в изысканном обществе воров, конокрадов и других преступников, и ясно, что уже одно это отвращало наиболее уважаемых и уважающих себя крестьян от избрания на общественные должности.

Во многом отсюда – «крайнее» качественное ухудшение состава крестьянских должностных лиц, отмеченное уже Комиссией Валуева, а затем сенаторскими ревизиями начала 1880-х гг., земскими собраниями, Министерством финансов и т.д.

МВД в 1887 г. так охарактеризовало сельское самоуправление: «Растраты общественных сумм, превышение и бездействие власти, явные насилия и произвол, неисполнение закона, лихоимство и другие преступления и проступки по должности сделались в течение последнего десятилетия (1875-1885) обычным явлением в среде как волостных старшин и сельских старост, так и других должностных лиц крестьянского общественного управления». Так, например, «в одной из Юго-Восточных губерний с 1875 по 1880 г. привлечено было к ответственности 720 сельских должностных лиц за растрату в общем итоге 227 тыс. руб.». Неудовлетворительность состава крестьянских должностных лиц, пишет Бржеский, наблюдается почти повсеместно и в 1890-е гг. Сельские власти из органов, «поставленных на страже интересов крестьянского самоуправления... превратились в зависимых от полиции взыскателей подати, энергия которых находится в прямой зависимости от воздействия полицейского начальства, так как других побуждений к надлежащему ведению дела не имеется... Деятельность сельских властей по сбору податей к тому же оценивается полицией весьма своеобразно: штрафы, аресты и другие взыскания налагаются в большинстве случаев даже без проверки на

¹⁵² Там же, С.248

месте...на основании лишь общей цифры поступлений, признаваемой недостаточной»¹⁵³.

Сходам нужны были не достойные, а относительно нетребовательные должностные лица. Однако чем слабее шло поступление сборов и пополнение недоимок, тем чаще полиция подвергала сельское и волостное начальство взысканиям.

И тут возникала большая житейская проблема, потому что хотя крестьянские должностные лица находились в прямой и малопривлекательной зависимости от полиции, но их зависимость от сходов была еще сильнее.

Бржеский отмечает: «Сельский староста и волостной старшина, который настоятельно и строго требует выполнения крестьянами их податных обязанностей нередко считается обществом за врага, сход уменьшает ему содержание, выживает из должности и даже впоследствии продолжает мстить ему, обделяя землей и лесом, притесняя пастбищем, нанося всякие обиды и оскорбления. Понятно, что ввиду такого возмездия со стороны однообщественников должностные лица предпочитают нести всякие наказания за свои служебные упущения и нарушения закона со стороны общих властей, лишь бы не восстанавливать против себя крестьян, тем более, что известны случаи даже назначения обществами особого денежного вознаграждения старшинам, которые были подвергнуты взысканиям за нерадение по службе»¹⁵⁴.

Это делает понятным, почему источники фиксируют в разных регионах явное нежелание должностных лиц проявлять настойчивость при взыскании недоимок.

Крестьяне считали вполне возможным уплачивать подати частями в течение года, но следить и заботиться об этом могли только сельские власти. Однако эти власти не торопились проявлять настойчивость, пока данным вопросом не начинала интересоваться полиция, а это имело место, как правило, после уборки хлебов. Таким образом, вследствие бездействия старост и старшин в течение первых двух третей года постепенно, как бы сам собой, «установился обычай откладывать уплату податей до осени, играющий немаловажную роль в накоплении недоимок»¹⁵⁵.

В Пермской губернии волостные старшины стараются избегать применения крайних мер взыскания, в особенности по отношению к состоятельным домохозяевам. Волостные старшины в башкирских волостях Орского уезда Оренбургской губернии, которые тратили иногда до 1,5-2 тыс.руб. на свое избрание, «в расчете с лихвою вернуть все поборами, преимущественно с переселенцев, проживающих в волостях, заняты прежде всего устройством своих частных дел и не заботятся о казенных интересах».

Большое накопление недоимок по Николаевскому и Новоузенскому уездам, а также по богатым торговым селам Бугурусланского уезда Самарской губернии еще в 1880-х гг. объясняется бездействием волостного и сельского начальства. В Новоузенском уезде исправные домохозяева во многих селениях просят мир не выбирать их в старосты, и поэтому иногда мир **обязывает** идти в старосты тех домохозяев, дети которых не служили в армии, в других случаях должность делают привлекательной довольно высоким жалованьем, в третьих – соблазняют идти в старосты обильным угощением и т.п.

В Оренбургской губернии в большинстве сельских обществ сельскими старостами становятся по очереди, причем почти все старосты и многие старшины относятся к самым крупным недоимщикам. Во многих местностях Московской губернии по несколько раз выбирают только нетребовательных старост, а «если бы староста вздумал принимать меры против неплательщиков, то его «не только не выберут, но, пожалуй, сожгут»¹⁵⁶.

Нужно ли после этого говорить о том, что крестьянские должностные лица использовали служебное положение в личных целях? Растраты ими общественных средств стали банальностью. В Рязанской губернии «хорошие люди, строгие по жизни, в старосты нейдут, уклоняются от этой должности», поэтому сходы часто избирают «людей

¹⁵³ Там же, С.249

¹⁵⁴ Там же, С.250

¹⁵⁵ Там же, С.184

¹⁵⁶ Там же, С.251-252

самых сомнительных качеств, которые, чтобы быть избранными, подпаивают мир, имея в виду в будущем попользоваться мирскою копейкою». Согласно различным земским обследованиям, одной из причин податной задолженности крестьян «являются частые растраты должностных лиц»¹⁵⁷.

Лучшим доказательством приниженого и зависимого положения крестьянских должностных лиц является тот «общеизвестный факт», что при взыскании податей в отношении богатых и влиятельных домохозяев они проявляли минимум настойчивости.

Бржеский вообще пишет, что «задолженность достаточных хозяев есть явление повсеместное и притом весьма распространенное» и приводит ряд фактов, с которыми полезно будет ознакомиться современным певцам народных страданий.

Так, большие недоимки, которые Нижегородский уезд накопил в 1891-1893 гг., местная администрация, по обыкновению, объясняла «хозяйственными невзгодами плательщиков, сокращением заработков, пожарами» и т.п. Однако местный податный инспектор Ушаков провел подворное обследование 90 селений 11 волостей Нижегородской уезда и выяснил, что свыше 50% всех недоимщиков составляют «вполне зажиточные и достаточные домохозяева; многие из них владеют, кроме наделной, еще собственной землею, в количестве до 40 и более десятин; занимаются различными промыслами и торговлей, владеют лавками, мельницами и т.п. Сумма задолженности этих зажиточных и достаточных крестьян составляет от 30,5 до 50,6% всего количества недоимок, числящихся за всеми селениями. Так, из общей суммы недоимок по 60 селениям в 190 600 руб., на долю означенных лиц приходится 75900 р., т.е. 40%, а по 6 селениям из общего количества недоимок – 12700 р. за зажиточными числится 6500 р., что составляет 50,6%»¹⁵⁸.

Во многих местностях губерний Восточного района зажиточные домохозяева накопили крупные недоимки, однако их не только не привлекают к круговой поруче за других недоимщиков, «но даже не понуждают к уплате причитающихся с них сборов».

В 1893 г. до половины всей недоимки Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии состояло за состоятельными домохозяевами и должностными лицами, в числе которых встречались «лица, ведущие торговлю на десятки тысяч рублей, держатели почтовых трактов, арендаторы базарных площадей и весов, владельцы промышленных заведений».

В Ардатовском уезде Симбирской губернии числилось к 1893 г. около 2000 состоятельных недоимщиков с недоимкой в 80 тыс.руб. Число зажиточных домохозяев определяется по Петровскому уезду в 59%, а по Кузнецкому – в 44%; за ними состоит около половины всех недоимок, числящихся за тем и другим уездом.

По сведениям податного инспектора (октябрь 1894 г.), в Симбирском уезде за 116 состоятельными недоимщиками числится свыше 4000 руб. казенной недоимки. Некоторые недоимщики весьма зажиточны: состоят председателями и членами волостных судов, сельскими старостами и т.п.; все они имеют достаточные средства для исправного отбывания повинностей. Один из них, например, за коим числится 22 р.45 к. казенной недоимки, имеет 9 дес. наделной земли, 26 голов мелкого скота и кроме того, ветряную мельницу и бакалейную лавку; другой, имеющий 8 дес. наделной земли и содержащий почтовую станцию за которую получает от 736 р., состоит в недоимке на 18 р.40 к.

В Курском и Корочанском уездах в числе недоимщиков состоит много зажиточных домохозяев. В Павловском уезде Воронежской губернии недоимки числятся за крестьянами, которые раздают в займы более 2000 руб. Недоимочность зажиточных хозяев встречается редко в Богодуховском и Купянском уездах Харьковской губернии и часто – в Старобельском и Валковском...

В районе средне-черноземных губерний недоимочность должностных лиц крестьянского управления, выбираемых зачастую из среды неисправных плательщиков,

¹⁵⁷ Там же, С.252-253

¹⁵⁸ Там же, С.254-255

бывает сравнительно реже, но встречается почти повсеместно. К ноябрю 1895 г. в Алатырском уезде Симбирской губернии по 7 селениям находилось 43 зажиточных недоимщика, в том числе несколько должностных лиц...накопивших 1653 руб. недоимки .

По 42 селениям Ардатовского уезда недоимок состоятельными домохозяевами числилось 16600 руб.; в числе недоимщиков находились старшины, старосты, сборщики, председатели и члены волостных судов. В Симбирском уезде к тому же времени за состоятельными домохозяевами 33 обществ числилось в недоимке с лишком 32 тыс.руб.; в числе недоимщиков были должностные лица. В Рязанской губернии сельские старосты нередко запускают причитающиеся с них платежи в расчете на снисхождение волостного старшины». В Воронежской губернии в списках недоимщиков значился председатель волостного суда и ссудо-сберегательной кассы, получающий 250 руб. жалованья.

Податной инспектор Н.Н. Бушев, в конце 1880-х гг. ревизовавший от Курской казенной палаты Курасовскую волость Обоянского уезда, в числе прочего сообщал: «Проверяя платежную способность недоимщиков, я был поражен значительностью недоимки за некоторыми лицами, а именно: за сельским писарем числилась недоимка в 72 р.86 к., за крестьянином Шеховцовым, содержателем волостного пункта, 42 руб.; я насчитал таких недоимщиков человек 15; одним словом, *самые состоятельные крестьяне оказались самыми крупными недоимщиками*, по отношению к ним не применялась ни одна из мер, указанных в ст.188 Общего Положения, тогда как к мелким недоимщикам применялись самые строгие меры и сгоняли даже скот для продажи... Крестьяне горько жаловались на произвол волостного старшины; многие... не были даже предупреждены о продаже, которая совершена была заочно, в их отсутствие скупщиками, которые все время жили у старшины в доме и он их развозил на своих лошадях из деревни в деревню. В числе покупателей был помощник волостного старшины, за которым и сейчас числилось недоимки 9 р.40 к., но по отношению к нему никаких мер взыскания не принято»¹⁵⁹.

Подобные примеры легко умножить, однако и этой информации вполне достаточно, чтобы понять, насколько были далеки от действительности фарисейские причитания дореволюционной оппозиции о задавленном налогами крестьянстве. Это, разумеется, не означает, что не было крестьян, для которых платежи были действительно тяжелыми, но это вовсе не касалось всех или большинства крестьян.

Вообще вся эта информация – прекрасная иллюстрация мысли П.А. Столыпина, высказанной им в 1907 г. в известном письме Л.Н. Толстому: «Теперь единственная карьера для умного мужика быть мироедом, т. е. паразитом. Надо дать ему возможность свободно развиваться и не пить чужой крови»¹⁶⁰.

Резюмируем вышесказанное.

Неэффективность созданной в 1861 г. податной системы привела к тому, что «население отвыкло от правильного отбывания лежащих на нем податных обязанностей; подати перестали уплачиваться своевременно; даже наиболее состоятельные домохозяева приучились оттягивать платежи до последней возможности и из опасения, что всякая предварительная и своевременная очистка оклада может навлечь на них последующее взыскание в силу круговой ответственности, вносили подать не иначе, как по настоятельному требованию властей.

Недоимка при таких условиях стала явлением обычным, сделалась как бы неотъемлемою принадлежностью крестьянского податного дела; в большинстве случаев она вовсе не знаменует собою расстройств платежных сил населения и... не находится в строгом и правильном соответствии ни с размерами обеспечения крестьян надельною землею, ни со степенью обременения их платежами.

Очевидно, что первичное появление недоимки обуславливается совершенно равнодушным отношением сельских обществ к выполнению обязанностей, которые на

¹⁵⁹ Там же, С.255-256

¹⁶⁰ Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С.168-169.

них возложены законом по наблюдению за исправным отбыванием повинностей каждым из членов общества. Причина такого равнодушия коренится главным образом в недостатках крестьянского самоуправления, в неудовлетворительности состава сельских сходов, в приниженности положения должностных лиц крестьянского управления и, в особенности, сельских старост.

Очевидно, что пока заведывание мирскими делами будет находиться в руках сельского схода, не только неспособного при нынешней организации оказать серьезный отпор худшим элементам сельского общества, но и являющегося нередко слепым орудием в руках этих элементов при достижении ими своекорыстных целей на почве прав, предоставленных сельскому обществу во имя круговой поруки; пока эти сходы своею безответственностью будут прикрывать бездействие в податном деле, а подчас и злоупотребления должностных лиц сельского управления, до тех пор невозможно действительное упорядочение крестьянского податного дела, хотя такое упорядочение составляет существеннейшее условие к возвышению благосостояния народа»¹⁶¹.

Не менее серьезным, по мнению Бржеского, изъяном податного дела было сосредоточение в руках полиции контроля за ходом крестьянских платежей и обязанностей по взысканию накопившейся задолженности. «Обремененная другими многосложными и ответственными обязанностями, не имея достаточных экономических знаний и слишком чуждая жизни крестьянства, полиция неспособна ни руководить должностными лицами крестьянского управления в деле взимания окладных сборов», ни проводить меры принуждения и взыскания в соответствии с уровнем платежеспособности крестьян.

Полиция была исполнительным органом всех учреждений и ведомств, и только при взыскании крестьянских окладных сборов имела право инициативы и дисциплинарной власти в отношении должностных лиц крестьянского управления. Однако это право и эту огромную власть полиция использовала только для достижения более высоких показателей поступления сборов, из чего вытекали несвоевременность и нередко «крайняя неразборчивость приемов и способов взыскания».¹⁶²

Наконец, для нормальной работы податной системы необходим эффективно организованный правительственный надзор за ходом крестьянского податного дела *на всех его стадиях*, который после 1861 г. правительство так и не смогло наладить.

Почему же оно держалось за эту систему, которая сделала произвол обыденностью в повседневной жизни российской деревни, ослабила и уничтожила в крестьянах чувство законности, которая десятилетиями уродовала нравственную основу крестьянской жизни?

Думается, прежде всего, по инерции и из-за ощущения мнимого комфорта, тождественного недалёковидности. С.Ю. Витте писал: «С административно-полицейской точки зрения она (община – М.Д.) также представляла более удобства — легче пасти стадо, нежели каждого члена сего стада в отдельности»¹⁶³. Н. Новосельский по этому поводу справедливо заметил: «Русская сельская община, утратившая нравственный авторитет, а, следовательно, и влияние на быт своих членов со времени преобразования мирских сходок из собрания одних глав семей в собрание всех взрослых мужчин на правах равного голоса, интересовала правительство только как наиболее удобный и даровой орган сбора податей, отбывания повинностей и низшей полицейской службы»¹⁶⁴.

О том, что сходы превратились в «управляемую охлократию» согласно пишут С.Ю. Витте, К.Ф. Головин, А.С. Ермолов, Б.Н. Чичерин и другие объективные современники (см. ниже).

Полагаю, своего рода одобряющим восклицательным знаком «на полях»

¹⁶¹ Бржеский Н.К. Недоимочность и круговая порука ... С.398-399

¹⁶² Там же, 399.

¹⁶³ Из архива С.Ю.Витте. Воспоминания Т. 2 Рукописные заметки. СПб., 2003. С.38

¹⁶⁴ Никольский Н. Согласно ли с интересами государства и самого народа обращать государственную землю в полную собственность крестьян. СПб., 1896. с.11-12.

вышесказанного является тот факт, что в таблице 22 девятой в списке должников с немаленькой суммой в 4,6 млн. руб. стоит Московская губерния.

Это своего рода сюрприз.

Ведь Московская губерния, в отличие от «голодающего Поволжья», *ни разу* не просила продовольственной помощи. И вообще мысль о том, что крестьяне Подмосковья, имевшие такие возможности для заработка в крупнейшем городе страны, о которых часто и не мечтали крестьяне других регионов, могут нуждаться – кажется чересчур оригинальной. Между тем неплатежей они, имея оклад в 2,1 млн.руб., накопили больше не только, чем крестьяне Симбирской, Оренбургской, Уфимской и Псковской губерний с окладом в 0,8-1,8 млн.руб., но и чем крестьяне Рязанской, Саратовской, Пермской, Курской и Харьковской губерний с окладом в 2,9-4,1 млн.руб.

Ответ на этот вопрос, полагаю, отчасти дает П.П. Дюшен, анализ которым крестьянских хозяйств семи волостей Бронницкого уезда Московской губернии вполне можно считать своего рода лабораторной работой на тему «Община и крестьянское хозяйство»¹⁶⁵.

Четыре волости (Салтыковская, Троице-Лобановская, Рождественская и Жирошкинская) представляли западную и отчасти южную часть уезда, именуемую местными жителями «Пальщина», три волости (Быковская, Велинская и Вохринская) располагались широкой полосой по обе стороны Москвы-реки.

Хотя Бронницкий уезд считается малоземельным, на каждого рабочего в первых четырех волостях приходится 5-6 дес., причем в двух селениях – по 12,5 дес.

Этот факт объясняется появлением здесь сельского пролетариата. Число тягловых крестьян не совпадает с числом работников по семейным спискам – из 7917 рабочих в возрасте 18-60 лет 1866 человек, или 23,6%, являются безземельными. К ним следует добавить 604 бесхозных и 1326 безлошадных, а всего 3796 человек (47,9%). При этом собственно земледелием занимается 1308 человек, т.е. 16,6% (по волостям этот процент колеблется от 13 до 27%).

Дюшен резюмирует: «Итак, общинное землевладение, эта мнимая панацея против пролетариата, не только не помешало обезземелению крестьян, но создало его в таких размерах, что более 3/4 народонаселения частью совсем лишилось своих наделов, частью прекратило на них *всякое* хозяйство, или ведет его посредством баб и посторонних работников».

Оставшиеся наделы значительны, они увеличились в сравнении с Положением 19 февраля 1861 г. потому, что община, обезземелив одних, навалила их на других. Однако площадь действительно культурной земли от этого не стала больше.

По уставным грамотам в 4-х волостях значилось 24149 дес. пашни, а в 1894 г. действительно обсеянной пашни оказалось лишь 15741 дес., т.е. 65,2%. То есть, крестьяне обрабатывают лишь две трети прежней пашни и приблизительно половину своего надела. «Другая половина состоит из одичавшей земли: запущенной пашни, кустарника, суходолов и проч. Ясно. Что обезземеление крестьян произошло не за счет тех хозяев, которые сохранили свои наделы, так что владение землей для освобожденных крестьян продолжает быть повинностью и до сих пор не сделалось правом»¹⁶⁶.

Хозяйство крестьян, сохранивших наделы, «представляет безотрадную картину: урожаи главного крестьянского хлеба – ржи – ничтожны, сам друг, сам третьей, и своего хлеба хватает лишь на полгода, а у многих и того менее. Причину таких ничтожных урожаев следует приписать, прежде всего, недостатку удобрения». 1947 лошадных хозяйства имеют в среднем 2,7 головы крупного рогатого скота, чего явно недостаточно для обсеваемой площади в 15741 дес. в трех полях, или 5247 дес. в одном поле.

Почему же крестьяне при тысячах десятин запущенной земли не увеличивают поголовье скота? Потому что большинство крестьян в деревне не живет, а хозяйство ведут

¹⁶⁵ П.Д. (Дюшен П.П.) Русский социализм и общинное землевладение. М., 1899.

¹⁶⁶ Там же, С.91

женщины и старики при помощи наемных работников. Число последних составило 392 человека на 1308 хозяев, которые пашут сами. Часто в опросных листках встречаются такие ответы: «Бабы летом занимаются крестьянством, а зимой изготовлением пряжи. Мужики живут в разных местах и занимаются разными ремеслами»; «Земля наша неудобна, не стоит того, чтобы ее работать. Без навоза не стоит сеять, но и с навозом родит плохо. Одной землей не прокормишься, без промыслов пришлось бы помирать с голоду».

Три других волости занимают центр уезда. Они расположены по обеим сторонам Москвы-реки, и поэтому здесь есть богатые заливные луга, которые «представляют неисчерпаемое богатство для владельцев. Укосы с этих лугов громадные (свыше 200 пуд. с десятины) и по качеству произрастающих на них злаков дают ценное сено. Неудивительно, что эти луга ежегодно раскупаются нарасхват особыми скупщиками и послужили основанием для образования в этих местностях крупного сенного промысла»¹⁶⁷.

Наличие такого ценного фонда не могло не отразиться на отношении крестьян к земле. Если в волостях первой группы крестьяне обрабатывали лишь 45% всей земли и две трети пашни, то в центральной группе, несмотря на большую площадь заливных лугов и прочих покосов, обрабатывается 50% всей земли, а запущенной почти нет вовсе. Крестьяне здесь дорожат землей, о чем говорит факт почти полного отсутствия переделов. Несколько выше в этих волостях доля крестьян, которые пашут сами (24-29%).

Однако и в этом более благополучном районе доминируют те же явления, что и в «Пальщине». Хотя женщины здесь не пашут, но крестьянский пролетариат налицо, пусть и в меньшем размере (25-35% и 50%). Урожай так же ничтожен, заливные же луга многие крестьяне утилизируют не сами, а продают или сдают в аренду. «Сначала крестьяне сами эксплуатировали свои заливные луга, но полученное сено община немедленно продавала, а деньги пропивала, а так как за крестьянами числились неоплатные недоимки, то вмешалась администрация и заставила общину сдавать луга в аренду. Теперь крестьяне довольны таким порядком и находят его более выгодным для себя. В самом деле, кроме арендных денег, которые поступают в уплату податей, крестьяне много выручают во время покоса, так как скупщики их же нанимают для уборки сена»¹⁶⁸.

Дюшен, который сам был практикующим аграрием, считает, что эта картина типична для всей средней нечерноземной России – «везде более или менее существует то же самое. Не только не образуется прочных крестьянских хозяйств, но крестьяне бросают землю, которая дичает и обращается в неприглядные пустыри. А между тем земледелие в наших промышленных губерниях не только возможно, не только в состоянии прокормить своих пахарей, но может дать им прочное основание для относительного благосостояния» Нет сомнения в том, что и в крестьянском хозяйстве возможны такие урожаи, которые получались в имении Дюшена в Звенигородском уезде – ржи сам-13, овса – сам-7, а клевера на старопахотных землях 350 пуд/дес.

Однако для этого, пишет Дюшен, «необходимо освободить русский народ из той ямы, в которой мы искусственно его держим, закладывая все выходы из нее», т.е. из общины.¹⁶⁹

Главные же выводы автора таковы: «1) Общинное землевладение несколько не охраняет крестьян от обезземеления, но ускоряет этот процесс. Если душевой надел в 6 дес. может обеспечить домохозяина при подворном владении, то при общинном и более значительный надел не обеспечивает крестьянина, который рано или поздно бросает землю и, оставаясь номинально владельцем надела, никакого хозяйства на нем не ведет, фактически переходя в класс безземельных и бесхозяйных. Мы видели, что даже при 6 дес. на душу Бронницкие крестьяне имеют хлеба только на полгода;

¹⁶⁷ Там же, С.93

¹⁶⁸ Там же, С.94-95

¹⁶⁹ Там же, с.95-96

2) Обезземеление крестьян при общинном землевладении получает крайне уродливую форму. При подворном владении обезземеление некоторой части крестьян влечет за собой укрепление хозяйственной силы остальных домохозяев, к которым переходят наделы обедневших крестьян. При общинном землевладении происходит иной процесс. Обезземеление одних не увеличивает хозяйственной силы других, а возлагает на их плечи лишь новую тягость. Наваленный на него надел домохозяин запускает, так как культура его (т.е. обработка этого надела – М.Д.) может только увеличить дефицит его собственного хозяйства.

3) Явление свалки и навалки наделов служит прямым доказательством, что общинное землевладение – продукт крепостного права (а не уникальное свидетельство самобытности русской истории – М.Д.). Сущность крепостного права в том и заключалась, что владение землей было для крестьян повинностью, а не правом. Эту характерную черту отжившего строя наша деревня, благодаря общинному землевладению, сохранила до сих пор. Там, где крестьянин начинает дорожить своей землей, отношения крестьян к земле получают черты подворного, а не общинного владения: переделы совершаются редко или совсем прекращаются, свалка и навалка душ отсутствуют, число обезземеленных уменьшается, и крестьянин явно тяготится общинными порядками.

4) Общинное землевладение является единственным тормозом для образования прочных крестьянских хозяйств. Никакие улучшения, никакой прогресс в крестьянском хозяйстве в настоящее время невозможны. Это очевидно всякому, кто близко знаком с бытом нашей деревни и лично работал на своей ниве. Хозяин не может работать успешно, если ему свяжут руки, а мирская регламентация распространяется на все его действия... даже на право трудиться в неурочные, по закону мира, дни. Труд общинного домохозяина, в сущности, тот же крепостной труд, только лишенный разумного контроля со стороны заинтересованного в этом труде помещика;

5) Крестьяне говорят: «мир – плохой хозяин; у мира – нет души». Последнее так же справедливо, как и первое. **Всюду замечаемое нравственное одичание крестьян несомненно происходит от разлагающего влияния мирских порядков. Подчиняясь роковой власти, крестьянин внутри своей души не может не признать безобразный мирской приговор правильным и, сознавая свою беспомощность, начинает верить в господство зла.** Безнравственное влияние мира отражается и на семейных отношениях крестьян: случаи самого недостойного поведения детей по отношению к своим родителям составляют обычное явление в деревне»¹⁷⁰.

Полагаю, что приведенные выше факты о негативном влиянии уравнилельно-переделной общины на крестьянское хозяйство косвенно подтверждаются бурным развитием землеустройства в большинстве из упомянутых 17-ти губерний в годы аграрной реформы Столыпина (в Оренбургской землеустройство не велось)

Таблица 24. Число ходатайств об изменении условий землепользования, поданных крестьянами в 1907-1915 гг.

Личные ходатайства		Групповые ходатайства		Всего ходатайств	
Губернии	ходатайств	Губернии	ходатайств	Губернии	ходатайств
Харьковская	152643	Воронежская	252023	Воронежская	328177
Самарская	138616	Казанская	239094	Харьковская	318923
Саратовская	126217	Пермская	173202	Саратовская	281415
Воронежская	76154	Московская	170793	Казанская	278855
Курская	69302	Харьковская	166280	Пермская	230027
Уфимская	62094	Саратовская	155198	Московская	213940
Псковская	57449	Тамбовская	118276	Самарская	178684

¹⁷⁰ Там же, С.98-100.

Пермская	56825	Нижегородская	115883	Тамбовская	174188
Тамбовская	55912	Тульская	106914	Нижегородская	167579
Нижегородская	51696	Рязанская	85811	Тульская	149949
Орловская	51368	Пензенская	80202	Курская	132938
Московская	43147	Симбирская	69408	Рязанская	123333
Тульская	43035	Курская	63636	Пензенская	123078
Пензенская	42876	Уфимская	53546	Уфимская	115640
Казанская	39761	Орловская	53048	Орловская	104416
Рязанская	37522	Самарская	40068	Симбирская	103145
Симбирская	33737	Псковская	13818	Псковская	71267
Всего 17 губ.	1138354	Всего 17 губ.	1957200	Всего 17 губ.	3095554
Доля 17-ти губ.	38,4		60,9		50,1
Всего 47 губ.	2961103		3213357		6174460

Источник: Отчетные сведения о деятельности Землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. Пг., 1916.

Можно ли считать случайным, что Воронежская, Харьковская, Саратовская, Казанская, Пермская и Московская губернии занимают шесть первых позиций среди 47 губерний Европейской России, в которых проходило внутринадельное землеустройство, по числу всех ходатайств об изменении землепользования вообще, сосредоточив при этом 26,7% общего их числа?¹⁷¹ Если к ним добавить Самарскую, Тамбовскую и Нижегородскую, то среди 12-ти первых губерний будет 9 из тех 17-ти, о которых мы говорим. Кстати, три наиболее задолженные в их числе.

По числу прошений о групповом землеустройстве в первой десятке этих губерний 9 (!), а среди первых 20-ти – 14. Напомню, что без проведения группового землеустройства было невозможно начинать землеустройство личное, о чем традиционная историография предпочитает умалчивать.¹⁷² И даже в личном землеустройстве, которое априори не могло идти с той же интенсивностью, что и групповое, среди 17-ти губерний есть лидеры – Харьковская, Самарская, Саратовская, Воронежская.

Всего же 17 губерний сконцентрировали 38,4% личных ходатайств, 60,9% групповых и 50,1% всех ходатайств вообще. Эти показатели, конечно, несколько отстают от процента недоимок, приходившихся данные губернии в конце XIX - начале XX вв., но, полагаю, вполне подтверждают истинность диагноза, поставленного Головиным и Ермоловым.

В заключение необходимо коснуться следующих аспектов долговых проблем населения.

Понятно, что степень аккуратности, пунктуальности и т.д. в ситуациях, связанных с уплатой задолженности, – сюжет сугубо индивидуальный. Неправильно представлять наших предков людьми, которые, просыпаясь, только и мечтали немедленно платить по счетам. Здесь они не слишком сильно отличались от многих из нас, по разным причинам нередко склонных оттягивать платежи.

Возможно, оценить отношение жителей страны в конце XIX - начале XX вв. к проблеме недоимок поможет таблица 25.

Таблица 25. Динамика недоимок по окладным сборам и выкупным платежам в конце XIX - начале XX вв. (тыс.руб.)

Вид налога	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1905	1906	1911	1913
Налог с недвиж.в городах, посадах, мест.	640	628	718	870	2089	1101	1017	4945	1892	8111
Государственный поземельный										

¹⁷¹ Давыдов М.А. Всероссийский рынок... С.686-812; Давыдов М.А. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы. (1907-1915 гг.)// Российская история. 2011. № 1.

¹⁷² Там же.

налог:										
с земель сельских сословий	336	569	193	171	164	202	1167	3892	5285	1752
с земель частных владельцев	533	617	719	772	765	742	1205	2277	1841	1895
с земель, принадл. городам	7	8	11	11	12	13	18	43	39	40
с земель Гл. упр. уделов	9	11	15	14	4	9	2	69	27	5
Гос. квартирный налог	243	265	346	455	543	651	1097	1301	1722	1619
Выкуп. платежи б. гос. крестьян	65739	73179	75069	74933	76508	77620	26319	32193	12219	0
Выкуп. платежи б. помещ. крест.	34525	38124	39101	39305	39829	40509	20154	22705	6767	0
Выкуп. платежи б. удел. крестьян	3641	4726	4604	4516	4688	4801	1630	2326	1168	0

Источник: Ежегодник Министерства финансов (далее: МФ). Вып. 19... года.

Из таблицы 25 можно видеть, что величина недоимок сокращается только по выкупным платежам (благодаря заботам правительства), а по большинству окладных сборов увеличивается, в том числе по поземельному налогу с частных владельцев и по квартирному налогу, разумеется, по абсолютной величине не сопоставимых с выкупными платежами. Между тем ни помещики, ни домовладельцы в нашем представлении не относятся к категории нуждающихся граждан Империи. Кстати, общее число домовладений в 1913 г. в 50-ти губерниях составляло 953,5 тысячи, и из 2288 тыс. квартир налогом на общую сумму 7,6 млн.руб. облагались 782,7 тыс., примерно третья часть.¹⁷³

А теперь попытаемся представить себя на месте крестьян. О политике, проводимой правительством в отношении задолженности по продовольственным ссудам, мы уже имеем представление. После голода 1891-1892 гг. за два года правительство прощает 102 млн.руб. продовольственных долгов. И в последующие годы оно продолжает активно помогать крестьянам во время неурожаев и продолжает списывать долги. При этом законом 7 февраля 1894 г. сельским обществам разрешено производить отсрочку и рассрочку недоимок без ограничения суммы и длительности этой льготы. Закон 16 мая 1896 г. разрешает делать «пересрочку на новые сроки всего оставшегося непогашенным выкупного долга, а в случае недостаточности – и отсрочку части долга без начисления на нее процентов до окончания сроков пересрочки». К тому, что недоимки по прямым налогам периодически слагаются, они привыкли еще до появления продовольственных долгов.

У крестьян, как и у любых нормальных людей, подобная последовательность действий Власти не могла не создать вполне определенного отношения к проблеме платежей.

Долги по продовольственной помощи были больше долгов по выкупным платежам, но правительство, тем не менее, их списывало, как не раз делало это и предыдущие полтора столетия.

Почему же крестьянам нельзя было думать, что оно когда-нибудь в будущем не спишет и недоимки по выкупу? Надежда на это была вполне естественной и, как известно, в 1905 г. оправдалась! Поэтому неудивительно, что многие крестьяне не торопились платить окладные сборы.

А теперь обратимся к вопросу о так называемых вынужденных осенних продажах крестьянами хлеба собранного урожая. Вынужденными они считаются потому, что позже, весной, крестьяне нередко должны были покупать хлеб по более высокой цене. Это явление, которое фиксируется в самых разных губерниях, в том числе и нечерноземных, служит якобы убедительным доказательством тяжелого материального положения крестьянства, одним из сильнейших аргументов «парадигмы обнищания» крестьянства после 1861 г.

У традиционной историографии есть один вариант объяснения этого феномена – крестьянам были нужны деньги для уплаты «непосильных» налогов и выкупных платежей.

¹⁷³ Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1915 года. Пг., 1915. С.124

Так ли это?

В принципе – нельзя сомневаться, что иногда имели место именно вынужденные продажи и именно для уплаты окладных сборов.

Однако это касалось не всех и даже не большинства крестьян, палитра осенней жизни которых отнюдь не исчерпывалась платежом податей.

Прежде всего, октябрь-ноябрь и январь-февраль – это месяцы, когда заключалось наибольшее количество браков.¹⁷⁴ Трудно поверить в то, что сто лет назад оппозиции это было неизвестно, однако, рассуждая об осенних продажах крестьянами хлеба, она почему-то забывала упомянуть об этом факте.

Помесячная статистика потребления водки (таблица 26) показывает, однако, что крестьяне много пили и в сентябре и в декабре, но кто может упрекнуть их за то, что таким образом они фиксировали окончание годового цикла сельскохозяйственных работ? По стране в целом в 1912 г. среднемесячное потребление водки в феврале-августе составляет 7121,3 тыс.ведер, а в сентябре-январе – 9335 тыс.ведер, т.е. на 31,1% больше. «Праздник урожая» – это вовсе не выдумка историков и этнологов. Так устроены люди.

В силу этого сентябрь-январь были временем наибольшего потребления спиртного в России, о чем можно судить по данным таблицы 26, и региональные различия устанавливаются именно в зависимости от размеров потребления водки в эти месяцы

Таблица 26. Продажа казенных питей по месяцам и районам акцизных управлений в 1912 г.

(тыс. ведер в 40 градусов)

Месяц	Всего по России		Среднечерноземный		Восточный		Петербургское		Московское	
	тыс.ведер	%	тыс.ведер	%	тыс.ведер	%	тыс.ведер	%	тыс.ведер	%
Январь	8815,9	9,1	1308,1	8,5	882,9	8,6	362,0	7,4	418,2	7,5
Февраль	6011,6	6,2	954,7	6,2	581,7	5,7	331,8	6,8	374,8	6,7
Март	7058,2	7,3	984,8	6,4	638,8	6,2	405,2	8,3	458,9	8,2
апрель	7033,3	7,3	1027,1	6,7	618	6,0	371,5	7,6	420,7	7,5
Май	7931,9	8,2	1131,1	7,4	788,4	7,7	406,5	8,3	457,4	8,2
Июня	7187,4	7,4	1073,2	7,0	745,9	7,3	390,8	8,0	453	8,1
Июль	6960,9	7,2	1046,8	6,8	698	6,8	380,7	7,8	450,8	8,1
Август	7665,7	7,9	1171,2	7,7	765,3	7,5	439,6	9,0	508,6	9,1
сентябрь	9314,4	9,6	1607,6	10,5	1118	10,9	455,3	9,3	546	9,8
Октябрь	9817,4	10,2	1807,7	11,8	1252,9	12,2	466,0	9,5	498,9	8,9
Ноябрь	9051,6	9,4	1667,6	10,9	1101,9	10,8	419,0	8,5	462,1	8,3
Декабрь	9674,2	10,0	1523,3	10,0	1046,1	10,2	482,2	9,8	541,7	9,7
Всего	96522,4	100,0	15303,2	100	10238	100	4910,6	100	5591,1	100
IX-I месяцы	46673,5	48,4	7914,3	51,7	5401,8	52,8	2184,5	44,5	2466,9	44,1

Источник: Финансовый отчет по казенной винной операции за 1912 год. СПб., 1913. Ведомость XIX. Подсчеты автора.

В 1912 г. великий пост начался с первых чисел февраля, и поэтому февраль дал наименьшую величину потребления водки. Если же великий пост приходился на март, то статистика несколько менялась.

¹⁷⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII-начало XX в.) СПб., 2003. т.1 С.169-170

Региональные различия легко устанавливаются по доле водки, выпитой в эти 5 месяцев, которая при равномерном потреблении должна была бы равняться 41,7%.

Из таблицы 26 следует, что по России в целом в 1912 г. она составляет 48,4%, причем в Среднечерноземном районе она равна 51,7%, в Восточном – 52,8% (в оба эти района входят 14 из 18-ти губерний с наибольшими долгами), и в то же время для Петербургского акцизного управления 44,5%, а для Московского – 44,1%. То есть, сезонность потребления алкоголя у столичных жителей была несколько иной, чем у крестьян. Горожане пили более равномерно, несколько иной была и сезонность браков в городах.

Аналогичный показатель для Прибалтийского района равен 43,7%, для Привислинского – 45,3%, для Северо-Западного района – 46,3%, для Северного района без Петербургского управления – 47,8% (а вместе с ним - 45,8%), для Среднепромышленного района без Московского управления – 48,3% (а вместе с ним – 46,7%), для Малороссийского 48,9%, для Юго-Западного района – 46,7%, для Южного района – 47,5%, для Западно-Сибирского – 50,7% и для Восточно-Сибирского – 47,1%.

Как можно видеть, сезонность потребления спиртного в столичных губерниях ближе к сезонности жителей Западных губерний, Прибалтики и Польши. В большинстве районов доля потребления в сентябре-январе близка к среднероссийской, а в Среднечерноземном, Восточном и Западносибирском она колеблется от 50,7 до 52,8%.

Однако разве потребности крестьян обоюбого пола исчерпывались только весельем? Неужели у них, как и у любых людей, не было других материальных потребностей? И поскольку они были крестьянами, то довольно естественно, что они, желая получить деньги для новых покупок, продавали полученную в своем хозяйстве продукцию на рынке, даже если им потом приходилось несколько дороже покупать хлеб. Ведь хлеб, как показывает, таблица 26, в рассматриваемый период явно не был главной расходной частью их бюджета.

Таким образом, характеристика «осенних продаж» урожая подавляющим большинством крестьян как «вынужденных», как обусловленных крестьянской нищетой не выдерживает критики. Это слишком примитивная попытка объяснить жизнь деревни, исходя из собственных «городских», как тогда говорили, (и притом абстрактных) представлений о том, как должна быть рационально организована такая жизнь. У миллионов крестьян на этот счет были другие представления.

Итак, взгляды традиционной историографии на весь комплекс проблем крестьянских платежей, на проблему недоимок и др. несостоятельны.

Мы отчетливо видим стремление правительства к снижению налогового бремени, которое лежало на крестьянстве, желание найти оптимальное вариант выплаты населением окладных сборов. С 1880-х гг. Власть постоянно снижает платежи, прощает недоимки, а с 1890-х гг. – и продовольственные долги на сотни миллионов рублей, оно предоставляет возможность продлять платежи по всем видам задолженности, проводит, если так можно выразиться, «конверсию недоимок». Это своего рода патерналистский «социализм», безусловно, воспитывавший у крестьян (и не только) социальное иждивенчество.

Тем самым политику правительства невозможно трактовать как враждебную народу. Лично у меня создается впечатление, что Власть уже как бы и не знает, как и чем она еще может угодить подданным. Разве что вообще отменить все налоги...

Теперь мы можем оценить степень даже не предвзятости, а элементарной непорядочности подходов дореволюционной оппозиции к проблеме крестьянских платежей.

Трудно поверить, что авторы статьи в Брокгаузе и Эфроне из монографии Бржеского взяли только таблицу с размерами недоимок, находящуюся в приложении, и не ознакомились с его точкой зрения, с точкой зрения профессионала, досконально изучившего эту тему, тем более, что в общем виде она изложена всего на 2,5 страницах

Введения.

Однако его мнение их не интересовало, поскольку было диаметрально противоположным их собственному. Конкуренции со стороны Бржеского они не боялись – многие ли будут читать специальную работу, к тому же написанную отнюдь не с легкостью Власа Дорошевича? А Брокгауз и Эфрон был бестселлером эпохи (и авторитетен до сих пор), освещавшим социально-экономические и общественно-политические проблемы с «народолюбивых» позиций. Упустить такую возможность повлиять на формирование общественного мнения авторы не могли.

А теперь несколько слов о том, как решались налоговые проблемы в СССР.

О 1930-х годах говорить не приходится – за чей счет строились заводы и ДнепрогЭС понятно. Но может быть после 1945 г. ситуация изменилась?

Вот что пишет об этом В.Е. Зима: «Война и голод 1946-1947 гг. обнажили противоречия колхозно-совхозной системы. Даже немногие более-менее крепкие общественные хозяйства были обессилены и не обеспечивали содержание работникам. По причине крайней дороговизны хлеба и расстройств личных подсобных хозяйств население не могло оплачивать растущие налоги. Многократно возросшие недоимки оказали губительное воздействие на государственный бюджет страны. Правительство не видело иного выхода, кроме очередного повышения налогообложения и усиления правовой ответственности за несвоевременный расчет.

Послевоенная система налогообложения состояла из нескольких видов государственных и местных налогов. К государственным относились два самых крупных сельскохозяйственный и подоходный (для рабочих), а также налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, рыболовный (разрешавший ловлю рыбы) и т.п. Местные налоги объединяли: налог со строений, земельная рента, разовый сбор на колхозных рынках, сбор с владельцев транспортных средств вплоть до велосипедов, сбор с владельцев скота и налог со зрелищ.

Почти каждая семья в деревне **всегда** подвергалась самообложению, которое в отличие от налога являлось добровольным сбором. Решение о самообложении принималось на общем собрании большинством граждан селения. Полученные средства предназначались на проведение и ремонт дорог, постройку и ремонт школ, больниц, клубов.

Только незначительная часть этой суммы расходовалась по назначению. В связи с ростом затрат на вооружение безудержно росло налоговое бремя. Размер налога повысился в 1948 г. по сравнению с 1947 г. на 30%. По измененному закону вдвое повысилось налоговое давление на единоличников и бывших колхозников. Сумма налогов на единоличное крестьянское хозяйство была на 100% выше, чем с хозяйства колхозника.

Хозяйства колхозников облагались сельхозналогом с учетом размеров дохода, получаемого с каждой головы скота, площади посева каждой сельскохозяйственной культуры, количества фруктовых деревьев и т.д.

Завышенный сельхозналог вынуждал жителей деревни за бесценок сбывать свою продукцию на рынке. Чтобы заплатить денежный налог, крестьянин должен был продать на рынке почти всю произведенную в хозяйстве продукцию.

Средняя по центрально-черноземным областям сумма налога, предъявляемого к уплате на одно хозяйство колхозника, в 1950 г. составила 559 руб. против 217 руб. в 1947 г. - увеличение в 2,5 раза.

Причину несвоевременного получения денег по налогам правительство видело в неудовлетворительной организации работы финансовых органов, недостаточном внимании местных партийных и советских органов к выполнению финансовых планов на селе и проведению агитации среди колхозников, поэтому отвергались все предложения о снижении норм доходности и уменьшении суммы сельхозналога.

В целом сумма сельхозналога с учетом всех повышений возросла в 1952 г. по сравнению с 1951 г. в среднем в 1,5-2 раза. Закон о сельскохозяйственном налоге 1952 г.

отменил льготы для хозяйств сельских учителей, врачей, агрономов и других сельских специалистов, а также для лиц, работающих на подземных объектах в угольной промышленности.

Засилье налогов вызвало бурную реакцию протеста со стороны руководства республик, краев и областей.

По огромному потоку жалоб доведенных до отчаяния людей можно судить об отношении граждан к методам по укреплению дисциплины и к налоговой политике в деревне. Как и в коллективизацию, люди не могли понять, в чем состоит их вина и за что такая кара. Те же, кто чинил расправу, всегда оказывались правы, потому что никто из крестьян не мог знать содержание секретных указов и порядок их исполнения.

Если жалобы граждан доходили до правительства, то их проверка обязательно возлагалась на областные, краевые, республиканские организации, которые командировали на места своих представителей. Этим неписаным правилом советской бюрократии судьба каждого жалобщика отдавалась в руки тех, против кого он осмеливался выступить. На беззащитную жертву обрушивались самые изощренные преследования.

Почти каждое дело завершалось отказом. Так, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Шверник 15 апреля 1949 г. принял инвалида войны 1-й группы (слепого, без обеих рук) орденосца И.М.Ларионова, проживавшего в селе Дмитровский погост Коробовского района Московской области, в связи с его просьбой снять с хозяйства налоги и поставки в 1949 г. из-за тяжелого материального положения семьи, состоящей из шести человек. На запрос из Москвы Коробовский райисполком, обследовавший материальное положение семьи Ларионова, ответил, что **удовлетворить просьбу инвалида об освобождении от налогов и поставок не может**. Принимая окончательное решение, Шверник полностью согласился с мнением райисполкома. Как показал анализ других дел, это было правилом в деятельности главы советского парламента.

Людской протест против репрессий и налогового произвола выражался в разнообразной, порой необычной форме.

Доведенные до отчаяния колхозники поджигали дома наиболее рьяных активистов, убивали ненавистных председателей колхозов, секретарей местных парторганизаций, уполномоченных по заготовкам. Такие действия расценивались как антисоветские террористические акты. Расследованием занималась не милиция, а органы госбезопасности, безжалостно подавлявшие всякое сопротивление указу. Попутно производилось изъятие оружия у населения. Многие сельские фронтовики были осуждены и получили срок за хранение именованного оружия.

Вследствие названных государственных мероприятий разрушение деревни в конце 40-х - начале 50-х гг. стало катастрофическим. В 1951 г. производство зерна составляло 82%, подсолнечника - 65%, льноволокна - 55%, картофеля - 77%, овощей - 69% от уровня 1940 г. поголовье скота в колхозах уступало его численности в 1940 г. По плану намечалось иметь в 1951 г. в колхозах 34 млн. голов крупного рогатого скота, 18 млн. свиней, 88 млн. овец и коз, а имели соответственно 28, 12, 68 млн. голов. Государственные закупки зерна, подсолнечника, картофеля, овощей на шестом году мирного времени уступали уровню довоенного 1940 г.

Поголовье скота в хозяйствах колхозников продолжало сокращаться, и в 1951 г. по количеству коров, свиней и овец находилось ниже уровня военных лет. Процент бескоровных хозяйств колхозников в 1951 г. по сравнению с 1946 г. значительно увеличился. Как минимум две пятых всей численности колхозных дворов не имели коров. В то же время административно-правовое и налоговое насилие давало возможность государству отчислять в бюджет огромные денежные средства. По СССР общая сумма сельхозналога выросла с 1,9 млрд. руб. в 1940 г. до 8,3 млрд. руб. в 1951 г., т.е. в 4,3 раза. Рост налогов вдвое опережал рост доходности колхозов, совхозов и личных хозяйств.

Одновременно производилось изъятие зерна в колхозах и совхозах с целью увеличения госзапасов и наращивания экспорта. В 1948 г. в закромах государства оказалось 23,8 млн. т зерна, т.е. на 4,8 млн. т больше, чем в 1947 г. и на 2,8 млн. т больше, чем в довоенном 1940 г. И это при том, что производство зерна в СССР в 1947-1948 гг. было на 1/3 меньше, чем в 1940 г.

Экспорт зерна в 1948 г. достиг 3,2 млн. т, что было в 2,5 раза больше, чем в 1940 г. Во все последующие годы вывоз зерна за рубеж нарастал (в 1952 г. - 4,5 млн. т). Поставки (в основном пшеницы) производились в 1948-1953 гг. в Албанию, Болгарию, Венгрию, Восточную Германию, Румынию и другие соцстраны, а также в Англию, Австрию, Голландию, Данию, Израиль, Индию, Пакистан, Финляндию, Швецию и др.

Пренебрежительное отношение руководства страны к потребностям собственного народа привело к тому, что во многих колхозах и совхозах, пострадавших от засухи 1948 г., люди голодали весной и летом 1949 г. Рождаемость в СССР в 1948 г. снизилась даже по сравнению с голодным 1947 г.: в Москве упала на 25%, в Ленинграде - на 22%. В 1949-1953 гг. существенных сдвигов к лучшему не произошло. При этом сельское население СССР постоянно сокращалось в среднем на миллион человек в год. По сути, именно в эти годы и возникают те безлюдные деревни, которые ныне исчисляются сотнями. Население городов России в 1945-1953 гг. увеличилось на 13 млн. человек. Ежегодный механический прирост городского населения СССР в тот же период поднялся до 2 млн. человек»¹⁷⁵.

Комментарии здесь излишни.

¹⁷⁵ Зима В.Е. Тупики аграрной политики (1945-1953 гг.) // СССР и холодная война М., ред. В.С.Лельчук, Е.И. Пивовар. 1995. С.155-159

Статистика против публицистики: акцизные платежи и праздники.

Следующая важная характеристика благосостояния населения – неуклонный рост акцизных доходов, и не только от водки. Многочисленными нарративными источниками фиксировался несомненный рост потребления таких продуктов, которые для народа «составляют в некоторой степени предмет роскоши, как чай, сахар, табак, керосин и т.д».

Таблица 27. Акцизные доходы в 1890-1913 гг.

ГОДЫ	сахарный Доход	Табачный Доход	Нефтяной Доход	Спичечный Доход	Питейный доход	Доход с папирос.
						гильз и бу- маги
1890	21629,3	26859,8	10567,7	4720,7	268239,3	
1891	20857,4	27547,8	10174,8	4690,2	247388,6	
1892	27702,6	28325,3	12929,2	5163,0	268934,4	
1893	30340,3	30499,9	16369,2	6585,6	260729,2	
1890-93	25132,4	28308,2	12510,23	5290,0	261322,9	
1894	41230,3	32607,4	18927,5	7466,6	297281,3	
1895	47686,6	34545,1	19680,2	7453,2	308896,1	
1896	42657,2	35008,9	20817,5	7274,0	321802,8	
1897	55476,8	35288,4	22842,2	7076,3	332482,5	
1898	58596,3	37458,2	23469,7	6920,0	391928,9	
1894-98	49129,4	34981,6	21147,4	7238,0	330478,3	
1899	67509,7	38874,6	26154,9	6822,0	420947,2	
1900	63160	41198,3	25154,9	7368,6	434493,3	
1901	71757	45696,7	28599,9	7932,0	476006,5	
1902	81281	45363,2	29597,1	8162,0	523483,4	
1903	75541,8	49028,6	31961,9	8071,0	576460,9	
1899-1903	71849,9	44032,28	28293,74	7671,0	486278,3	
1904	78816,9	48719,1	34688,3	7672,0	573278,2	
1905	78734,0	46586,0	29948,0	10818,2	639135,4	
1906	108826	59902,7	29863,3	14991	736897,5	
1907	101467	54050,2	36832,6	15871,3	748258,1	
1908	93612,7	56209,2	41655,7	16709,4	748057,6	
1903-08	92291,3	53093,4	34597,6	13212,3	689125,4	
1909	107398	45362,2	41841,4	17232,6	759044,9	3533,7
1910	127323	50476,5	46910,0	18464,7	811047,8	4576,9
1911	122714	66342	42487,8	18639,4	830796,4	4555,8
1912	127765	72593,5	50038,0	19353,9	873591,2	4416,7
1913	149161	78738,8	47903,1	20131,1	952810,4	4874,6
1909-13	126872	62702,6	45836,06	18764,34	845458,1	4392
Рост	590%	193%	353%	326%	355%	37,9%

Источник: Ежегодники Министерства финансов на 189... год.

Из таблицы 27 нетрудно увидеть, что у населения находились деньги не только на спиртное. Особого внимания заслуживает рост сахарных акцизов почти в 7 раз за 1890-1913 гг. В 1890 г. производство составило 15,3 млн.пуд., в 1900/1 г. в стране было выработано 30,4 млн.пуд. рафинада, в 1906/7 г. – 41,3 млн.пуд., в 1909/10 г. производство перевалило за 50 млн.пуд., а в 1912/13 г. составило 57,8 млн.пуд., т.е. на 90,6 % больше, чем в начале века. При этом, если в 1902-1906 гг. можно говорить о ежегодном росте цены

пуда рафинада на 15,6 коп., то в 1906-1912 она ежегодно снижалась в среднем на 18 коп., а в 1911/12 г. упала до самого низкого уровня за 1890-1913 гг.¹⁷⁶

За эти годы для населения сахар определенно перестал быть деликатесом, хотя, возможно, и не в каждом доме он стал повседневным продуктом. Но ведь раньше нельзя было и подумать о том, что он станет настолько доступен!

Следующий момент.

Ни в одной стране Европы не было такого огромного количества нерабочих дней, как в России.¹⁷⁷

Принципиально важно, что в пореформенное время у крестьян примерно на месяц увеличивается число выходных и праздничных дней.¹⁷⁸ Этот факт опровергает распространенное мнение о крайне напряженном бюджете трудового времени у российских крестьян, которые в силу плохого климата вынуждены работать, не покладая рук, и не успевают обработать должным образом свою землю.

Таблица 28. Число рабочих и праздничных дней у крестьян в XIX-начале XX в.

	1850-е гг.		1872 г.		1902 г.	
	Абсолют.	%	абсолют.	%	Абсолют.	%
Число рабочих дней	135	38	125	34	107	29
Общее число нерабочих дней	230	62	240	66	258	71
в том числе праздничных	95	26	105	29	123	34

Источник: Миронов Б.Н. Социальная история России. т.2, с.308.

Значит, люди могли позволить себе праздновать – и им было, на что это делать!

Тема праздников давно беспокоила тех, кто не на словах, а на деле желал улучшения положения крестьянства. Так, А.С.Ермолов в «Сельскохозяйственных этюдах» приводит слова известного специалиста по сельскому хозяйству первой половины XIX в. Н.Н.Муравьева: «Не новы и жалобы на праздники и прогульные дни. Сравнивая число рабочих дней у нас и в Пруссии, Муравьев говорит: «итак, всего у нас рабочих дней весной, летом и осенью 141, то есть, почти в половину противу числа дней рабочих в Пруссии, и праздников $\frac{1}{4}$ часть. Сверх всего, в числе сих праздников есть храмовые, которым целые волости празднуют по неделе. Ежели и сии прогулы сосчитать, то верно половина рабочего времени проходит в праздниках»¹⁷⁹. Нетрудно видеть, что подсчеты числа рабочих и праздничных дней Муравьева совпадают с цифрами, приводимыми Мироновым.

На сельскохозяйственном съезде в 1892 г. Ермолов и сам высказался по этому поводу: «В тесной связи с вопросом о рабочих находился и другой вопрос, также остановивший на себе внимание съезда, — о неблагоприятном влиянии на хозяйственную продуктивность большого числа обычных народных праздников. Обилие праздников или, вернее, нерабочих дней, из которых многие церковью вовсе праздниками не считаются, действительно составляет большое место нашего сельского хозяйства, тем более, что некоторые из таких нерабочих прогульных дней приходится на самое горячее рабочее время, например, весной, в самую пору посева, осенью, в разгар уборки, и т. п. **Такого огромного количества нерабочих дней, как в России, нет ни в одном государстве.** Особенно велико число таких дней в юго-западном крае, где крестьяне празднуют в зависимости от местных обычаев от 125 до 150 дней в году, т.е. более трети года.

¹⁷⁶ Давыдов М.А. Монополия и конкуренция в сахарной промышленности России начала XX в. Автореф. канд.дисс. М., 1986. С.7, 16.

¹⁷⁷ Ермолов А.С. Сельскохозяйственные этюды. Киев, 1892. С.63-64.

¹⁷⁸ Миронов Б.Н. Благосостояние населения ... С.557, 662

¹⁷⁹ Ермолов Сельскохозяйственные этюды. Киев, 1892. С.15

Известно, что празднование у крестьян большею частью выражается в пьянстве, поэтому и на другой день после праздника они едва способны к работе.

Не работают крестьяне в эти обычные праздники иногда отнюдь не по собственному желанию, а вследствие запрещения со стороны чересчур ретивых сельских властей; иногда это делается по увещаниям священников, которые, стремясь поднять в народе религиозный дух и возможно чаще привлечь его в церковь, нередко после обедни в воскресенье обращаются к народу в церкви, указывая праздничные дня на текущую неделю. К сожалению, они при этом упускают из виду, что проведение времени в праздности никого до добра не доводит и вовсе не способствует святости праздника... Таким образом, крестьяне празднуют и день Св.Онуфрия, и Св.Варфоломея, и Св.Саввы, и зачатия Св.Анны, и разные Пятницы, и вообще множество таких дней, которые в календаре вовсе не отмечены как праздники, а между тем горячее время полевых работа уходит.»¹⁸⁰.

В 1909 г. он вновь возвращается к этой проблеме, которая за прошедшие 17 лет значительно усложнилась в виду появления «царева пайка», определенно не стимулировавшего трудовой энтузиазм у части крестьянства: «Пасха иной раз в самую пору ярового посева приходится, и вместо того, чтобы это лучшее для посева время использовать, они восемь, а то и десять дней празднуют, считая грехом на Пасху не только в первые дни, но и во всю неделю работать.

В первой же половине августа, **тоже в лучшее время для посева**, - опять ряд праздников, – тут и первый Спас, и второй Спас- Преображения, и Успение; не только самый день, например, Спаса празднуют, но и на другой день после него – отданье Спаса, полу-Спас – тоже не работают, местами празднуют и третий Спас – Спас на полотне, – 16 августа. А коли в эти дни в деревенских церквях «престолы», то и по два и по три дня после того гуляют. Престолы не только в своих церквях справляют, а и в окрестные села по соседям ездят, и там тоже празднуют да пируют... Потом – 18 августа – Флор да Лавр идет – лошадиный праздник – на лошадях работать грешно, и т.л. **И оттягивается таким образом озимый посев до второй половины августа, а иногда и начало сентября прихватывает, что уж совсем плохо.**

Известно, что у крестьян, кроме установленных церковью, бывают еще и свои праздники, – разные «навкины велик-дни» (праздник русалок), девятыя, Параскевы, Грозные, Ильинские пятницы, Паликопы, Борис-Глебы и т.п.

И насчитывается у нас, у русских крестьян, таких праздничных, прогульных дней, считая вместе с воскресеньями – где 130, где 140, а местами и до 150, и производительное рабочее время уменьшается более, чем на одну треть в году. А в Германии, например, и даже у нас, в прибалтийских губерниях, праздничных дней, считая вместе с воскресеньями, не больше 65, в местностях с преобладающим католическим населением до 85-90 доходит, но все же значительно менее, нежели у нас.

О вреде праздников было уже немало говорено и писано, приняты меры к тому, чтобы устранить прежнее обязательное празднование некоторых дней, но дело оттого нисколько не стало лучше, и я уже говорил, что **в 1906 году в некоторых губерниях задержка ярового посева по случаю празднования Пасхи сильно повлияла на урожай.** А известно еще, что с каждым праздником у народа и гульба, и пьянство связаны, – «хоть себя заложить, да праздник честь-честью проводить» - говорят крестьяне. Веками укоренившиеся обычаи и взгляды крестьян изменить нелегко, но нельзя потворствовать предрассудкам крестьян, что работать в праздник грех, и нужно моральное воздействие на них, чтобы доказать им ошибочность такого взгляда.

Я лично помню, как один крестьян, правда выпивший, застав меня однажды в четверг на Святой неделе в поле с моими пахарями, набросился на нас с ругательствами и «как вам не грех в праздник работать, это вам позор...», ну, а в праздник напиться он

¹⁸⁰ Там же, С.63-64.

очевидно грехом не считал. Я спрашивал священников, почему они в этом деле не подают примерам крестьянам, не влияют на них словом и примером: – «нам, говорят они, неловко...» А между тем спрашивается, какими каноническими законами, какими правилами церкви установлено 8-ми дневное ничегонеделание в Святую неделю? Правда, во все дни этой недели бывают службы в церквях, но много ли крестьян, не считая первого дня и воскресений, эти службы посещают? – а гуляют поголовно все»¹⁸¹.

Предыстория неурожая 1906 г. в изложении А.С.Ермолова такова. Поначалу виды на урожай были очень хороши. Зима была «ровная, мягкая и почти без оттепелей». Но весна наступила значительно раньше обычного, «при первом вскрытии весны», озими в большинстве губерний вышли из-под снега без особых повреждений. Лишь в Казанской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Самарской губерниях и в Области Войска Донского озимые оказались посредственными. Сначала там они было хорошо пошли в рост, но с середины апреля установилась жаркая погода с сильными иссушающими почву ветрами, которая очень скоро негативно повлияла на состояние озимых посевов. «Хлеба приостановились в росте, начали редеть, заостряться, желтеть, и, будучи не выше ½-1 аршина, выкинули тощий колос. От жары и бездождья все было выжжено и посохло. На остальном пространстве России озими находились сперва в удовлетворительном состоянии, но весенняя засуха вскоре стала во всем среднем и восточном районе губительно действовать и на них.

Посев яровых начался значительно ранее обыкновенного и прошел при сравнительно благоприятных условиях: благодаря значительному запасу влаги в почве они почти повсеместно дали дружные всходы, но посевы более поздние, вследствие наступившей засухи всходили неравномерно, либо даже вовсе не дали всходов.

Особенно плохи были всходы на крестьянских землях, которые остались с осени, как водится, неспаханными. Весною же, вместо того, чтобы воспользоваться лучшим для ярового хлеба временем посева, когда еще земля оставалась влажною, крестьяне до Пасхи обсеяться не успели, а потом праздновали всю Пасху, где восемь, а где и десять дней, считая вместе с последними днями Страстной недели, и сеять начали только с Фоминой. Но это уже было слишком поздно, земля успела просохнуть, и благодаря такому продолжительному празднованию в самую горячую пору ярового посева, лучшее для него время было упущено. Между тем известно, что «весенний день год кормит», «весною часом опоздано – годом не наверстаешь». Но перед закоснелым обычаем русского народа во время Пасхи целую неделю, а то и более, сидеть, сложа руки и гулять, бессильны и эти мудрые поучения стародавней народной мудрости... Чем дальше подвигалась весна, тем положение все более изменялось к худшему»¹⁸².

Так смотрит на проблему министр.

А вот мнение на этот счет А.В.Байкова, жителя деревни Конной Сычевского уезда Смоленской губернии, одного из тех крестьян, для которых Столыпинская аграрная реформа стала началом не просто новой, но *настоящей* жизни. Юрьевский пишет: «Байкову теперь 70 лет, но это бодрый человек, продолжающий трудиться на благо своего родного края. Байков уже давно нажил крупное земельное и денежное состояние, но продолжает жить попросту, по старинке...

"Лучше ли стало жить на хуторах и отрубях? – говорит А.В. Байков. – Да, лучше и много лучше, но одна беда – это праздники и связанное с ним пьянство. Праздники календарные, церковные у нас сравнительно мало почитаются, а вся беда в так называемых "престольных", местных праздниках, число которых за последнее время не только не уменьшается, но все увеличивается. На моей памяти в окрестных селениях был установлен целый ряд таких праздников. Так, например: лет 25-30 тому назад в нашей местности была чума рогатого скота. В деревне Конопатине она окончилась к 20 июля, и

¹⁸¹ Ермолов А.С. Наши неурожай... т.2. С. 148-150.

¹⁸² Там же, том 1. С.306-309.

вот деревней установлен был по сему случаю праздник; в деревне Ашиткове чума окончилась к 8 июля – установили 3-дневный праздник; в деревне Дюкове тоже лет 30 назад был 29 июля пожар – установили праздник; в деревне Гайдуках был такой случай: на Кирика и Улиту, 15 июля, поднялся ветер и разметал копны сена – установили праздник; в деревне Лычники на преподобного Сергия 5 июля был град – установили праздник. Праздники эти – не престольные, ничего общего с храмом не имеющие. Я указал только ближайшие деревни, жизнь которых я хорошо знаю. Но подобные праздники во всей нашей местности существуют, можно сказать, в каждой деревне, а в некоторых – даже не один такой праздник. При этом нередко празднуют "Девятой пятнице", "Десятой пятнице", "Ильинской пятнице" и разным "Симонам-Гулимонам", которых и в святцах не найдешь.

Горе в том, что духовенство наше не только не борется с этим злом, а даже наоборот... В деревне Конопатине раньше праздновали "чуме" один день, причем все празднество выражалось в общественном молебствии среди деревни; но вот поступил в приход новый священник и говорит конопатинцам: "Если бы к вам приехал какой-либо важный барин, почетный гость, – неужели вы приняли бы его на улице, а не попросили бы каждый в дом свой"... И было решено: служить молебны в каждом дворе и праздник установить трехдневный. **И это в самое страдное время, когда у нас поденная плата доходит до 1 р.-1 р. 40 коп. в день!**

Во что обходятся эти праздники. В текущем году мне пришлось быть в этом самом Конопатине на пятый день праздника, и, заметив, что крестьяне еще не очухались от праздничного угара, я вздумал вместе с ними подсчитать, во что обошелся им праздник, и что же оказалось? На 36 дворов выпито водки и пива на 307 рублей, не считая чая и разных лакомства, да прогул четырех рабочих дней целой сотни рабочих с подростками при поденной цене 1-1.40 коп. должен быть определен сотнями рублей, и кроме того, в каждом дворе "гуляло" не менее 3-4 и до 10 "гостей" из других деревень. Так что один такой праздник обходится не менее 1000 рублей.

Подсчет это применим и к прочим селениям Сычевского уезда, и можно смело сказать, что в среднем каждый праздник обходится одному двору не менее 25 рублей...

А иностранцы еще говорят, что наш мужик беден! Да нехай любая наикультурнейшая страна в свете попробует при летнем периоде в 5-6 месяцев, а не в 9-10, как в Западной Европе, пускай, говорю, попробует отпраздновать 200 дней в году, да притом по преимуществу летом, – да у них и потрохов не останется...

А какое хулиганство рождают эти праздники! В нашей местности ни одного праздника не обходится без «подрезанных», и после каждого праздника при встрече обычно спрашивают: "Ну, сколько у вас подрезали?". Так, например, в текущем году в праздник Успения (15 августа) в двух приходах было "подрезано" 15 человек; к счастью, тяжелых ранений не было, хотя некоторым и было нанесено до 10 колотых ран!

В старину говорили, что земля стоит на трех китах. А теперешние наши русские киты, это – невежество, праздники и пьянство... На этих китах не устоишь... И Россия ждет богатыря, своего Еруслана Лазаревича, который избавит ее от этих чудовищ»¹⁸³.

Дождалась Россия, увы, других «богатырей», Владимира Ильича и Иосифа Виссарионовича, но это другая тема, хотя и сопряженной с этой.

Размеры потребления спиртного и обилие праздников – темы, рассуждать на которые народники считали неполиткорректным и в своих писаниях они «деликатно» обходили их стороной. Эти сюжеты явно разрушало гармонию создаваемого ими упрощенного варианта крестьянского апокалипсиса, при котором земледельцы потребляли только углеводы, питаясь одним хлебом (которого еще и не хватало!) и запивая его водой. Поэтому указания оппонентов на то, что противоречило этой

¹⁸³ Юрьевский. Возрождение деревни... С.88-91.

установке, они просто игнорировали, словно этой стороны жизни крестьян как будто и не было в природе.

Впрочем, изредка встречалась и другая стратегия. В период работы Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности многие местные Комитеты со вкусом рассуждали на одну из любимых тем – о том, что крестьянская земля не окупает платежей их домохозяйства. В доказательство приводились составленные Комитетами бюджеты волостей и уездов.

П.П. Дюшен сообщает основные параметры бюджета Велейской волости Опочецкого уезда Псковской губернии: «Доход крестьянского населения волости от земледелия показан в сумме Р.С. 373 406,25 (за исключением семян); расходы: на все повинности Р.С. 35987.70, на продовольствие людей, скота и все прочие «жизненные» (потребности – М.Д.) - Р.С. 40174 и на покупку вина (sic!- помета Дюшена – М.Д.) Р.С. 402281; в дефицит волости определяется в Р.С. 63773, а потому, по мнению исследователя, доходность крестьянских наделов не окупает их всех платежей».

То есть, исходя из этих данных, на водку тратится в 10 раз больше

«Но неужели исследователь Велейской волости», - вопрошает Дюшен, - «серьезно убежден, что крестьянская земля должна окупать всю сполна выпитую Велейской волостью водку? Неужели слова Положения 19 февраля 1861 г. «для обеспечения быта крестьян и для обеспечения их обязанностей перед Правительством» (интеллигенция постоянно ссылается на эту фразу общих и местных Положений 19 февраля 1861 г.) означают, что крестьяне были наделены землей помещиков с той целью, чтобы доходы этой земли шли на водку, чтобы крестьяне немилосердно спивались на эти доходы?»¹⁸⁴.

Эпизод, как можно видеть, абсурдный и курьезный одновременно.

Здесь одно из двух. Либо абсурдность подобной логики настолько не очевидна составителю бюджета (который был не одинок среди участников совещания), что он встраивает эти нелепые рассуждения в такой серьезный контекст, как работа Особого совещания, призванного решать судьбы страны, и тогда мы просто имеем дело с неумным человеком.

Либо это зачастую свойственный народникам «энтузиазм наглости». С таким же беззастенчивым пафосом они поддерживали стремления «голяков» к переделам земли и осуждали тех крестьян, которые не желали отдавать свои удобренные полосы лодырям и пьяницам. Интересные у народников были представления о социальной справедливости.

А вот пример бюджета из другого региона России: «В Винницком уезде на наличную душу приходится земли 0,67 дес., на двор 3,8 дес; 8% домохозяев имеют лишь одну усадьбу. 2,3%— безземельные и 14% с полными наделами. В среднем крестьяне получают 12 рублей в год на душу валового дохода с земли, а на двор 70 рублей, с десятины 18 рублей. Платежей всякого рода приходится со всего крестьянского населения уезда 311.345 р.— в среднем на десятину 2 р. 55 к., а на двор 9 р. 70 к. Недоимок в Винницком уезде числится только 1,25% всей суммы сборов. Такое благоприятное положение уезда объясняется исключительно местными заработками, исчисляемыми на Р. С. 2.100.000, на двор 130 руб., на десятину 35 руб. К сожалению, выпитая населением водка ложится на каждый двор в сумме 25 р., т. е. в 2,5 раза превышает налоги (с выкупными)»¹⁸⁵.

В 1914 г. вышел «Сборник задач антиалкогольного содержания (пособие при преподавании арифметики в низших классах всех ведомств)», составленный на основании **официальных** источников и обширной литературы.

Вот некоторые из этих задач, изменяющих привычный ракурс рассмотрения проблемы: «2. Каждый житель России (на круг) пропивает ежегодно на водке 5 р. 4 к., на пиве 1 р. и на вине 68 к. Сколько всего денег он пропивает?..

¹⁸⁴ П.Д. (П.П. Дюшен). Интеллигенция и крестьянство. М., 1904. С.131.

¹⁸⁵ Там же, С. 139-140.

50. Ежегодно каждый житель России на круг получает доходу 60 р. 48 коп., а пропивает из него 6 р. 72 к. Какую часть своего дохода пропивает ежегодно Россия?..

60. В прошлом (1913) году население России выпило (приблизительно) 2.000.100.000 бутылок водки. 13.334 бутылки, уставленные в ряд одна за другою, занимают расстояние в 1 версту. Сколько верст займут все выпитые бутылки, если их уставить таким же образом? Во сколько раз это расстояние будет больше земного экватора, длина которого равняется 37.500 верст?..

90. Каждый русский выпивает в год (на круг) по 12 бутылок водки. Если бы он вместо этого яда съедал то количество хлеба, из которого выкуриваются эти 12 бутылок, то 1) сколько ему приходилось бы ежегодно лишнего хлеба и 2) сколько бы он сберегал денег от такой замены? 1 бутылка водки выкуривается из 4 фунтов 10 лотов 2 золотников хлеба, фунт которого стоит 3 коп. (1 бут. водки стоит 42 коп.)»¹⁸⁶.

Все это было бы смешно...

То, что народники как бы и не замечали ни обилия праздников, ни роли расходов на алкоголь в крестьянских бюджетах, еще раз демонстрирует насколько предвзято они оценивали окружающий мир.

В утилитарных целях они акцентируют внимание на тех сегментах действительности, которые им выгодны, тривиально игнорируя то, что противоречит их установкам.

¹⁸⁶ Беляев, М.М., Беляев С.М. Сборник задач противополигольного содержания. М., 1914. С.13, 19,20,25.

Статистика против публицистики: анализ железнодорожных перевозок

Мной были проанализированы 109 динамических рядов, включающих сведения о перевозке народнохозяйственных и потребительских товаров за 1894-1913 гг.¹⁸⁷ и 15 рядов – за 1894-1913 гг., содержащиеся в «Сводной статистике перевозок по русским железным дорогам», тарифной статистике Министерства финансов¹⁸⁸, помимо 26-ти рядов, которые рассматривались выше.

«Перевозки – необходимое завершение производства; когда они ускорялись, все шло хорошо или улучшалось» – писал Ф.Бродель¹⁸⁹. Это особенно касается России в силу ее огромной территории.

Транспортировка товаров по стране – одна из основных форм, в которых материализовывалось функционирование громадного народнохозяйственного организма, тысячи и тысячи торговых контактов, происходивших на пространстве от Владивостока до Варшавы и Одессы, от Петербурга и Архангельска до Баку и Ферганы.

Поэтому железнодорожные перевозки – весьма важный и ясный показатель уровня развития народного хозяйства в каждый данный момент времени, по которому можно судить о динамике развитии промышленности и торговли, о степени товарности сельского хозяйства, о развитии рынка в целом и, соответственно, о динамике покупательной способности населения и др.

Кроме прочего, железнодорожная статистика позволяет улавливать такие изменения конъюнктуры производства и рынка, которые нередко не прослеживаются по другим массовым источникам.

Как и в случае с главными хлебами, для каждого показателя вычислялись, во-первых, средние ежегодные приросты, полученные при построении линейных трендов указанных динамических рядов. Равным образом, поскольку 1894-1913 гг. охватывают основную часть промышленного подъема 1890-х гг. – 1894-1900 гг., период кризиса и депрессии 1901-1908 гг. и предвоенного подъема 1909-1913 гг., то, во-вторых, я сравниваю средние арифметические показатели по каждому из этих периодов.

В-третьих, был проведен корреляционный анализ всех 135-ти динамических рядов за 1894-1913 гг. (за вычетом трендов, т.е. остатков)

В таблицах 29 и 30 представлены наиболее важные продукты и их группами, перевозки которых отражают как динамику промышленного и сельскохозяйственного производства, участие в котором увеличивало как народное благосостояние, так и потребление населения.

Таблица 29. Перевозки промышленной продукции в 1894-1913 гг. (тыс.пуд. и %)

ТОВАРЫ И ГРУЗЫ	Тренд 1894- 1913	Среднее 1894- 1900	Среднее 1901- 1908	Среднее 1909- 1913	100% 1894- 1900	Среднее 1901- 1908	Среднее 1909- 1913
Все товары и грузы по ж.д.	257295	3204614	4609171	6716984	100	143,8	209,6
Продукция отраслей группы А							
Каменный уголь, антрацит	58218	529640	892608	1331673	100	168,5	251,4
Нефть и нефтепродукты	3750	213629	257436	270717	100	120,5	126,7
Дрова	16856	165657	285096	397302	100	172,1	239,8
Стройматериалы (сырые и	21243	271934	329703	582604	100	121,2	214,2

¹⁸⁷ Только с 1894 года имеются данные о перевозках всех товаров

¹⁸⁸ Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX - начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., Алетейа, 2010.

¹⁸⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. т.2. Игры обмена.- М., 1988.- С. 345-346.

изделия)							
Лесные стройматериалы	24040	250253	362394	610820	100	144,8	244,1
Руда	20475	146451	267524	424189	100	182,7	289,6
Железо, сталь, чугун	9860	96052	149807	232942	100	156,0	242,5
Металлические изделия	3889	60714	74138	117482	100	122,1	193,5
Цветные металлы	376	6148	8471	11658	100	137,8	189,6
Сельскохозяйственные машины	1468	5761	13411	27668	100	232,8	480,3
Машины, кроме с.х.	986	11032	12984	24292	100	117,6	220,2
Продукция хим. пром.	2019	22717	35757	52303	100	157,4	230,2
Резина, каучук и изделия	130	1267	2194	3002	100	173,1	236,9
Удобрения	1668	7139	14875	32511	100	208,4	455,4
Приборы, часы, аппараты	95	1207	1571	2608	100	130,1	216,1
Продукция отраслей группы Б							
Соль каменная и поваренная	3175	71933	96339	116176	100	133,9	161,5
Сахарные грузы	4601	57108	87058	123735	100	152,4	216,7
Чай	363	5399	8078	10194	100	149,6	188,8
Ткани	1161	32236	39012	49403	100	121,0	153,3
Платье готовое и белье	128	1484	2369	3358	100	159,7	226,3
Обувь, кроме резиновой	77	782	1268	1903	100	162,1	243,4
Мыло	261	2538	4473	6249	100	176,2	246,2
Спички	118	1849	2714	3516	100	146,8	190,2
Пиво	1441	9104	17919	29065	100	196,8	319,3
Вина виноградные	304	6214	8158	10609	100	131,3	170,7
Водки, ликеры и др.крепкие напитки	179	5847	7423	8390	100	126,9	143,5
Спирт винный и виноградный	775	10545	16203	21169	100	153,7	200,8
Табак	453	8638	12317	14983	100	142,6	173,5
Стекло и стекл. изделия, хрусталь	1275	12555	21004	30849	100	167,3	245,7
Фарфор, фаянс и майолика	143	2309	3238	4302	100	140,2	186,3
Бумага и картон	1101	10275	17410	26128	100	169,4	254,3
Книжный товар	125	787	1872	2499	100	237,7	317,3

Источник: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1903 год. Вып.52. СПб., 1905; Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1913 год. Вып.54. СПб., 1915. Подсчеты автора.

Из 135-ти трендов отрицательную величину, помимо экспорта ржи и экспорта овса, в среднем ежегодно уменьшавшихся на 2742 тыс.пуд. и на 193 тыс.пуд соответственно, имеют лишь перевозки керосина (-440 тыс.пуд.). Остальные 132 динамические ряда имеют отчетливо выраженную положительную тенденцию.

Таблица 30. Перевозки продукции сельского хозяйства, стоимость экспорта хлебного экспорта и акцизные доходы в 1894-1913 гг. (тыс.пуд., тыс.руб. и %)

ТОВАРЫ И ГРУЗЫ	Тренд 1894- 1913	Среднее 1894- 1900	Среднее 1901- 1908	Среднее 1909- 1913	100% 1894- 1900	Среднее 1901- 1908	Среднее 1909- 1913
Главные хлеба - урожай в 63 губ.	69332	2831121	3220771	3947489	100	113,8	139,4
Главные хлеба – экспорт*	7725	424810	477803	609420	100	112,5	143,5
Главные хлеба - перевозки ж.д.	31201	577992	825187	1059312	100	142,8	183,3
Хлебный экспорт (тыс.руб.)**	20940	384130	492360	746788	100	128,2	194,4
Все овощи свежие	10571	55163	124191	210016	100	225,1	380,7
Свежие фрукты, плоды, ягоды	1137	10343	17337	26594	100	167,6	257,1
Рыбные грузы	2043	28190	40678	57876	100	144,3	205,3
Мясо, битая птица и дичь	687	9342	14021	18947	100	150,1	202,8
Молочные продукты	1027	5204	11438	19004	100	219,8	365,2

Яйца и желтки яичные	588	7715	12045	15522	100	156,1	201,2
Лен, кудель и пакля	599	14487	18392	22204	100	127,0	153,3
Пенька и пакля	167	5431	6483	7717	100	119,4	142,1
Питейный доход (тыс.руб.)	35141	358262	627697	845458	100	175,2	236,0
Сахарный доход (тыс.руб.)	5089	53760	86255	126872	100	160,4	236,0
Табачный доход (тыс.руб.)	1953	36426	50694	62703	100	139,2	172,1
Нефтяной доход (тыс.руб.)	1608	22435	32893	45836	100	146,6	204,3
Спичечный доход (тыс.руб.)	802	7197	11278	18764	100	156,7	260,7

Источник: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1903 год. Вып.52. СПб., 1905; Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам за 1913 год. Вып.54. СПб., 1915; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 189... год. СПб; Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 189.. года. СПб. Подсчеты автора

* - Мука пересчитана в зерно, исходя из норм того времени: для ржи выход муки принимается за 90%, для пшеницы – 75%.

Общая перевозка *всех* грузов, кроме поштучных, по русским железным дорогам в 1894-1913 гг. возрастала в среднем на 257,3 млн.пуд. в год. При этом в сравнении 1894-1900 гг. среднегодовая перевозка всех грузов выросла в 1901-1908 гг. на 43,8%, а в 1909-1913 г. – соответственно, более чем в два раза, на 109,6%.

Важно отметить, что перевозки всех грузов за рассматриваемый период выросли с 2593542 в 1894 г. до 7984459 тыс.пуд. в 1913 г., т.е. в 3,1 раза, в то время как длина железнодорожной сети увеличилась с 32673 км в 1894 до 69179 км в 1913 г., т.е. в 2, 1 раза.¹⁹⁰

Из таблиц 29 и 30 можно видеть значительный рост показателей перевозок подавляющего большинства грузов, что говорит о поступательном развитии народного хозяйства России – и отраслей группы А, производящих средства производства, и отраслей группы Б, производящих предметы потребления, и сельского хозяйства и обрабатывающей сельскохозяйственной промышленности. Исключение – кризис в нефтяной промышленности, выразившийся в скромных показателях прироста перевозок нефти и нефтепродуктов в среднем на 20,5% во 2-м периоде и на 26,7% в 3-м периоде в сравнении с 1-м. При этом среднегодовые перевозки керосина, которые в 1894-1900 гг. составили 95, 4 млн. пуд., а в 1901-1908 гг. – 105,5 млн.пуд., в 1909-1913 гг. уменьшились до 89,3 млн.пуд.

Среднегодовые перевозки остальной продукции отраслей группы А в 1909-1913 гг. в сравнении с 1894-1900 гг., как минимум, удвоились или почти удвоились:

- перевозки каменного угля и антрацита увеличились в 2,5 раза (с 529,6 до 1131,7 млн.пуд.);

- перевозки дров выросли в 2,4 раза (со 165,7 до 397,3 млн.пуд.); для характеристики потребления топлива в России важно отметить, что перевозки торфа за тот же период увеличились в 2,4 раза, а древесного угля – в 3,0 раза;

- перевозки лесных строительных материалов увеличились в 2,4 раза (с 250,3 до 610,8 млн.пуд.);

- перевозки строительных материалов природных и в виде изделий стали больше в 2,1 раза (с 271,9 до 582,6 млн.пуд.), причем алебастра, гипса, извести, мела – в 1,9 раза, кирпичей – в 1,8 раза, строительного камня, известняка, бетона, гранита – в 1,9 раза, цемента – в 3,4 раза; строительной земли и глины – в 4,3 раза;

- перевозки руды выросли в 2,9 раза (со 146,5 до 424,2 млн.пуд.);

- перевозки железа, стали и чугуна «не в деле» (т.е. не в виде изделий) увеличились в 2,4 раза (с 96,1 до 232,9 млн.пуд.),

¹⁹⁰ Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. М., 1973. С.257

- перевозки металлических изделий стали больше в 1,9 раза (с 60,7 до 117,5 млн.пуд.), причем рельсов в 1,7 раза, проволоки в 2,5 раза, мостов и их частей – в 2,2 раза, труб в 2,4 раза;

- перевозки цветных металлов и изделий из них выросли в 1,9 раза (с 6,1 до 11,7 млн.пуд.);

- перевозки металлических сельскохозяйственных машин и орудий – в 4,8 раза (с 5,7 млн.пуд. до 27,7 млн.пуд.);

- перевозки машин, двигателей, станков и др. – в 2,2 раза (с 11,0 до 24,3 млн.пуд.);

- перевозки красителей и различных химикатов – в 2,3 раза (с 22,7 до 52,3 млн.пуд.), причем серной, соляной и азотной кислоты – в 2,5 раза, соды – в 2,3 раза, хлорной извести – в 2 раза, глауберовой соли – в 3,7 раза;

- перевозки сельскохозяйственные удобрений – в 4,6 раза (с 7,1 до 32,5 млн.пуд.);

- приборов, часов, аппаратов и др. – в 2,2 раза (с 1207 до 2608 тыс.пуд.).

Развитие отраслей группы Б в рассматриваемый период характеризуют следующие данные о среднегодовой транспортировке товаров в 1909-1913 гг. в сравнении с 1894-1900 гг.:

- перевозки соли каменной и поваренной выросли в 1,6 раза (с 72,0 до 116,2 млн.пуд.);

- перевозки сахарных грузов (сахара-песка, рафинада, меласса и патоки) увеличились в 2,2 раза (с 57,1 до 123,7 млн.пуд.);

- перевозки чая (целиком экспортный продукт) – в 1,9 раза (с 5399 до 10194 тыс.пуд.)

- перевозки пива стали больше в 3,2 раза (с 9,1 до 29,1 млн.пуд.);

- перевозки виноградных вин выросли в 1,7 раза (с 6,2 до 10,6 млн.пуд.);

- перевозки водки, ликеров, коньяка и др. – в 1,4 раза (с 5,8 до 8, 4 млн.пуд.);

- перевозки спирта винного и виноградного – в 2,0 раза (с 10,5 до 21,2 млн.пуд.);

- перевозки табака – в 1,7 раза (с 8,6 до 15,0 млн.пуд.);

- перевозки различных тканей – в 1,5 раза (с 32,2 до 49,4 млн.пуд.);

- перевозки пряжи и ниток – в 1,6 раза (с 9,8 до 15,7 млн.пуд.);

- перевозки готовой одежды и белья – в 2,2 раза (с 1484 до 3358 тыс.пуд.);

- перевозки обуви – в 2,4 раза (с 782 до 1903 тыс.пуд.);

- перевозки резины, каучука и резиновых изделий – в 2,4 раза (с 1267 до 3002 тыс.пуд.);

- перевозки мыла – в 2,5 раза (с 2538 до 6249 тыс.пуд.);

- перевозки спичек – в 1,9 раза (с 1849 до 3516 тыс.пуд.);

- перевозки стекла и стеклянных изделий – в 2,5 раза (с 12,6 до 30,8 млн.пуд.);

- перевозки изделий из фарфора, фаянса и майолики – в 1,9 раза (

- перевозки бумаги и картона – в 2,5 раза (с 10,3 до 26,1 млн.пуд.);

- перевозки книг и учебных пособий – в 3,2 раза (с 787 до 2499 тыс.пуд.);

- перевозки канцелярских товаров – в 2,4 раза (с 440 до 1065 тыс.пуд.).

Динамику развития сельского хозяйства, сельского ремесла и, разумеется, потребления населения в 1894-1913 гг. отражают сведения о среднегодовой перевозке следующих грузов в 1909-1913 гг. в сравнении с 1894-1900 гг.:

- урожаи всех главных хлебов выросли в 1,4 раза (с 2831,1 до 3947,5 млн.пуд.), причем ржи – в 1, 13 раза, овса – в 1,3 раза, пшеницы – в 1,8 раза, ячменя – в 1,8 раза;

- экспорт главных хлебов увеличился в 1, 4 раза (с 424,8 до 609,4 млн.пуд.), причем ржи уменьшился на 42,7%, овса – вырос на 14,5%, пшеницы – в 1,4 раза, ячменя – в 2,4 раза;

- перевозки всех свежих овощей выросли в 3,8 раза (с 55,2 до 210,0 млн.пуд.), причем арбузов и дынь – в 2,0 раза, капусты – в 3,4 раза, картофеля – в 3,5 раза, лука – в 2,0 раза, огурцов – в 2,3 раза, свеклы сахарной и простой – в 4,4 раза;
- перевозки свежих фруктов, плодов и ягод – в 2,6 раза (с 10,3 до 26,6 млн.пуд.);
- перевозки рыбы и рыбных грузов – в 2,1 раза (с 28,2 до 57,9 млн.пуд.);
- перевозки мяса, битой птицы и дичи – в 2,0 раза (с 9,3 до 18,9 млн.пуд.);
- перевозки молочных продуктов – в 3,7 раза (с 5,2 до 19,0 млн.пуд.);
- перевозки яиц – в 2,0 раза (с 7,7 до 15,5 млн.пуд.);
- перевозки льна – в 1,5 раза (с 14,5 до 22,2 млн.пуд.);
- перевозки пеньки – в 1,4 раза (с 5,4 до 7,7 млн.пуд.);
- веревок и канатов – в 2,0 раза (с 2550 до 4988 тыс.пуд.);
- перевозки смолы и дегтя – в 1,6 раза (с 5,3 до 8,6 млн.пуд.);
- перевозки деревянных изделий и бочек – в 2,1 раза (с 13,3 до 27,7 млн. пуд.);
- перевозки глины гончарной, огнеупорной и фаянсовой – в 2,7 раза (с 9,9 до 26,9 млн.пуд.)
- перевозки кожи, шкур и мехов – в 2,0 раза (с 10,8 до 22,2 млн.пуд.);
- перевозки масел семенных и древесных – в 2,3 раза (с 9,9 до 22,9 млн.пуд.);
- перевозки крахмала и картофельной муки – в 2,8 раза (с 2263 до 6396 тыс.пуд.);
- перевозки сена – в 2,9 раза (с 16,6 до 47,3 млн.пуд.);
- перевозки скота и лошадей – в 1,8 раза (с 1,8 до 3,3 млн. штук);
- перевозки четырех главных хлебов – в 1,8 раза (с 578,0 до 1059,3 млн.пуд.)
- перевозки ржи – в 1,3 раза (с 137,7 до 179,3 млн.пуд.);
- перевозки овса – в 1,5 раза (с 102,8 до 156,7 млн.пуд.);
- перевозки пшеницы – в 2,0 раза (с 288,3 до 587,6 млн.пуд.);
- перевозки ячменя – в 2,8 раза (с 49,2 до 136,8 млн.пуд.);
- перевозки кукурузы и маиса – в 1,5 раза (с 30,3 до 45,9 млн.пуд.).

В той мере, в какой железнодорожные перевозки являются отражением состояния промышленности и торговли, представленные данные свидетельствуют о значительном прогрессе народного хозяйства страны в 1894-1913 гг.

Исключая нефтяную, все отрасли народного хозяйства страны развивались весьма интенсивно. Это касается и отраслей группы А, и отраслей группы Б, и сельскохозяйственного производства (в том числе и технических культур), сельскохозяйственной обрабатывающей промышленности.

Эта статистика говорит не только о росте производства, но и о росте потребления – перевозки потребительских и продовольственных товаров неуклонно растут. При этом кризис и депрессия затронули не все сферы экономики в равной степени. Для большинства товаров показатели перевозок в 1901-1908 гг. превышают показатели 1894-1900 гг. на 40-50% и более.

Не подлежит сомнению, что предвоенный промышленный подъем и значительное расширение внутреннего рынка были тесно связаны со Столыпинской аграрной реформой, устойчивое мнение о «провале» которой абсолютно несостоятельно.

С реформой Столыпина прямо связан огромный рост перевозок, т.е. потребления, сельскохозяйственных машин и орудий, что является едва ли не самым точным показателем финансовых возможностей крестьянства. В 1894 г. они составили 5463 тыс.пуд., в 1902 г. – 10600 тыс.пуд., в 1905 – 12811 тыс.пуд., в 1909 г. – 21461 тыс.пуд., в 1913 г. – 34517 тыс.пуд.

Начавшийся, благодаря Столыпинской аграрной реформе, переворот в процессе механизации российского сельского хозяйства вполне отражает следующий факт. В 1906 г. Северные, Приозерные, Приуральские, Прибалтийские, Литовские, Белорусские, Центрально-Промышленные, Центрально-Черноземные и Средне-Волжские губернии, т. е. 34 (!) губернии, охватывающие северные две трети Европейской России, получили по

железной дороге в сумме практически столько же сельхозтехники, сколько Херсонская и Екатеринославская – 1929,0 тыс. пуд. против 1925,3. В 1913 г. ситуация, хотя и продолжает оставаться как бы не вполне нормальной, но уже начала изменяться, о чем говорит тот факт, что теперь 34 губернии вместе взятые получили 7095,7 тыс. пуд. сельхозмашин и орудий, а две Новороссийские – 2976,9 тыс. пуд. соответственно, т.е. в 2,4 раза больше.¹⁹¹ В России начиналась агротехнологическая революция.

Об этом же говорит и рост перевозок продукции сельскохозяйственного сектора, который также связан с развертыванием Столыпинской аграрной реформы. Например, огромное увеличение перевозок всех молочных продуктов в 1909-1913 гг. (в 1,7 раза в сравнении с 1901-1908 гг.), и крахмала (в 1,5 раза соответственно) не может не отражать бурный рост кооперативного движения в этих отраслях сельского хозяйства с началом преобразований и т.д.

Тарифная номенклатура в каких-то своих сегментах периодически пересматривалась, что иногда не позволяет прямо вычлнить перевозки ряда важных грузов за все время разработки «Сводной статистики», а лишь с 1901 г. Из таблицы 31 очевиден существенный рост транспортировки кондитерских изделий, макарон и вермишелей, свежих фруктов и ягод, кроме винограда (заморские апельсины, лимоны, мандарины и померанцы взяты для полноты освещения сюжета), масла, ремесленных инструментов, скобяного и ножевого товара. Особо следует отметить удвоение в 1909-1913 гг. в сравнении с 1901-1908 гг. показателей свежего молока и сливок и посуды железной и эмалированной (притом, что перевозки чугунной посуды остались практически на том же уровне).

Таблица 31. Железнодорожные перевозки грузов в 1901-1913 гг. (тыс.пуд. и %).

ГРУЗЫ	Тренд 1901- 1913	Среднее 1901- 1908	Среднее 1909- 1913	В 1909- 13 больше %
Кондитерские изделия	260	4521	6191	136,9
Макароны и вермишель	75	665	1132	170,2
Масло всякое	328	5791	7935	137,0
Молоко свежее и сливки	697	3811	8211	215,5
Яблоки	639	8114	12480	153,8
Апельсины, лимоны, манд., померан.	214	2689	4262	158,5
Абрикосы, сливы, персики	86	825	1365	165,5
Груши	56	822	1252	152,3
Ягоды	73	1036	1518	146,5
Виноград	44	1086	1302	119,9
Посуда чугунная	32	1594	1632	102,4
Посуда железная и эмалированная	124	785	1581	201,4
Ремеслен. инструм.	56	673	1022	151,9
Скобян. и ножевой тов.	88	904	1504	166,4

Вообще аграрная реформа Столыпина воздействовала на жизнь страны и на экономику многообразно. Так, в 1909-1911 гг. Сибирь получала 7-8% общероссийских перевозок металлической посуды, инструментов и других предметов хозяйственного обихода против 2-4% в 1902-1903 гг., что вполне сочетается с образом динамично

¹⁹¹ Давыдов М.А. Всероссийский рынок... С. 524-525.

осваиваемого региона, в котором ежегодно десятки тысяч семей начинали новую жизнь.¹⁹² Число таких примеров легко умножить.

Полученные высокие коэффициенты корреляции (порядка 0,8-0,95) между перевозками промышленных, потребительских и продовольственных товаров, с одной стороны, а также акцизными доходами, с другой, безусловно свидетельствуют о позитивном, восходящем направлении вектора общего развития и экономики страны в целом, и о росте покупательной способности населения страны, и о том, что его потребности расширились, и о том, что начавшееся их удовлетворение шло комплексно.

Здесь уместно вкратце коснуться пресловутого «провала» Столыпинской аграрной реформы. О возникновении этого догмата традиционной историографии В.Г. Тюкавкин пишет: «Рассмотрение выходов из общины в комплексе с итогами землеустройства показывает, что не было «краха» реформы. Было замедление выходов из общины после 1910 г., которое Ленин и назвал «крахом», но с 1911 г. резко возросло землеустройство, так как по закону от 29 мая 1911 г. о землеустройстве крестьянину не нужно было предварительно проходить процедуру получения разрешения на выход из общины, не нужно было «укреплять» землю – документы о землеустройстве его двора давали ему право на личное частное владение его участком. Лишь война помешала провести землеустройство всех 6174,5 тыс.дворов, подавших заявления, что составляло более половины всех дворов крестьян Европейской России, или 67% общинных хозяйств»¹⁹³.

По официальным данным, с момента открытия Землеустроительных комиссий до 1 января 1916 г. в них поступили ходатайства о землеустройстве от 6174457 домохозяев-крестьян, живших в 222902 земельных единицах, т.е. примерно от половины всего числа крестьянских дворов (около 12 млн.дворов, по оценке правительства). Из этого количества в отношении 3831269 дворов, или 62,1%, была «закончена подготовка», т.е. произведены обследования на местах и предварительные работы; для 2868528, или 46,4% выполнены землеустроительные работы в натуре, и в отношении 2360504, или 38,2% произведенные в натуре работы получили юридическое завершение. Подготовительные работы были закончены на территории в 374,7 тыс.кв км. (34,3 млн.дес.), а это равно площади современных Италии и Ирландии вместе взятых! К этому нужно добавить 10 млн.дес., полученных крестьянством от Крестьянского поземельного банка, и примерно 20 млн. дес. сибирского землеустройства, а всего – 64 млн.дес., т.е. 700 тыс. кв км, что составляет суммарную площадь Франции, Бельгии, Швейцарии и Австрии.

И формально все это – за 9 полевых сезонов, из которых лишь немногие могут считаться нормальными!

Принципиально важно, что в 1907-1911 гг. было подано 2633,5 тыс. ходатайств, а в 1912-1915 гг. – 3540,9 тыс., т.е. на 34, 5% больше (несмотря на войну!). Это само по себе снимает вопрос о том, насколько верен с детства знакомый постулат о «крахе» Столыпинской реформы после 1911 г.¹⁹⁴.

Все эти данные убедительно говорят об успехи «модернизации Витте – Столыпина». Они показывают, что социально-экономическое развитие России в 1894-1913 гг. шло по восходящей линии, и во многом потому, что Столыпинская аграрная реформа начала раскрепощение производительных сил народа.

Кстати, нельзя сказать, что советская историография не приводила отдельных фактов, говорящих о росте потребления, просто они рассеяны по монографиям, и задача их консолидации никогда не была интересна. Например, В.К. Яцунский сообщает, что потребление хлопчатобумажных тканей на душу населения с 5,33 м в 1860-1876 возросло до 10,66 м в 1876-1880 гг., т.е. за 20 лет удвоилось, а в 1890 г. составило 12 м.¹⁹⁵ П.И.

¹⁹² Там же, С.486-491.

¹⁹³ В.Г.Тюкавкин. Великоорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа М., 2001. С.125.

¹⁹⁴ Давыдов М.А. Всероссийский рынок... С.686-812; Давыдов М.А. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы. (1907-1915 гг.)// Российская история. 2011. № 1.

¹⁹⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968, т. V., С.134,311

Лященко дает более высокую цифру «в 1890 г. потребление бумажных суровых тканей на одного жителя по официальным данным, определялось в 23 аршина (16,4 м) при 115,5 млн. населения, т.е. всего 2,7 млрд аршин, а в 1899 г. оно возросло до 36 аршин (25,6 м) при 129,7 млн. населения, т.е. до 4,6 млрд аршин. Другими словами, душевое потребление возросло за 10 лет на 56,5 %, а валовое – на 75%»¹⁹⁶. В.К. Яцунский пишет также, что потребление сахара увеличилось с 1 кг на душу населения в 1860-1861 г. до 2 кг в 1881-1882 гг., и тем не менее размеры производства стали превышать спрос внутреннего рынка. Во второй половине 1870-х гг. начался экспорт сахара. В начале XX в. душевое потребление сахара равнялось уже 5 кг на душу.¹⁹⁷ Это подтверждают данные таблицы 19, дающие для 1904-1907 гг. цифру 14-15 фунтов, т.е. 5,7- 6,1 кг.

¹⁹⁶ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1948 т.2, С.132-133

¹⁹⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней том. 5, М., 1968 С.135, 314

Статистика против публицистики: вклады в сберкассы и мобильность населения.

Для рассматриваемой темы большой интерес представляет динамика сбережений населения.

Прежде, чем обратиться к статистике движения вкладов физических лиц, замечу, что сторонники негативистского подхода с дореволюционных времен не очень жаловали этот сюжет. Анализируя деятельность так называемой Комиссии центра, созданной осенью 1901 г., Б.Н. Миронов, в частности, отмечает: «При оценке такого важного показателя благосостояния, как увеличение числа вкладов и величины сбережений, сделанных крестьянами, был обнаружен значительный рост как вкладов, так и сбережений в 1880-1900 гг., что свидетельствовало о повышении уровня жизни. Однако, поскольку этот факт противоречил парадигме кризиса (отечественной деревни – М.Д.), эксперты интерпретировали его иначе: якобы в 1880-е гг. из-за недостатка сберегательных касс крестьяне не имели возможности хранить деньги в банке, поэтому весь рост сбережений объясняется исключительно тем, что такая возможность в 1890-е гг. появилась. «Для этого вывода (об увеличении сбережений – Б.М.) необходимо было бы сопоставить сумму сбережений, имеющуюся налицо ныне, с тою суммою, которую прежде население сохраняло у себя дома, для чего, однако, никаких данных не имеется». Как видим, аналитики предпочли допустить, что сбережения у крестьян до 1890 г. были, лишь бы не признать увеличения сбережений в 1890-е гг.»¹⁹⁸. Пример, что и говорить, показательный.

Проблема сбережений куда более важна, чем может показаться на первый взгляд. Для пореформенной России она некоторым образом имеет экзистенциальный характер, не вполне осознающийся нами.

Среди психологического наследия крепостного права компетентные *непартийные* исследователи, как Б.Н. Чичерин и К.Ф. Головин, всегда выделяют отсутствие у населения привычки к сбережениям. Тут и неумение их делать и даже не то, что нежелание, а некоторое *непонимание* важности данного явления. Это один из примеров того, что социально-психологические характеристики того или иного народа в определенный период его истории – вовсе не синоним вечности, как почему-то воображают представители традиционной историографии, особенно рассуждая об общинных симпатиях русского народа, а всего лишь функция от уровня культуры данного народа, в том числе и бытовой, которая меняется вместе с этим уровнем.

«Крепостное право не учило людей делать сбережения. Пример мы можем видеть в собственном отечестве. Рабовладельческое хозяйство... не могло развить привычки к сбережениям ни в помещиках, ни в крестьянах.

Поэтому, при разрешении крепостной связи, ни те, ни другие не в состоянии были справиться со своею новою экономической задачей. Значительная часть помещиков разорилась вследствие неумения сделать правильный хозяйственный расчет и приспособить свой быт к изменившимся условиям.

Тоже самое следует сказать и о крестьянах. **Несправедливо, что тяжести, возложенные на них Положением о Выкупе, были так велики, что они не в силах были их нести.** Возложенные на них тяжести были несравненно меньше тех повинностей, которые были с них сняты. Свободным заработком легко было их покрыть. В этом отношении первые годы после освобождения были особенно благоприятны...

Но полученные избытки не сохранялись на черный день, а тратились на разгул, который принял самые широкие размеры, и когда наступили более трудные времена, сбережений не оказалось никаких. Даже и при нынешних условиях, возможность для крестьян делать сбережения доказывается теми суммами, которые тратятся на водку и которые составляют лишь ничтожную часть потерь и ущерба, наносимого хозяйству привычкою к пьянству. Она доказывается и теми крупными

¹⁹⁸ Миронов Б.Н. Благосостояние населения ...С.598

издержками, которые, в силу обычая, делаются на свадьбы и которые ведут к разорению семейств на многие годы. Иногда в одном и том же селе оказывается, что все раскольники живут богато, а все православные в бедности.

Однако и среди православных встречаются, в особенности небольшие, деревни, где крестьяне, смиренные и работающие, пользуются довольством и исправно уплачивают все подати. Но вообще, у крестьян, также как у помещиков, в силу привычек, укоренившихся при крепостном праве, все лишние деньги уходят сквозь пальцы»¹⁹⁹, – пишет Б.Н. Чичерин в «Курсе государственной науки». (Действительно, трудно представить сберкнижку на имя А.С. Пушкина. На имя Л.Н. Толстого, впрочем, можно!)

Другими словами, отношение к сбережениям – значимая и непросто уловимая характеристика психологии общества. То, что кажется банальностью в наши дни, сто с лишним лет назад таковой не являлось. Тем не менее статистика движения вкладов в сберегательных кассах показывает, что медленно, но верно, психология народа в этом плане изменялась к лучшему (более «продвинутые» и состоятельные граждане России после 1861 г. уже думали о вкладах в процентные бумаги).

В свете сказанного, полагаю, следует вспомнить характеристику Б.Н. Чичериним отношения социалистов к проблеме сбережений. В то время как все нормальные люди ратовали за трудолюбие и бережливость (хотя, казалось бы, за что тут ратовать – и так все понятно), «социалисты, напротив, всеми силами ополчаются против сбережений. Они смело уверяют, что рабочий не может и даже не должен сберегать, что он, сберегая, крадет у других и превращается в презренного мещанина. Лассаль с неистовою бранью опрокинулся на Шульце-Делича (основателя кредитных товариществ в Германии – М.Д.) за его проповедь в пользу бережливости. **Вообще этот поход социалистов против сбережений составляет одну из любопытных страниц современного помрачения умов. Из любви к низшим классам отрицается единственное средство улучшить их быт»**²⁰⁰.

Строго говоря, нравственность за чужой счет – сюжет распространенный, но именно у социалистов он выглядит особенно отвратительным.

Как говорилось, в 1905 г. русские революционеры, чтобы подорвать экономику страны, обратились к населению с призывом забрать свои вклады из сберкасс. Этот призыв возымел определенный эффект, но не столь значительный, как рассчитывали адепты Новой России, часть которых тогда на японские деньги закупила оружие.²⁰¹

Несомненно, по извращенным критериям народников и социал-демократов крестьяне, имеющие сберкнижки, считались кулаками, а рабочие и шахтеры – потенциальными оппортунистами и штрейкбрехерами. Имела ли пропаганда социалистов успех?

Обратимся к статистике вкладов в сберкассах, и в числе прочего, посмотрим, что на это счет думали жители страны, относившие свои деньги в эти кассы. Полностью сопоставимую информацию «Ежегодники МФ» помещают, начиная с 1896-1897 гг.

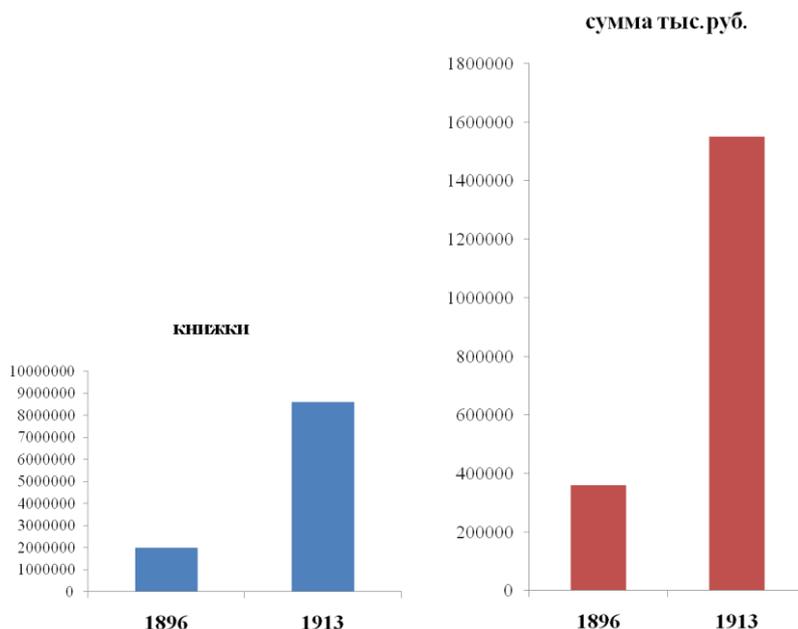
Диаграмма 5. Число сберкнижек и сумма сбережений в 1896 г. и 1913 г.

¹⁹⁹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1898. Том III. С.246.

²⁰⁰ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб., 2005, С.526

²⁰¹ Павлов Д.Б., Петров С.А. Полковник Акаши и освободительное движение в России (1904-1905 гг.)// История СССР. 1990, №6; Куяла Антти. Японский Генштаб и вопрос о согласованных антиправительственных действиях в Российской империи. 1904-1905. // Русский сборник. Исследования по русской истории. Том.Х. М., 2011.

Вклады в сберкассах

Данные за 1897 г. показывают, что в стране с населением 126,4 млн.чел. насчитывалось 2,3 млн.сберкнижек, на которых хранилось 412 млн.руб. (28,3% бюджета Империи в 1458 млн.руб.²⁰²). Если считать, что на семью приходилась одна книжка, а средняя численность семьи составляла примерно 6 человек²⁰³, то, следовательно, сберкнижки были в 9-10% семей. При этом крестьяне, составлявшие не менее 80% жителей России, обладали лишь 430 тыс. сберкнижек с 77 млн.руб. (это примерно 2,5% семей) и занимали вторую позицию после лиц свободных профессий («прочие занятия»). А фабрично-заводские рабочие и солдаты хотя и имели в сумме на 27,1 тыс. (15,6%) сберкнижек больше, чем лица духовного звания, офицеры и помещики вместе взятые (201,5 тыс.против 174,4 тыс.), но хранили на них на 28 млн.руб. меньше вкладов (23,4 млн.руб. против 51,4 млн.руб.)

Данные за 1913 г. фиксируют ситуацию, которая куда больше соответствует бурной модернизации, переживавшейся страной в предвоенную четверть века. На 170 млн. жителей России приходится теперь 8,6 млн. книжек. Другими словами, по тому же расчету, порядка 30% семей хранит в сберегательных кассах 1550 млн.руб. Эта сумма составляет 45,3% бюджета Империи в 3420 млн.руб.²⁰⁴ и в 3,6 раза превосходит стоимость «Большой флотской программы», которая к 1930 г. должна была сделать Россию державой, обладающей флотом мирового уровня.

В таблицах 32-33 сопоставляются данные о вкладчиках, дифференцированных сберкассами в зависимости от рода их занятий.

Таблица 32. Распределение книжек и сбережений (тыс.руб.) по роду занятий вкладчиков и доля представителей отдельных родов занятий в общем числе вкладчиков и сумме вкладов в 1897 и 1913 гг. (тыс.руб. и %)

²⁰² Министерство финансов. 1802-1902. СПб., 1902. том.2 С.646-647.

²⁰³ Миронов Б.Н. Социальная история России...2003. т.1 С. 225

²⁰⁴ Петров Ю.А. Налоги и налогоплательщики в России начала XX в.// Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003. С.386-387.

Род занятий	1897		1913		1897		1913	
	книжек	сумма	книжек	сумма	6	7	8	9
Землевладение	25961	6665	39639	9260,6	1,1	1,6	0,5	0,6
Землед.и сел.промыслы	430522	77670	2546643	480248,8	18,9	18,8	29,6	31,0
Городские промыслы	256471	38678	1121539	179527,5	11,3	9,4	13,0	11,6
Фабрики, заводы и рудники	99626	13727	456611	72592,8	4,4	3,3	5,3	4,7
Услужение	244877	34121	712741	113147,8	10,8	8,3	8,3	7,3
Торговля	184217	39942	680493	149527,3	8,1	9,7	7,9	9,6
Духовное звание	114306	37131	201844	59451,3	5,0	9,0	2,3	3,8
Офицеры	34090	7645	85303	17254,5	1,5	1,9	1,0	1,1
Нижние чины	101870	9664	336075	22193,4	4,5	2,3	3,9	1,4
Служба граждан.	141240	27878	297796	55967	6,2	6,8	3,5	3,6
Служба частная	212300	39648	1299828	246637,9	9,3	9,6	15,1	15,9
Прочие занятия	432214	79296	830170	144026,8	19,0	19,2	9,6	9,3
Итого	2277694	412065	8608682	1549836	100	100	100	100

Источник: Ежегодник Министерства финансов. Вып.1899 г. Спб., 1900. С.539; Ежегодник Министерства финансов. Вып.1915 г. Пг., 1915. С.206-207

Значения пунктов 6-9 второй строки:

6. распределение книжек по «родам занятий» вкладчиков в 1897 г. (%);
7. распределение сумм по «родам занятий» вкладчиков в 1897 г. (%);
8. доля книжек представителей каждого «рода занятий» вкладчиков в 1913 г. (%);
9. распределение сумм по «родам занятий» вкладчиков в 1913 г. (%).

Таблица 33. Приросты числа книжек и вкладов за 1897-1913 гг.

Род занятий	2	3	4	Род занятий	6	7	8
Землед.и сел.промыслы	2116121	591,5	33,4	Землед.и сел.промыслы	402578,8	618,3	35,4
Служба частная	1087528	612,3	17,2	Служба частная	206989,9	622,1	18,2
Городские промыслы	865068	437,3	13,7	Городские промыслы	140849,5	464,2	12,4
Торговля	496276	369,4	7,8	Торговля	109585,3	374,4	9,6
Услужение	467864	291,1	7,4	Услужение	79026,8	331,6	6,9
Прочие занятия	397956	192,1	6,3	Прочие занятия	64730,8	181,6	5,7
Фабр., зав.и рудники	356985	458,3	5,6	Фабр., зав.и рудники	58865,8	528,8	5,2
Нижние чины	234205	329,9	3,7	Служба гражданская	28089,0	200,8	2,5
Служба гражданская	156556	210,8	2,5	Духовное звание	22320,3	160,1	2,0
Духовное звание	87538	176,6	1,4	Нижние чины	12529,4	229,7	1,1
Офицеры	51213	250,2	0,8	Офицеры	9609,5	225,7	0,8
Землевладение	13678	152,7	0,2	Землевладение	2595,6	138,7	0,2
Всего	6330988	378,0	100,0	Всего	1137770,7	376,1	100,0

Источники: см. таблицу 31.

Значения пунктов 2-4 и 6-8 первой строки:

2. Абсолютный прирост числа книжек
3. Увеличение показателей в 1913 г. в сравнении с 1897 г. (%)
4. Доля данного «рода занятий» в приросте числа книжек (%)
6. Абсолютный прирост вкладов (тыс.руб.)
7. Увеличение показателей в 1913 в сравнении с 1897 г. (%)
8. Доля данного «рода занятий» в приросте вкладов (%)

Таблицы 32 и 33 содержат много информации, однако в силу ограниченности объема текста, я ограничусь следующими замечаниями.

Эти таблицы показывают, что за 17 лет число крестьянских книжек выросло с 430,5 тыс. до 2546,6 тыс., т.е. почти в шесть (!) раз, и на них в 1913 г. хранилось 480,2 млн.руб.

против 77,7 млн. руб. в 1897 г. – т.е. более, чем в шесть раз.

С 256,5 до 1121,5 тыс., т.е. в 4,4 раза, возросло количество городских ремесленников-обладателей сберкнижек, а их вклады увеличились с 38,7 млн.руб. до 179,5 млн.руб., или в 4,6 раза.

У фабрично-заводских рабочих и горняков число книжек увеличилось с 99,6 тыс. до 456,6 тыс., т.е. в 4,6 раза, и вместо 13,7 млн.руб. на них теперь находилось 72,6 млн. руб., или в 5,3 раз больше.

В 1897 г. 101,9 тыс. солдат и унтер-офицеров российской армии держали в сберкассах 9,7 млн.руб., а в 1913 г. 336,1 тыс. нижних чинов – уже 22,1 млн.руб. , т.е. соответственно в 3,3 и 2,0 раза больше. Напомню, что численность армии в это время оценивается в 1,3 млн.чел.

Количество книжек у лиц, находившихся в услужении, увеличилось за 1896-1913 гг. с 244,9 до 712,7 тыс., а сумма вкладов на них – с 34,1 млн.руб. до 113,1 млн.руб. – соответственно в 2,9 и 3,3 раза.

Как можно видеть, растут абсолютные показатели, характеризующие благосостояние и всех остальных социальных слоев общества, прежде всего людей, находящихся на частной службе, т.е. большей частью тех, кого сейчас называют офисными работниками. В 1897 г. 212,3 тыс. из них имели сберкнижки с 39,6 млн.руб. на них, а в 1913 г. – 1299,8 тыс. с 246,6 млн.руб. Это такое же шестикратное увеличение показателей, что и у крестьян, и даже несколько более высокое.

Таблица 32 показывает, что доля числа вкладчиков того или иного «рода занятий» может превышать долю их сбережений в общем их объеме по стране, может быть близка к ней, а может быть ниже (духовенство в 1897 г.). Первый вариант касается тех, чьи доходы относительно невелики – городских ремесленников, фабрично-заводских рабочих и горняков, прислуги и нижних чинов. Второй – землевладельцев, крестьян, офицеров, гражданских и частных служащих и лиц свободных профессий («прочие занятия»).

За 1897-1913 гг. удельный вес отдельных категорий вкладчиков изменился (таблица 32). Самыми успешными из них стали жители деревни и частные служащие, что весьма симптоматично. И то, и другое – важный показатель успеха модернизации! Доля первых увеличилась с 18,9 до 29,6% по числу книжек и с 18,8 до 31,0% по сумме вкладов, доля вторых – с 9,3 до 15,1% по числу книжек и с 9,6 до 15,9% по сумме сбережений.

Рост показателей благосостояния городских ремесленников и пролетариев куда скромнее, но это не снижает принципиальной важности данного факта – новейшие исследования положения рабочего класса в России говорят о том, что реальная зарплата рабочих повышалась, а статистика вкладов свидетельствует о том, что все больше простых людей понимало важность сбережений.

Доля же остальных восьми категорий вкладчиков за 17 лет уменьшилась. Особенно заметно снижение показателей для лиц свободных профессий – с 19,0 до 9,6% по числу книжек и с 19,2 до 9,3% по вкладам, для духовенства – с 5,0 до 2,3% по числу книжек и с 9,0% до 3,8% по вкладам, для гражданских служащих – с 6,2 до 3,5% по числу книжек и с 6,8 до 3,6% по сбережениям.

В таблице 33 ранжированы приросты числа книжек и размеров вкладов по родам занятий вкладчиков. Оценивая эти данные, мы, разумеется, должны соотноситься с долей представителей той или иной профессии в населении страны, но вместе с тем видеть и динамику процесса.

С одной стороны, крестьяне составляли 80% населения страны, и неудивительно, казалось бы, что в сравнении с 1897 г. к 1913 г. абсолютно и относительно больше всех разбогатели именно они. Однако в 1897 г. число крестьян-вкладчиков было меньше, чем представителей свободных профессий. Значит, за эти годы произошел некий качественный сдвиг в изучаемом процессе, отражением чего и стало появление 2,2 млн. новых сберкнижек у сельских жителей. Офицеров по определению меньше, чем солдат. Но в 1897 г. солдатских книжек было больше чем офицерских в 3,0 раза, а в 1913 г. – в 3,9.

Следовательно, к 1913 г. мысль о важности сбережений у солдат относительно стала более популярной, чем в середине 1890-х гг. и т.д.

Рассмотрим данные о количественной структуре вкладов применительно к роду занятий вкладчиков. Исходные данные для анализа представлены в таблицах 34 и 34а.

Таблица 34. Распределение числа книжек в зависимости от суммы вклада в 1897 и 1913 гг. (шт.)

Род занятий	1897					1913				
	до 25 руб	25-99	100-500	свыше 500	Всего	до 25 р.	25-100	100-500	св.500	Всего
Землевладение	8064	4075	8156	5666	25961	15386	5943	10353	7957	39639
Землед. и сел. промыслы	122559	103923	153192	50848	430522	751781	575204	898975	320683	2546643
Городские промыслы	96230	59649	76675	23917	256471	517357	192441	283837	127904	1121539
Фабр., зав. и рудники	33678	26389	32471	7088	99626	179749	94468	135909	46485	456611
Услужение	67498	75882	85490	16007	244877	262454	162569	216585	71133	712741
Торговля	72712	32096	45899	33510	184217	297053	93947	158668	130825	680493
Духовное звание	21556	16961	42986	32803	114306	58055	27473	63329	52987	201844
Офицеры	12234	5766	9749	6341	34090	38976	11753	19619	14955	85303
Нижние чины	53735	23987	18744	5404	101870	248983	40856	31403	14833	336075
Служба гражданская	58488	22864	37506	22382	141240	144009	39718	67389	46680	297796
Служба частная	75866	41414	66550	28470	212300	562085	197048	345370	195325	1299828
Прочие занятия	147159	94671	134128	56256	432214	367778	145201	205972	111219	830170
Итого	769779	507677	711546	288692	2277694	344366	158662	2437409	114098	8608682

Источник: Ежегодник Министерства финансов. Вып.1899 г. Спб., 1900. С.539. Ежегодник Министерства финансов. Вып.1915 г. Пг., 1915. С.206-207

Таблица 34а. Распределение суммы вкладов в зависимости от его величины в 1897 и 1913 гг. (тыс.руб.)

Род занятий	1897					1913				
	до 25 руб	25-99	100-500	свыше 500	Всего	до 25 р.	25-100	100-500	св.500	Всего
Землевладение	57	222	1955	4431	6665	99,5	328,5	2551,4	6281,2	9260,6
Землед. и сел. промыслы	798	5702	33086	38084	77670	4928	32300,1	201705	241316	480248,8
Городские промыслы	592	3245	16699	18142	38678	2691,7	10896,2	65299,6	100640	179527,5
Фабр., зав. и рудники	212	1453	6827	5235	13727	996,6	5137,8	30754,1	35704,3	72592,8
Услужение	536	4200	17734	11651	34121	1600,3	9000,4	48678,1	53869	113147,8
Торговля	473	1715	10669	27085	39942	1716,6	5197,6	38061,4	104552	149527,3
Духовное звание	156	954	10605	25416	37131	379,6	1566,3	15560,8	41944,6	59451,3
Офицеры	83	310	2316	4936	7645	231,4	648,4	4739,4	11635,3	17254,5
Нижние чины	441	1216	3961	4046	9664	1519,9	2129,7	7134,6	11409,2	22193,4
Служба гражданская	334	1237	8959	17348	27878	781,0	2170,8	16700,7	36314,5	55967,0
Служба частная	474	2264	15179	21731	39648	3149,0	10768,7	82694,2	150026	246637,9

Прочие занятия	1031	5289	29960	43016	79296	2132,5	7666,5	48412,8	85815	144026,8
Итого	5187	27807	157950	221121	412065	20226,1	87811,0	562292,1	879507	1549836

Источник: см. таблицу 34.

Преобразование исходных данных дает, в частности, информацию, представленную в таблицах 35-37.

Вклады до 25 руб. я буду считать мелкими (1-я категория), 25-100 руб. – средними (2-я категория), 100-500 руб. средне-крупными (3-я категория), а более 500 руб. – крупными (5 категория).

Таблица 35. Распределение числа книжек по категориям вкладчиков в 1897 и 1913 гг. (%)

Род занятий	1897					1913				
	до 25 руб	25-99	100-500	свыше 500	Всего	до 25 р.	25-100	100-500	св.500	Всего
Землевладение	31,1	15,7	31,4	21,8	100	38,8	15,0	26,1	20,1	100
Землед.и сел.промыслы	28,5	24,1	35,6	11,8	100	29,5	22,6	35,3	12,6	100
Городские промыслы	37,5	23,3	29,9	9,3	100	46,1	17,2	25,3	11,4	100
Фабр., зав.и рудники	33,8	26,5	32,6	7,1	100	39,4	20,7	29,8	10,2	100
Услужение	27,6	31,0	34,9	6,5	100	36,8	22,8	30,4	10,0	100
Торговля	39,5	17,4	24,9	18,2	100	43,7	13,8	23,3	19,2	100
Духовное звание	18,9	14,8	37,6	28,7	100	28,8	13,6	31,4	26,3	100
Офицеры	35,9	16,9	28,6	18,6	100	45,7	13,8	23,0	17,5	100
Нижние чины	52,7	23,5	18,4	5,3	100	74,1	12,2	9,3	4,4	100
Служба гражданская	41,4	16,2	26,6	15,8	100	48,4	13,3	22,6	15,7	100
Служба частная	35,7	19,5	31,3	13,4	100	43,2	15,2	26,6	15,0	100
Прочие занятия	34,0	21,9	31,0	13,0	100	44,3	17,5	24,8	13,4	100
Итого	33,8	22,3	31,2	12,7	100	40,0	18,4	28,3	13,3	100

Источник: см. таблицу 34.

Таблица 36. Распределение сумм по категориям вкладчиков в 1897 и 1913 гг. (%)

Род занятий	1897					1913				
	до 25 руб	25-99	100-500	свыше 500	Всего	до 25 р.	25-100	100-500	св.500	Всего
Землевладение	0,86	3,3	29,3	66,5	100	1,07	3,5	27,6	67,8	100
Землед.и сел.промыслы	1,03	7,3	42,6	49,0	100	1,03	6,7	42,0	50,2	100
Городские промыслы	1,53	8,4	43,2	46,9	100	1,50	6,1	36,4	56,1	100
Фабр., зав.и рудники	1,54	10,6	49,7	38,1	100	1,37	7,1	42,4	49,2	100
Услужение	1,57	12,3	52,0	34,1	100	1,41	8,0	43,0	47,6	100
Торговля	1,18	4,3	26,7	67,8	100	1,15	3,5	25,5	69,9	100
Духовное звание	0,42	2,6	28,6	68,4	100	0,64	2,6	26,2	70,6	100
Офицеры	1,09	4,1	30,3	64,6	100	1,34	3,8	27,5	67,4	100
Нижние чины	4,56	12,6	41,0	41,9	100	6,85	9,6	32,1	51,4	100
Служба гражданская	1,20	4,4	32,1	62,2	100	1,40	3,9	29,8	64,9	100
Служба частная	1,20	5,7	38,3	54,8	100	1,28	4,4	33,5	60,8	100
Прочие занятия	1,30	6,7	37,8	54,2	100	1,48	5,3	33,6	59,6	100
Итого	1,26	6,7	38,3	53,7	100	1,31	5,7	36,3	56,7	100

Источник: см. таблицу 34.

Таблица 37. Величина среднего вклада на 1 книжку в 1897 и 1913 гг. (руб.).

Род занятий	1897					1913				
	до 25 руб	25-99	100-500	свыше 500	Всего	до 25 р.	25-100	100-500	св.500	Всего
Землевладение	7,1	54,5	239,7	782,0	256,7	6,5	55,3	246,4	789,4	233,6
Землед.и сел.промыслы	6,5	54,9	216,0	749,0	180,4	6,6	56,2	224,4	752,5	188,6
Городские промыслы	6,2	54,4	217,8	758,5	150,8	5,2	56,6	230,1	786,8	160,1
Фабр., зав.и рудники	6,3	55,1	210,2	738,6	137,8	5,5	54,4	226,3	768,1	159,0
Услужение	7,9	55,3	207,4	727,9	139,3	6,1	55,4	224,8	757,3	158,8
Торговля	6,5	53,4	232,4	808,3	216,8	5,8	55,3	239,9	799,2	219,7
Духовное звание	7,2	56,2	246,7	774,8	324,8	6,5	57,0	245,7	791,6	294,5
Офицеры	6,8	53,8	237,6	778,4	224,3	5,9	55,2	241,6	778,0	202,3
Нижние чины	8,2	50,7	211,3	748,7	94,9	6,1	52,1	227,2	769,2	66,0
Служба гражданская	5,7	54,1	238,9	775,1	197,4	5,4	54,7	247,8	777,9	187,9
Служба частная	6,2	54,7	228,1	763,3	186,8	5,6	54,7	239,4	768,1	189,7
Прочие занятия	7,0	55,9	223,4	764,6	183,5	5,8	52,8	235,0	771,6	173,5
Итого	6,7	54,8	222,0	765,9	180,9	5,9	55,3	230,7	770,8	180,0

Источник: см. таблицу 34

Из таблицы 35 следует, что за 1897-1913 гг. структура сбережений в стране серьезно изменяется, в первую очередь за счет значительного – с 33,8 до 40,0% - роста доли книжек с мелкими вкладами и по России в целом, и во всех буквально социальных слоях, причем в некоторых случаях весьма заметно. Если для сельских жителей этот рост составил 1%, для торговцев – 4,2 %, то для всех остальных «родов занятий» он колеблется в диапазоне 5,6-10,3%, а для нижних чинов даже 21,4%! Это безусловное свидетельство демократизации процесса сохранения доходов населением. Конечно, для понимания сопряженности социального статуса с материальным достатком небезынтересно знать, что в 1913 г. 15,4 тыс. землевладельцев, которым вскоре предстояло пасть жертвами черного передела» имели на сберкнижках менее 25 руб., равно, как и 39 тысяч офицеров императорской армии.

Соответственно росту доли книжек 1-й категории в 1913 г. повсеместно снижается доля книжек 2-й и 3-й, а у землевладельцев, лиц духовного звания, офицеров и гражданских служащих также и 4-й категории у (при росте, напомню, абсолютных показателей). Относительно снизилась и доля их вкладов. В остальных социальных группах процент книжек богатых клиентов увеличивается.

Сказанное с некоторыми исключениями относится и к распределению денежных средств внутри каждого слоя. У самых состоятельных вкладчиков во всех социальных слоях в 1913 г. денег стало больше чем в 1897 г. (таблица 36). То есть, богатые стали еще богаче и количественно и качественно. Однако в процесс сбережения доходов вовлечено теперь намного больше людей, которым есть что хранить на книжках.

Об этом же говорит и сопоставление средних размеров вкладов на одну книжку.

Таблица 38. Сопоставление средних вкладов на 1 книжку в 1897 и 1913 г. (руб.)

Род занятий	до 25 р.	25-100	100-500	св.500	Всего
Землевладение	-0,57	0,8	6,74	7,36	-23,11
Землед.и сел.промыслы	0,09	1,29	8,39	3,53	8,17
Городские промыслы	-0,95	2,22	12,27	28,3	9,26

Фабр., зав.и рудники	-0,79	-0,67	16,04	29,51	21,2
Услужение	-1,84	0,01	17,31	29,43	19,41
Торговля	-0,71	1,89	7,44	-9,09	2,91
Духовное звание	-0,74	0,77	-0,99	16,79	-30,3
Офицеры	-0,88	1,41	4,01	-0,41	-21,99
Нижние чины	-2,11	1,43	15,87	20,47	-28,83
Служба гражданская	-0,31	0,55	8,96	2,86	-9,44
Служба частная	-0,65	-0,02	11,35	4,79	2,99
Прочие занятия	-1,21	-3,07	11,68	6,94	-9,97
Итого	-0,84	0,57	8,71	4,89	-0,88

Источник: см. таблицу 34.

Средний вклад на 1 книжку в 1913 г. снижается на 88 коп. (таблица 38), однако детализация этого феномена весьма интересна для социальной истории конца XIX - начала XX вв.

Наибольшие приросты средних вкладов фиксируются у пролетариев – 21,2 руб. (!), у прислуги – 19,41 руб., городских ремесленников – 9,26 руб., крестьян – 8,17 руб., частных служащих – 2,99 руб. и лиц, занимавшихся торговлей – 2,91 руб. Эти группы населения, давшие наибольшие приросты числа вкладчиков (крестьяне – 2,1 млн.чел., частные служащие – 1,1 млн.чел., ремесленники – 865 тыс.чел., торговцы – 496 тыс.чел., прислуга – 468 тыс.чел., рабочие – 360 тыс.чел.). Здесь демократизация процесса сбережений была сопряжена с соответствующим притоком средств.

Представляется, что *эти данные – яркое свидетельство успеха модернизации С.Ю. Витте – П.А.Столыпина*. Представители данных социальных групп (за исключением прислуги) были *прямо* связаны с функционированием экономики страны, и рост их благосостояния – прямое доказательство успешного ее развития.

В то же время снижаются средние вклады гражданских служащих – на 9,44 руб., лиц свободных профессий – на 9,97 руб., офицеров – на 21,99 руб., землевладельцев – на 23,11 руб., нижних чинов – на 28,83 руб. и духовенства – на 30,3 руб. Эти социальные группы, напротив, дали наименьшие приросты книжек (лишь «прочие» опережают пролетариев – 398 тыс.чел., затем идут нижние чины – 234 тыс., чиновники – 157 тыс.чел., духовенство – 88 тыс.чел., офицеры – 51 тыс.чел. и землевладельцы – 14 тыс.чел.).

В этой группе довольно скромный рост числа вкладчиков не подкреплялся соответствующим увеличением денежной массы. В некотором смысле этого и не могло быть по определению. С одной стороны, число книжек у землевладельцев, чиновников, офицеров, духовенства априори ограничено «родом занятий», этих людей не может быть «слишком» много, притом, что у гражданских и военных чиновников доходы преимущественно должны были колебаться вокруг фиксированной и не очень большой зарплаты. Количественные резервы для роста числа книжек были у солдат, но они получали маленькое жалованье. Число лиц свободных профессий может расти неограниченно (оно и росло), но они никогда в массе не относились к преуспевающей категории населения.

При этом из таблицы 39 следует, что в 1913 г. наиболее состоятельные группы населения те же самые, что и в 1897 г. – духовенство, помещики, офицеры, но разрыв между ними и остальными группами сокращается. Если мы примем средний крестьянский вклад в 1897 и 1913 гг. за 100%, то средние вклады других социальных групп будут с ним соотноситься так, как это показано в таблице 40.

Таблица 39. Средний вклад на 1 книжку в 1897 и 1913 гг.

Род занятий	1897	Род занятий	1913
Духовное звание	324,8	Духовное звание	294,5
Землевладение	256,7	Землевладение	233,6
Офицеры	224,3	Торговля	219,7
Торговля	216,8	Офицеры	202,3
Служба гражданская	197,4	Служба частная	189,7
Служба частная	186,8	Землед.и сел.промыслы	188,6
Прочие занятия	183,5	Служба гражданская	187,9
Землед.и сел.промыслы	180,4	Прочие занятия	173,5
Городские промыслы	150,8	Городские промыслы	160,1
Услужение	139,3	Фабр., зав.и рудники	159,0
Фабр., зав.и рудники	137,8	Услужение	158,8
Нижние чины	94,9	Нижние чины	66,0

Источник: см. таблицу 34.

Таблица 40. Соотношение между средними вкладами сельских жителей (100%) и остальных категорий населения.

Род занятий	1897	Род занятий	1913
Духовное звание	180,1	Духовное звание	156,2
Землевладение	142,3	Землевладение	123,9
Офицеры	124,3	Торговля	116,5
Торговля	120,2	Офицеры	107,3
Служба гражданская	109,4	Служба частная	100,6
Служба частная	103,5	Землед.и сел.промыслы	100,0
Прочие занятия	101,7	Служба гражданская	99,7
Землед.и сел.промыслы	100,0	Прочие занятия	92,0
Городские промыслы	83,6	Городские промыслы	84,9
Услужение	77,2	Фабр., зав.и рудники	84,3
Фабр., зав.и рудники	76,4	Услужение	84,2
Нижние чины	52,6	Нижние чины	35,0

Источник: см. таблицу 34.

В 1897 г. крестьяне занимали 8-ю позицию из 12, а в 1913 г. - 6-ю, обогнав гражданских служащих и лиц свободных профессий. При этом средние вклады более состоятельных групп вкладчиков превосходят их теперь на меньшую величину (так, духовенства на 56,2% вместо 80,1%, помещиков – 23,9%, а не на 42,3%, офицеров – на 7,3% вместо 24,3% и т.д.), и одновременно к крестьянам приближаются пролетарии, прислуга и ремесленники.

Я, понятно, не исчерпал возможностей интерпретации приведенных выше таблиц, однако здесь мне важно подчеркнуть, что все указанные изменения свидетельствуют, прежде всего, о том, что идея сбережения достатков перешла ту грань, которая отделяет моду от повседневности, и это безусловный показатель прогресса психологии модерна.

В целом же несомненно снижение концентрации богатства в стране, его рассредоточение, что и происходит почти всегда, когда некое явление, в данном случае процесс сохранения заработанных материальных средств, становится достоянием все большего числа субъектов, «проникает в массы».

Ясно при этом, что мы наблюдаем процесс, который уже начался, так сказать, развернулся, но еще не набрал настоящего размаха. Однако, судя по вполне

обнадеживающей динамике данного процесса, эта стадия была не за горами.

Полагаю, все вышесказанное говорит также и о том, что в конце XIX - начале XX вв. в обществе начался процесс перераспределения доходов в пользу малоимущих категорий населения. Тут следует отметить, что данные за 1896/7 гг. дают картину, которая характеризует Россию, находившуюся в начале экономической модернизации, а сведения за 1913 г. описывают более высокий ее уровень.

Итак, статистика движения вкладов в сберкассах определенно свидетельствует не только о росте благосостояния населения Империи в конце XIX - начале XX вв., но и о позитивных изменениях в психологии этого населения.

Весьма интересен и гендерный аспект проблемы. В таблицах 41-43 приводятся данные о распределении книжек и вкладов между мужчинами и женщинами в 1896 и 1913 гг.

Таблица 41. Распределение книжек и вкладов (тыс.руб.) между мужчинами и женщинами в 1896 и 1913 гг.

Род занятий	1896 Год				1913 год			
	Мужчины		Женщины		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
	Книжек	сумма	книжек	сумма	книжек	сумма	книжек	Сумма
Землевладение	13627	3373	9808	2540	21335	4888,2	18304	4372,4
Землед.и сел.промыслы	205278	41391	161828	25046	1340503	268547,5	1206140	211701
Городские промыслы	139452	20084	82988	13104	690961	104671,3	430578	74856,2
Фабр., зав.и рудники	62429	8710	24285	3366	296728	46697,4	159883	25895,4
Услужение	80188	12680	133466	17149	217469	37163,6	495272	75984,2
Торговля	99991	19402	65153	15187	399405	82974,6	281088	66552,7
Духовное звание	52902	16660	52430	17225	103922	28823,7	97922	30627,6
Офицеры	20000	4371	12012	2976	56477	10592,2	28826	6662,3
Нижние чины	80160	7191	6894	1389	322068	19028,4	14007	3165
Служба гражданская	80194	15013	48645	10400	185105	32676,3	112691	23290,7
Служба частная	143221	25483	43738	8901	901594	162787,6	398234	83850,3
Прочие занятия	159196	26251	213960	41014	317987	43394,7	512183	100632
Итого	1136638	200609	855207	158297	4853554	842245,5	3755128	707590

Источник: Источник: Ежегодник Министерства финансов. Вып.1898 г. Спб., 1899. С.404-407 ; Ежегодник Министерства финансов. Вып.1915 г. Пг., 1915. С.206-207

Таблица 42. Приросты числа книжек и суммы вкладов (тыс.руб. и %)

Род занятий	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	книжек	сумма	Книжек	сумма	Книжек %	Сумма %	Книжек %	Сумма %
Землевладение	7708	1515,2	8496	1832,4	156,6	144,9	186,6	172,1
Землед.и сел.промыслы	1135225	227157	1044312	186655,3	653,0	648,8	745,3	845,2
Городские промыслы	551509	84587,3	347590	61752,2	495,5	521,2	518,8	571,2
Фабр., зав.и рудники	234299	37987,4	135598	22529,4	475,3	536,1	658,4	769,3
Услужение	137281	24483,6	361806	58835,2	271,2	293,1	371,1	443,1
Торговля	299414	63572,6	215935	51365,7	399,4	427,7	431,4	438,2

Духовное звание	51020	12163,7	45492	13402,6	196,4	173,0	186,8	177,8
Офицеры	36477	6221,2	16814	3686,3	282,4	242,3	240,0	223,9
Нижние чины	241908	11837,4	7113	1776	401,8	264,6	203,2	227,9
Служба гражданская	104911	17663,3	64046	12890,7	230,8	217,7	231,7	223,9
Служба частная	758373	137305	354496	74949,3	629,5	638,8	910,5	942,0
Прочие занятия	158791	17143,7	298223	59618,1	199,7	165,3	239,4	245,4
Итого	3716916	641637	2899921	549293,2	427,0	419,8	439,1	447,0

Источник: см. таблицу 41.

Таблица 43. Распределение книжек и вкладов между мужчинами и женщинами по «родам занятий» (%)

Род занятий	1896		1913		1896		1913		прирост Женщины	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщин	Мужчины	Женщины	книжек	сумма
	книжек	книжек	книжек	книжек	сумма	сумма	сумма	сумма	книжек	сумма
Землевладение	58,1	41,9	53,8	46,2	57,0	43,0	52,8	47,2	4,3	4,3
Землед. и сел. промыслы	55,9	44,1	52,6	47,4	62,3	37,7	55,9	44,1	3,3	6,4
Городские промыслы	62,7	37,3	61,6	38,4	60,5	39,5	58,3	41,7	1,1	2,2
Фабр., зав. и рудники	72,0	28,0	65,0	35,0	72,1	27,9	64,3	35,7	7,0	7,8
Услужение	37,5	62,5	30,5	69,5	42,5	57,5	32,8	67,2	7,0	9,7
Торговля	60,5	39,5	58,7	41,3	56,1	43,9	55,5	44,5	1,9	0,6
Духовное звание	50,2	49,8	51,5	48,5	49,2	50,8	48,5	51,5	-1,3	0,7
Офицеры	62,5	37,5	66,2	33,8	59,5	40,5	61,4	38,6	-3,7	-1,9
Нижние чины	92,1	7,9	95,8	4,2	83,8	16,2	85,7	14,3	-3,8	-1,9
Служба гражданская	62,2	37,8	62,2	37,8	59,1	40,9	58,4	41,6	0,1	0,7
Служба частная	76,6	23,4	69,4	30,6	74,1	25,9	66,0	34,0	7,2	8,1
Прочие занятия	42,7	57,3	38,3	61,7	39,0	61,0	30,1	69,9	4,4	8,9
Итого	57,1	42,9	56,4	43,6	55,9	44,1	54,3	45,7	0,7	1,6

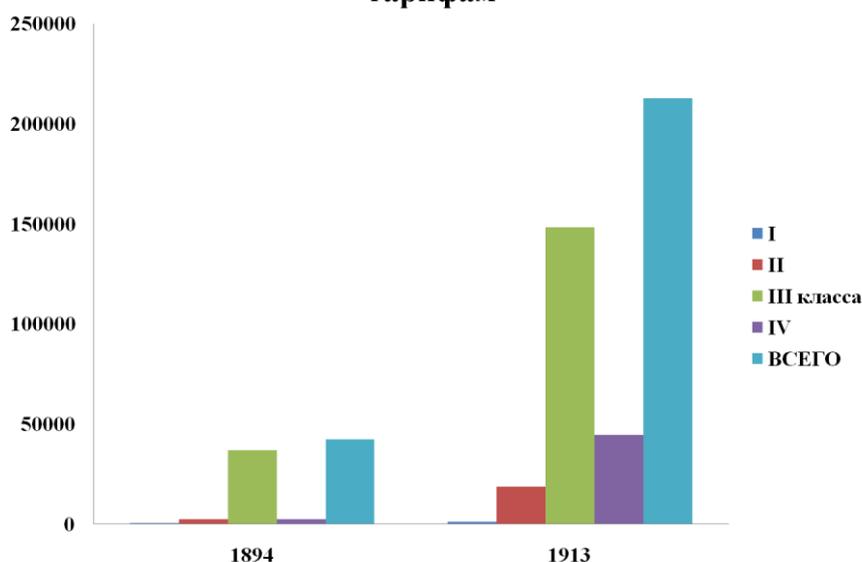
Источник: см. таблицу 41.

Таблицы 41-43 убедительно показывают, что доля сберкнижек, принадлежащих женщинам, и их вкладов растет для всех социальных категорий, кроме представителей лиц духовного звания, офицеров и нижних чинов. И это тоже безусловный и важный показатель успеха модернизации.

* * *

В контексте рассматриваемой темы заслуживают внимания данные еще одного не вполне традиционного источника – статистики пассажирского движения по железным дорогам. Мобильность населения – важный показатель степени модерности общества, значимость которого для России тем выше, что еще в 1906 г. передвижение населения по стране было ограничено.

Число поездок по общему и пригородному тарифам

Железные дороги давно стали обыденностью, и поэтому нам сейчас уже не так просто представить, как они изменили жизнь человечества полтора века назад, сократив расстояния на порядки. Но вот два эпизода из жизни человека, увековечившего любовь русских к быстрой езде, которая (любовь) как бы получает дополнительный стимул в виде скверного состояния дорог. Н.В. Гоголь однажды 10 октября выехал из Курска и, «отчаянно спеша», 21 октября прибыл в Москву. Сейчас даже при черепаших скоростях наших электровозов, которые в среднем ездят с той же скоростью, что и паровозы сто лет назад, этот путь занимает 9 часов. Летом 1832 г. он «безостановочно» ехал из Петербурга до Москвы 4 дня и 7-8 дней от Москвы до Малороссии²⁰⁵. До строительства железных дорог рекордсменами в скорости передвижения по Империи были, видимо, фельдъегеря Николая I, делавшие 300—350 верст (от Москвы до Орла 300 верст, до Смоленска – 373 версты) в сутки «со страшным напряжением сил и опасностью для жизни».²⁰⁶

Воздействие железных дорог в России проявлялось многообразно и разнопланово и во многом шире, чем на Западе. Ведь только Европейская Россия до Урала составляла не менее половины европейского континента. Например, девять губерний, в основном составляющих современную Украину, по площади превосходят современную же Испанию (на «целый» нынешний Ливан).

Так что масштабы переворота, произведенного в жизни России и ее жителей с постройкой железнодорожных путей, сделавших страну «меньше», а время «короче» были громадны. И все же их потенциал использовался недостаточно, пока в 1889 г. вновь созданный в Министерстве финансов Департамент железнодорожных дел не возглавил С.Ю. Витте, с именем которого связаны радикальные перемены в истории русских железных дорог. Именно он провел в жизнь тарифную реформу, программа которой была разработана им в монографии «Принципы железнодорожных тарифов»²⁰⁷, изданной еще в 1881 г., когда он и не подозревал, что будет государственным служащим. В ней Витте доказывал, что разумно построенная тарифная политика в самой большой стране мира

²⁰⁵ Энциклопедический словарь Гранат, том 20, стлб. 10.

²⁰⁶ Курукин И.В. Бирон. М., 2006. С.227-228.

²⁰⁷ Витте С.Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. Собрание сочинений и документальных материалов. М., 2002. Том 1, книга первая. С.109-383.

может стать как действенным фактором ее интеграции, так и мощным инструментом ее экономического и социального развития.

Сначала были преобразованы грузовые тарифы²⁰⁸, а с 1891 г. Департамент стал готовить реформу пассажирских тарифов²⁰⁹.

Пассажирское движение априори было мало доходно в сравнении с грузовым, и считается, что железные дороги вообще не имели серьезных стимулов к его развитию.²¹⁰ Платы за перевозку рассчитывались по достаточно высоким ставкам, составлявшим с пассажира и версты для I класса 3 коп., для II класса – 2,5 коп. и для III кл. – 1, 25 коп. При этом скидки с поперстного тарифа за расстояние проезда не предусматривались, т.е. железным дорогам было неважно, куда едет человек – в Тулу или в Симферополь – тарифная ставка просто умножалась на протяженность пути. С 1879 г. к провозной плате, вычисленной таким образом, прибавлялся государственный сбор в размере 25% нормальной платы для I и II классов и 15% для III класса. В итоге ставки тарифа увеличивались до 3,75 коп. с пассажира и версты для I класса, 2,8125 коп. для II класса и 1,4375 коп. для III класса (на Николаевской, Закавказской и Закаспийской дорогах действовали свои тарифные схемы).²¹¹

Кроме общего нормального тарифа применялись специальные (особые) пониженные тарифы – тариф IV класса для рабочих, воинский тариф, тарифы для переселенцев, для учащихся, для участников различных съездов и выставок, для поездок на минеральные воды и в кумысолечебные заведения, а также для обратных поездок и, наконец, тарифы для пригородного проезда по билетам разовым, обратным и абонементным (они выдавались на определенное число поездок, а также на определенные сроки: на год, на летний сезон, на один или несколько месяцев).

В целом пассажирское движение развивалось куда менее успешно, чем грузовое. За 10-летие 1882-1891 гг. рельсовая сеть страны возросла на 28,1%; число перевезенных пудов верст грузов малой скорости увеличилось на 64,6% и на столько же – выручка от грузового движения. В то же время количество пассажироверст, сделанных пассажирами всех трех классов, и выручка от этой перевозки увеличились лишь на 15,9%, причем число пассажироверст I класса возросло на 0,8%, III класса – на 16,7%, а число пассажироверст II класса уменьшилось на 12,5%. За те же годы количество пудов верст, пройденных грузами, и выручка от грузового движения на версту сети выросли на 24,1%, а число пассажироверст и выручка от пассажирского движения сократились на 9,6%, причем для I класса – на 22,6%, для II класса – 30,8%, для III класса – на 5,8%.²¹²

Вот несколько важных характеристик пассажирского движения до 1894 г.

Свыше 50% всех пассажиров ездили не далее как на 50 верст, а около 94% – на 300 верст (ровно от Москвы до Орла!). То есть, несмотря на огромные пространства России, лишь 6% всех пассажиров путешествовали на расстояния, превышающие 300 верст, причем две трети этого числа приходилось на протяжение от 300 до 600 верст (Петербург-Москва), а на все остальные расстояния приходилось лишь около 2% пассажиров. При этом 88% всех классных пассажиров ездило в III классе, около 7% – во II классе, а I классе – менее 1,5%.²¹³

Пассажирские вагоны, особенно высших классов, утилизировались неудовлетворительно – в среднем занималось менее 36% числа предлагаемых мест.

Основной причиной медленного развития перевозок пассажиров (и притом на коротких протяжениях), а также постепенного понижения и без того незначительных

²⁰⁸ Давыдов М.А. Всероссийский рынок... С.80-142

²⁰⁹ Краткий очерк о деятельности тарифных учреждений и Департамента железнодорожных дел за 1889-1913 гг. Спб., 1914. С.72.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ По вопросу об изменении действующего пассажирского тарифа. Спб., 1907. С.1-4

²¹² Там же, С.4-5

²¹³ Там же, С.5

размеров среднего проезда и средней выручки была конструкция общего пассажирского тарифа, при котором пассажир платил за поездку по одинаковой ставке вне зависимости от расстояния пробега.

Между тем масштабы России и потребности ее модернизации настоятельно диктовали необходимость облегчения условий перевозок пассажиров на средних и дальних расстояниях. В основе реформы пассажирского движения лежала идея *удешевления стоимости проезда* с целью привлечения максимально возможного числа клиентов. Как и другие тарифные реформы С.Ю. Витте, она строилась на системе дифференциального тарифа, при котором стоимость проезда постепенно относительно понижалась по мере увеличения расстояния. Статистика показывала, что при старом тарифе даже на расстояниях от 200 до 300 верст начиналось сильное падение числа пассажиров, и было решено удешевить проезд уже на этих пробегах.

Понижение ставок начиналось со 160-ти верст. Новый тариф было решено построить так, чтобы на протяжении 600 верст (Петербург – Москва) снизить его до уровня действовавшего до 1873 г старого тарифа Николаевской железной дороги, который для III класса равнялся 6 руб., а на дальнейших расстояниях, начиная с 1000 верст, достичь понижения действующего тарифа примерно в два раза.²¹⁴ Особенность нового тарифа состояла также и в том, что теперь государственный сбор, установленный в едином размере 15% для всех трех классов, включался в провозные платы.

Одной из задач реформы было увеличение использования вагонов II класса, «от которого публика в известной степени уже отвыкла», поэтому тариф II класса был заметно снижен и стал более разумно соотноситься с тарифом III класса. К тому же это облегчало расчеты с пассажирами в тех нередких случаях, когда во время пути они переходили из вагонов низшего класса в вагоны более высокого класса.

До реформы соотношение провозных плат III, II и I класса выражалось, как 1:1,95:2,6, а по новому тарифу оно составляло 1:1,5:2,5. Масштаб произведенного понижения цен можно оценить по данным таблицы 44.

Таблица 44. Размеры понижения провозных плат по новому тарифу в сравнении с прежним (%).

Пробег, верст	III класс	II класс	I класс
500	28	45	31
1000	41	55	44
2000	52	66	57
3000	61	70	62

Источник: Министерство финансов. 1802-1902. Спб., 1902. ч.2, С.571

Важно отметить, что если раньше для двух первых классов цена детского билета составляла половину взрослого билета, то с этого времени – четверть, причем для всех трех классов. О тарифе IV класса я скажу чуть позже.

Новый общий тариф был введен с 1 декабря 1894 г., и таблица 50 показывает, что уже в 1895 г. среднее динамическое расстояние проезда по русским железным дорогам увеличилось со 105 до 158 верст, т.е. в полтора раза!

Однако реформа на этом не закончилась. Хотя на расстоянии до 160 верст ставка общего пассажирского тарифа осталась без изменения, было решено оживить сообщение не только губернских, но и многих уездных городов с их окрестностями. Поэтому с начала 1895 г. были установлены особые пониженные пригородные тарифы (трех классов): разовые, обратные, абонементные (например, на 10, 15, 20 поездок), месячные, сезонные (на 4 месяца), годовые. Эти пригородные тарифы рассматривались как своего рода корректив к общему пассажирскому тарифу, размер которого считался все же

²¹⁴ Там же, С.7-8

недостаточно пониженным на коротких расстояниях. Ездить по ним было дешевле, чем по общему тарифу – по разовым и обратным билетам – на 25-40%, по месячным билетам – на 44-75%, по сезонным – на 51-80%, а по годовым – на 72-86%.

В 1896 г. стоимость разовых билетов III класса стала равна 1 коп. с пассажира и версты, и это понизило почти на 30% цену билета в сравнении с общим тарифом (в 1899 г. – 37%). Одновременно учащиеся могли покупать сезонные, месячные и годовые билеты за 50% платы. К концу 1901 г. пригородные тарифы действовали в районе 82 городов²¹⁵. О развитии пригородного сообщения можно судить по данным таблицы 48, фиксирующим огромный его рост. Если брать за точку отсчета 1897 г., то общее число поездок выросло к 1913 г. в 2,7 раза, а с 1896 г. – в 4,6 раза. Реально это свидетельствует, конечно, не только о росте числа дачников, но и об облегчении передвижения десятков тысяч крестьян, работавших в близлежащих городах.

Из сказанного, в частности, следует, что в таблицах 45 и 46 в данные о числе поездок и числе пассажиров за 1894 г. включены и сведения о пригородном проезде. Таким образом, сведения за этот год могут быть точкой отсчета для суждений об эффективности новаций только, если мы суммируем поездки по общему и пригородному тарифу, начиная с 1895 г., как это сделано в таблице 45.

Таблица 45. Число поездок по общему и пригородному тарифам в 1894-1913 гг. (тыс.).

Г о д ы	Число поездок					Доля каждого класса в общем итоге (%)				
	I класс а	II класс а	III класса	IV класс а	ВСЕГО	I класс а	II класс а	III класс а	IV класс а	ВСЕГО
1894	449	2648	36880	2489	42466	1,06	6,2	86,8	5,9	100
1895	654	4323	38452	2782	46211	1,42	9,4	83,2	6,0	100
1896	989	5066	42423	3004	51482	1,92	9,8	82,4	5,8	100
1897	843	6219	49114	3486	59662	1,41	10,4	82,3	5,8	100
1898	892	7045	55501	4076	67514	1,32	10,4	82,2	6,0	100
1899	1053	8166	62207	4278	75704	1,39	10,8	82,2	5,7	100
1900	1155	8842	66765	4368	81130	1,42	10,9	82,3	5,4	100
1901	1262	10020	72968	5825	90075	1,40	11,1	81,0	6,5	100
1902	1205	10416	77600	6042	95263	1,26	10,9	81,5	6,3	100
1903	1246	10901	81891	7102	101140	1,23	10,8	81,0	7,0	100
1904	1172	10845	82808	7726	102551	1,14	10,6	80,7	7,5	100
1905	1029	10209	76567	7561	95366	1,08	10,7	80,3	7,9	100
1906	1059	11136	84736	8625	105556	1,00	10,5	80,3	8,2	100
1907	1145	12092	92815	11475	117527	0,97	10,3	79,0	9,8	100
1908	974	11364	98143	16000	126481	0,77	9,0	77,6	12,7	100
1909	732	9606	105562	20577	136477	0,54	7,0	77,3	15,1	100
1910	840	11507	115135	25893	153375	0,55	7,5	75,1	16,9	100
1911	1043	14536	125743	32139	173461	0,60	8,4	72,5	18,5	100
1912	1153	16589	135366	36979	190087	0,61	8,7	71,2	19,5	100
1913	1223	18778	148150	44540	212691	0,58	8,8	69,7	20,9	100

Источник: "Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам" за 1913 г. вып.52, СПб., 1915. С.4.

Таблица 46. Количество поездок взрослых пассажиров I, II, III и IV класса по общему тарифу за 1894-1913 гг. (тыс.)

²¹⁵ Министерство финансов. 1802-1902. СПб., 1902. ч.2, С.571

Годы	Число поездок					Доля каждого класса в общем итоге (%)				
	I класса	II класса	III класса	IV класса	ВСЕГО	I класса	II класса	III класса	IV класса	ВСЕГО
1894	449	2648	36880	2489	42466	1,1	6,2	86,8	5,9	100
1895	488	3373	32295	2782	38938	1,3	8,7	82,9	7,1	100
1896	461	3233	28554	3004	35252	1,3	9,2	81,0	8,5	100
1897	444	3046	25671	3486	32647	1,4	9,3	78,6	10,7	100
1898	492	3453	28228	4076	36249	1,4	9,5	77,9	11,2	100
1899	565	3881	31388	4278	40112	1,4	9,7	78,3	10,7	100
1900	572	4126	32893	4368	41959	1,4	9,8	78,4	10,4	100
1901	587	4267	34364	5656	44874	1,3	9,5	76,6	12,6	100
1902	584	4516	37132	5915	48147	1,2	9,4	77,1	12,3	100
1903	606	4936	40105	7102	52749	1,1	9,4	76,0	13,5	100
1904	569	4927	41160	7726	54382	1,0	9,1	75,7	14,2	100
1905	508	4831	39844	7561	52744	1,0	9,2	75,5	14,3	100
1906	523	5424	45459	8625	60031	0,9	9,0	75,7	14,4	100
1907	577	5963	50387	11475	68402	0,8	8,7	73,7	16,8	100
1908	552	5823	55539	16000	77914	0,7	7,5	71,3	20,5	100
1909	504	5647	65405	20577	92133	0,5	6,1	71,0	22,3	100
1910	563	6487	70296	25893	103239	0,5	6,3	68,1	25,1	100
1911	682	7836	75075	32139	115732	0,6	6,8	64,9	27,8	100
1912	735	8603	79827	36979	126144	0,6	6,8	63,3	29,3	100
1913	758	9296	85596	44540	140190	0,5	6,6	61,1	31,8	100

Источник: "Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам" за 1913 г. вып.52, СПб., 1915. С.3

Таблица 47. Выручка от перевозки взрослых пассажиров I, II, III и IV классов по общему тарифу за 1894-1913 гг. (тыс.руб.)

Год	Выручка от перевозки взрослых пассажиров					Доля каждого класса в общем итоге (%)				
	I класса	II класса	III класса	IV класса	ВСЕГО	I класса	II класса	III класса	IV класса	ВСЕГО
1894	3565	9580	43317	3811	60273	5,9	15,9	71,9	6,3	100
1895	3877	11753	43049	2697	61376	6,3	19,1	70,1	4,4	100
1896	4145	11982	41862	2829	60818	6,8	19,7	68,8	4,7	100
1897	4726	12778	39786	3095	60385	7,8	21,2	65,9	5,1	100
1898	4898	14522	45224	3500	68144	7,2	21,3	66,4	5,1	100
1899	5507	16603	50224	3852	76186	7,2	21,8	65,9	5,1	100
1900	5570	17945	54051	3649	81215	6,9	22,1	66,6	4,5	100
1901	5536	18857	55683	4150	84226	6,6	22,4	66,1	4,9	100
1902	5708	19961	58400	4513	88582	6,4	22,5	65,9	5,1	100
1903	5818	21656	62834	5406	95714	6,1	22,6	65,6	5,6	100
1904	5445	21652	63199	5175	95471	5,7	22,7	66,2	5,4	100
1905	4864	21256	61883	5745	93748	5,2	22,7	66,0	6,1	100

5										
190					10441					
6	5121	24098	68320	6873	2	4,9	23,1	65,4	6,6	100
190					11310					
7	5795	26594	71690	9027	6	5,1	23,5	63,4	8,0	100
190					12815					
8	6153	28468	80780	12755	6	4,8	22,2	63,0	10,0	100
190					14483					
9	6044	29176	94395	15215	0	4,2	20,1	65,2	10,5	100
191					15516					
0	5707	28759	102723	17976	5	3,7	18,5	66,2	11,6	100
191					16892					
1	6973	33254	106823	21870	0	4,1	19,7	63,2	12,9	100
191					17912					
2	7560	36086	111514	23966	6	4,2	20,1	62,3	13,4	100
191					19531					
3	7852	38192	120670	28601	5	4,0	19,6	61,8	14,6	100

Источник: "Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам" за 1913 г. вып.52, СПб., 1915. С.7

Таблица 48. Количество поездок взрослых пассажиров I, II и III класса по пригородным тарифам за 1894-1913 гг. (тыс.)

Год	Число поездок				Доля каждого класса (%)			
	I класс	II класс	III класс	ВСЕГО	I класс	II класс	III класс	ВСЕГО
1894	ПОЕЗДОК ПО ПРИГОРОДНЫМ ТАРИФАМ НЕ БЫЛО							
1895	166	949	6157	7272	2,3	13,1	84,7	100
1896	228	1834	13869	15931	1,4	11,5	87,1	100
1897	398	3173	23443	27014	1,5	11,7	86,8	100
1898	400	3591	27273	31264	1,3	11,5	87,2	100
1899	488	4284	30820	35592	1,4	12,0	86,6	100
1900	583	4716	33872	39171	1,5	12,0	86,5	100
1901	675	5753	38604	45032	1,5	12,8	85,7	100
1902	621	5900	40468	46989	1,3	12,6	86,1	100
1903	640	5965	41786	48391	1,3	12,3	86,4	100
1904	604	5918	41647	48169	1,3	12,3	86,5	100
1905	520	5378	36723	42621	1,2	12,6	86,2	100
1906	535	5712	39278	45525	1,2	12,5	86,3	100
1907	568	6129	42428	49125	1,2	12,5	86,4	100
1908	422	5541	42604	48567	0,9	11,4	87,7	100
1909	228	3959	40157	44344	0,5	8,9	90,6	100
1910	277	5020	44839	50136	0,6	10,0	89,4	100
1911	361	6700	50668	57729	0,6	11,6	87,8	100
1912	418	7986	55539	63943	0,7	12,5	86,9	100
1913	465	9482	62554	72501	0,6	13,1	86,3	100

Источник: "Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам" за 1913 г. вып.52, СПб., 1915. С.3

Представление о социальной ориентированности тарифной политики правительства будет неполным без учета того, что в 1893 г. был издан специальный закон о льготных перевозках, следствием которого стало появление целого ряда льготных тарифов пассажирского и смешанного движения, и для грузовой транспортировки. В их числе:

- тариф 1894 г., по которому Российский Красный Крест стал бесплатно перевозить медицинский персонал, санитарные отряды и медикаменты, которые он отправлял для борьбы с неурожаями, эпидемиями и помощи пострадавшим;
- тариф 1895 г. для учащихся при поездках на экскурсии и в санатории;
- тариф 1896 г. для слепых и больных глазами;
- тариф 1897 г. для перевозки пожарных команд и обозов;
- тариф 1898 г. для переселенцев, ходоков и их кладь, по которому они получили право проезда по детскому билету III класса;
- тариф 1900 г. для летучих глазных отрядов;
- тариф 1901 г. для больных и слабосильных воспитанников учебных заведений и для детей, призываемых благотворительными заведениями;
- тариф 1901 г. для лиц, укушенных бешеными животными, душевнобольных и больных проказой;
- тариф 1894 г. для съездов и выставок;
- тариф 1899 г. на перевозку строительных и других материалов для строительства или ремонта церквей;
- тариф 1901 г. на перевозку картин, принадлежащих различным русским обществам и товариществам художников, и целый ряд других тарифов.²¹⁶

1 января 1899 г. было открыто правильное движение на всем протяжении от Челябинска до Иркутска, и на Сибирскую железную дорогу было распространено действие общих пассажирских тарифов. Тут были уже совсем другие расстояния, чем те, из которых исходили при введении тарифа 1894 г., и рассчитанные тогда платы не могли покрыть эксплуатационные расходы железных дорог. Поэтому тариф был разумно скорректирован.²¹⁷

Введенные в 1894 г. общие тарифы просуществовали без существенных изменений до 1904 г., когда было решено в виду неблагоприятного финансового положения железных дорог (пассажирские перевозки, по расчету МФ, были убыточными) несколько повысить выручку железных дорог «без существенного обременения пассажиров»²¹⁸.

В 1904 г. были пересмотрены пригородные тарифы казенных железных дорог. Во многом это произошло потому, что тогда, как и сейчас, пригородные поезда (с пересадками) оказалось возможным использовать как альтернативу поездам дальнего следования – пригородный тариф одного города на какой-либо станции встречался с пригородным же тарифом другого города, и их сумма была меньше нормального общего тарифа между этими двумя городами. Это касалось, например, сообщения Петербурга с Тверью и Псковом, Харькова с Полтавой, Вильны с Минском и т.д. Понятно, что дороги такое положение не устраивало. Были изменены все пригородные сообщения, кроме тех, которые действительно помогали расселению горожан на круглый год или на летнее дачное время (в этих случаях тариф остался прежним). В остальных же сообщениях пригородный тариф был или отменен или повышен. Сделано это было, однако, достаточно осторожно – цены билетов выросли не более чем на 20-30 коп. с пассажира III класса. Мера эта введена в действие с 1 января 1905 г.²¹⁹, и поэтому по данным таблицы 48 сложно судить о ее эффективности – революция нарушила нормальную жизнь страны.

²¹⁶ Там же, С.576

²¹⁷ По вопросу об изменении ... С.14-16

²¹⁸ Краткий очерк о деятельности ... С...73-74

²¹⁹ По вопросу об изменении ...с 18-19

Во всяком случае, только в 1907 г. число пассажиров пригородных поездов превысило уровень 1904 г.

В 1903 г. по почину Особого Сопровождающего С.Ю. Витте началось рассмотрение вопроса о пассажирском тарифе IV класса для рабочих, который использовался на всех казенных дорогах и на большинстве частных, однако, с большими ограничениями. Его применение в значительной степени зависело от усмотрения отдельных дорог, почему им и пользовались сравнительно небольшое число пассажиров. Преобладающая ставка для этого тарифа была 0,75 коп. с пассажира и версты, причем государственный сбор не взимался.

Условия применения тарифа IV класса, как в отношении выдаваемых на проезд документов, так и в отношении количественного состава партий рабочих (сельскохозяйственных и фабрично-заводских) сильно различались. Считается, что по нему ездили рабочие, главным образом партиями не менее 40 человек, по накладным. Единичные же билеты IV класса выдавались только на тех дорогах, где имелись специальные рабочие поезда, или же регулярно ставились вагоны для рабочих в постоянные товарные (малой скорости), товарно-пассажирские и даже в почтовые поезда (Юго-Западные ж.д.). Вагоны могли быть простыми товарными, или специально оборудованными товарными, и даже вагонами III класса.

Местные сельскохозяйственные комитеты, занимавшиеся проблемой упорядочения отхожих промыслов, считали, что тариф IV класса слишком высок для бюджета рабочих, отправлявшихся на заработки. Поэтому рабочие-отходники нередко были вынуждены отказываться от поездок по железной дороге и совершать далекие переходы пешком.

При составлении проекта тарифа IV класса Департамент железнодорожных дел, исходя из реальной статистики движения и фактических перевозок рабочих по поясам пробега, хотел установить такую схему, которая не давала бы железным дорогам ни убытка, ни особой выгоды. Для IV класса была спроектирована поясная тарифная схема, аналогичная строю действующего тарифа I-III классов. Соотношение между тарифами теперь выглядело так: IV:III:II:I как 0,5:1:1,5:2,5. При этом из платы I, II, и III классов дороги по-прежнему обязаны были отчислять в казну государственный сбор в 15%; плата же по тарифу IV класса полностью поступала в доход железных дорог, так как пассажиры IV класса государственным сбором не облагались. Дети в возрасте до пяти лет следовали при пассажирах IV класса бесплатно, за детей от 5 до 10 лет платилась четверть цены взрослого билета, после 10 лет покупался полный билет. Новый тариф IV класса вступил в действие с 15 марта 1904 г.²²⁰

Пересмотр тарифов I-III классов тянулся несколько лет. Введенный с 1 Июля 1908 г. новый пассажирский тариф повышал платы для пассажиров всех трех классов. При этом для пассажиров III кл. повышение было относительно умеренным, достигавшим на расстояниях до 1555 верст около 40 коп. и не превышавшим 1 рубля на более дальних пробегах. Соотношение же между стоимостью билетов каждого из высших классов стало теперь таким: вместо 1:1,5:2,5, было установлено 1:1,75:3 – соответственно для III-го, II-го и I классов.

Опыт применения новых тарифов вскоре показал, что по отношению к пассажирам III класса принятое повышение цены билетов оказалось целесообразным, а высокая стоимость билетов высших классов сократила количество пассажиров I и II класса, часть которых, безусловно, из I-го класса перешла во II-й, а из II-го в III-й.

Департамент железнодорожных дел отреагировал оперативно, и с 1 Июля 1910 г. вернулась прежняя пропорция между отдельными классами – 1:1,5:2,5. Результаты перемен применительно к отдельным городам Империи можно видеть в таблице 49, а сопоставление ее данных с таблицей 47 позволяет оценить эту ситуацию в целом.

²²⁰ Там же, С.3-4, 12-13, 16-18

Таблица 49. Стоимость пассажирских билетов от станции Москва-Николаевская по тарифам 1894, 1908 и 1910 гг. (руб).

До станций	1907				1908				IV класса	1910		
	верст	I класса	II класса	III класса	I класса	II класса	III класса	I класс		II класс	III класс	
Петербург	610	15,00	9,00	6,00	19,20	11,20	6,40	3,20	16,00	9,60	6,40	
Одесса	1409	26,00	15,60	10,40	32,40	18,90	10,80	5,40	27,00	16,20	10,80	
Киев	795	18,00	10,80	7,20	22,80	13,30	7,60	3,80	19,00	11,40	7,60	
Ниж.Новгород	410	11,50	6,90	4,60	15,00	8,75	5,00	2,50	12,50	7,50	5,00	
Саратов	784	18,00	10,80	7,20	22,80	13,30	7,60	3,80	19,00	11,40	7,60	
Екатеринослав	1019	22,50	13,50	9,00	26,40	15,40	8,80	4,40	22,00	13,20	8,80	
Харьков	722	17,00	10,20	6,80	21,60	12,60	7,20	3,60	18,00	10,80	7,20	
Самара	997	21,00	12,60	8,40	26,40	15,40	8,80	4,40	22,00	13,20	8,80	
Ростов	1132	22,50	13,50	9,00	28,20	16,45	9,40	4,70	23,50	14,10	9,40	
Варшава	1205	23,50	14,10	9,40	29,40	17,15	9,80	4,90	24,50	14,70	9,80	
Вильно	893	19,50	11,70	7,80	24,60	14,35	8,20	4,10	20,50	12,30	8,20	
Рига	861	19,00	11,40	7,60	24,00	14,00	8,00	4,00	20,00	12,00	8,00	
Владикавказ	1791	30,00	18,00	12,00	37,80	22,05	12,60	6,30	31,50	18,90	12,60	
Владимир	177	6,13	3,68	2,45	7,71	4,50	2,57	1,29	6,43	3,86	2,57	
Коканд	3443	49,00	29,40	19,60	61,80	36,05	20,60	10,30	51,50	30,90	20,60	
Тамбов	435	12,00	7,20	4,80	15,60	9,10	5,20	2,60	13,00	7,80	5,20	

Источник: Настольная справочная книга пассажира по перевозкам пассажиров, багажа и грузов с пассажирскими и товарными поездами. СПб., 1907; То же, СПб., 1910; То же, СПб., 1913

Новый тариф был введен с 1 июля 1908 г., отменен с 1 июля 1910 г., и, соответственно, действие перемен в чистом виде проявилось в 1909 и 1911 гг.

Как можно видеть, в 1907 г. выручка от проезда пассажиров I класса составила 5795 тыс.руб., в 1909 г. – 6044 тыс.руб., а в 1911 г. – 6973 тыс.руб (таблица 47). В 1907 г. билет I класса из Москвы до Петербурга стоил 15,00 руб., в 1909 г. – 19,2 руб., в 1911 г. – 16 руб. (таблица 49). Следовательно, в 1907 г. по этому маршруту в I классе могли проехать 386 тыс. условных пассажиров, в 1909 г. – 314,8 тыс. (почти на 20% меньше), а в 1911 г. – 435,8 тыс. Аналогичные расчеты для пассажиров II класса дают такие цифры — 2954 тыс. билетов в 1907 г., 2605 тыс. в 1909 г. и 3464 тыс. в 1911 г.

В этом сюжете привлекательна не только быстрая реакция правительства, но и то, что ее основе лежала забота о пассажирах – ведь число поездок I-III классов увеличивалось, равно, как и суммарная выручка от них (таблицы 46 и 47). Но Департамент железнодорожных дел видел перспективу, и нашел приемлемый компромисс, понизив стоимость билетов I-II классов, устранив психологический дискомфорт, столь знакомый многим из нас по личному опыту передвижений, и сделав для десятков тысяч людей поездки более психологически приемлемыми.

В какой мере изменилась картина пассажирского движения за предвоенное 20-летие?

Таблицы 45, 46 и 48 показывают, что в целом жители России стали ездить намного больше В 1894 г. при 120 млн. жителей страны приходилось 42,5 млн. поездок (в сумме по общему и пригородным тарифам), в 1897 г. при 126,4 млн.чел. – 59,7 млн.поездок, а в 1913 г. при 173 млн.чел. – 212,7 млн.поездок. Другими словами, в 1894 г. одну поездку по железной дороге совершали 2,8 жителя, в 1897 г. – 2,1 жителя, а в 1913 г. – 0,8 жителя России, или, что то же самое, в 1894 г. одна поездка приходилась на 0,35 жителя, в 1897 г. –на 0,47, в 1913 г. – на 1,23 жителя.

Таблица 51 говорит о том, что люди стали ездить не только больше, но и дальше.

Однако количественно по-прежнему доминировали переезды на относительно короткие расстояния, но, думается, уже не из-за дороговизны билетов, как это было до 1895 г. Полагаю, что это показатель интенсификации жизни России, «насыщения деятельностью» наших огромных пространств. В пореформенное время благодаря железным дорогам страна осваивалась не только «вширь», но, прежде всего, «вглубь». Модернизация Витте-Столыпина очень серьезно содействовала этим процессам.

Достаточно вспомнить, например, как преобразило Юг Империи освоение Донецко-Криворожского бассейна, ставшего ядром тяжелой индустрии. В течение двух десятилетий на территории полутора десятков уездов, в степи, по которой буквально еще вчера бегали сайгаки, появилось множество новых населенных пунктов, сотни больших, средних и малых предприятий, давших прямо и опосредованно заработок миллионам людей в Новороссии и соседних губерниях и серьезно изменивших их жизнь и жизнь страны в целом.

Поэтому статистика пассажирского движения на относительно коротких расстояниях, безусловно, одно из свидетельств растущей интенсивности жизни России в конце XIX - начале XX вв. Конечно, здесь, как и всегда, важен и интересен региональный аспект проблемы, но это дело будущих исследований.

Что касается дальних поездок, то из таблицы 50 следует, что средние динамические для I и II классов заметно выше, чем для III класса. То есть, дальность путешествия и его удобство коррелировали довольно сильно.

Таблица 50. Среднее динамическое расстояние (версты) и средняя динамическая плата за проезд (руб.) по общему тарифу за 1894-1913 гг.

Г о д ы	Среднее динамическое расстояние					Средняя динамическая плата за проезд				
	I класс а	II класс а	III класс а	IV класс а	ВСЕГ О	I класс а	II класс а	III класс а	IV класс а	Вообщ е
1894	223	139	84	н/с	105	6,69	3,13	1,05	н/с	1,24
1895	340	214	121	136	158	8,07	3,49	1,37	1,01	1,62
1896	379	245	134	129	147	8,99	3,71	1,47	0,94	1,72
1897	426	283	149	122	162	10,63	4,19	1,55	0,89	1,85
1898	426	286	151	117	164	9,96	4,21	1,60	0,86	1,88
1899	417	295	151	123	166	9,75	4,28	1,60	0,90	1,90
1900	421	301	157	115	170	9,74	4,35	1,64	0,84	1,94
1901	406	308	156	100	167	9,43	4,42	1,62	0,73	1,88
1902	425	310	152	106	165	9,77	4,42	1,57	0,76	1,84
1903	414	307	151	106	163	9,61	4,39	1,57	0,76	1,81
1904	411	308	148	112	160	9,58	4,39	1,54	0,67	1,76
1905	409	308	151	134	165	9,57	4,40	1,55	0,76	1,78
1906	423	314	146	144	163	9,78	4,44	1,50	0,80	1,74
1907	437	316	138	145	156	10,05	4,46	1,42	0,79	1,65
1908	430	310	137	151	155	11,15	4,89	1,45	0,80	2,03
1909	408	292	130	133	142	11,99	5,17	1,44	0,74	1,57
1910	415	292	130	117	139	10,14	4,43	1,46	0,69	1,50
1911	421	278	126	113	135	10,22	4,24	1,42	0,68	1,45
1912	423	272	124	107	131	10,29	4,19	1,40	0,65	1,42
1913	427	266	125	129	129	10,36	4,11	1,41	0,64	1,39

Источник: "Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам" за 1913 г. вып.52, СПб., 1915. С.11.

Таблица 51. Распределение числа поездок взрослых пассажиров всех классов (тыс.) и пассажироверст (млн.), сделанных ими, по общему и пригородным тарифам в сумме по расстояниям до 100 верст, от 101-1000 и свыше 1000

Год	Число поездок тыс.				Число пассажироверст млн.			
	до 100	100-1000	св.1000	Всего	до 100	100-1000	св.1000	Всего
1894	33230	9002	234	42466	1334	2425	258	4017
1895	34855	10620	736	46211	1212	3104	1009	5325
1896	39412	10905	865	51182	1322	3199	1260	5781
1897	46984	11768	910	59662	1580	3425	1360	6365
1898	53575	12927	1012	67514	1786	3815	1558	7159
1899	60145	14415	1144	75704	1981	4259	1790	8030
1900	64315	15554	1261	81130	2091	4537	2037	8665
1901	72492	16049	1365	89906	2341	4650	2239	9230
1902	77181	16487	1468	95136	2483	4790	2440	9713
1903	81760	17954	1426	101140	2615	5136	2611	10362
1904	83260	17780	1511	102551	2609	5181	2608	10398
1905	77506	16497	1363	95366	2241	4987	2834	10062
1906	85534	18336	1686	105556	2584	5459	3155	11198
1907	95712	19968	1847	117527	2839	5957	3297	12093
1908	102981	21278	2222	126481	3056	6305	4135	13496
1909	110920	23259	2298	136477	3294	6759	4145	14198
1910	124019	26669	2687	153375	3699	7710	4150	15559
1911	141170	29777	2514	173461	4169	8497	4320	16986
1912	155725	31772	2590	190087	4537	8965	4500	18002
1913	174410	35501	2780	212691	5072	10016	4748	19836

Источник: "Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам" за 1913 г. вып.52, СПб., 1915. С.9-10.

Таблица 52. То же в процентах.

Год	Число поездок тыс.				Число пассажироверст млн.			
	до 100	100-1000	св.1000	Всего	до 100	100-1000	св.1000	Всего
1894	78,3	21,2	0,55	100	33,2	60,4	6,4	100
1895	75,4	23,0	1,59	100	22,8	58,3	18,9	100
1896	77,0	21,3	1,69	100	22,9	55,3	21,8	100
1897	78,8	19,7	1,53	100	24,8	53,8	21,4	100
1898	79,4	19,1	1,50	100	24,9	53,3	21,8	100
1899	79,4	19,0	1,51	100	24,7	53,0	22,3	100
1900	79,3	19,2	1,55	100	24,1	52,4	23,5	100
1901	80,6	17,9	1,52	100	25,4	50,4	24,3	100
1902	81,1	17,3	1,54	100	25,6	49,3	25,1	100
1903	80,8	17,8	1,41	100	25,2	49,6	25,2	100
1904	81,2	17,3	1,47	100	25,1	49,8	25,1	100
1905	81,3	17,3	1,43	100	22,3	49,6	28,2	100
1906	81,0	17,4	1,60	100	23,1	48,7	28,2	100
1907	81,4	17,0	1,57	100	23,5	49,3	27,3	100
1908	81,4	16,8	1,76	100	22,6	46,7	30,6	100
1909	81,3	17,0	1,68	100	23,2	47,6	29,2	100
1910	80,9	17,4	1,75	100	23,8	49,6	26,7	100
1911	81,4	17,2	1,45	100	24,5	50,0	25,4	100
1912	81,9	16,7	1,36	100	25,2	49,8	25,0	100

1913	82,0	16,7	1,31	100	25,6	50,5	23,9	100
------	------	------	------	-----	------	------	------	-----

Источник: "Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам" за 1913 г. вып.52, СПб., 1915. С.9-10.

Таблицы 50-52 позволяют наглядно оценить сдвиги, происшедшие в течение рассматриваемого периода.

Нетрудно видеть, что уже в 1895 г. новый тариф, радикально снизивший плату за проезд на дальние расстояния, обеспечил прирост числа поездок протяженностью свыше 1000 верст более чем втрое в сравнении с 1894 г. – 736 тыс. против 234, и эта тенденция в дальнейшем лишь усиливалась. В 1913 г. число дальних поездок выросло в 11,9 в сравнении с 1894 г., в 3,8 в сопоставлении с 1895 г. и, как минимум, удвоилось в сравнении с началом XX в. Напомню, что переезды переселенцев и других льготных пассажиров в это число не входят.

Равным образом изменился и такой весомый показатель, как баланс пассажироверст. Если в 1894 г. процентное соотношение между пассажироверстами, сделанными во время поездок на расстояние до 100 верст, от 101 до 1000 и свыше 1000 верст равнялось 33,2 – 60,4 – 6,4%, то уже в 1895 г. оно составляло 22,8-58,3% - 18,9% и т.д. С 1896 г. доля «дальних» пассажироверст колебалась в пределах 21,4 – 30,6% в 1908 г., а некоторое ее снижение в годы промышленного подъема 1909-1913 гг. компенсируется количественным ростом в 1911-1913 гг.

Прогресс пассажирского движения в России в конце XIX - начале XX вв. можно проиллюстрировать следующим образом.

В 1894 г. на расстоянии до 100 верст было сделано 1334 млн., а в 1913 г. – 5072 млн. пассажироверст. Это тоже самое, как если бы в 1894 г. из Москвы до Внукова (22 вер.) доехало 60,6 млн.чел., а в 1913 г. – уже 230,5 млн.чел. Для маршрута Москва – Клин (84 вер.) аналогичные показатели составляют 15,9 и 60,4 млн.чел.

В 1894 г. на протяжении 101-1000 вер. было сделано 2452 млн., а в 1913 г. – 10016 млн. пассажироверст. Это равносильно тому, что в 1894 г. до Тамбова (435 вер.) проехало 5,6 млн.чел., а в 1913 г. – 23,0 млн.чел. Если взять маршрут Москва- Петербург (610 вер.), соответствующие цифры будут такими – 3,98 и 16,4 млн.чел.

В 1894 г. на расстоянии свыше 1000 вер. фиксируется 258 млн., а в 1913 г. – 4748 млн. пассажироверст. Это все равно, что в 1894 г. из Москвы до Одессы (1409 вер.) путешествовало 183 тыс.чел., а из Москвы до Томска I²²¹ (3554 вер.) – 72,6 тыс.чел., а в 1913 г. соответственно 3,5 и 1,4 млн.чел.

И это – большие цифры.

Россия начала передвигаться.

Средний ежегодный прирост числа всех поездок взрослых пассажиров всех классов по общему и пригородному тарифу за 1894-1913 гг. составил 7731,7 тыс., а прирост числа пройденных ими пассажироверст - 726 млн. При этом на расстояние до 100 верст в среднем ежегодно совершалось на 6442,7 поездок больше, на расстояние 101-1000 верст – на 1171 тыс. и на протяжении свыше 1000 верст – 118 тыс. Линейные тренды сделанных пассажироверст таковы: 172,8 млн. на коротких, 334,2 млн. на средних и 219 млн. – на дальних пробегах.

Статистику пассажирских перевозок, полагаю, вполне можно использовать как одну из характеристик имущественной дифференциации населения в конце XIX - начале XX вв. Средний ежегодный прирост числа поездок I класса по общему и пригородным тарифам составляет 15 тыс., II класса – 609 тыс., III класса – 5250 тыс. и IV класса – 1853 тыс.

Не имея возможности рассмотреть этот сюжет сколько-нибудь подробно, замечу все же, что богатых людей в стране было совсем не так много, как часто думают. Показательно, что с 1901 г. и до конца 1900-х гг. число поездок по тарифу I класса

²²¹ Гипотетически, поскольку в 1894 г. линию еще не построили.

падает, и лишь в предвоенные годы вновь увеличивается, не достигая, впрочем, уровня 1901 г. Это заставляет критически посмотреть на утверждения о якобы огромном разрыве между богатством и бедностью в тогдашней России. В этом смысле следует отметить, что неуклонный рост числа поездок II класса – в 7,1 раза за 20 лет! Как кажется, это показатель роста среднего класса в стране, т.е. также один из индексов модерности.

Подводя некоторые итоги, можно констатировать следующее.

У правительства России было ясное понимание, во-первых, того, что люди должны ездить по своей стране, и, во-вторых, что они должны ездить за *разумную* плату. Поэтому приоритетными для него были интересы пассажиров (не хотелось бы осовременивать эту тему, но – увы!). О социальной составляющей тарифной политики правительства и говорить нечего.

Таким образом, политика правительства в сфере пассажирского движения внесла весомый вклад в развитие процесса модернизации страны. Устанавливая плату за проезд, Министерство финансов действовало прежде всего из высших государственных, а не ведомственных соображений, усиливая процесс интеграции между частями Империи, которая до строительства железных дорог выглядела целостно скорее на географической карте, чем в действительности.

* * *

Все вышесказанное говорит о позитивном векторе развития благосостояния значительной – по меньшей мере – части населения страны.

Пока я рассказывал о результатах собственных изысканий.

Однако в последние годы вышел ряд очень серьезных исследований, авторы которых на совершенно других материалах приходят к аналогичным выводам.

Это, прежде всего, монография Б.Н. Миронова «Благосостояние населения и революции в имперской России» (М., 2010), первое исследование российской исторической антропометрии, а также целого ряда сюжетов, связанных с проблематикой благосостояния в целом.

В работах И.В. Поткиной (Поткина И. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1817-1917. М., 2004), А.М. Маркевича и А.К. Соколова («Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883-2001 гг. М.: РОССПЭН, 2005), Л.И. Бородкина, Т.Я. Валетова, Ю.Б. Смирновой, И.В. Шильниковой «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России». М., 2010.) и других на основании скрупулезного изучения архивов делается, в числе прочего, вывод о том, что *реальная* зарплата рабочих неуклонно росла, особенно после 1905 г.

Как нам измерить Россию

Приведенные факты не укладываются в рамки привычного тезиса о перманентном ухудшении положения населения (крестьянства прежде всего) в пореформенное время. Вся эта информация никак не совмещается с образом страны, клонящейся к упадку, «приговоренной» к революции, обреченной на катаклизмы и т.п., а говорит ровно об обратных тенденциях.

Поскольку «негативистская» схема давно стала аксиомой, и попытки ее пересмотра воспринимаются на уровне покушений на систему Коперника, то это обстоятельство необходимо разъяснить.

Спорить с многочисленными свидетельствами кризиса уравнильно-передельной общины во второй половине XIX в. невозможно.

Однако здесь необходимо отметить как минимум два принципиальных момента.

1. Традиционные методики демонстрации упадка благосостояния населения после 1861 г. в большей своей части неосновательны.

Как ясно из изложенного, у нас нет ни одного источника, который позволял бы *прямо* проследить динамику благосостояния не только каждого человека в отдельности (это и сейчас нелепо), но и отдельных групп населения. Однако есть источники косвенные, и мы с ними отчасти познакомимся.

Люди, как известно, очень склонны к упрощениям, к простым ответам на сложные вопросы, и вполне естественно, что это относится и к попыткам понять Историю. Когда мои студенты хотят получить от меня подобные ответы, я в ответ прошу поднять руки тех, кто считает свою жизнь простой. Рук никто не поднимает. И тогда я интересуюсь, почему же они так уверены в том, что совокупная жизнь миллионов людей описывается элементарно?

Между тем традиционная историография намеренно примитивизирует палитру исторической жизни до черно-белой гаммы. Это, конечно, проявление классового подхода, ведь социализм в целом основан на принципиальном упрощении богатства жизни. В негативистской литературе обычно выдвигается постулат, корректность которого не очевидна, например, «крестьянство ведет полуголодное существование», а затем приводится какой-нибудь пример или три примера (так, в деревне Простоквашино... и т.д.), которые якобы служат подтверждением адекватности данного тезиса для всей огромной страны.

Здесь уместно напомнить что Франция с площадью порядка 550 тыс. кв. км. справедливо считается гигантом Западной Европы. Но ведь площадь Франции – это площадь лишь **четырёх** дореволюционных российских губерний из **девяти** - Саратовской, Самарской, Оренбургской и Уфимской, суммарная территория которых составляла 480, 8 тыс. кв верст, или 547,2 тыс. кв км!

При этом не только каждая губерния, но нередко и отдельные уезды были целым миром со своей историей, спецификой устройства и организации жизни. Традиционная историография об этом предпочитает умалчивать, в том числе и потому, что для ее нехитрых построений куда удобнее рассматривать Россию как пространство внутри даже не МКАД, а Садового кольца.

Попробуем представить территорию Европейской России в 5 млн. кв км, равную половине части света Европа (согласно Энциклопедическому словарю, она составляет около 10 млн. кв км). Здесь в 1861 г. в 334,5 тыс. сельских поселений проживало примерно 54 млн. чел., а в 1897 г. в 591,1 тыс. сельских поселений обитало порядка 82 млн. чел.²²²

Понятно, что число конкретных житейских ситуаций, имевших место на этом пространстве – от Урала до Польши, от Белого моря до Каспия и от Балтики до Черного моря – приближается к бесконечности. На этих просторах всегда можно найти аргументы,

²²² Миронов Б.Н. Социальная история России... том 1, С.291

для создания, так сказать, и «Севильского цирюльника», и Реквиема. То есть, здесь нетрудно обнаружить факты, которыми можно что угодно подтвердить, и что угодно опровергнуть!

Всего два примера. Первый характеризует положение крестьянства Костромской губернии: «По характеру промысловой жизни губерния может быть разделена на три района по 4 уезда в каждом: 1) северо-западный, с населением, состоящим из отхожих промышленников, 2) северо-восточный, с населением, занятым лесными промыслами и 3) южный, с фабрично-заводским населением. Наиболее удаленным от своего хозяйства является население первого района, уходящее на все летние месяцы на заработки в столицы и оставляющее хозяйство на попечение женской половины семьи; следующим идет лесной район, где население всю зиму с половины ноября по март месяц проводит в лесу, а в ближайших к рекам селениям уходит с плотами и белянами даже до половины мая, и только в третьем районе население, занятое работою на фабриках и заводах, ведет более или менее оседлую жизнь, и, хотя урывками, но может уделять часть своего времени на ведение земледельческого хозяйства»²²³.

Второй касается крестьян Васильковского уезда Киевской губернии: «Земледелие составляет почти исключительное занятие крестьянского населения. Южная половина уезда относится к району культуры сахарной свекловицы. Там сосредоточены 6 свеклосахарно-песочных заводов, дающих свободному местному крестьянскому населению хорошие заработки. В северной части уезда подспорьем в хозяйстве служат главным образом, заработки на разработке и возке леса в казенных дачах, заработки и службы на железной дороге, прорезывающей уезд с севера на юг с разветвлением в м. Фастове. Кроме того, развиваются отхожие промыслы. В настоящем году за 9 месяцев волостными правлениями выдано 9500 паспортов крестьянам, отправившимся на разные заработки вне пределов уезда. Кустарная промышленность если не считать гончарного производства в 2-х селениях и ткацкого в одном селении, отсутствует в уезде... В уезде кроме уездного города с 19-тысячным населением находятся еще 4 торговые местечка, из которых три – Фастов, Белая Церковь и Ракитно расположены по железной дороге... Местечко Белая Церковь имеет жителей свыше 50 тыс., местечко Фастов более 10 тыс. Ввиду удобного расположения железной дороги и торговых пунктов возможность сбыта сельскохозяйственных продуктов вполне удовлетворительна»²²⁴.

Вопрос - как можно вывести среднее взвешенное суждение о благосостоянии сотен тысяч семей проживавших на этих территориях? Какой источник может решить эту задачу – даже не в динамике, а на какие-то фиксированные даты?

Я привел 2 примера, а мог бы и 122. Только смысла нет.

Социально-экономические процессы такого масштаба, о котором мы говорим, в истории фиксируются на уровне статистической тенденции – больше или меньше. Поэтому и важны интегрированные показатели, а не иллюстрации в роде деревни Простоквашино. Они, конечно, тоже бывают необходимы, но недопустимо основывать глобальные выводы *только* на таких примерах.

Понятно, насколько важны для потомков мнения современников, но надо ясно понимать, что не всегда они «в одну цену». Статистика не расскажет о том, как воздействовали на окружающих своим магнетизмом Петр I или Наполеон, это может сделать только очевидец. Однако очевидцы могут иметь совсем разные мнения относительно того, улучшилось или ухудшилось материальное положение крестьян после 1861 г., например, или о причинах нарастания неурожаев, а также и о проблеме глобального потепления. Часто это обычная иллюстрация к сюжету о стакане воды, который то ли наполовину пуст, то ли наполовину полон. Так устроены люди.

²²³ Землеустройство в Костромской губернии. 1907-1912 гг. Кострома, 1913. С.5.

²²⁴ ЦГИА Украины ф.442, оп.709, д.482., ч.2, л.60

Б.Н. Мионов в своей последней работе анализирует материалы Комиссии Валуева²²⁵, которая в 1872-1873 гг. провела репрезентативный массовый опрос о положении крестьянства после реформы. Все эксперты (среди них, например, были Д.И. Менделеев, будущий министр, а тогда губернатор Н.С. Абаза) высказывали суждения о той конкретной местности, которая была им знакома. Повышение благосостояния после 1861 г. фиксировали 63,2% респондентов, 28,9% отметили его понижение и 7,9% не заметили изменений. При этом иногда одни и те же люди указывали на неоднозначность изменений. «Подводя итоги, Комиссия 1872 г. отметила географию сдвигов: в северо-западных, юго-западных и южных черноземных губерниях быт и хозяйство крестьян «значительно улучшились», в малороссийских губерниях «скорее заметно направление к улучшению», в центральных нечерноземных губерниях «быт крестьян не улучшился или улучшился мало, хозяйство же или осталось на прежнем состоянии или значительно ухудшилось» Из 73 человек, прямо ответивших на вопрос о причинах упадка крестьянского хозяйства и понижение благосостояния там, где это произошло, 42,5% указали на семейные разделы, 17,8% - на общину, 13,7% - на круговую поруку, 13,7% - на пьянство, 6,8% - на безначалие, 5,5% - на низкий уровень агротехники ввиду недостатка скота, истощения почв и т.п.»²²⁶.

Важно следующее замечание Мионова: «Противоречивость изменений, происходивших в первое десятилетие после отмены крепостничества, замечалась в губерниях, в разных уездах одной губернии, в отдельных селениях одного уезда и волости и даже в пределах одного селения вследствие начавшегося расслоения крестьянства. «В Полтавской губернии крестьяне получили лучшую землю в надел; вместе с тем многие отказались от надела и получили одни усадьбы. Те и другие крестьяне резко отличаются по своему благосостоянию: крестьяне с наделом положительно богатеют, хозяйство у них идет хорошо. Это доказывается тем, что они увеличивают скотоводство, нанимают земли не из копны, а за деньги в больших имениях. Недоимок не бывает, пьянство уменьшается, а не увеличивается. Совершенно другое положение тех крестьян, которые остались с усадьбами: они ничего не имеют, и между ними развилось сильное пьянство, хозяйства у них нет никакого»²²⁷.

Полагаю, эта информация, в числе прочего, хорошо иллюстрирует сугубую сложность анализируемых процессов и, соответственно, ограниченность сферы использования единичных примеров вне более широкого контекста. И заодно демонстрирует, насколько легковесны *однозначные* и притом как бы усредненные суждения, которые делаются по поводу такой глобальной проблемы как проблема потребления населения самой многолюдной страны Европы (и одновременно – самой большой страны мира).

Я писал уже, что средние цифры для России весьма напоминают грузовик, полученный из суммы паровоза и велосипеда, деленной пополам. В этом смысле мне нравится такой пример. В 1917 г. 52% крестьянских хозяйств не имели плугов, «обрабатывая землю сохами и косулями и т.п.»²²⁸. Этот факт, безусловно, в известной степени показателен. Действительно, если определять уровень развития, например, плужной обработки земли, исходя из того, что в Архангельской губернии, согласно Переписи сельхозмашин и орудий 1910 г., на 100 орудий подъема почвы приходилось 0,2 железного плуга, а в Ставропольской – 99,4, то средняя величина и составит примерно 50%. Однако этим в принципе игнорируется то обстоятельство, что в Архангельской

²²⁵ Высочайше учрежденная Комиссия для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России под председательством министра внутренних дел П.А.Валуева

²²⁶ Мионов Б.Н. Благосостояние населения... С.549-553.

²²⁷ Мионов Б.Н. Благосостояние населения... С.555.

²²⁸ История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т. VI. М., 1968. С. 299.

губернии на каждые 500 сох, рал, косуль приходился всего 1 железный плуг, а в Ставропольской губернии их было в 497 раз больше.²²⁹

Россия *слишком* большая страна, чтобы всегда продуктивно описываться средними арифметическими.

Между тем народники, для удобства пропаганды изобрели фикцию под названием «русский крестьянин», абстракцию такой заоблачной высоты, что впору надевать кислородную маску. Это *чересчур* сложно сочиненное среднее арифметическое вполне отражало классовое, т.е. упрощенное восприятие окружающего мира этой публикой. Фикция включает в себя, условно говоря, архангельского помора, подворника из западных губерний, крестьянина из Новороссии и Поволжья и т.д. (иногда вплоть до абхазского деда Ф.А. Искандера).

За ним, однако, маячит фигура центрально-черноземного общинника из Курской, к примеру, губернии, вобравшего в себя «все лучшее из худшего», – все отборные негативные характеристики положения каждого из перечисленных «персонажей», но не имеющего притом ничего из того позитивного, что было присуще им. Со временем этот фиктивный образ как бы материализовался и лег в основу «пессимистического» взгляда на пореформенную Россию.

Едва ли не главное, что характеризует эту фикцию – пресловутые душевые показатели потребления хлеба, получаемые в результате деления заниженного урожая на число жителей (этим сейчас активно занимается С.А. Нефедов), которые затем сопоставляются с аналогичными показателями стран Запада, из чего следует, что Россия была страной дистрофиков, а вовсе не мировой державой. К тому же – страной полуодетых дистрофиков, если привлекать сведения о душевом потреблении хлопчатобумажных тканей, например. Какие претензии к карте мира могло выдвигать ее правительство с такими «стартовыми характеристиками» – мне лично непонятно.

Мне также неизвестно, задумывались ли авторы, приводящие в своих работах сравнительные данные душевого потребления хлеба, о проблеме сопоставимости этих сведений, о том, одинаковой ли была методика подобных подсчетов в разных странах, или же они попросту некритически заимствовали материалы из соответствующей литературы.

Сопоставимость расчетов как бы подразумевается сама собой, но так ли это на деле? Для меня очевидно, что данный сюжет требует обстоятельного изучения. В этом смысле три странички приложения к вышеупомянутой статье Н.Виноградовой об урожайной статистике мне не кажутся достаточными. И пока мы не знаем в деталях, как собирались аналогичные сведения о подушевом потреблении чего угодно в Англии, Германии, в Австро-Венгрии и т.д., какая методика лежала там в основе статистических обследований, подобные сравнения нельзя считать корректными. Это все основы профессии.

Тут есть еще один нюанс. Сравнение душевых показателей потребления хлеба не такой уж бесспорный показатель уровня удовлетворения продовольственных потребностей, как кажется на первый взгляд, еще и потому, что исходит из тезиса об идентичности структуры питания жителей разных стран, а это неверно.

Показательная иллюстрация на этот счет содержится в работе В.Г. Тюкавкина. Он приводит, в частности, данные А.А.Кауфмана «о реальном личном потреблении хлеба на питание в начале XX в., которое составляло: в США – 7,2 пуда, в Англии – 9,4; во Франции – 12,3; в Германии – 14,2 и в России – 12 пудов на человека в год»²³⁰. Нормы эти, по крайней мере, для России достаточно реальны, если исходить из того, что согласно Временным правилам 1900 г., вступившим в силу 1 января 1901 г., размер продовольственной ссуды не должен превышать 1 пуда зерна в месяц на взрослого человека и полупуда – на детей в возрасте до 5 лет.²³¹

²²⁹ Давыдов М.А. Всероссийский рынок... С.523

²³⁰ В.Г.Тюкавкин. Великолукское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа М., 2001. С.65-70.

²³¹ Ермолов А.С. Наши неурожай... Том 1. С.225.

Сообщая сведения Кауфмана, В.Г. Тюкавкин затем тонко замечает: «Невольно вспоминаются записки одного из крупных немецких разведчиков кануна Первой Мировой войны о том, что самым тяжелым бременем в его работе в Англии было ограничение в потреблении хлеба, чтобы не выделяться из окружающей среды»²³².

В конце XIX - начале XX вв. душевое потребление хлеба перестает быть главным и безусловным критерием уровня потребления населения, чего и в наши дни не хотят понять адепты «голодного экспорта» и «непосильных» платежей.

С началом Первой Мировой войны выяснилось, что ведомственная урожайная статистика и бесчисленные земские обследования, весьма удобные для демонстрации «язв» царского режима, не могут дать внятного ответа на один из главных для тотальной войны вопросов – каковы продовольственные потребности России?

Именно **лихорадочные размышления компетентных специалистов в 1915–1916 гг.** на эту тему и их усилия выяснить, сколько же хлеба потребляла и страна в целом, и отдельные губернии, равно как и кропотливая работа А.В. Чаянова и его сотрудников над бюджетами, результатом которой стало исследование «Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения» – лучший, на мой взгляд, показатель несовершенства данных урожайной статистики и бюджетных обследований. В этой работе, в частности, говорится, что, хотя «русская экономическая литература сравнительно богата бюджетными исследованиями... к сожалению, из этого значительного количества исследований большая часть не может удовлетворить современным требованиям. Огромная часть их построена на чрезвычайно ограниченном объеме наблюдения, часто не превышающем десятка хозяйств, благодаря чему бюджетные величины, получаемые в результате их разработки не могут претендовать на высокую точность и достоверность. Многие построены на матерьяле, собранном явно несовершенными методами»²³³.

Другими словами, подавляющая часть исследований, доказывавших перманентно бедственное положение отечественного крестьянства и повлиявших на формирование мировоззрения целых поколений, на поверку оказалась агитками и была непригодна для иных целей, кроме пропагандистских.

Тем не менее, опираясь на исследования, признанные представительными, группа А.В. Чаянова провела необходимую работу, и вот каковы ее результаты: «По нашим данными душевое потребление хлеба в среднем по губерниям (без Херсонской и Олонецкой) захваченным бюджетными обследованиями равно 16 пудам хлебных продуктов (более точно 15,99).

...Обращаясь к отдельным данным по губерниям и уездам, мы видим, что потребление хлеба весьма различно, дает большие отклонения от средней, например: по Херсонскому уезду 27,46 пуд. или 171,7% от средней, по Волоколамскому уезду 11 пуд., или 68,8%. Если мы откинем эти цифры, как мало точные по методу исчисления и возьмем наиболее точные данные последних земских регистраций (по губерниям Вологодской, Вятской, Костромской, Московского у., Калужской, Тульской, Харьковской, Полтавской, Воронежской, Пензенской, Симбирской и др.), то и здесь отклонения от средней (для этих губерний средняя 15,62 п.) составляют: по Симбирской губ. 124% (19,45 п.), по Тульской 82% (12,77).

Даже в пределах одной губернии наблюдается большая разница в потреблении хлеба по районам губернии.

Так, например, по Костромской губернии хлеба потребляется на душу:

Всего в % к средней

В I районе..... 14,666 или 110,6%

Во II районе 11,67 или 88,0%

В III 12,71 или 95,8%

²³² Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство... С.67

²³³ Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1. М., 1916. С.10

В IV районе 14,35 или 108,2%
Среднее по губернии – 13,26 или 100%
Также, например, по Пензенской губернии потребление хлеба колеблется:

Всего В среднем %
В I Нечерноземном Землед. 15,54 или 109,8%
II нечерноземном промысл. 14,22 или 100,5%
III Черноземном землед. 14,4 или 101,6%
IV черноземном промысл. 12,47 или 88,1%
Среднее по губернии 14,16 или 100%

Разница в потреблении хлеба зависит от различия форм экономической жизни населения, и чем резче разница в формах экономической жизни по тем или иным местностям, тем больше разницы в потреблении хлеба мы находим.

Так, если мы сравним колебания в три хлеба по трем уездам Вятской губернии с более или менее однообразной экономической структурой с приведенными уже колебаниями потребления хлеба по четырем районам Костромской губернии, довольно резко отличающимся по своей экономической структуре (это резкое различие и побудило исследователей рассматривать бюджетный материал по районам, а не по уездам или по целой губернии, как то обычно делается в земской статистике), то увидим, что в Вятской губернии потребление более постоянно а именно:

В Слободском уезде потребление хлеба 17,73 п. или 99,5%
Вятском 18,50 или 103,8
Орловском 17,20 или 96,5%
Среднее по трем уездам 17,82 или 100%

Отсюда видно, что **средняя норма по всем губерниям имеет чисто условный характер**, зависящий от характера той совокупности губерний и уездов, которые подверглись бюджетным обследованиям.

Характерным для потребления не только хлебов, а, как увидим дальше, и других продуктов постоянная разница по отдельным районам, обусловленная различными экономическими особенностями их. Поэтому необходимо наибольшее внимание обратить на это различие в потреблении и наблюдение правильностей и зависимости его от местных условий»²³⁴.

Этот богатый информацией фрагмент, полагаю, наглядно показывает насколько сомнительны и уязвимы подсчеты среднероссийского душевого потребления хлеба: «Разница в потреблении хлеба зависит от различия форм экономической жизни населения, и чем резче разница в формах экономической жизни по тем или иным местностям, тем больше разницы в потреблении хлеба мы находим...Средняя норма по всем губерниям имеет чисто условный характер».

Другими словами, это – **фикция**, точно такая же, как упомянутое выше среднее число железных плугов. **За ней нет реального содержания.** Экономические особенности регионов, прежде всего характер и величина крестьянских заработков, прямо влияя на бюджет жителей, определяли структуру их питания. И природа различий в потреблении хлеба между промышленной Костромской губернией и преимущественно земледельческими уездами Вятской губернии понятна – в Костромской крестьяне больше зарабатывали, и их питание начало меняться.

Сопоставляя полученный его группой среднегубернский показатель душевого потребления с выводами других исследователей, Чаянов высказывает крайне важную мысль, оставшуюся, по понятным причинам, незамеченной в историографии: «Сравнивая

²³⁴ Чаянов А.В. ред. Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия вып. I, М., 1916. С.33-35.

эту цифру с соответствующими цифрами других авторов, мы видим, что она ниже последних, а именно: у Н.А. Свавицкого... по 9 губерниям Европейской России на 1 душу зерновых продуктов17,3 пуда; у Л.Н. Марреса... – 19,21 пуда.

Особенно велико расхождение нашей нормы с данными Л.Марреса.

Если мы обратимся к его работе, то увидим, что бюджетный материал, взятый им, собран в 70-х и 80-х годах прошлого столетия и отражает иное **построение потребления, отличное от современного**. При этом эти данные мало гарантированы от случайности: в двух случаях взято по одному бюджету, в пяти по 2 и только в шести более 10 бюджетов, Случайность некоторых данных допускает и сам Л.Н. Маррес. Несмотря на последнее обстоятельство, **все же разница полученных норм потребления хлеба (3 пуда) настолько значительна, что не может объясняться погрешностью метода и приводит нас к заключению, что потребление зерновых продуктов за последние 20-30 лет сократилось и было отчасти заменено потреблением других пищевых средств.**

Что же касается нормы, выведенной Н.А. Свавицким, то она исчислена по материалам, вошедшим и в нашу разработку. Получившееся расхождение зависит от того, что в нашей работе к данным по 9 губерниям, которыми располагал Н.А. Свавицкий, мы прибавили материалы по 9 новым работам, из которых большинство касались **районов с более низким потреблением хлебов**, благодаря чему средняя по нашей совокупности оказалась ниже средней Н.А. Свавицкого»²³⁵ ..

Из сказанного следует принципиально важная мысль о том, что «более низкое потребление хлеба» **не является синонимом нужды**. С ней связан не менее значимый тезис о постепенных переменах в «построении потребления», о том, что «потребление зерновых продуктов за последние 20-30 лет сократилось и было отчасти заменено потреблением других пищевых средств». Понятно, почему традиционная историография проигнорировала эти тезисы.

Чаянов, разумеется, был не первым исследователем, говорившим об эволюции структуры питания. К.Ф. Головин еще в 1899 г., разбирая аргументы противников идеи перепроизводства хлеба в конце XIX в., специально останавливается на том, что показатели его ввоза в страны-потребительницы отстают от роста населения в них, и вопрошает: «Разве это сравнительное ослабление импорта доказывает недостаток хлеба на всем пространстве земного шара? Разве мы, напротив, здесь не наталкиваемся на самый узел вопроса— на коренную причину упадка цен?»

На эти вопросы он дает точный ответ: « Да, потребление хлеба в культурных странах слабеет, но не оттого, что мало производится зерна, а оттого лишь, что изменяется характер пищи.

Рост благосостояния позволяет рабочему в Западной Европе и Америке все больше потреблять овощей, мяса и молочных продуктов, а стало быть заменять хлеб пищей более сытной и вкусной. **Мы продолжаем твердить за гг. статистиками, и на основании данных, относящихся к началу 70-х годов, что в среднем на жителя Англии, Бельгии, Франции приходится в год от 19—25 пуд. муки, и чистосердечно ему завидуем, воображая, что чем богаче народ, тем больше он ест хлеба.**

Упускаем мы из вида одно лишь,—что за последнюю четверть века производство картофеля повсеместно увеличилось (а картофель дает с гектара в 10 раз больше пищевого продукта, чем любой хлеб), и что одновременно с этим, еще в больших размерах, увеличилось потребление мяса, сыра, коровьего масла, овощей и плодов. Между этим явлением и упадком цен на зерно не только причинная связь, но и взаимодействие.

Растущая бездоходность зернового хозяйства влечет за собою в Западной Европе расширение пастбищ и огородов на счет полей, а стало быть, удешевление продуктов скотоводства и садовой культуры. По мере такого удешевления, эти продукты все более вытесняют муку из потребления бедных классов, сокращая тем самым нужду в хлебе. Вот

²³⁵ Там же, С.33-34

где главная, если не единственная, причина сельскохозяйственного кризиса. И прекратится этот кризис тогда лишь, когда Запад Европы совершенно бросит хлебную культуру, обратив свои поля на производство садовых, фабричных и огородных растений, и все более расширяя площадь земель, предоставленных роскоши в виде садов и парков. Тогда, быть может, опять начнутся золотые дни и для стран менее богатых, на долю которых останется производство такого захудалого продукта, как хлеб»²³⁶.

Головин здесь в присущей ему язвительной манере указывает на то, что время «хлебоцентристского» подхода к потреблению населения проходит, а кое-где в мире уже прошло, и отмечает общемировой вектор эволюции потребления – вытеснение муки овощами, молочными продуктами и мясом. Процесс это длительный, и хотя в России конца XIX - начала XX вв. он уже начался, но в разных регионах шел, понятно, по-разному.

Знал бы Головин, что и в начале XXI в. в России будут защищать диссертации, авторы которых «приговаривают» большую часть дореволюционного крестьянства к пожизненному существованию «на хлебе и воде»!

Еще один пример популярного в традиционной историографии сравнения, точнее «равнения на Запад». Несмотря на то, что Россия имела вторую по протяженности длину железных дорог в мире, на единицу пространства в Европейской России рельсовых путей было в 11 раз меньше, чем в Германии и в 7 раз меньше, чем в Австро-Венгрии и т.п.²³⁷ Это так. Однако нельзя при этом не заметить, что площадь Германии составляла 10,4%, а Австро-Венгрии – 13,2% площади Европейской России, т.е. первая по размерам территории уступала последней в 9,6 раз, а вторая – в 7,6 раз. С учетом этого обстоятельства отставание России в протяженности рельсовой сети на единицу площади не выглядит уж таким безнадежным.

Показательно, что в 1913 г. в губерниях Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Пермской и Вятской (примерно треть территории Европейской России) на площади в 1638910,5 кв верст, в полтора раза (1,52) превышавшей суммарную площадь Германии и Австро-Венгрии, проживало порядка 11 млн. чел., т.е. примерно в 10-11 раз меньше, чем в указанных странах вместе взятых.

Вопрос – нужна ли была на русском Севере и Северо-Востоке такая же разветвленная железнодорожная сеть, как в центре Европы, несколько иначе насыщенном человеческой деятельностью?

Я не оспариваю пользы такого рода сопоставлений в принципе, но хочу заметить, что они имеют ограниченную *эффективную* сферу применения.

Граница сравнений – здравый смысл. Бездумные сопоставления правды не открывают, а восприятие портят.

В этом плане и душевые сравнения опять-таки не работают так однозначно, как кажется апологетам нищей России, в силу элементарной некорректности. Например, во многих развитых странах Запада во второй половине XIX в. уже произошла модернизация, а агротехнологическая революция была в разгаре. Россия в этом отношении очень мало продвинулась со времени своего средневековья, которое отнюдь не закончилось 19 февраля 1861 г., и эта революция там начнется только со Столыпинской аграрной реформой. Можно, конечно, сравнивать результаты, условно говоря, профессиональных спортсменов и юниоров, но мне не кажется это методологически правильным. А Россия – мировая держава с точки зрения военной мощи, в других отношениях была еще «юниором», что абсолютно естественно вытекает из ее предшествующей истории. К сожалению, ей не довелось вырасти...

2. Свидетельства современников негативного характера необходимо, как говорилось, корректировать с учетом семантической «инфляции».

²³⁶ Головин К.Ф. Наша финансовая политика... С.104-105

²³⁷ История СССР с древнейших времен. Первая серия. М., 1968. т.VI, С.576

О том, насколько дореволюционное представление о голоде не совпадает с нашим современным можно судить по следующему примеру. До революции порядка 70-75% сахара потреблялось в виде рафинада, остальное приходилось на песок, который потребляли горожане, те, кого в источниках называли «средним классом потребителей» (крестьяне считали песок неэкономичным продуктом). Обычная разница в цене между песком и рафинадом составляла примерно рубль за пуд с тенденцией к уменьшению этой разницы. При этом в 1906-1914 гг. цены рафинада в среднем снижались 18 на коп/пуд ежегодно.

В 1909 г. в очередной раз распалось картельное соглашение рафинёров, то есть производителей рафинада, которые не смогли договориться о квотах производства. После этого каждый заводчик произвел рафинада столько, сколько мог и хотел. За 1909-1910 операционный год, когда не было нормировки, выработка рафинада выросла на 17% (!) в сравнении с 1908-1909 г. и превысила, как говорят сейчас, психологический максимум в 50 млн.пуд., а потребление - на 10%. Цены, понятно, значительно снизились. В то же время в стране стала ощущаться нехватка песка, во-первых, из-за неурожая свекловицы, а, во-вторых, потому, что рафинеры внепланово изъяли с рынка более 7 млн.пуд. песка.

Сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, в ряде городов «нельзя было найти какого-нибудь вагона песка», а с другой, рынок был буквально завален рафинадом, который дешевел с каждым днем. В № 30 еженедельного «Вестника сахарной промышленности» появилась, например, такая телеграмма из Варшавы от 22 июля 1910 г.: «На истекшей неделе на нашем рынке замечался давно не бывалый факт при продаже сахара для местного потребления. Здешние потребители, видя, что песок крупного и среднего кристалла сравнялся в цене с кусковым сахаром, стали покупать разные дешевые сорта последнего и толочь таковой на песок (для варки варенья – М.Д.)... Тенденция с кусковым сахаром несколько лучше по вышеуказанной причине и спрос довольно хорош».

И вот эта ситуация в тогдашней прессе совершенно серьезно именовалась «сахарным голодом»!

Я, понятно, не хочу сопоставлять этот слегка водевильный для нас эпизод с трагедией 1891-1892 гг. (отмечу компетентное мнение Б.Н. Миронова о том, что большую часть жертв этого катаклизма унесла холера, которую не умели тогда лечить). Однако он заставляет задуматься о многом. Нельзя не отметить здесь также определенную бедность русского языка в описании такого сегмента действительности как «голод». Английский язык, например, дает куда большую дифференциацию данного понятия.

Если в России конца XIX - начала XX вв. цена, положим, пуда железа выросла на 0,2 коп/пуд, то в стране немедленно начинался «металлический» голод. То есть, в предвоенной России это слово характеризовало не только ситуацию недорода хлебов, оно было дежурным обозначением малейшего нарушения ценового статус-кво в сторону удорожания. Позже, я думаю, очень многие журналисты осознали, что не нужно было некоторые слова употреблять всуе, а то ведь мысли и слова имеют тенденцию к материализации.

Вновь напомним, что «порог страданий» в конце XIX - начале XX вв. и конце XX-начале XXI вв. кардинально различаются.

То есть, «пессимистические» факты не столь однозначны, как того хотелось бы традиционной историографии, и к тому же они вырваны из контекста эпохи.

Но даже и с учетом вышесказанного, оспаривать их (факты), повторюсь, невозможно.

В рамках привычного черно-белого подхода противоречия между «позитивным» и «негативным» массивами данных примирить нельзя – тут может быть правильно либо одно, либо другое.

Однако на деле верны оба комплекса свидетельств, просто жизнь была несравненно богаче, чем ее описывали пристрастные и/или политически ангажированные современники.

Указанные противоречия оказываются большей частью мнимыми, стоит только понять, что *нельзя смешивать проблему положения крестьянского хозяйства* в пореформенной уравнильно-передельной общине *с проблемой народного благосостояния*.

(подобно тому, как в наши дни нельзя путать реальные доходы множества людей и те суммы, за которые они расписываются в ведомостях зарплаты). Проблемы эти, разумеется, отчасти перекрывают друг друга, но лишь отчасти, поскольку далеко не идентичны. Например, крестьянин мог мало обращать внимания на свое хозяйство, но при этом неплохо зарабатывать.

Данное обстоятельство представляется настолько очевидным и даже банальным, что, казалось бы, нет смысла говорить о нем специально. Между тем, как это ни странно на первый взгляд, в историографии подобная дифференциация отчетливо не проводится, это смешение де-факто происходит сплошь и рядом, да мы часто и не задумываемся о возможности такого взгляда на жизнь деревни!

Сам по себе отход крестьянина от своего надела на заработки традиционной историографией воспринимается как нечто аномальное, как доказательство его тяжелого материального положения. Это как если бы Робинзон начал распахивать соседний остров, не будучи в состоянии прокормиться на том, куда его определила судьба. Такова сила народнической традиции, идущей еще с дореволюционных времен. Однако почему же крестьянин не может выходить за родную околицу?

Положение крестьянского хозяйства определялось доходами крестьян от ведения собственного хозяйства, т.е. количеством сельскохозяйственных продуктов, получаемых со своего надела (отсюда, кстати, вытекает одна из классических претензий русской интеллигенции к правительству – тезис о несоответствии площади крестьянских наделов размерам платежей, – как будто крестьяне давали обязательство жить только тем, что произведут в своем хозяйстве!).

Второй же показатель складывался из всей суммы доходов населения, и применительно к крестьянству он равен сумме доходов от надела и вненадельных заработков (полностью учесть которые едва ли возможно).

Динамика уровня благосостояния населения отражается в интегрированных показателях, характеризующих развитие сельскохозяйственного и промышленного производства, в статистике перевозок народнохозяйственных и потребительских грузов, статистике внешней торговли, статистике акцизных поступлений, статистике движения вкладов в сберегательных кассах, динамике роста зарплаты рабочих, статистике развития кооперации и т.д. Особо хотелось бы выделить новейшее исследование Б.Н. Мироновым данных антропометрии – и не только!²³⁸. Разумеется, огромное значение имеют здесь и нарративные источники.

И – взятые в комплексе – они неоспоримо говорят о позитивной динамике потребления населения Российской империи, что вполне естественно.

В конце концов пора понять, что экономическая модернизация, индустриализация проходили не в вакууме, что население страны получало деньги за то, что участвовало в строительстве железных дорог, предприятий, в городском строительстве и т.д., за работу на транспорте (железнодорожном, речном и морском) и в сфере услуг, за производство товаров, как сельскохозяйственных, так и промышленных, и что одновременно оно покупало эти товары!

У нас же в учебниках позитивная динамика роста сельскохозяйственного и промышленного производства во второй половине XIX – начале XX вв., создание в

²³⁸ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. М., 2010.

течение жизни одного поколения второй по протяженности сети железных дорог в мире, превращение еще вчера крепостнической России в одну из развитых стран мира накануне Первой Мировой войны и многое другое существуют в одном параграфе независимо от людей, создающих и потребляющих это национальное богатство, которые в соседнем параграфе живут отдельной и все более грустной жизнью. Кажется, не времена «Великого перелома» и форсированной индустриализации обсуждаются! Вот тогда действительно рост показателей (притом фальшивый, как со временем выяснилось) шел за счет многих миллионов людских жизней в прямом и переносном смысле!

Здесь **крайне важно** подчеркнуть, что старый тезис о том, что модернизация проводилась за счет крестьян, современной историографией отвергается²³⁹

Поэтому на естественный вопрос – может ли обеднение немалой, хотя отнюдь не преобладающей, части крестьянских хозяйств происходить на фоне индустриализации и фиксируемого массовыми источниками роста благосостояния населения в целом, хотя и относительно небольшого, но вполне очевидного, следует ответ – может!

Может – если мы перестанем считать, что это благосостояние определяется **только** тем, что крестьяне получают от своей земли, воображая себе пореформенное российское крестьянство как бы коллективным Робинзоном (исходя из уровня агротехники – века примерно XVII-го), который не может уйти со своего «острова»-надела, т.е. живущим в отрыве от происходивших в стране громадных перемен.²⁴⁰

Между тем буквально со школьной скамьи мы приучены к ровно противоположному взгляду, поскольку невольно являемся заложниками до сих пор неизжитой в общественном сознании **натурально-хозяйственной концепции** развития народного хозяйства – едва ли не главного источника народнической трактовки аграрного вопроса, а также и основного источника указанных противоречий²⁴¹.

Из самого термина следует, что хозяйство крестьян должно быть натуральным, как в это было в Средневековье и раннем Новом времени, что оно должно самообеспечиваться всем необходимым – и продуктами питания, и одеждой, сельскохозяйственными орудиями и т.д. и не иметь отношения к рынку.

По этой теории крестьяне **должны жить только** от дохода со своего надела, площадь которого «уже точно предопределяет размеры дохода». Отсюда следует, что **площадь крестьянского землевладения должна расти в том же темпе, что и численность населения деревни**. А поскольку этого не происходило, то именно из натурально - хозяйственной концепции вытекало массовое убеждение, что главной причиной кризисного состояния российской деревни является малоземелье.²⁴²

Естественный вопрос – а почему крестьяне были обязаны довольствоваться только тем, что им дает надельная земля?

Потому, что заработок на стороне – это форма «утонченной эксплуатации», и поэтому он неприемлем. Вот так «самобытно» в России усвоили социализм и, прежде

²³⁹ См., в частности, Корелин А.П. Ключевые проблемы социально-экономической истории пореформенной России // Индустриальное наследие. Сборник материалов международной конференции. Саранск, 2005. С.66

²⁴⁰ Б.Д. Бруцкус писал, что «это объяснение было недостаточно даже и в 70-х гг., когда оно было сформулировано; уже тогда крестьяне хозяйничали ведь не только на надельной земле, а еще на приарендованной. Тем более оно несостоятельно сейчас, когда «открылись широкие возможности для интенсификации крестьянского хозяйства, когда» крестьяне Юго-Запада и в «большой части черноземной полосы живет в значительной мере работой в чужих хозяйствах, когда население имеет разнообразные промыслы – местные и отхожие, и когда имеются целые районы промышленной полосы, в которых большинство сельского населения состоит из женщин и детей, остающихся на месте лишь потому, что в наших неблагоустроенных городах жить дорого и нездорово»²⁴⁰.²⁴⁰ Бруцкус Б.Д. К современному положению аграрного вопроса Пг., 1917. С. 7.

²⁴¹ По существу, в рамках социально-экономической проблематики оборот «традиционный подход(ы)» в преобладающей части вытекает именно из натурально-хозяйственной концепции.

²⁴² Бруцкус Б.Д. К современному положению аграрного вопроса. Пг., 1917. 6-7.

всего, Маркса. Забавно, что все это говорится о крестьянах, которые еще недавно даром работали на барщине!

Кстати говоря, изобретенный народниками тезис о «голодном экспорте» есть не что иное, как распространение натурально-хозяйственной концепции на масштабы России²⁴³.

Отсюда же критика «вынужденных осенних продаж» – крестьяне должны вести натуральное хозяйство и круглый год есть только свой хлеб!

Сказанное требует пояснения, точнее, характеристики некоторых постулатов русского социализма. Необходимо хотя бы отчасти вникнуть в систему осмысления окружающего мира народниками, поскольку именно она породила негативистский подход к пореформенной истории России, который в модифицированном виде процветает и сегодня.

²⁴³ Давыдов М.А. Всероссийский рынок С.360

Социализм в России: национальная идея или парафраз крепостничества?

Здесь не место разбирать происхождение теории «общинного социализма» в деталях.

Замечу только, что роль славянофилов и барона А. Гакстгаузена в этом процессе куда больше, чем принято считать, а Герцена – несколько меньше. Неисторики об этом знают мало, поскольку советской историографии была нужна не *правдивая*, а *правильная* родословная русского социализма.

Утопический социализм в России *беспрепятственно* распространялся с 1830-х гг., причем не только среди представителей интеллектуальной элиты, но и в разночинных кругах населения.

Ф.М. Достоевский, вспоминая – в контексте нечаевщины – собственный опыт приобщения к социализму, объясняет, как воспринимался социализм в России 1840-х гг. и почему он привлекал людей: «Монстров» и «мошенников» между нами, петрашевцами, не было ни одного (из стоявших ли на эшафоте, или из тех, которые остались нетронутыми, — это всё равно). Не думаю, чтобы кто-нибудь стал опровергать это заявление мое. Что были из нас люди образованные — против этого... не будут спорить.

Но бороться с известным циклом идей и понятий, тогда сильно укоренившихся в юном обществе, из нас, без сомнения, еще мало кто мог.

Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма. Политического социализма тогда еще не существовало в Европе, и европейские коноводы социалистов даже отвергали его.

...Без сомнения, из всего этого (то есть **из нетерпения голодных людей, разжигаемых теориями будущего блаженства**) произошел впоследствии социализм политический, сущность которого, несмотря на все возвещаемые цели, покамест состоит лишь в желании повсеместного грабежа всех собственников классами неимущими, а затем «будь что будет». (Ибо по-настоящему ничего еще не решено, чем будущее общество заменится, а решено лишь только, чтоб настоящее провалилось, — и вот пока вся формула политического социализма.)

Но тогда понималось дело еще в самом розовом и райско-нравственном свете.

Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, **сообразно веку и цивилизации.**

Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в **высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества.**

Мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей. Я уже в 46 году был посвящен во всю правду этого грядущего «обновленного мира» и во всю святость будущего коммунистического общества еще Белинским.

Все эти убеждения о безнравственности самых оснований (христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства; о безнравственности права собственности; все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству как к тормозу во всеобщем развитии, и проч. и проч. — всё это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия.

Во всяком случае тема казалась величавою и стоявшей далеко выше уровня тогдашних господствовавших понятий — а это-то и соблазняло.

Те из нас, то есть не то что из одних петрашевцев, а вообще из всех тогда зараженных, но которые отвергли впоследствии весь этот мечтательный бред радикально, **весь этот мрак и ужас, готовимый человечеству в виде обновления и воскресения**

его, — те из нас тогда еще не знали причин болезни своей, а потому и не могли еще с нею бороться»²⁴⁴.

В комментариях данный текст не нуждается. Неудивительно, что круг людей, в разной степени сочувствовавших этим идеям, далеко не исчерпывался петрашевцами. Ведь поначалу понятие «социализм» не имело сегодняшних коннотаций. Оно отнюдь не подразумевало национализации собственности, обобществления фабрик и заводов, командно-административной системы и т.д. И в теории определенно не предполагало возможность появления таких социалистов, как Ленин, Сталин, Троцкий, Мао и Пол Пот. Хотя в реальной жизни уже встречались Белинский и Бакунин, а чуть позже – Нечаев и Ткачев.

Речь шла о том, что окружающий мир ужасен, и человечество нуждается в другой жизни, справедливой, без эксплуатации и ужасов раннего капитализма. Но кто же знал, что он ранний? В.М. Вильчек как-то великолепно сказал, что заря капитализма была такой мрачной, что Маркс ее принял за закат.

Революции 1848-1849 гг. продемонстрировали, что сказки социалистов-утопистов отнюдь не так безобидны, как долго всем казалось.

Однако Герцен, который в недобрый для России час был выпущен за границу, итогами этих революций, как написано в любой книжке, оказался смертельно разочарован и от этого изобрел «общинный социализм» (М.Малиа убедительно доказывает, что и здесь не все так просто).

Этому «разочарованию Герцена» в истории русского революционного движения и общественной мысли «в сопоставимых ценах» придается не меньшее значение, чем в истории Великих географических открытий – плаваниям Колумба и Магеллана, вместе взятым. Во всяком случае, пафоса при его описании тратится никак не меньше.

Судьбоносные теории рождаются по-разному. Это я к тому, что теория, в конечном счете искалечившая историю России, – таково мое твердое убеждение – а попутно и неисчислимо множество судеб во всем мире, родилась не в результате просветления личности масштаба Франциска Ассизского, Лютера или протопопы Аввакума. Принято считать, что она – результат всего-то «разочарования» ну очень свободолюбивого и взбалмошного русского барина, грезившего о материализации «мечтательного бреда» и обманутого в своих ожиданиях, человека в своем роде яркого и литературно одаренного, но не более того, и уж никак не годящегося на роль апостола. Как мне кажется, этот факт, наряду с тем, что крестьяне Петрашевского сожгли построенный им для них фаланстер, также может быть одним из эпиграфов к судьбе социализма в России.

Поскольку Герцен уже к 1848 г. стал законченным анархистом, то его идеалом была свободная федерация самоуправляющихся общин, «коммун» и т.п. Только она могла разрешить главное, по его мнению, противоречие из существующих – между личностью и обществом. Как и большинство социалистов, он пытался убедить человечество, начиная с себя, в том, что в коллективе возможно свободное гармоничное развитие личности (отцу явно следовало в свое время отдать его в кадетский корпус!).

И поэтому Герцен хотел не трансформации, а *ликвидации государства* в принципе – как явления мироздания.

Он совершенно справедливо пришел к выводу о том, что «умирающей», «пережившей себя» Европе *такого* «дивного нового мира» не построить. В частности, потому, что, по его мнению, она – эпицентр мировой буржуазности и мещанства, которые в придуманной им новой жизни не предусмотрены.

Европейцы, слишком привязанные к своему прошлому, в принципе не могут спасти мир от этой беды, поскольку даже пролетарии (не говоря о буржуазии) сами являются мещанами. Другими словами, вместо того, чтобы 25 часов в сутки думать о вечном и высоком, о преображении человечества в отсутствие государства, они всего

²⁴⁴ Достоевский Ф.М. Дневник. Статьи. Записные книжки. М., т.1. 1845-1875. С.409-411

лишь хотят завтра жить лучше с точки зрения материальной, чем живут сегодня, а о счастье человечества думают только на митингах. В глазах весьма состоятельного джентльмена А.И. Герцена, в жизни не державшего в руках ничего тяжелее охотничьего ружья и саквояжа, это было пошло и низко.

Пережив это тяжелейшее, невыразимое разочарование (считается, что он был близок к суициду, но это нужно исследовать тщательнее), он вспомнил об идеях славянофилов и Гакстгаузена и решил, что они правы, утверждая, что в русской уравнильно-передельной общине уже воплощены те идеалы эгалитаризма, демократии и пр., о водворении которых в обществе грезят социалисты Запада.

То, что для Европы является лишь мечтой – отношения равенства между людьми – писал он, «для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем; угнетенные императорским самодержавием, мы идем навстречу социализму, как древние германцы, поклонявшиеся Тору или Одину, шли навстречу христианству».

Поскольку от светлого будущего – от социализма – человечеству не уйти, то, по Герцену, именно синтез западных социалистических идей с русским общинным миром обеспечит победу социализма и оживит дряхлеющую западную цивилизацию.

Европу своей «молодой кровью» обновит Россия – таков отныне его вердикт (Маркс не раз со вкусом издевался над этими мечтами).

Конечно, Запад придумал социализм, но ему не дано его воплотить в жизнь без России, которая «станет Иисусом для европейского Моисея и введет человечество и землю обетованную, которую пожилому пророку было позволено видеть только издалека»²⁴⁵.

Таким образом, Герцен решил, что ни тяжелейшая русская история, ни века крепостного права не отразились на душевных качествах народа, в силу чего только «в русском народе скрыта потенция новой, лучшей, не мещанской, не буржуазной жизни». Он «видит эти потенции в русском мужике, в сером мужицком тулупе, в крестьянской общине. В русском крестьянском мире скрыта возможность гармонического сочетания принципа личности и принципа общинности, социальности»²⁴⁶. Воистину – Руссо живет всех живых!

Эти неотразимые аргументы позволили ему сделать вывод, что русская уравнильно-передельная община спасет мир – на меньшее, как водится, он согласен не был.

Именно Россия, по Герцену, призвана «сыграть роль зачинщика и вождя в социальном перевороте; порукою в этом была ему необремененность русской психики, ее варварская свежесть—и глубоко коренящееся в русском народе сознание его права на землю, **этот как бы врожденный социализм.**

... Он был убежден, что движение пойдет от нивы, от деревни, и что децентрализация будет первым признаком нашего переворота; на этом и основывалась его уверенность в том, что у нас не будет места французскому террору—явлению чисто городскому—да еще на том, что французам приходилось на место окрепнувшего веками воздвигать совершенно новое, тогда как наш переворот будет не чем иным, как сознательным возвращением к исконным народным началам, к провозглашению земли неотъемлемой стихией. Но **наш мужицкий переворот должен зажечь всю Европу**, и конец современному миру наступит тогда, когда русский крестьянин перекликнется с западным пролетарием-рабочим, и они поймут, что у них, собственно, одно дело»²⁴⁷.

Такое вот «слабое звено» в цепи всемирного мещанства.

Такие вот мечты о мировой революции в XIX в., которую миру принесет Россия, – при живом Марксе и задолго до рождения Ленина.

Такая вот запланированная победа гуманизма «черного передела» над ужасами

²⁴⁵ Малиа Мартин. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812-1855. М., 2010, С.419.

²⁴⁶ Бердяев Н.А.. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.29-30

²⁴⁷ Гершензон О.М. Социально-политические взгляда Герцена М. 1906. С.13-14

гильотины...

Есть ли смысл комментировать утопии? Ведь здравомыслие и прагматизм жанром волшебной сказки отнюдь не предусмотрены. Вот только, когда целые поколения рождаются, чтобы сделать былью сказку, придуманную когда-то безответственными идеалистами, случаются трагические повороты мировой истории.

Однако стоит, полагаю, привести мнение Бакунина по поводу общинных восторгов Герцена и Огарева: «Вы все готовы простить, пожалуй, готовы поддерживать все, если не прямо, так косвенно, лишь бы оставалось неприкосновенным ваша мистическая святая святых – великорусская община, от которой вы мистически ждете спасения не только для великорусского народа, но и для всех славянских земель, для Европы, для мира. Вы запнулись за русскую избу, которая сама запнулась, да так и стоит века в китайской неподвижности со своим правом на землю.

Почему эта община, от которой вы ожидаете таких чудес в будущем, в продолжение десяти веков прошедшего существования не произвела из себя ничего, кроме самого гнусного рабства?

Гнусная гнилость и совершенное бесправие патриархальных обычаев, бесправие лица перед миром и всеподавляющая тягость этого мира, убивающая всякую возможность индивидуальной инициативы, отсутствие права не только юридического, но простой справедливости в решениях того же мира и жестокая бесцеремонность его отношений к каждому бессильному и небогатому члену, его систематичная притеснительность к тем членам, в которых проявляются притязания на малейшую самостоятельность, и готовность продать всякое право и всякую правду за ведро водки – вот, во всецелости ее настоящего характера, великорусская община»²⁴⁸.

А вот как С.Н. Булгаков оценил общинные конструкции Герцена: «Что противопоставлял Герцен европейскому мещанству, которое его так глубоко оскорбляло, и почему он считал Россию призванную осуществить идеи Запада? Ответ поражает своей несообразностью, своим несоответствием вопросу, и в этом опять сказывается вся ограниченность мировоззрения Герцена: **потому, что в России сохранилась всеми правдами и неправдами поземельная община и признание в ней права всех на землю (как известно, признание довольно проблематическое).**

Таким образом, огромная нравственная проблема, мировой вопрос в полном смысле слова, вопрос о возможности настоящей, т. е. не мещанской, цивилизации унижается, вульгаризуется таким до детскости наивным и до мещанства материалистическим ответом. В этом фатальном несоответствии вопроса и ответа, размаха и удара есть что-то поистине трагическое...

Герцен снова и со всей силою ударяется головой о границы своего позитивного мирозерцания, которое слишком тесно для его запросов... Герцен — это Прометей, прикованный или, вернее, сам себя приковавший к бесплодной скале позитивизма, и каждый умственный его полет, смутное влечение в запредельные сферы только более дает чувствовать цепи здравого смысла, посредством которого Герцен хотел решать все вопросы быта. Философия Герцена ниже его личности, умственный мещанин, резонер здравого смысла, душит Прометея, постоянно палимого тем внутренним огнем, который был похищен им с неба.

В этом несоответствии мировоззрения духовным запросам личности, которая не может, однако, преодолеть его изнутри, и состоит душевная драма Герцена»²⁴⁹.

Здесь все сказано правильно. Позволю, однако, ремарку. «Душевная драма» Герцена состоит, на мой взгляд, все же в том, что этот «Прометей» «похищенный с неба» «огонь» в конечном счете зажег под крематорием. И, кажется, успел это осознать, познакомившись с Чернышевским и Нечаевым.

Был ли он искренен? Сложный вопрос. Многие из знавших его лично, сомневались

²⁴⁸ Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. М., 1906. С.282-283.

²⁴⁹ Булгаков С.Н. Душевная драма Герцена. Киев, 1905 г. С.42-43

в этом. Было во всей этой затее с «общинным социализмом» нечто, отдающее интеллектуальной ноздревщиной вкупе с хлестаковщиной. Как показывает Малиа, ему крайне важно было утвердить себя в качестве Большого революционера в политэмигрантском «Интернационале», и наличие в России якобы зародыша социализма в виде общины как бы повышало его статус. Он и сам касается этой темы в «Былом и Думах».

Б.Н. Чичерин пишет: «Как утопающий хватается за соломинку, он принялся возвеличивать русскую общину, в которой усматривал смутный зародыш какого-то социалистического будущего, тем самым сближался с славянофилами; но сам он ей не верил и в откровенные минуты признавался, что кидает пыль в глаза своим европейским друзьям»²⁵⁰. В.И. Герье сообщает такой факт: «Интересен в этом отношении рассказ, переданный мне очевидцем. В самом начале 60-х годов у Герцена, в Ницце, собрались однажды корифеи тогдашнего революционного движения—Маццини, Орсини и др. Речь зашла о социализме, о его надеждах и видах на будущее за границей. Герцен с своей стороны указал на то, что и Россия может примкнуть к этому движению, в ней уже есть готовые организации—это ее сельские общины. — «La russie a la commune". И сказав это, он обернулся к своему соотечественнику со словами: «Им все можно говорить, они ничего не знают о России». Эти слова и пренебрежительное выражение лица, которым они сопровождалось, показывают, что Герцен относился довольно скептически к своему парадоксу.

Но в России парадоксу верили и социалистические вождедения в русском обществе немало способствовали культу общины»²⁵¹.

Основав Вольную типографию, он внезапно действительно стал (до 1863 г.) чрезвычайно значимой фигурой в жизни России и, как известно, использовал свое исключительное положение во вред собственной стране.

Современник вспоминал позже: «К концу 1856 года, когда успокоились все волнения коронации, небо стало хмуриться и воздух стал грязниться... Это было начало, зародыш той эпохи, — увь! — долголетней и смутной, которая столько горя принесла России наравне со столькими благими намерениями. Началась совсем новая политическая жизнь. Забыт был Николай I, забыты были святые страды Севастополя, все принялось жить и сосредоточивалось около чего-то нового. Это новое, смешно вспомнить, был Герцен...

Явился новый страх — Герцен; явилась новая служебная совесть — Герцен; явился новый идеал — Герцен. Герцен основал эпоху обличения. Это обличение стало болезнью времени ... Едва мы выходили из училища, то начинали слышать разговоры о Герцене; в военно-учебных заведениях... Герцена брошюры читались, сваливаясь с неба, и я помню при встрече с юнкерами-сверстниками разговоры о том, что у них классы делятся на герценистов и антигерценистов... во всех министерствах забили тревогу; везде явились корреспонденты Герцена из министерства... знали, что Герцен имеет читателей в Зимнем дворце»²⁵².

Разумеется, *явное* идейное размежевание внутри общества, начавшееся фактически с самого начала нового царствования, от Герцена не зависело, но его деятельность очень серьезно укрупнила масштабы этого процесса. Во многом его стараниями понятия «критика»/«обличение» и «передовое мышление» в пореформенной России вплоть до отречения Николая II стали синонимами. Адекватно воспринимать значение совершающихся колоссальных преобразований Александра II и лояльно к ним относиться означало быть не «передовым». Правительство было модно поносить, обвинять в неискренности и с нетерпением ждать, когда оно проявит свою истинную крепостническую сущность.

²⁵⁰ Чичерин Б.Н. Воспоминания. М.2010. Т.1. С.391

²⁵¹ Герье В.И. Второе раскрепощение. М., 1911. С.8

²⁵² Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001. Захаров. С. 39-40

В большой мере публицистика Герцена способствовала тому, что негативные оценки прошлого по инерции переносились на новые, еще неокрепшие тенденции развития общества, нуждающиеся в дружной поддержке, в заботе здоровой части этого общества, а не в превентивной (по принципу «все, что исходит от правительства – априори плохо») и часто несправедливой критике.

«Герценовский террор», как и неслыханное ослабление цензурного режима, с одной стороны, в большой степени инициировал пропаганду Чернышевского, Добролюбова, Писарева и Ко, и, соответственно, резкую радикализацию части «революционной демократии» еще до 19 февраля 1861 г. С другой стороны, он провоцировал и значительный рост оппозиционных настроений внутри дворянства, в массе недовольного грядущей отменой крепостного права и поэтому приветствовавшего «обличение» правительства, откуда бы оно не исходило, пусть даже от социалиста Герцена. Здесь «критика слева» смыкалась с «критикой справа».

У меня нет возможности подробно говорить о причинах эпидемического распространения социализма в пореформенной России, в котором Герцен сыграл ключевую роль. Однако следует, полагаю, заметить следующее.

Во время больших исторических переломов людям особенно необходимо то, что сейчас не вполне точно именуют «национальной идеей», т.е. **понимание** важности и ценности **смысла своей жизни в контексте настоящего и будущего своей страны**.

Для здоровой части общества такой идеей стало участие в обновлении России, по своей воле начатом императором Александром II, (притом, что большая часть общества, выпущенного императором «на волю», психологически оказалась к этому не слишком готова – по разным причинам она, конечно, была одновременно растеряна и взбудоражена; тут уместна аналогия с «перестройкой»).

Великие реформы создали в стране принципиально новую ситуацию, позволяя России взять **капитальный** реванш у Истории, и множество русских людей не на словах, а на деле поддержали Александра II в этом намерении. Иначе преобразования не прошли бы так спокойно и уверенно (напомню, что в те же годы шла Гражданская война в США, унесшая свыше полумиллиона жизней!).

Однако для немалого числа образованных людей, не только разночинцев, но и дворян, «национальной идеей» стал социализм.

«Просто» строить Новую Россию, в которой начался переход к общегражданскому строю, им было скучно и неинтересно. Хотелось чего-то необычайного, неведомого (здесь также уместна аналогия с перестройкой). Общечеловеческие ценности для этих людей были слишком обыденны, они отдавали мещанством, как его понимал Герцен, и априори проигрывали теории, сулившей райское будущее, будь она хоть трижды надуманной, однако красивой, романтической и т.п.

Очень важно отметить, что для подавляющего большинства умевших читать жителей страны путь Европы, путь «капиталистический», «мещанский», был априори неприемлем. Социализм в России в немалой степени и был популярен от того, что у нас еще при Николае I слишком сильно впечатлились западной критикой капитализма (уже А.С. Пушкин сострадал не своим крепостным, а рабочим условных господ «Смита» и «Джаксона»), а затем революциями 1848-1849 гг. В силу этого либерализм, породивший «мир капитала», был загодя скомпрометирован в глазах людей, имевших о нем чуть большее представление, чем об истоках Амазонки. Да и велики ли были в насквозь крепостнической стране резервы для либерализма?

При этом малообразованное, несамостоятельное в интеллектуальном плане русское общество не имело опыта верификации чужих учений – чужих не потому только, что были изобретены не в Воронеже или Брянске, но и потому, что они исходили из условий **иной, чужой жизни**, которых русские люди не знали и не понимали, но почему-то думали, что выводы, сделанные из них, **всегда** имеют к ним отношение.

Теперь можно задать очень непростой вопрос о том, почему пропаганда Герцена

имела такой успех? Мои ответы располагаются не по степени значимости (и, конечно, не исчерпывают сюжета).

Во-первых, Сен-Симон и др. мечтали сделать совершенным чужой мир, а Герцену удалось создать в полном смысле слова «завлекательную», к тому же патриотически ориентированную теорию, которая не просто обещала устроить в России земной рай, но и превращала ее мирового лидера в движении человечества в эти «райские кущи», т.е. к социализму. О мере ее реалистичности никто не думал.

Во-вторых, Герцен-обличитель самодержавия и Герцен-социалист для многих были неразделимы. Поскольку правдивость его критики режима Николая I сомнений не вызывала (и даже в Зимнем дворце), то это заодно как бы сообщало ореол достоверности и его «нелепым социалистическим статьям» (Б.Н. Чичерин) и во многом обеспечило успех его писаниям, которые воспринимались тем охотнее, что имели все признаки запретного плода.

В-третьих, *очень многое*, полагаю, объясняет следующая мысль В. А. Маклакова: «Одному самодержавию казалось под силу «освободить с землей крестьян», избежав пугачевщины.

Но после осуществления Великих Реформ, в рамках обновленного строя, сама практика жизни должна была естественно вести к завершению всего, что тогда было начато; на это и надеялись лучшие люди этого времени.

Но жизнь не развивается прямолинейно.

Радикальные реформы всегда опасный момент: когда они начинаются, **от них требуют большего, чем они могут дать**. Сдержанное ранее нетерпение пробивается бурно наружу.

Когда преемник самого законченного из самодержцев Николая I начал эру Реформ, **накопленное против порядков его отца озлобление развязало внизу революционные настроения и дерзания**.

Александр II заплатил своей жизнью не за свои ошибки и колебания, а за политику своего отца. В этом заключается справедливость безличной истории. Ничто в мире не пропадает бесследно»²⁵³.

Полагаю, рассуждения В.А. Маклакова безжалостно точны.

Наличие социалистической программы канализировало это озлобление, поскольку она указывала недовольным людям «правильное» направление, давала «четкие» ориентиры и пр. Теперь было понятно, к чему должен стремиться «каждый честный человек». Сразу стали ясны очень важные для молодых людей вещи – ради чего стоит и нужно жить и кого необходимо спасать. Жить надо ради свержения самодержавия, а спасать – крестьянство, «ограбленное» в 1861 г. Социализм действительно стал настоящим оружием.

Б.Н. Чичерин писал, что именно «агитация и пропаганда» Герцена «подействовала на целое поколение как губительная, противуестественная привычка, привитая к молодому организму, еще не успевшему сложиться и окрепнуть»²⁵⁴.

И тот факт, что новые кумиры, на становление взглядов которых Герцен сильно повлиял, – Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов – вскоре будут фактически издеваться над ним, ничего не меняет. «Нам не дано предугадать...». Дело было сделано, он выпустил джинна из бутылки, и вирус начал распространяться беспрепятственно.

Очевидно, что какая-то аудитория у Герцена была по определению (недовольные есть всегда и везде), притом же знакомая с социализмом – социалистическая литература с 1830-х гг. свободно стояла в книжных лавках, выписывалась и т.д. (стоило запрещать «Медного всадника»?!). Николай I не смог, да и не мог отгородиться от остального мира. Мощный натиск социальных низов повсюду в Европе не мог оставить равнодушными

²⁵³ Маклаков Василий. Воспоминания. 1880-1917 М., 2006. С.255.

²⁵⁴ Пока я не могу объяснить, почему эта мысль дословно встречается в письме Ю.Ф. Самарина Герцену (см.Нольде...)

людей и в России, потому что неправды и несправедливости тут было как минимум не меньше.

Если богатый помещик Б.Н. Чичерин, родившийся в 1828 г., активно приветствовал социализм вплоть до бойни в Париже 1848 г., то что говорить о тех его ровесниках, не имевших его карьерных перспектив?

Особо следует остановиться на том печальном обстоятельстве, что русский социализм – это парафраз крепостничества.

Социализм стал формой компенсации крепостнического сознания умеющих читать русских людей.

Деспотический режим формирует у подданных ***вне зависимости от социального статуса и материального положения*** сознание, которое я склонен назвать крепостническим. Такое мирозерцание не представляет окружающий мир как мир, где «люди подчиняются лишь закону, перед которым равны все сословия и где для человека естественно чувство собственного достоинства» (С.Р. Воронцов). Носители подобного сознания осмысливают действительность в дихотомии безоговорочное «господство/подчинение», «рабовладелец/раб», «начальник/подчиненные» и т.п. Они непременно должны кем-то управлять, руководить, командовать. Достоевский гениально раскрыл это в понятии шигалевщины.

Поэтому социализм удивительно комфортно укладывался в такие коренные особенности психологии и мышления российского дворянства, не говоря о ***разночинцах***, как крайне низкий уровень правосознания, как восприятие низших классов в качестве, цитируя С.Ю. Витте, чего-то среднего между людьми и скотом, как «полудетей», «которых следует опекать», которыми нужно руководить и т.д.

Когда-то я написал книгу «Оппозиция Его Величества» о некоторых из ***лучших*** русских людей конца XVIII-первой половины XIX вв., центральными персонажами которой являются генералы А.П. Ермолов и граф М.С. Воронцов, которые, несмотря на дружбу и большое взаимное уважение, символизировали два во многом различных типа восприятия русским дворянством всех проблем эпохи.²⁵⁵ Не вдаваясь в детали, приведу выдержку: «Такой несколько ироничный, насмешливый подход (к солдатам – М.Д.) очень характерен для Ермолова, и не только для него. Этот подход несколько не противоречит искреннему восхищению русским солдатом, его личными и боевыми качествами, чему есть множество свидетельств. Однако Ермолов не склонен закрывать глаза на то, что такой уровень культурного развития, на каком стоит русский солдат, предполагает отличную от западной дисциплинарную практику. Ермолов относится к солдату иногда как старший брат, иногда как отец, иногда как бабушка – иногда с одобрением, иногда с восхищением, иногда с умилением, иногда с уважением, но никогда не закрывая глаза на некоторую, по его мнению, недоразвитость что ли, требующую ***особого*** подхода. Понятно, что таково же и мнение его о русском народе вообще, и именно тут во многом коренится его взгляд (тогда негативный – М.Д.) на преобразования в России»²⁵⁶. А Воронцов относился к солдату как к равному (не в смысле, избави Бог, панибратства!), как к человеку, имеющему такое же достоинство человека, что и генерал граф М.С. Воронцов, хотя они и носили разные мундиры. Поэтому, в частности, в 1820 г. Ермолов, как и подавляющее большинство дворян, был против освобождения крестьян, а Воронцов был главным участником созданного братьями Тургеневыми «Общества» для уничтожения крепостного права. М.С. Воронцов и еще один герой этой книги – П.Д. Киселев – со своими взглядами были почти в полном одиночестве не только среди имперской элиты, но и среди дворянства вообще.

Когда я писал эту работу, то, разумеется, не очень понимал идейную и духовную

²⁵⁵ Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. М., 2005. Зебра-Е. Это третье многострадальное издание, в аннотации которого А.П. Ермолов назван А.П. Ермолаевым, в котором сбиты сноски, не говоря о нумерации страниц.

²⁵⁶ Там же, С.282-283

связь эпохи 1812 года с пореформенным временем именно в *этом* аспекте. Однако та давняя работа оказалась актуальнее, чем мне казалось.

Над этим стоит как минимум задуматься; позже я вернусь к этому сюжету.

После 1855 г. на авансцену выступила оппозиция принципиально другого свойства, нежели либералы 40-х годов, – разночинская, провозвестником которой во многом был Белинский, а глашатаями стали, прежде всего, Чернышевский и Ко. Сперанскими дано быть не всем, и разночинцев категорически не устраивала перспектива, уготованная им системой Николая I, сулившей большинству из них прозябание на социальных задворках, получение – в лучшем случае – низших классов Табели о рангах.

Эти «новые русские» были куда менее культурными и образованными, чем поколение западников и славянофилов. Тем не менее, будущее было за ними, потому что, по словам Головина, «ничего нет опаснее для общества, как туманные мечтания о каком-то земном рае, где бы ни искали его прототипа, в сомнительном прошлом или в неосуществимом будущем. Оппозиция, не умеющая формулировать своих желаний (т.е. либералы 40-х годов – М.Д.), неминуемо обречена стать жертвой тех людей, у которых желания эти идут всего дальше, т.е. прямо требуют ниспровержения всего существующего... Когда севастопольский погром привел само правительство к убеждению, что надо приступить к коренным преобразованиям и с этой целью освободить общество от печати молчания, оказалось сразу, что за спиной фрондирующего дворянства с его отчасти маниловскими грезами успело вырасти нечто совсем иное, более определенно-реальное в своих требованиях – сложился с поразительной быстротой образованный разночинец, так называемый «интеллигент», успевший пройти через школу, но не усвоивший себе заодно со знанием и культуру.

Этот интеллигент выступил на сцену очень решительно, сразу выбрасывая за борт не только все существующее, но и проекты его реформировать, и все дворянско-оппозиционное направление 40-х годов. Ему надо было совершенно иного, чего не имелось вовсе ни в прошлом, ни в настоящем России, не отмены только крепостного права и невозможных судебных порядков, не реформы административного строя, с введением в него местного представительства, а полного непосредственного демократизма с фактическим господством людей, проводших известное число лет на школьной скамье»²⁵⁷.

Под «полным непосредственным демократизмом» Головин имеет в виду радикальное расширение доступа во властные структуры этих «новых русских», т.е. интеллигентов-разночинцев. Реформы Александра II им были априори неинтересны. **Им действительно были не нужны никакие улучшения Старой России, их не устроили бы никакие преобразования**, в том числе и трижды Великие. Им требовалась «кормовая территория», своего рода мандаринат, в которой они заняли бы место нынешней элиты.

Правительство долго не понимало, откуда исходит главная опасность, и давало чернышевским и писаревым возможность беспрепятственной агитации, считая, что угрожает ему сопротивление дворянства. Такая позиция Власти понятна, она исходила из исторического опыта. А это был новый вызов.

Среди интеллигентов были и дворяне и разночинцы, что внятно говорит о размытости наших социальных критериев, опять-таки идущей от народнической традиции.

Социализм был самым подходящим средством достижения их целей, что не отменяет, понятно, наличия «идеалистической» составляющей в деятельности множества конкретных людей; данные сюжеты многократно обсуждались в литературе.

Вот что писал об этом Ф.М. Достоевский М.Н.Каткову 25 апреля 1866, вскоре после покушения Каракозова на Александра II: «Учение (т.е. идея социалистов – М.Д.)

²⁵⁷ Головин К.Ф. Вне партий. Опыт политической психологии. СПб., 1905. С.289-290

«встряхнуть все за четыре угла скатерти», чтоб, по крайней мере, была *tabula rasa* для действия – корней не требует. Все нигилисты суть социалисты.

Социализм (а особенно в русской переделке) – именно требует отрезания всех связей. Ведь они совершенно уверены, что на *tabula rasa* они тотчас выстроят рай. Фурье ведь был же уверен, что стоит построить одну фаланстеру, и весь мир тотчас же покроется фаланстерами: это его слова. А наш Чернышевский говаривал, что стоит ему четверть часа с народом поговорить, и он тотчас же убедит его обратиться в социализм.

У наших же, у русских бедненьких беззащитных мальчиков и девочек, есть еще свой вечно пребывающий *основной* пункт, на котором еще долго будет зиждиться социализм, а именно: энтузиазм к добру и чистота их сердец. Мошенников и пакостников между ними бездна. Но все эти гимназистики, студентки, которых я так много видал, так чисто, так беззаветно обратились в нигилизм во имя чести, правды и истинной пользы! Ведь они совершенно беззащитны против этих нелепостей и принимают их как совершенство. Здравая наука, разумеется, все искоренит. Но когда *еще* она будет? Сколько жертв поглотит социализм до того времени? И, наконец: здравая наука, хоть и укоренится, не так скоро истребит плевела, потому что здравая наука – все еще только наука, а не непосредственный вид гражданской и общественной деятельности. А ведь бедняжки убеждены, что нигилизм – дает им самое полное проявление их гражданской и общественной деятельности и свободы»²⁵⁸.

При определенных условиях вывернуть сознание молодежи наизнанку было несложно во все времена. Сколько тысяч «русских бедненьких беззащитных мальчиков и девочек» с их «энтузиазм к добру» и с «чистотой их сердец» было навсегда искалечено человеконенавистнической пропагандой Герцена, Чернышевского, Писарева и их последышей!

Что принесли светила отечественного нигилизма в наш мир, можно понять из характеристики Н.А. Бердяевым предтечи этих людей, Белинского, который, по его мнению, «может быть первый выразил тип революционной интеллигенции и в конце своей жизни формулировал основные принципы ее мирозерцания, которые потом развивались в 60-е и 70-е годы... По душевной своей структуре он имел в себе типически интеллигентские черты, он был нетерпимым фанатиком, склонен к сектантству, беззаветно увлечен идеями, постоянно вырабатывал в себе мировоззрение не из потребности чистого знания, а для обоснования своих стремлений к лучшему, более справедливому социальному строю...

Белинский проникается, по его собственным словам, **Маратовской любовью к человечеству**. «Страшный я человек, пишет Белинский, когда в мою голову забивается какая-нибудь мистическая нелепость». Таков вообще русский человек, в его голову часто «забивается какая-нибудь мистическая нелепость»...Очень замечательны эти слова Белинского.

Из сострадания к людям Белинский готов проповедывать тиранство и жестокость. Кровь необходима. Для того, чтобы осчастливить большую часть человечества, можно снести голову хотя бы сотням тысяч. **Белинский предшественник большевистской морали.** Он говорит, что люди так глупы, что их насильно нужно вести к счастью. **Белинский признается, что, будь он царем, он был бы тираном во имя справедливости.** Он склонен к диктатуре. Он верит, что настанет время, когда не будет богатых, не будет и бедных»²⁵⁹.

Как все это похоже на Нечаева, Ткачева, Ленина, Сталина, Троцкого - далее по списку....

В этом мировоззрении интеллигенции поразительно оправдание «тиранства и жестокости» состраданием к людям, этот уродливый симбиоз деспотизма и классовой якобы справедливости, понимаемой как тривиальная уравниловка. И одновременно –

²⁵⁸ Достоевский Ф.М. Собр.соч. в 15-ти томах. Спб., 1996. т.15, .15, с.282-283.

²⁵⁹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.С.31, 34-35

феноменальная по наглости уверенность в своем праве решать за миллионы людей, как они должны жить.

С этого времени изуверская идея оправдания самого гнусного насилия мифической справедливостью, грядущим земным раем и т.п. навсегда прописывается в головах множества наших соотечественников. Как говорилось, в силу подобной логики, например, покушения на царя вплоть до его убийства 1 марта 1881 г., не говоря о терроре в отношении менее значительных лиц, обретают характер чуть ли не обыденного явления, морально-этическая оправданность которого настолько очевидна, что даже не обсуждается. И до сих пор эта извращенная логика жива – к сожалению, это не требует доказательств.

Конечно, не может быть случайностью, что в стране, которая еще только собиралась расстаться с одной формой массового принуждения, т.е. одряхлевшим вотчинно-крепостным государством, такую популярность приобрела идея более совершенной и современной формы такого принуждения – социализма, декорированная «мечтами о будущем блаженстве». Герцен при всей логической и иной уязвимости своих построений был прав в том, что переход от одного варианта крепостного права к другому России было, конечно, проще сделать, чем Западу.

Об *истинной* свободе эти люди не думали, поскольку просто не понимали, что это такое, – тоже влияние крепостничества.

Другими словами, *желания царя освободить своих подданных недостаточно – нужно, чтобы они и сами хотели стать свободными*. А предлог, под которым им хочется остаться в крепостнической системе ценностей, не очень важен. Наша история убедительно показывает это.

Тут большая работа для науки психологии.

Не зря же Герцен, обосновывая тезис о том, что у России не меньше шансов на социализм, чем у Запада и, как всегда, противореча самому себе, говорил, главное ее преимущество состоит в наличии общины, поскольку для «обеспечения социализма дух коллективизма важнее, чем свобода личности»²⁶⁰.

При этом число приверженцев нового учения вовсе не ограничивалось теми, кого в советское время считали народниками. Мое поколение ведь учили, что есть народники хорошие, т.е. революционные (лучшие из них - террористы) и наивные недотепы, т.е. либеральные. Отдельной строкой проходили консерваторы (крепостники, охранители) и «пошлые либералы», чем и исчерпывалась идейная палитра пореформенного общества до той поры, покуда занавес не открылся, и на сцену не выступил носитель конечной истины – марксизм. Это, однако, большое упрощение.

Н.А. Бердяев писал: «У нас было народничество левое и правое, славянофильское и западническое, религиозное и атеистическое. Славянофилы и Герцен, Достоевский и Бакунин, Л.Толстой и революционеры 70-х годов - одинаково народники, хотя и по разному. Народничество есть прежде всего вера в русский народ, под народом же нужно понимать трудящийся простой народ, главным образом крестьянство. Народ не есть нация. Русские народники всех оттенков верили, что в народе хранится тайна истинной жизни, скрытая от господствующих культурных классов... Религиозное народничество (славянофилы, Достоевский, Толстой) верили, что в народе скрыта религиозная правда, народничество же безрелигиозное и часто антирелигиозное (Герцен, Бакунин, народники-социалисты 70-х годов) верило, что в нем скрыта социальная правда»²⁶¹.

Дальнейшее изложение не будет понято без осознания следующей мысли: «С удивлением приходится убедиться в том, что, за исключением отдельных голосов, не имевших непосредственного решающего значения, политики самых различных взглядов, от крайних реакционеров до самых ярких революционеров, как ученые и писатели разных направлений и руководимые разными, а часто прямо противоположными соображениями,

²⁶⁰ Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. 1783-1883 гг. М., 1986. С.156

²⁶¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма... С.48

все восторженно относились к идее какого-то особого русского национального крестьянского права.

Так называемое **народничество** нельзя представлять, как узкую партийную революционную догму; это было весьма **широкое и могучее духовное течение**, которое только у экстремистов приобретало революционную заостренность. Обычно считают, и вполне обоснованно, что одна из причин революции — это разрыв между правительством, интеллигенцией и народом. Но нельзя забывать, что аграрная идеология российской интеллигенции, известная как народничество в широком смысле этого слова, на самом деле была просто несколько **отполированным вариантом крестьянского правового мировоззрения, в какой-то мере связанного с правительственными мероприятиями и основанного на тексте закона**. Таким образом, как раз по тому вопросу, неудачное решение которого свалило и разрушило Россию, правительство, общество и народ были вполне едины»²⁶².

Нарисованная Зайцевым картина – отправная точка для понимания идейного развития пореформенной России. Без нее не понять до конца ни эпидемического распространения социализма в стране, ни того важнейшего факта, что многочисленные партии, включая правых, имели во многом общий фундамент. Даже марксисты, посмеивавшиеся над народниками, как «неправильными» социалистами, как минимум, в отрочестве были народниками и, подобно им, верили в самобытность исторического пути России и разделяли их мессианиззм.

Как же могло сложиться такое странное и в полном смысле роковое единство, обрушившее Российскую Империю?

Для ответа на это важнейший вопрос **исключительно** важны мысли Н.П. Макарова, одного из крупнейших русских экономистов XX в.

В 1918 г. он написал небольшой, но очень емкий очерк под названием «Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса», в котором ретроспективно осмыслил не успевшие еще остыть следы «черного передела», к которому полвека явно и неявно призывал недалекий «коллективный разум» русской интеллигенции.

В этой работе Макаров, в частности, объясняет то «религиозное поэтизирование земли», то «настоящее «религиозно-земельное» настроение россиян», без которого многое в только что происшедших в России событиях останется непонятым. В этом настроении «слишком много переживаний русской интеллигенции; это очень и очень типичные настроения, с которыми в России подходили, да и сейчас подходят к земельному вопросу».

Вот текст Макарова:

«Многие из тех мыслей и чаяний в области идейных аграрных построений, которые мы встречаем в русской литературе последних десятилетий, имеют свои глубокие корни в старых, старых мыслях и думках лучших русских людей... Вновь пришедшему человеку многое из современной аграрной идеологии будет непонятно, если он новый человек перед лицом русской общественной мысли.

И не только поиски старых дум по аграрному вопросу здесь нужны, но еще больше нужны поиски из области общих социально-этических настроений и рассуждений.

Так... в лице славянофилов и западников мы имеем тот богатый клад, из которого долго и щедро русская идеология удовлетворяла свою духовную жажду. В психологическом романтизме славянофилов скрываются основы наших идеальных настроений; в реализме западников скрывается тяжесть «идейного материализма»; и отсюда как из клубка распутывается нить и ведет, ведет нас по закулисам и дебрям русских аграрных, идейных исканий. Не задаваясь целью дать систематический и полный обзор вопроса, мы все же попытаемся заглянуть в некоторые сокровенные уголки этой истории мыслей и чувств русской аграрной проблемы.

²⁶² Цит. по: Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. Париж. 1980. С.202-203

В *полагании* особых путей нашей русской истории как в едином фокусе выявлялась и конкретная историческая оценка славянофилами этих путей и положительные этические взгляды этих славных русских людей. Славное трио Киреевского, Хомякова и К. Аксакова дало свою и индивидуально-этическую и социально-этическую философию; ею они окрасили свою социологическую концепцию; отсюда те этические квасцы, бродильная сила которых обладает поражающе длительным действием.

Отвращение и ненависть к «гниющей Европе», протест и социально-этическая боязнь «пролетариатства», органическая ненависть «восточного» человека к жестокому римскому праву с его защищенной частной собственностью, с его экономическим либерализмом как естественным логическим выводом для экономической политики; идеализация прошлого натурального патриархального строя; вера во всемирно-историческое значение православия; квалификация русского народа как самого христианского народа; квалификация поэтому и русской истории как идеальной, этически особо ценной истории; как много во всем этом скрытой идеологической силы для последующих социальных настроений...

И этому противостояли холодные западники, объяснявшие, но не любившие прошлое; почитавшие роль христианства большой социальной силой, но в прошлом и без любви к этой силе; холодным спокойным взором глядевшие на Западную Европу и чуждо твердившие: учиться нам у нее надо... Нет, здесь был чистый холодный поток, в нем не было ни русской задумчивости, ни русской мечты, здесь не было романтизма – и не сюда уходили главные корни последующих русских социально-идеологических настроений.

«Народ это крестьянин», - говорили славянофилы, - «не по числу, а как единственный носитель русской народности».

Разве недостаточно этой мысли и формы, чтобы создать «народолюбство» и «народничество» интеллигенции?

И заглядывая в этот манящий идейный омут, развертывая этот бесконечно смутно сплетенный клубок, они хранили в понятии «народ» дорогие, ценные элементы.

Личность христиански-самоотрекающаяся от своих прав, смиряющаяся и добровольно входящая в общину; близость христианской общины к земельной общине, почти тождественность их; близость земельного общинного равнения христианскому этическому принципу; «любовность» славянская, могущая у некоторых славянофилов сочетаться даже с круговой порукой как возможным внешним проявлением «христианской любовности» (Хомяков), славянство и община как два выражения одного и того же духа, личность, не подавляемая в общине, но лишь не терпящаяся в своем «бунте» (К.Аксаков) и т.д. и т.д.

Разве из всего этого можно было русской интеллигенции не захватить особого этического отношения к общине?

Разве не здесь лежат идейные корни нашей любви к общине, которая делает то, что «социальный вопрос в России невозможен», которая как принцип социального «самоотречения» (Ю.Самарин) есть начало доброе, но в то же время и анархистическое – в противоположность государству, началу злему в силу его принудительного принципа.

Важно во всем этом и то, что *первоначально* община была рассмотрена славянофилами именно с *этической* стороны, а не с социологической, исторической или экономической; этическая оценка подчинила себе всякое иное рассмотрение.

От этого романтического «манящего омута», как мы увидим сейчас, пошли дальнейшие большие, дорогие русской интеллигенции мысли и чувства.

У славянофилов не было социализма, но ведь их «христианская община» (она же и крестьянская община) отдавала каким-то анархическим христианским коммунизмом. Отрицать же анархичность русской народнической идеологии, так же как и некоторый уклон по временам к примитивному коммунизму едва ли можно...

Переход к социализму от славянофильства был не труден при этих условиях; и ведь недаром Герцена как первого обоснователя русского народнического социализма Овсяннико-Куликовский называет «социалистическим славянофилом». Во всем синтезе западничества со славянофильством у Герцена все же гораздо более сильные и яркие краски – краски славянофильства.

Разве не то же славянофильское отвращение к западноевропейскому капитализму; разве у Герцена ненависть к буржуазии и собственности как к «мещанству» не есть лишь новая формулировка старых оценок славянофилов; боязнь «пролетариатства» и у социалиста Герцена есть боязнь славянофильская: «западноевропейский пролетариат – его идеалы там же, где идеалы мещанства».

И Герцен верит в возможность для России немецкого пути развития; прошлое русского народа – темно; настоящее – ужасно; но на будущее у него есть права и эти «права» обосновываются тем, что у народа есть община.

Уже в 1859 г. Герцен точно формулирует те требования, которые завладели далее душою и сердцем русской интеллигенции: право каждого на землю, общинное владение, мирское управление.

Здесь в историко-философской этике Герцена, в его исторической концепции, при которой у России есть своя историческая миссия в мире, здесь разгадка того, почему так крепки идейные устои русского народничества.

Жизнь отзвучала свою песню, прошедший хор жизни удаляется все дальше и дальше, а народническое сердце, полное трепетного романтизма, мечтательно повторяет: «право каждого на землю», «право каждого на землю»...

Глядишь и не знаешь, мечта ли это о будущем или тоска об ушедшем реальном прошлом.

Так вот где корни этического обоснования русского народничества.

И если уже Герцена захватила щемящая боль сомнения, если уже он сознавал, что возможность «особых путей» для России «тает с каждым днем», то осталось все же богатое чувство, богатое стремление, хотя и в разладе с мрачным «сущим» земли...

Реформа 1861 г. не разрешила «народного вопроса»; она лишь еще большее развернула мрачную картину настоящего; лишь еще ярче оттенила разорванность этических стремлений от мрака современности.

И тот самый Чернышевский, который так много сделал по дальнейшему укреплению этического народнического идеализма, он же отдал много сил и внимания изучению современности...

Европа не истощила своих сил, она идет к социализму, говорит Чернышевский, ей помощи нашей не нужно»; но и это все не вытравило у Чернышевского этических корней славянофильства; особый путь для истории России возможен и состоит он в возможности миновать западноевропейские стадии исторического развития.

Анализируя вопросы производства и распределения, Чернышевский становится целиком на сторону примата распределения (в статьях об общине и собственности на землю) и проводит в связи с этим глубокое различие между понятиями «народа» и «нации»...

Отдавая этически руководящее главенство распределению, Чернышевский и к общине подходит с этим же мерилom; ее ценность он видит в ее распределительно-справедливом начале; в ней и он видит панацею от «пролетариатства», в ней и он видит «возможный центр кристаллизации для будущего социалистического строя»...

Высказываясь поэтому за уничтожение всякой *частной* собственности на землю и за национализацию, он делал это в виде последовательного вывода из своего этического требования. В этом примате этически-уравнительного мотива, который крепким лейтмотивом пронизывает все, в этом примате этики мы имеем глубокие корни современной постановки аграрной проблемы; *бросить на службу этической идее все* –

вот страстное, властное требование, вот чем так сильны и завлекательны были писания Чернышевского.

Не раз можно задаваться вопросом: почему такую большую роль в истории русской общественной мысли играл Чернышевский – и каждый раз будет один ответ: в примате у него этика, этичность постановки его вопроса. Не там *где-то* в отдаленном будущем, которое *субъективно не мыслится реально*, будет торжество социальной этики, а здесь вот у этой земли, с которой только снимут права частной собственности. В этом вся сила власти этих мыслей»²⁶³.

Такую поэму нельзя перебивать.

Я не имею возможности подробно комментировать этот потрясающий текст, который, впрочем, и не требует пространных пояснений. Он, конечно, крайне важен для понимания природы народничества, поскольку прямо указывает на то, чем пренебрегает традиционная историография.

Что же, «особые пути нашей русской истории» плюс «отвращение и ненависть к «гниющей Европе» – вполне актуальный для нашей страны и сегодня набор интеллектуальных ценностей!

Историческая концепция Герцена, «при которой у России есть своя историческая миссия в мире», это, замечу, концепция, походя отмечающая во имя своих бредовых идей *всю* русскую историю: «Мы свободны от прошедшего, потому что наше прошедшее пусто, бедно, узко. Невозможно любить такие вещи, как московский царизм или петербургский империализм»²⁶⁴. Большой патриот, что и говорить. А «историческая миссия» России в данной трактовке, напомню – это продемонстрировать мещанскому человечеству, как надо жить без мещанства, – так, как живут в крепостнической уравнильно-передельной общине!

Макаров в нетрадиционном ракурсе показывает, что построения славянофилов оказали сильнейшее влияние не только на русский народнический социализм, а также и на идейное развитие пореформенной общественной мысли вообще. Слишком многое у них льстило национальному самолюбию, и каждый при желании мог найти там что-то привлекательное для себя.

Ведь идеализировать «прошлый натуральный патриархальный строй» (т.е. ту же общину – продукт крепостного права!) и ненавидеть «жестокое римское право с его защищенной частной собственностью, с его экономическим либерализмом» могли как люди верующие, так и атеисты, как люди с прекрасным образованием, так и самодовольные недоучки, как те, кто считал историю России «идеальной, этически особо ценной историей», так и те, кто находил в ней только крепостнические «гнусности», «германскую татарщину» и мечтал начать ее (историю) заново. В действительности так и происходило. Те или иные идеи славянофилов, в повседневной жизни сильно диффузировавшие с социализмом, разделял не весь образованный класс, однако весьма значительная и в некоторых своих сегментах влиятельная его часть, включая последних императоров. С.Ю.Витте, например, признается, что в начале 1890-х гг. в крестьянском вопросе, т.е. по отношению к общине, находился под влиянием славянофилов.

Ясно при этом, что отнюдь не реалистичность этих идей обеспечила их популярность.

Оценим вербальный ряд: «богатый кладезь, из которого долго и щедро русская идеология удовлетворяла свою духовную жажду», «чистый холодный поток, в нем не было ни русской задумчивости, ни русской мечты, здесь не было романтизма», «романтический «манящий омут», «народническое сердце, полное трепетного романтизма, мечтательно повторяет: «право каждого на землю», «богатое чувство, богатое стремление, хотя и в разладе с мрачным «сущим» земли».

²⁶³ Макаров Н.П. Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса. Харьков, 1918. С.3-10

²⁶⁴ Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем. Том 6, С.280

Нужно ли доказывать, насколько такие конструкции, в которых романтизм и «красивость» ценятся выше степени адекватности, оторваны от окружающей действительности – «сделайте мне красиво!». А насколько успешны попытки склеить виртуальность и реальность – более чем убедительно доказывает российский XX век.

«Реформа 1861 г. не разрешила «народного вопроса»; она **лишь еще большее** развернула мрачную картину настоящего; **лишь еще ярче** оттенила разорванность этических стремлений от мрака современности» – следовательно, лучше было бы 23 миллионам крестьян оставаться крепостными и гнуть спину на барщине или зарабатывать для помещика оброк!

Общечеловеческие ценности для таких построений, повторюсь, слишком скучны. Зачем российскому народу полнота гражданских прав? Зачем ему частная собственность на землю? Ведь Герцен и Чернышевский вслед за славянофилами объявили, что она ему чужда, мы не собственники, мы не мещане, мы очень духовные! Впрочем, русская интеллигенция как продукт крепостничества вообще удивительно равнодушно относилась к проблеме права, а особенно – к **чужим** правам – ведь для многих ее представителей «право на землю» стояло выше «права на жизнь», что ярко продемонстрировал народовольческий террор.

Текст Н.П. Макарова, в частности, показывает, как далеко уходят в своем радикализме ученики, не только образованные **хуже** учителей, но и не так тонко чувствующие. Все личные сложности и бесконечные метания Герцена были забыты – никаких прав личности у народников мы не встретим. Только «право на землю» – парафраз «права на труд», парижского лозунга 1848 г., введенного в «интеллектуальный» оборот Герценом.

В высшей степени характерно при этом, что на 27 страниц брошюры Н.П. Макарова, посвященной восприятию русской интеллигенцией аграрного вопроса, прилагательное «этический» встречается 66 раз и еще 12 раз употребляется слово «этика».

Интересная этическая система, в которой нет места достоинству личности, а только «уравнительной справедливости»!

«Бросить на службу этической идее все – вот страстное, властное требование, вот чем так сильны и завлекательны были писания Чернышевского

А суть «этической идеи» – не в том, чтобы раскрепостить и развивать производительные силы народа, не в том, чтобы научить его, как можно эффективнее работать и соответственно жить лучше, чтобы открыть ему богатство мировой культуры.

Нет, смысл этой идеи другой. Во-первых, оставить навсегда сначала 60, затем 80 и, наконец, сто и более миллионов людей в казарме, именуемой общиной. Во-вторых, подбросить им пару десятин помещичьей земли и в силу этого считать «себя любимых» благодетелями, а крестьян благодетельствованными. В-третьих, заставить их делить поровну свое скудное состояние, которое в силу общинных порядков не могло не быть таковым, и, наконец, решить за них, что они теперь счастливы и объявить свою миссию исполненной, а этическую идею реализованной. После чего величаво контролировать процесс распределения, бдительно подстригая всех под одну гребенку. Об этом очень ясно говорят аграрные проекты Временного правительства!

В Европе, условно говоря, хотя бы было что делить. А что было делить в России середины XIX в.? Впрочем, как мы сейчас увидим, народникам и нужна была только та крестьянская Россия, которая описана в «Богучаровском бунте».

Жизнь глазами народников, или Как нам придумать Россию – 1.

Основные постулаты народничества объяснить не слишком сложно. Однако не хочу лишать читателей удовольствия ознакомиться с их изложением в книге К.Ф. Головина «Мужик без прогресса или прогресс без мужика?» (М., 1895), в которой они оцениваются в контексте реальных перемен в жизни и быте пореформенного крестьянства.

Головин – человек компетентный и часто язвительный. Его не всегда академическая, но притом точная по смыслу манера изложения, помогает лучше понять то, что иногда сложно увидеть за обычными описаниями данных сюжетов в учебниках, где стилистика определяется жанром и объемом текста. В этом я убедился на практике, поскольку не один год использую предлагаемый материал на занятиях. Притом же мнение современника в данном случае имеет, безусловно, больший вес, чем критика народничества постфактум из начала XXI века.

«До последнего времени в экономических взглядах нашего передового лагеря господствовало трогательное единодушие. Мужик как представитель нашего рабочего класса был предметом неизменной симпатии, и мужицкое хозяйство, которому, в противоположность частному, присваивалось название народного, признавалось единственно нормальным, исключительно заслуживающим внимания и помощи со стороны государства. Наряду с ним, частное землевладение признавалось только как нечто терпимое, как промах русской истории, который не замедлит, конечно, исчезнуть под двойным воздействием хлебного кризиса и здравых экономических воззрений.

Когда правительство являлось на помощь личному землевладению, раздавались сетования по поводу таких печальных ошибок правящих сфер, среди которых не успело еще окрепнуть убеждение, что единственный законный владелец земли тот, кто ее возделывает сам, и что в России один мужик, и притом мужик-общинник, имеет экономическую будущность. Все это приправлялось рассуждениями о тлетворном влиянии капитализма, призрак которого будто бы показывается уже и над русским горизонтом, и все учение затем освещалось великим авторитетом Карла Маркса. Тема эта разрабатывалась в нашей литературе на все лады и с большою роскошью статистических цифр. В защиту ее вооружался и великий и малый, от руководящего философа передовой школы г-на Михайловского, вплоть до философов вольнопрактикующих, как гг. Южаков и В. В., мысль которых обыкновенно, как северное небо, подернута туманом. При этом о настоящем, заправском рабочем, то есть о рабочем на фабрике или хотя бы в ремесленном заведении, говорилось довольно мало. Благодаря своей относительной малочисленности, он не выступал перед читателем конкретно, и отвлеченные разглагольствования об экономической эволюции и о гнетущей роли капитала на практике сводились обыкновенно к аграрному вопросу, то есть к праву мужика на землю. В России как в государстве земледельческом по преимуществу, рабочий вопрос естественным образом должен сводиться к вопросу о поземельных отношениях. Так думали, или, по крайней мере, выражались все, по-видимому, даже не подозревая, как односторонне они разрабатывают, идеи своего немецкого учителя. Один только исследователь, г-н Николай-он, которого у нас величают основателем «русского марксизма» представляет собою некоторое исключение... Но этот одинокий голос все-таки мог войти в общий хор, не нарушая его стройности.

А между тем, как раз тут и обнаружился неожиданный раскол.

Когда наши передовые экономисты носились с мечтою о поголовном наделении землей и великорусскую общину представляли себе как прототип будущего устройства, они, думая глядеть вперед, на самом деле смотрели назад.

То, в чем мерещилось им осуществление коренной социальной реформы, было лишь остатком пережитого строя. Провозвестники социальной реформы будущего большей частью не замечают, что идеалы их на половину только принадлежат к области

красивых воздушных замков, между тем как другая их половина позаимствована из воспоминаний о золотом веке, действительном или мнимом.

У любого из них, даже у Карла Маркса можно отыскать сожаления о том прошедшем времени, когда рабочий производил только на себя, и все потребляли лишь собственные произведения—бок о бок с широкими надеждами на будущий расцвет общего благополучия, когда земля и капитал будут принадлежать целому народу, или, что тоже,—никому в особенности.

И господа эти как будто и не примечают, что за непримиримое противоречие между этими мировоззрениями,— между социальным устройством диких обитателей островов Тихого океана и всеобщей каторжной тюрьмой, какую будет идеальное государство будущего. Немудрено, что не догадались об этом противоречии и наши народники, большою прозорливостью не отличающиеся.

Но скрытое недоразумение в области мысли всегда рано или поздно выходит наружу.

Много лет нас уверяли единодушно, что в крестьянском хозяйстве—весь залог будущего процветания России, хотя само оно не только не процветает, но разоряется, благодаря малоземелью и непосильному гнету налогов, с хищничеством кулаков в придачу. Некоторые исследователи прибавляли к этому перечню зол еще экономическую политику государства, искусственно развивающую крупное фабричное производство на счет мелкого кустарного — производство для вывоза, а не для местного потребления.

Устраните все это, и медовые реки потекут опять, как текли они некогда — вероятно, при Василии Темном. Русская земелька вся подчинится благодетельному общинному строю и, навек закабаленная трехполью, не будет знать других орудий, кроме сохи-ковырялки и деревянной бороны, уже знакомых ей и до призвания Варягов. Русский мужичок будет есть кашу с собственной нивы, одеваться в тулупы с собственных овец и в посконные рубахи, сотканые дома. Словом, водворится навек царство благополучия, равенства и — добавлю от себя — нищеты и застоя.

На этой идеализации застоя и были пойманы гг. народники.

Нашлись люди, тоже очень передовые (П.Б. Струве и Г.В. Плеханов – М.Д.), которым это увековечение допотопной старины не пришлось по вкусу. Они задались вопросом, не обуславливается ли всероссийская бедность как раз тем, что народное производство недостаточно быстро применяется к новым условиям всемирного обмена²⁶⁵, - так в 1895 г. Головин описывал пришествие марксизма на авансцену идейной жизни России.

Как можно видеть, по-настоящему умным людям задолго до «построения социализма в одной отдельно взятой стране», до торжества командно-административной системы и ГУЛАГа было понятно, что «идеальное государство будущего» непременно будет «всеобщей каторжной тюрьмой». Им достаточно было внимательно прочесть Родбертуса, Лассалья и Марксом.

Кстати, о «передовых экономистах». Преобладающая их часть могла считаться экономистами только в пронизанном народническим восприятием русском обществе. Некоторые из них имели специальное образование (так и хочется добавить – «как бы имели!»), преподавали в ВУЗах, были «властителями дум» и безусловными авторитетами для множества людей в стране, прежде всего потому, что держались «социализма кафедры». Это о них пишет С.Ю. Витте, упоминая в числе сторонников уравнилельно-передельной общины «благонамеренных теоретиков, усмотревших в общине практическое применение последнего слова экономической доктрины — теории социализма» (к этому мнению я еще вернусь позже). Его мнение о них таково: «Последние меня больше всего удивляли, так как если когда-либо и восторжествует «коллективизм», то, конечно, он восторжествует совершенно в других формах, нежели он

²⁶⁵ Головин К.Ф. Мужик без прогресса... С.5-6

имел место при диком или полудиком состоянии общественности. Ученый-экономист, который может не понимать, что община мало сходна с предлагаемым современным или возможным будущим коллективным владением землею, мне напоминает садовника, который смешивает лесную дикую грушу с прекрасною дулею, выхоленную в культурнейшем современном саду... Между тем социализм залез уже давно в наши университеты»²⁶⁶.

Другие были дилетантами чистой воды, но с удивительной отвагой невежества писали на «экономические» темы в меру своего разума. Мандатом служило знакомство с литературой соответствующего спектра, прежде всего с Марксом. Степень их компетентности была примерно той же, что и у множества «экспертов» в современном интернете, с аналогичной же свободой волеизъявления. Существенная разница с началом XXI в. была в том, что они безраздельно царили в самых престижных СМИ, прежде всего в толстых журналах, и имели широчайшую – с учетом уровня грамотности – аудиторию. Важно было только не выбиваться из общей народнической струи. Популярны были и те, и другие «экономисты», и университетское образование тут не решало ничего, потому что «оба хуже».

Однако продолжим.

Вот каков был взгляд народников на окружающий мир и место России в нем: **«Основное положение народничества, проходящее красною нитью через всю его литературу, сводится к тому, что продукт труда должен во всей целостности принадлежать рабочему... Что, стало быть, лишь такое социальное устройство рационально и законно, при котором никто своей работы не уступает другому за определенную плату.**

Это отрицание заработка, иногда высказанное прямо, иногда проглядывающее лишь между строк, составляет главную суть учения наших передовых экономистов и приближает их к немецким социал-демократам. Некогда—утверждают они—все народы прошли через этот экономический строй, и лишь путем обезземеления известной части населения сделалось возможным производство с помощью наемных рабочих, то есть производство капиталистическое, как земледельческое, так и промышленное.

Таким образом, возникновение крупной личной собственности было необходимым условием для создания пролетариата. На этом пути Запад с Америкой включительно ушел несравненно дальше России, и нам следует ревниво оберегать, как дорогую национальную особенность, неприкосновенность крестьянского общинного землевладения. Если у нас община устояла в такое время, когда в Европе она давно исчезла бесследно, мы должны это приписать особому духу русского народа, в котором общинные — «альтруистические инстинкты» развивались особенно сильно. Таким образом, общинное землепользование— не только определенная стадия экономического развития, но и специальный продукт великорусской ветви славянского племени.

Учение это, как видит читатель, не чуждо некоторого мистического сентиментализма: если одною стороною оно примыкает к немецкой социал-демократии, то другою оно сродни славянофильству. **В этом его отличительная черта, всего более обеспечившая ему популярность.** Само собою разумеется, что как скоро начало земельного уравнивания, господствующее на большей части русской территории, — не результат фискальных мер и не простой остаток первобытного строя, а экономическая особенность русского быта, — оно может рассчитывать на долговечность.

Если затем признается, что в более или менее отдаленном будущем все производство в совокупности должно сделаться народным, и артель как высшая форма труда призвана заменить самостоятельное ведение хозяйства, то было бы вполне безрассудным жертвовать такую форму земельного устройства, как сельский мир, в

²⁶⁶ Витте С.Ю. Из архива С.Ю.Витте. Воспоминания. Том 2. Рукописные заметки. Петербург 2003. С.40-41.

котором будущая организация содержится уже как бы в ячейке»²⁶⁷.

Вот из такого теоретического богатства и вытекает требование натурально-хозяйственной теории к крестьянам – жить только на доходы со своей земли и ни на кого не работать, потому, что наемный труд есть особо утонченная форма эксплуатации и издевательства над трудовым народом. Какое отношение это имело ко вчерашним (или даже позавчерашним) крепостным крестьянам, чьих предков до невесть какого колена выгоняли на барщину, или отправляли зарабатывать барину оброк, отрывая от семьи, продавали, как продают коров и овец, проигрывали в карты, не говоря о прочем, непонятно не только мне сегодня, но было непонятно и множеству людей уже в то время.

Огромную роль, кстати, в популяризации этого постулата сыграла двухтомная книга кн. А. Васильчикова: «Землевладение и земледелие в России и в других европейских государствах» (1876), своего рода «наш ответ пангерманистам» (подробнее см. примечание²⁶⁸)

²⁶⁷ Головин К.Ф. Мужик без прогресса ... С.9-11

²⁶⁸ Вот как Б.Н. Чичерин комментирует позицию автора: «Кн. Васильчиков обрушивается на наемный труд, утверждая, что его никак нельзя признать не только вполне, но и просто вольным. Человек, который нанимается работать на хозяина, говорит кн. Васильчиков, «вступает с ним в такие отношения, который лишает его известной, большей или меньшей, части продуктов и доходов, извлекаемых его личным трудом, именно той части, которую берет себе по уговору сам хозяин, и вместе с тем отнимают у него и некоторую часть его свободной деятельности, ставя его в зависимость от хозяина – собственника».

Кн. Васильчиков уверяет даже, что «положение человека, отдающего всю свою рабочую силу другому лицу в его распоряжение, остается таковым же подвластным при переходе из крепостного состояния в свободное, если он должен постоянно или большую часть года работать не на себя, а на другого, на хозяина по найму». Вследствие этого, кн. Васильчиков повторяет, что выражение «вольнонаемный труд» включает в себе прекословие.

Эти доводы разом переносят нас в область социальных утопий. Известно, что социалисты смотрят на вольнонаемный труд как на продолжение крепостного состояния и вследствие того требуют организации труда, которая избавила бы рабочих от этой зависимости.

Напротив, экономисты и вместе с ними все люди, руководствующиеся простым здравым смыслом и общепринятыми понятиями, не видят в выражении вольнонаемный труд никакого «прекословия». Они признают, что там, где отношения определяются свободным и постоянно возобновляющимся договором, не может быть речи о крепостном состоянии. Они видят в вольнонаемном труде естественное и необходимое последствие экономических законов, в силу которых люди принуждены работать не только на себя, но и друг на друга, притом не даром, а с определяемым по договору вознаграждением.

Которое из этих двух воззрений истинно?

В этом, кажется, невозможно сомневаться. Сказать, что положение человека, нанимающегося на работу «остается таковым же подвластным при переходе из крепостного состояния в свободное», это—такое гигантское преувеличение, которое едва ли даже нужно опровергать.

В одном случае, человек действительно подчинен чужой власти и волею или неволею обязан работать на другого; в другом случае, он волен вступать или не вступать в договор, поставить те или другие условия, отойти, когда ему заблагорассудится. Власть хозяина над работником не имеет никакой; споры между ними разрешаются судом. Единственная зависимость вольнонаемного работника от хозяина состоит в том, что он должен исполнить ту работу, которую он обязался поставить; но это такого рода зависимость, которая устанавливается всяким договором. Подрядчик, работающий у себя дома, своим материалом и своими орудиями, состоит в точно такой же зависимости от лица, с которым он вступил в договор. **Добровольные обязательства не нарушают человеческой свободы, а напротив, служат ее проявлением.** Человек не создан для одинокой жизни.

Такая полная независимость, о какой мечтает кн. Васильчиков, существует только между животными. Где есть общение—там есть и зависимость, и зависимость эта взаимная. Если работник зависит от хозяина, то и хозяин зависит от работников. Стачки рабочих в Англии доказывают, что хозяева далеко не всегда могут налагать на последних свои условия, и что во всяком случае подвластных отношений тут нет.

Утверждать же, как делает кн. Васильчиков, что нанимаясь работать на хозяина, работник «вступает с ним в такие отношения, которые лишают его известной, большей или меньшей, части продуктов и доходов, извлекаемых его личным трудом», это опять одно из тех социалистических положений, которыми могут щеголять Карл Маркс и его последователи, но который не находят себе места в науке.

Чтобы принять его, надобно признать, что труд рабочего—единственный фактор экономического производства, что земля, капитал, труд хозяина ничего не значат. Тогда мы несомненно придем к убеждению, что хозяин, получая барыш, обирает рабочего.

Если же мы признаем, как и следует, что и хозяин по справедливости должен получить

Комментировать сказанное нет смысла. Люди моего поколения, думаю, еще со школы помнят лироэпический зачин марксистского видения мирового исторического процесса – когда-то люди-де не были отчуждены от орудий производства, от средств производства и т.п. и якобы жили в гармонии с окружающим миром. Затем появилась (невесть откуда) отвратительная частная собственность и все пошло неправильно – началась эксплуатация человека человеком. Поэтому лишь социализм, а лучше коммунизм, при котором частной собственности не будет, т.к средства производства будут обобществлены, выведет человечество к светлому будущему, вернув его на новом «витке спирали» в «золотой век».

Особого внимания здесь заслуживает один из главных постулатов славянофильства, а затем и народничества – уравнильно-передельная община – «не результат фискальных мер и не простой остаток первобытного строя, а экономическая особенность русского быта», в силу чего, по Герцену, она является «эмбрионом» нового строя.

Дело в том, что еще в 1856 г. Б. Н. Чичерин доказал, что это не так и что переделы земли – прежде всего следствие введения подушной подати Петром I. Однако народникам это было абсолютно неважно. Истина их не интересовала. Им не нужно было подтверждения их идей, поскольку они уже твердо решили, **что** есть истина,.

Головин продолжает:

«Нельзя этому учению отказать в стройности. Оно патриотично, так как восхваляет творчество народного духа. Гуманно, так как стремится к достижению полной равноправности. И в то же время консервативно, так как держится на почве существующего порядка. Чего же, казалось бы, лучше?

К сожалению, в нем есть две слабые стороны. Во-первых, оно склонно от победного тона переходить к жалобному, и то и дело оплакивает упадок того самого крестьянского хозяйства, которому якобы принадлежит будущее. Конечно, в этом виноваты посторонние причины — тяжесть обложения, земельная теснота, невнимание к крестьянским нуждам со стороны правительства, хищничество кулаков, конкуренция фабрик, постройка железных дорог, убивших извоз, распространение кредита и т.д. и т.д.

Как бы то ни было, постепенный ход развития страны, по-видимому, не идет в пользу так называемому народному экономическому строю. В числе упомянутых невзгод есть, правда, такие, которые можно приписать внешнему гнету. Но этого уже никак нельзя сказать о таких явлениях, как распространено железнодорожной сети и банкового кредита.

И если эти признаки экономического роста оказывают губительное действие на старинный уклад народной жизни, это служит лишь доказательством его несовместимости с естественным ходом прогресса. Приверженцы нашей экономической старины готовы с похвальной последовательностью отказаться от прогресса, как скоро он нарушает равновесие народного быта, стойкое только благодаря своей неподвижности. Не трудно в произведениях гг. народников отыскать места, где они оплакивают постройку железных дорог, как пагубный дар буржуазной цивилизации, сманившей мужицкий хлеб из родных гумен на всемирный рынок. У Глеба Успенского — главного представителя народничества в беллетристике,—есть любопытная тирада... где сожаление о погибающей старине распространяется и на лучинушку, выгнанную из мужицкой избы

вознаграждение, то мы должны будем сказать, что именно это вознаграждение и есть та часть, которую берет себе по уговору сам хозяин, ибо в нормальном положении, при свободных экономических отношениях, оно не может определиться ничем иным, кроме уговора.

Эта часть может быть больше или меньше; это зависит от предложения и требования, от количества рабочих рук, и капитала,—одним словом, от экономических условий, весьма хорошо известных и в науке и в практике, но в разбор которых кн. Васильчиков отнюдь не думает входить. В доказательство ненормальности наемной работы, он просто утверждает, вместе с социалистами, что хозяин, договариваясь с рабочим, лишает его известной части продуктов и доходов, извлекаемых его личным трудом». Герье В.И., Чичерин Б.Н. Русский дилеттантзм и общинное землевладение. М., 1878. С.42-45

пагубной конкуренцией керосина. Дальше этого в консерватизме уже идти нельзя.

Другая слабая сторона учения — его историческая часть.

Если русское поземельное устройство нам дорого именно как продукт родной старины, если прежнее народное благосостояние в настоящее время пошатнулось, то, значит, этого благосостояния надо искать в прошлом. Но в каком же именно прошлом? Во времена крепостного права и окружных управлений? Тогда действительно не давали крестьянам нищать и заботились о пополнении зерном сельских магазинов, потому что помещику невыгодно было давать разоряться своим крепостным, а чиновник министерства государственных имуществ отвечал пред начальством за податную исправность вверенного ему округа. Такое благосостояние немногим отличается от положения домашних животных, которым владелец ведь тоже не дает голодать. Едва ли, однако, самый ярый народник станет искать идеала народного благополучия в быте четвероногих обитателей конюшен и скотных дворов. Неравенства между крестьянами, или, как любят у нас выражаться, имущественной дифференциации, тоже было в те времена гораздо меньше, чем теперь. Опека, защищавшая мужика от разорения, не давала ему и обогащаться.

Что ж? Такого имущественного равенства пожелать русскому народу, которое покупается ценою отсутствия свободы труда и передвижения? И в настоящее время паспортная система и власть мира над своими членами ставит этой свободе достаточные преграды. Но теперь все-таки исправному мужику куда как легче прежнего подняться над средним уровнем; и, хотя самый этот уровень, быть может, понизился, зато число возвысившихся над ним отдельных домохозяев возросло несомненно.

Что ж, и это мы станем оплакивать? А, стало быть, оплакивать заодно и реформу 19 февраля? Впрочем, не одни наши народники, но и западные наши плакальщики о прошлом благополучии хорошенько не знают, с чем сравнивать теперешнее зло, где искать Эдема самостоятельного народного труда. Куда бы мы ни обращали взгляд, мы в прошлом везде находим крепостное право и патримониальную власть. А еще дальше, во времена классической древности, находим рабство...»²⁶⁹.

Здесь К.Ф. Головин точно отмечает **неявную тоску по крепостному праву**, которая вполне отчетливо просматривается во всех разговорах о горькой судьбе пореформенного крестьянства. Народники как будто и не замечают, что 19 февраля 1861 г. крестьяне обрели благо свободного труда! И не замечают прежде всего потому, что им не нужно, чтобы крестьяне имели это право.

К.Ф. Головин продолжает: «Ни в области земледелия, ни в обрабатывающей промышленности, эпоха, предшествующая нашей, качественно от нее не отличалась в своем экономическом строе. Совершенная неправда, будто тогда на Западе и у нас земля не только исключительно, но хотя бы в очень значительном размере принадлежала земледельцу, а промышленник, работая дома, сохранял за собой весь произведенный им товар. Неправда также, будто земледелие и ремесленное производство в то время обходились без наемных рабочих. С точки зрения развития батрачества, средневековое производство отличается от нашего лишь более ограниченным распространением заработной платы. В земледелии это обуславливалось крепостным правом, в промышленности тесными рамками большинства производств, в свою очередь зависящими от ограниченности сбыта.

Где же искать пресловутого золотого века? Или надо углубляться в то далекое время, когда наши предки жили свободно, но дико, одевались в звериные шкуры и умыкали невест?

На самом деле, идеальная эпоха, когда вся земля принадлежала народу и не было иного производства, кроме домашнего,—эта эпоха принадлежит к области мифов. Ни московская, ни удельная Русь, ни западный феодализм, ни древний Рим, ни даже

²⁶⁹ Головин К.Ф. Мужик без прогресса ...С.11-14

германцы времен Цезаря и Тацита не знали этого порядка. В той или другой форме, в виде рабства, колоната или крепостной зависимости, земледелец должен был отдавать господину либо часть своего продукта, либо часть своего труда.

«Народу», то есть, попросту всякому первому встречному, земля принадлежала тогда лишь, когда она не принадлежала никому, то есть когда она составляла предмет свободной заимки.

А что касается пресловутой обеспеченности народного благосостояния, о ней свидетельствуют многочисленные голодовки, известиями о которых так богаты наши летописи. Были эти голодовки, впрочем, не у нас одних. На Западе они исчезли лишь с 20-х годов текущего века²⁷⁰, как раз благодаря большей легкости обмена. У нас, как доказал это 1891 год, они возможны и поныне.

Но ведь и нам в ту злополучную годину столь проклинаемые железные дороги оказали немалую услугу, позволив хотя несколько облегчить народное бедствие. Трудно себе и представить, какими последствиями сказался бы недород 1891 года, если бы железных дорог у нас не было, и Россия, стало быть, не вступила бы еще в злополучную эру капитализма.

То, что на самом деле оплакивают гг. народники и что, по крайней мере на всем пространстве Европы, миновало безвозвратно, это— экономическое явление, совершенно напрасно приравняемое к так называемому народному строю, именно—«натуральное хозяйство»²⁷¹.

Подобно тому, как неверно «передовые» экономисты уравнивают натуральное хозяйство с «народной формой производства», так же неправильно они отождествляют товарно-денежное хозяйство, пишет Головин, «с так называемым капитализмом: я говорю «так называемым», потому что о капитализме эти господа имеют, по-видимому, довольно смутное понятие. Им представляется как-то, что производство, рассчитанное для вывоза на рынок, непременно должно сопровождаться ограблением народной массы в пользу более ловкого и более зажиточного меньшинства. Самый мотив производства на продажу, по их мнению, не может быть иным, как эгоистический расчет кулака-эксплуататора, зараженного тлетворным влиянием капитала и отрекшегося от каких то народно-бытовых, якобы общественных, инстинктов. Ниже я буду иметь случай привести несколько примеров, каковы эти инстинкты на самом деле»²⁷².

Затем автор задается вопросом, что же такого произошло за треть века после 1861 г., чтобы уничтожить господство натурального хозяйства и можно ли квалифицировать произошедший переворот «излюбленным термином» - «капитализм»?

«Случилось, главным образом, вот что. Часть крестьянского населения, при крепостном праве состоявшая на барщине и потому не отбывавшая никаких денежных повинностей, с переходом на оброк, была вынуждена добывать средства для уплаты новых, денежных повинностей, сперва помещику, а потом, с переходом на выкуп, казне.

Понятно, что в быте этих крестьян произошел крутой переворот. Прежде они отдавали помещику не деньги, а труд, а потому весь хлеб, собранный с их полей мог поступать на домашнее потребление. Все, или почти все, прочие свои нужды они удовлетворяли самодельщиной— шерстью и шкурами своих овец, полотном от своего льна, сукном собственного изделия и т.д. Теперь надо было часть всего этого отвезти на рынок, чтобы расплатиться с владельцем и казною, а если на это не хватало продуктов,— отдавать за плату часть своего труда.

В глазах гг. народников, в одном этом уже заключается шаг назад в экономической самостоятельности хозяина. Сбывая на сторону хлеб, лен или пеньку, прежний крестьянин — барщинник, сокращал размеры своего потребления, а **отыскивая себе заработок, становился экономически несвободным, так как, известное дело, всякая работа за**

²⁷⁰ В конце 1840-х гг. в Ирландии был смертный голод.

²⁷¹ Там же, С.16-19.

²⁷² Там же, С.25-26

плату есть ничто иное, как утонченная форма рабства.

При этом упускают из виду одно лишь: до реформы, прежний барщинник отдавал, и притом бесплатно, не ту только часть своего труда, которую отдавать считал нужным, а все, что требовал владелец. Стало быть, в наемной работе для этого крестьянина не могло быть ничего нового и, в особенности, постыдного. В тоже время, деньгами вырученными за сырье, крестьянин не только рассчитывался с помещиком и казною, но и мог приобретать товары, которых дома не производилось, — бумажные изделия, обувь, керосин и т. д. И в самом деле, экономический поворот очень заметно сказался в изменении условий домашнего быта: лапти заменились сапогами, лучинушка керосиновой лампой, пестрядинная рубаха ситцевой. Конечно, во всем этом гг. народники усматривают великие бедствия, они готовы даже оплакивать исчезновение лучинушки, которая им, вероятно, кажется очень гигиеническим и, главное дело, безопасным способом освещения домов. Но уж это дело их личного вкуса»²⁷³.

Однако на барщине состояло немногим более половины крепостных, т.е. 30% всего сельского населения. Произошла ли коренная перемена в жизни остальных 70%? И оброчные помещичьи, и государственные крестьяне исстари несли денежные повинности, а потому натуральное хозяйство в строгом смысле не вели и до реформы. И до 1861 г. они и тогда были что-то из произведенного в своем хозяйстве реализовывать на рынке, но, главное, продавать свой труд, т.е. заниматься промыслами, домашними и отхожими.

Как квалифицировать эти промыслы — как самостоятельное или же как капиталистическое производство? «А отхожие промыслы всякого рода в больших городах и на речных пристанях? Заработки извозчиков, дворников, лодочников, переносчиков тяжестей и т. д.? Что представляют они из себя—наемную или самостоятельную форму труда? И можно ли, стало быть, говорить - о рождении у нас капитализма, как чего-то совершенно нового? Наемного труда у нас до реформы в самом деле не было в помещичьих хозяйствах—не было по той причине, что в этих хозяйствах имелся труд крепостной. О нем, что ли, сожалеют гг. народники?

Относительно громадного большинства нашего рабочего сельского населения можно, таким образом, говорить лишь о количественном, а не о качественном изменении в формах труда. Расширилось лишь то, что было и прежде—заработки на стороне и продажа своих продуктов. И это расширение было вызвано, главным образом, двумя крупными факторами—постройкою сети железных дорог и оживлением торговли в крупных центрах. Первое подняло в гору цену сырья на месте и в тоже время все дальше вводило вглубь страны продукты фабричного производства. Второе расширяло спрос на рабочие руки внеземледельческих занятий.

И вот явилось у крестьянина разом три стимула, чтобы везти на рынок и свое зерно и самого себя. И за свою работу и за свой, товар он мог получить более прежнего денег, и явилась у него вдобавок приманка закупить чужого товару, прежде ему недоступного. А если ко всему прибавить великую искусительницу водку едва ли не более всего остального толкавшую мужика на рынок, незачем уже будет доискиваться иных причин, отчего за последующую четверть века у нас так усилился обмен, отчего так возрос вывоз нашего сырья, и сельское население все в большем числе, на время или даже навсегда, покидает свои деревни, чтобы искать счастья на стороне».

То, что «это усиленное внутреннее кровообращение, это ускоренное передвижение людей и товаров должно было расшатать и крестьянскую семью и крестьянами мир, ослабить подчинение младших главе семьи и внести имущественное неравенство в однообразную массу крестьянского населения,— это, конечно, бесспорно. Бесспорно и то, что в этом процессе не все обошлось гладко, и не только значительная часть крестьян осталась позади, но была выброшена за борт и значительная часть помещиков. Образование фактического сельского пролетариата среди наделенных землею крестьян,

²⁷³ Там же, С.29-31

пролетариата безлошадных и бесхозяйственных дворов,—было неизбежным последствием большей свободы передвижения, которому помогло и другое обстоятельство, слишком часто у нас упускаемое из виду—значительный рост населения.

Если усиленный обмен и возрастающая роль денег в крестьянском хозяйстве внесли в это хозяйство более риска и, вследствие того, одних обогатили, а других пустили по миру, то прирост населения создал тесноту на крестьянской земле, путем разделов все размножил малоземельные, нищенские дворы». Однако нельзя, пишет К.Ф. Головин, «утверждать, будто обеднела вся крестьянская масса»²⁷⁴.

На мой взгляд, этот беспристрастный анализ делает намного понятнее пореформенное развитие нашей страны.

²⁷⁴ Там же, С.31-34

«Партия здравого смысла» против народников, или Как нам придумать Россию-2

Люди, которые, подобно Головину, воспринимали жизнь в рамках здравого смысла, а не через призму утопий, хорошо осознавали, что поступательное развитие России и ее будущее как мировой державы полностью зависит от того, будет ли реализован потенциал Великих реформ.

Поэтому их очень тревожило, что движение России вперед *реально* тормозилось идеологической трактовкой сугубо хозяйственных проблем, что тысячи людей вместо того, чтобы работать на благо своей страны, по соображениям дурно понятого «национального романтизма» были готовы обречь ее на застой и отсталость, лишь бы соблюдалось пресловутая справедливость, понимаемая как уравнивание крестьян в бедности.

Ведь народническая и иная публицистика отнюдь не была изолирована от правительственных сфер и работала не в вакууме. Она была реальным фактором воздействия на правительство. Достаточно сказать, что она существенно повлияла на так называемые контрреформы Александра III в аграрной сфере.

Понятно, что вопрос о будущем крестьянства имел огромное значение для судеб страны, и представители отдельных общественных групп давали на него разные ответы.

В сущности, было два подхода к этой ключевой проблеме, содержание которых весьма ясно определил А.С. Ермолов: «Одни считают условия России и свойства нашего крестьянина столь своеобразными, столь отличными от того, что когда-либо существовало и существует в других странах, что никакие западноевропейские примеры, никакие уроки истории к нам не подходят, и **мы должны идти своим самобытным, нигде не изведанным путем, хотя бы для этого пришлось начинать с разрушения и того сравнительно невысокого уровня культуры, которого нам удалось уже достигнуть.**

Мы якобы призваны сказать свое новое слово, явиться пионерами нового строя общественной жизни – за нами, увлеченные нашим примером, уже в хвосте последуют и другие страны света, которые связаны своим прошлым и не могут так легко с ним порвать, тогда как мы должны, очертя голову, ринуться вперед в неизвестное, но заманчивое будущее.

Другие, и я в том числе, стремятся доказать, напротив того, что **многое из того, что составляет в настоящее время наше горе, является результатом отнюдь не нашей самобытности, а только нашей косности и отсутствия у нас знания, - даже убеждения в его необходимости прежде всего.**

Никаких новых путей мы не проложим, никаким новым словом мира не удивим, - удивляем мы его только нашим настоящим сумбуром – а должны примириться с тою мыслью, что нам надо идти вперед обычным путем, давно уже нашими западноевропейскими соседями пройденным и на котором мы едва ли не на несколько столетий от них отстали. Иначе мы рискуем забрести в такие дебри, выход из которых будет еще труднее, чем из настоящего положения, и сопряжен с еще большими жертвами и потерями.

На верный же путь мы станем лишь в том случае, если будем считаться с фактами, не закрывая перед ними глаза потому только, что они с тою или другою теориею не мирятся, и **признаем существование таких законов экономической жизни, которые столько же незыблемы и непреложны, как и законы природы»**²⁷⁵.

А.С. Ермолов, безусловно, обладал государственным взглядом на вещи и соответствующей проницательностью – в XX веке Россия забрела в такие дебри, что выбраться оттуда не может и сегодня, а масштаб жертв и потерь никому не мог

²⁷⁵ Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. Спб. 1906. С.II-IV

привидеться ни в каком кошмаре!

Ермолова и его единомышленников можно условно назвать реалистами или «партией здравого смысла». Того самого здравого смысла, которого так не хватало в ее массовом политизированном безумии русской интеллигенции, активно готовившей свое коллективное самоубийство. В конце XIX - начале XX вв. в их число входили С.Ю. Витте, А.Е. Воскресенский, А.С.Ермолов, К.Ф. Головин, В.И. Гурко, П.П. Дюшен, А.П. Никольский, П.А. Столыпин, Б.Н. Чичерин и множество других компетентных *непартийных* людей, находившихся, увы, в меньшинстве. В своих оценках ситуации они исходили из объективного анализа ситуации, а не из утопических конструкций, в которых не оставалось места России как великой и прогрессирующей державе, что само по себе было для них неприемлемо.

Они, в частности, были убеждены, что правительство должно отказаться от сохранения сословно-тяглого строя, от политики искусственной поддержки уравнилельно-передельной общины и должно дать возможность деревне развиваться естественно, *свободно*, и вне зависимости от идеологических установок, по которым община – зародыш никем не невиданного социального строя. Они не считали нормальным, что в государстве существуют «две породы граждан: одна — пользующаяся полной свободой, обладающая правом недвижимой и движимой собственности и правом устраивать свое хозяйство по своему усмотрению, а другая—считающаяся неспособной владеть частной собственностью, прикрепленная к земле или к известному строю жизни, лишенная полной свободы передвижения и находящаяся под правительственной опекой»²⁷⁶.

А ответ народников и других сторонников «общинного» мессианства относительно будущего крестьян был таков – Россия должна оставаться аграрной страной, зарождающийся пролетариат вместе с капитализмом нужно подавить в зародыше. Решение аграрного вопроса сводится к тому, «чтобы упрочить крестьянское землевладение (т.е. искусственно укреплять общину, что и было сделано «контрреформами Александра III» – М.Д.) и помочь его расширению в уровень с потребностями (растущего) населения в земле».

В основе мер, предлагаемых ими лежали «две главные идеи: быт земледельческого населения следует устроить так, чтобы оно могло обходиться без постороннего заработка, и народное сельское хозяйство должно быть рассчитано не для вывоза, а для потребления дома. Нужды нет, что при этих условиях Россия не только никогда не достигнет крупного промышленного развития, но что и земледелие останется у русского народа на довольно низком уровне; и к тому же, по мере расширения обрабатываемой площади, продукты ее будут постепенно дешеветь. Цель производства не барыш, за которым гонится только капиталистически эгоизм, а лишь обеспечение народа от нужды.

Пусть урожаи будут низки, пусть русское производство сохранит свое теперешнее однообразие, и у русского мужика не окажется свободных денег,—лишь бы он был сыт и твердо сохранился у него старинный общинный уклад,— об остальном заботиться незачем. И если нам приходится выбирать между экономическим прогрессом и свободой народа от растлевающего влияния капитализма и наемного труда, мы лучше откажемся от мишурных успехов, купленных дорогой ценой народного порабощения»²⁷⁷.

Полагаю, сказанное проясняет содержание термина «натурально- хозяйственная концепция» стало яснее. Повторю, что тезис о «голодном экспорте» есть не что иное, как распространением этой теории на масштабы России²⁷⁸.

Особо подчеркну, что все эти идеи высказывались народниками *после* франко-прусской войны 1870 г., *после того*, как соревнование наций перешло на новый,

²⁷⁶ П.Д. (Дюшен П.П.) Наша деревня. М., 1900. С.131-132.

²⁷⁷ Головин К.Ф. Мужик без прогресса... С.34-36

²⁷⁸ Давыдов М.А. Всероссийский рынок С.360

неизвестный доселе человечеству уровень, определяемый технологиями индустриальной эпохи!

Замечу также, что в это самое время Япония, самобытность которой как-то и обсуждать неловко, Япония, униженная Западом в середине XIX в. куда острее, чем Россия Крымской войной, тоже была поставлена перед необходимостью изменения многовекового модуса вивенди. И осознав это, она весьма быстро «завела» настоящий капитализм, парламент, создавала ультрасовременные армию и флот и готовилась занять то место в мире, которое полагала своим. Она некоторым образом повторяла то, что делал когда-то Петр Великий, но с необходимыми поправками на историческую «девиацию».

По многоступенчатому европоцентристскому высокомерию апологеты особого пути и знать не хотели о том, что происходило в Японии! Зато они решили за крестьян, что им чуждо чувство частной собственности и что община – адекватное воплощение крестьянских представлений о совершенстве и т.п., как будто у крестьян, как у них, романтические мечты могли преобладать над здравым смыслом.

В каком мире жили эти люди? Какого будущего они хотели своей стране? Впрочем, Россия их, как известно, волновала факультативно.

Вообще обо всем этом можно и нужно говорить много и долго, в том числе и потому, что влияние народничества на русский марксизм, а, значит, и на всех нас, неоспоримо. Долгосрочное воздействие данных взглядов до сих пор во многом не преодолено, и в массовом сознании они сказываются во всей остроте, чего мы часто и не осознаем. Однако сейчас нет возможности обсудить это. Скажу только, что удивительный примитивизм осмысления окружающей действительности, крещендо нарастающий вокруг нас последние сто лет, родился, как можно видеть, задолго до 1917 г.

Совершенно понятно, что в рамках натурально-хозяйственной концепции, тривиально изолирующей крестьянское хозяйство от процесса модернизации Империи, внеадельные заработки крестьян и приобщение их к рынку выступают не как проявление естественного стремления людей соответствовать требованиям жизни, в частности, увеличить свой бюджет, а как доказательство *ненормальности* крестьянской жизни, ее упадка и т.д.

Интеллигенция, разумеется, видела перемены, происходившие в стране, однако не желала понять их истинного смысла, поскольку они разрушали *утопию*. Народники не хотели, да и не умели примирить желаемое с действительностью. Россия и в начале XX в. для них была не прежде всего аграрной, а *только* аграрной страной. Признаки развития капитализма, которого они – при движении к своей модели социализма – мечтали избежать как дурной наследственности, воспринимались ими как случайное нарушение нормы, как досадная «неправильность», которую еще можно исправить.

Между тем реальная Россия не желала уместиться в рамки натурально - хозяйственной концепции. На фоне происходивших перемен многие тысячи крестьян по самым разным причинам начали постепенно отходить от сельского хозяйства. Этот долгий процесс, давно описанный в литературе, имел множество вариантов и градаций – вплоть до того, что сельское хозяйство переставало быть для части крестьян Началом и Концом существования – и они начинали другую жизнь.

Показательный пример. В 1896-1916 гг. имперским лидером по числу переселенцев (без ходоков) была Полтавская губерния, из которой в Азиатскую Россию уехало 374 тыс. чел. Затем шли Екатеринославская, Харьковская, Курская, Воронежская, Могилевская и Киевская, каждая из которых дала от 198 до 234 тыс. переселенцев.

А вот в центральных нечерноземных губерниях и соседних с ними ситуация была иной. Сопоставление данных о переселениях из этого региона в Азиатскую Россию с динамикой потребления сельхозмашин и орудий приводит к весьма важным выводам. Эти губернии, с одной стороны, дают совершенно ничтожное число переселенцев – Петербургская, Новгородская, Тверская, Московская, Владимирская, Ярославская губернии в сумме за 1896–1916 гг. дали 13,7 (!) тысяч переселенцев, при этом Московская

– 500 человек, а Ярославская – 100. Относительно невелики и показатели Калужской (26 тыс.), Псковской (25 тыс.), Вологодской (16 тыс.), Костромской (10,8 тыс.) и Нижегородской (10,5 тыс.). Из всех этих 11-ти губерний за Урал уехало ровно в два раза меньше крестьян, чем из одной только Воронежской (102 тыс. против 204 тыс.)²⁷⁹. С другой стороны, эти же губернии были аутсайдерами (кроме Московской, но здесь особый случай) по объемам железнодорожного получения усовершенствованных сельхозмашин и орудий, в отличие, скажем, от той же Воронежской, в которой постоянно увеличивалось потребление агротехники.

О чем это говорит? Надо полагать, что если жители этого региона не хотели начинать новую крестьянскую жизнь за Уралом, то не с сельским хозяйством связывали они свои расчеты на будущее. Для сотен тысяч крестьян этих губерний земледельческий труд по тем или иным причинам уже либо перестал быть стержнем жизни и основным источником доходов, либо вовсе потерял свою привлекательность. Это совершенно естественный, закономерный процесс, который имел место повсюду в мире. Разумеется, это никоим образом не касалось *всех* крестьян Нечерноземья и не означало, что сельское хозяйство не имело там никаких перспектив – аграрная реформа Столыпина наглядно показала это.²⁸⁰

Совершенно иное положение фиксируется в сельском хозяйстве Новороссийских губерний и соседних с ними Харьковской, Воронежской, Полтавской, которые дают основное число переселенцев и одновременно являются главными потребителями сельхозмашин и орудий. Очевидно, что здесь происходит глобальный переворот в сельском хозяйстве – переселенцы освобождают место для нового рывка вперед тем, кто остается, а сами превратят Сибирь в новый и важный сельскохозяйственный регион.²⁸¹

Эти картины у всех были перед глазами. Вокруг воистину кипела и бурлила новая жизнь, однако ракурс ее видения и оценки оппозицией оставался неизменным: малоземелье, недоимки, голодный экспорт, нищета, задавленность и т.д.

Пессимизм лавинообразно нарастал по мере роста числа газет и журналов, где противники правительства в принципе не имели конкуренции и соревновались только друг с другом в описании народных бедствий. Страдания крестьянства – истинные или мнимые – были предметом весьма однообразных по форме, содержанию и мотивации описаний, весьма часто имевших явно спекулятивный характер и различавшихся только степенью нарочитости трагизма. Притом это относится не только к ситуации *настоящего* голода – 1891 г. и других лет сильных неурожаев – так вообще трактовалась повседневная жизнь миллионов русских крестьян после 1861 г.

В данном контексте нельзя обойти вниманием заметку А.Павлова «Ошибка доктора Шингарева» с подзаголовком «Деревня, которой он предрек гибель сто лет назад, умирает только сейчас», опубликованную хотя и в неакадемическом, но, тем не менее, уважаемом издании – «Общей газете» (ныне, увы, прекратившем свое существование). Она заслуживает того, чтобы привести ее полностью: «В 1901 г. земский врач Шингарев выпустил брошюру «Вымирающая деревня», которая потрясла либеральную Россию. С цифрами и фактами в руках он предсказал скорый конец воронежской деревеньке Ново-Животинное. Земский врач стал знаменитостью – молодой вождь мирового пролетариата Владимир Ленин не раз цитировал выкладки из его брошюры. А деревенька, видевшая войны и революции, несмотря на предсказание, пока еще жива.

В 30-е годы в Ново-Животинное приехал писатель-коммунист Поль Вайян Кутюрье, чтобы лично убедиться, как хорошо живут советские крестьяне в некогда вымирающей деревне. Деревеньке не дала пропасть советская власть – таков был его

²⁷⁹ Сельское хозяйство России в XX веке. М. 1923. С.30-53.

²⁸⁰ Давыдов М.А. Всероссийский рынок...С. 753-779; Давыдов М.А. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы (1907-1915) // Российская история, 2011, с.56-73.

²⁸¹ Давыдов М.А. Всероссийский рынок...546-584.

вывод. И этот нехитрый постулат с тех пор эксплуатируется в школьных учебниках истории.

Однако в советские и постсоветские времена сгнули тысячи деревень, городов и поселков. Почему же уцелело Ново-Животинное?

Объяснить феномен его живучести помогла сотрудница здешнего музея Елена Виноградова. У нее чудом сохранились расчеты Шингарева. И по ним выходит, что деревня просто не могла сгнуться в суровые времена самодержавия. Ну, например, за те 10 лет, что земский врач вел наблюдения над деревенькой, в ней умерло 304 человека, а родилось 322. То есть 18 душ россиян оказались в положительном осадке. Шингарев говорит о скудной пище, которая должна повлечь биологическую смерть крестьян, а мы с Еленой Виноградовой посчитали, что в день на душу населения крестьяне съедали 724,8 грамма хлеба, была в рационе картошка – 245 граммов, семья могла позволить себе яйца, мясо, молоко, а уж пшеница в сутки приходилось ... 4 кг на брата.²⁸²

В наших подсчетах участвовали работницы сельсовета. В столе у местного счетовода случайно остались «перестроечные фантики» – талоны на питание, так вот по тем талонам населению причиталось пшеница ... 1 кг на едока, мяса – менее килограмма. В месяц, конечно. Это значительно меньше того, что могли себе позволить «вымирающие» животинцы.

Любопытно, как оценил бы эти новые цифры кадет и впоследствии министр Временного правительства, сделавший карьеру на обличении самодержавия господин Шингарев?

Кстати, в Ново-Животинове в последние три года родилось 22 человека, умерло – 45. Вот где она – вымирающая деревня!...

Очевидно, общество оказалось не готовым к переменам, которые столь поспешно стало декларировать и бездарно внедрять. И главный наш бич не столько социальные беды, сколько демагогия, липовые отчеты и постулаты, сочиняемые в карьерных целях, – как в веке минувшем, так и в столетии нынешнем. На них делаются имена и судьбы, а люди, ради которых все это замышляется, живут сами по себе по принципу: не до жиру, быть бы живу»²⁸³.

Эта заметка вполне может быть своего рода развернутым эпиграфом ко всей народнической (и не только) литературе по данному комплексу проблем.

Изображать народные страдания – было верным способом если и не сделать себе имя, как это произошло с Шингаревым²⁸⁴, то приобрести хотя бы какую-нибудь известность среди «народолюбивой интеллигенции». Многие ученые заигрывали с общественным мнением. Специалист, пытавшийся взглянуть на жизнь деревни объективно, **рисковал, как минимум, репутацией и аудиторией**. А.С. Ермолов в написанной по горячим – в прямом и переносном смысле – следам аграрной революции 1905-1906 г. книге «Наш земельный вопрос» говорит, например, что в «вопросе о крестьянском малоземелье... многие видят теперь главную причину крестьянской бедности, корень претерпеваемых крестьянами, а следовательно, и всей страной бед. **Большинство** писавших по этому вопросу, в особенности в последнее время, в последние, можно сказать, дни, **выдает это за факт непреложный, всякое сомнение в котором не допускается, и грозит жестокой травлей или бойкотом тому, кто решится его высказать»**²⁸⁵.

Куда более выигрышным был такой примерно подход: «Мы видели в первых лекциях этого курса, как плохо живет русскому крестьянину. Но если крестьянину нет

²⁸² Эти 4 кг у меня лично вызывают желание поучаствовать в вычислениях.

²⁸³ Общая газета. № 47 (433), 22–28 ноября 2001 г.

²⁸⁴ Лучше бы он этого не делал. А.И. Шингарев был зверски убит «революционным» караулом 7 января 1918 г. в тюремной больнице вместе с другим видным кадетом Ф.Ф. Кокошкиным.

²⁸⁵ А.С.Ермолов Наш земельный вопрос СПб., 1906 С.3-5 и др.

возможности прожить на своем наделе; если он жадно набрасывается на всякую землю, какую только можно купить или заарендовать; если он постепенно нищает, переходит от полуголодного существования, от постоянного недоедания к полной голодовке, от нужды уходит на заработки, этим окончательно расстраивая свое хозяйство, или бежит без оглядки на «новые места»; если он в конце концов бросает землю и уходит в город на фабрику – то ведь это все может происходить от разных причин»²⁸⁶.

Сомневаюсь, что такой компетентный специалист, как А.А. Кауфман, вполне искренне мечтал о том, чтобы Россия и в XX в. оставалась аграрной страной, негативно воспринимал переселения, индустриализацию и урбанизацию. Действительно ли его так ужасал совершенно естественный для всего мира процесс оттока лишних рабочих рук из деревни «в город и на фабрику», а главное, – верил ли он сам в непосредственный переход крестьян «от постоянного недоедания к полной голодовке»?

Но таковы были правила игры, в которую он взялся тогда играть.

Проследившая эволюцию народнической мысли, упоминавшийся уже Н.П. Макаров констатирует, что реформа 19 февраля 1861 г. и «хождения в народ» интеллигенции, принявшие в 1870-х гг. «эпидемический характер» превратили аграрный вопрос «в вопрос политический; все партии оппозиции, строго говоря, в той или иной мере не мыслили вопроса о «земле» без вопроса о «воле»; но очень скоро произошло обратное—для «воли» потребовалась «земля. Поэтому все историческое обоснование аграрного вопроса, в особенности в лице идеи о малоземелье, попало в неразрывную связь с лучшими политическими переживаниями русского общества»²⁸⁷.

Замечу на полях, что в ходе реализации этих самых «лучших политических переживаний», сводившихся к уничтожению исторической власти в России, еще до 1905 г. были убиты десятки ни в чем неповинных людей, в том числе и император, по своей воле освободивший 23 миллиона крепостных крестьян и давший стране возможность новой и лучшей жизни. Кстати, в числе прочего, разрешивший этому «обществу» *открыто* проповедовать свои «лучшие переживания».

«Не признавать малоземелья представлялось равносильным признанию справедливости существовавших и политического строя и социальных отношений. В своем месте мы еще увидим, как „оплакивали“ и почти хоронили крестьянское хозяйство в основной русской экономической литературе; и этот плач тоже был одним из идейных средств борьбы со старым режимом. Говорить о прогрессе было довольно трудно; разрешалось это таким экономистам, как напр. В. В., Н. Каблуков и т. п., которых не могли заподозрить в защите правительства и существовавших социальных отношений; но и то Н. А. Каблуков писал, что нужно удивляться, как при таких условиях крестьянское хозяйство еще живет...»²⁸⁸.

В конечном счете, продолжает Макаров, «условия политической и социальной жизни выдвинули крестьянский вопрос как один из вопросов социально-политической борьбы; это придало крестьянскому вопросу особую важность и интерес, но это и взяло его во власть соответствующей его постановки, **сводящейся к установлению обнищания, разложения деревни в области познания реальности жизни и к требованию земли в области программных построений**»²⁸⁹.

То есть, Макаров *прямо говорит* о предвзятости, о необъективности тогдашних описаний крестьянской жизни, от которых *требовалось* «установление обнищания, разложения деревни», чем и занималась земская статистика.

В глазах оппозиции любое «интеллектуальное» шулерство оправдывалось будущей Гармонией.

Однако настоящая Гармония не терпит вранья.

²⁸⁶ Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 135.

²⁸⁷ Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920. С.8.

²⁸⁸ Там же, С.8-9

²⁸⁹ Там же, С.9-10.

Пристрастный статистик – это понятно, но пристрастная статистика – это плохо. Хотя, что и говорить, весьма комфортно «познавать реальности жизни», т.е. проводить статистические обследования, когда заранее знаешь, что надо «устанавливать»! А с цифрами, не будучи профессионалом, спорить и в голову не приходит! Да и кто обращал тогда внимание на немногочисленных критиков земской статистики?

Об ангажированной неискренности, о дву(три?)смысленности позиции народников Н.П. Макаров пишет и в другой работе: «Деревня не умирает, деревня не отупела совсем—говорили они в идейной борьбе с марксистами, не переставая твердить обратное в идейной борьбе с правительством. Деревня не разлагается, капитализм ее не затрагивает—и этому обоснованием являлись многие, многие томы земских статистических исследований крестьянского хозяйства. «Капиталист» не остается в деревне—он уходит из нее, говорили одни; другие разжигали ненависть к капиталисту—кулаку, укрепляя и углубляя старую ненависть старых народников; так создавалось представление о каких то „обрывках" капитализма в деревне; сами отрицали его, но сами и боялись его»²⁹⁰.

Возникающее впечатление о том, что «многие, многие томы земских статистических исследований крестьянского хозяйства» могли обосновать все, что душе угодно, притом в довольно широком диапазоне вполне справедливо. Не случайно, П.П. Дюшен постоянно уличал земскую статистику в некорректности и подтасовках. Да что там – это же со вкусом делал и В.И. Ленин, доказывавший успешное развитие капитализма в России!

Примечательно мнение того же Кауфмана, который, обсуждая в своем учебнике проблему предвзятости исследователя в статистике, приводит показательный пример: «Предвзятость может проявиться и в тех инструкциях, которые содержат разъяснения по вопросам программы или указания относительно приемов исчисления, равно как и при словесном инструктировании и практическом обучении регистрирующего персонала. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить программы земских статистических исследований, во главе которых стояли представители народнического или наоборот—марксистского течения, или те статистические сборники, в которых воплотились результаты этих исследований.

По свидетельству одного из виднейших представителей первого из названных течений, Н. Н. Черненкова, влияние на земскую статистику народнических представлений об упадке крестьянского хозяйства, как об одностороннем процессе разорения и «отслоения» значительной части хозяйств, идущего на пользу только «кулакам», сказалось, между прочим, в том чрезвычайном внимании, с которым ею изучались и регистрировались именно «упадочные» хозяйства разных категорий... Полная группировка хозяйств по их размерам и типам обращала на себя уже меньшее внимание, а еще меньшее внимание уделялось высшим группам хозяйств, которые в печатных изданиях нередко показывались слишком огульно (напр.,—даже «с 2 и более лошадьми») и более детальному изучению почти не подвергались; в частности, применение наемного труда в крестьянском хозяйстве, имеющее особенную важность для тех же высших групп, оставалось как бы в тени.

Наоборот, марксистские представления об эволюции крестьянского хозяйства как о двустороннем процессе расслоения, а вместе с тем—о растущем и долженствующем расти с течением времени значении индустрии, побуждали земских статистиков-марксистов обращать особое, с одной стороны, внимание на промысловые заработки крестьян, в особенности же на участие их в крупной промышленности и в жизни больших городов, а с другой—на все симптомы совершающейся внутри самой деревни капиталистической дифференциации»²⁹¹.

²⁹⁰ Макаров Н. Социально-этические корни... С.17.

²⁹¹ Кауфман А.А. Теория и методы статистики. М., 1916. С.277

Сказанное не значит, разумеется, что 100% показаний земской статистики неверны буквально. Отнюдь. Есть работы, авторы которых исходили из искреннего желания понять, *что* есть или было на самом деле, а это и есть главный признак *настоящего* исследования (и одновременно стимул, его создающий).

Корректность исследователя при сборе информации, при обращении со статистическим материалом чрезвычайно важна. Напомню приведенную выше мысль А.В. Чаянова о несовершенстве «огромной части» бюджетных обследований, построенных «на матерьяле, собранном явно несовершенными методами»²⁹².

Неспециалистам (а таково большинство людей, которое совершенно не обязано разбираться во всем на свете) не легко понять это, поскольку они чаще всего исходят из идеи априорной порядочности автора. Однако любой профессионал, читая чужой текст, по источникам, которые используются в работе, по самой манере обращения с цифрами легко понимает уровень компетентности и самоуважения автора, потому что он всегда может поймать его за руку и спросить, почему он одни данные привлекает, а другие игнорирует, почему он так легковесен в источниковедческом анализе и т.д.

Что касается «корифеев» народничества, то компетентные современники упрекали их не только в предвзятости и намеренном искажении фактов, но и попросту в элементарном неумении пользоваться статистическими материалами, неважно, относилось ли это к сельскому хозяйству или к фабричной промышленности.

Вот что пишет на этот счет М.И. Туган-Барановский: «Еще не так давно в нашей прогрессивной печати господствовали самые странные теории относительно характера нашего промышленного развития. Так, целый ряд писателей – гг. В.В., Николай-он, Карышев, Каблуков и др. – отстаивали с большим жаром поразительное положение, будто число фабричных рабочих в России по отношению ко всему населению (г. Каблуков утверждал, что и абсолютно) падает. По обыкновению, припутали Маркса и приписали ему чудовищный закон, по которому рост промышленности сопровождается уменьшением доли населения, занятого промышленным трудом (причем, однако, забывали указать, какие доли населения растут на счет этой падающей доли промышленных рабочих). В первом издании «Русской фабрики» я должен был отвести немало места опровержению этого вполне самобытного тезиса. Я указал (и, надеюсь, доказал), что в основании его лежит целый ряд статистических ошибок. Г. В.В. сравнивал за разные годы данные, относившиеся к различным группам фабричных рабочих. Гг. Николай-он и Карышев сравнивали с числом фабричных рабочих за новейшие годы данные, выражавшие за прошлые годы число фабричных рабочих *плюс* горнозаводские *плюс* кустари. Но всех превзошел г.Каблуков, поместивший на стр.12 своей книги «Об условиях развития крестьянского хозяйства» две цифры фабричных рабочих в 1865 г., расходившиеся более чем на 100 процентов, и не заметивший противоречивости этих цифр. Дальше идти было некуда.

Быть может, по этой причине после появления книги г.Каблукова полемика по данному вопросу затихла, и главный автор означенного тезиса, г.В.В. в весьма недвусмысленных выражениях отказался от него в «Сыне Отечества» и признал ошибку Николай-она»²⁹³.

Каблуков – это тот самый Каблуков, которому, по словам Н.П. Макарова общественное мнение чуть ли не единственному только и разрешало иногда говорить о «прогессе» крестьянского хозяйства, потому что его «не могли заподозрить в защите правительства и существовавших социальных отношений».

А.С. Ермолов как бы встраивает сказанное Туган-Барановским в более широкий контекст эпохи: «Многие из выдвигаемых ныне теорий, из проектируемых для разрешения или урегулирования земельного вопроса мер грешат, прежде всего, недостаточно сознательным отношением к действительным условиям русской жизни, не

²⁹² Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1. М., 1916. С. 10

²⁹³ Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика... С.368

сообразуются с истинным положением России вообще и сельского ее населения в частности, с разнообразным характером отдельных местностей; **все подводится под один шаблон, в основу которого кладется та или другая теория, являющаяся иногда плодом чисто предвзятой идеи, но не опирающаяся на твердые факты.**

Часто все строится на статистических данных, на средних арифметических выводах из цифр, которые либо сами по себе представляются сомнительными, либо только маскируют истину, благодаря произвольным их обобщениям, за которыми жизнь с ее разнообразными проявлениями и запросами совершенно исчезает.

И часто возникают споры, идет горячая полемика между приверженцами разных теорий именно из-за этих цифр, более, нежели из-за существа дела и вопрос вместо разъяснения еще более затемняется и запутывается²⁹⁴.

Статистика, если она беспристрастна, – очень серьезная вещь. Иногда настолько серьезная, что руководители переписи населения 1937 г. были репрессированы – Сталину была нужна другая численность населения СССР.

Матрица характеристики бедственного положения отечественной деревни включала стандартный набор претензий к правительству – малоземелье, «непосильные платежи», вытекающие из них недоимки и «голодный экспорт» и т.п. Общую тональность этих описаний Н.П. Макаров охарактеризовал так: «Нищета, забитость, вымирание, психическое притупление – вот как (очень ошибочно) народническая мысль все чаще начинала характеризовать русскую деревню. Это было даже нужно – так как казалось, что, говоря о нищете деревни, люди борются с ненавистным политическим строем; это было тупое оружие русской интеллигенции в ее руках против правительства. Почти преступно-официальным считалось и не разрешалось экономически-оптимистично смотреть на русскую деревню. Разговор о «прогрессивных течениях» русской деревни звучал каким-то диссонансом в этом настроении; «надо удивляться, что оно живет и сохраняется при таких условиях» почти в этих словах писалось тогда о крестьянском хозяйстве²⁹⁵. Трудно яснее сказать об идеологизированности и предвзятости «передовой» русской экономической мысли.

Макаров на начальном этапе своей творческой биографии и сам, безусловно, находившийся под влиянием классического народничества, так объяснил, какой импульс двигал им при написании монографии «Крестьянское хозяйство и его эволюция»: «Мне хотелось заглянуть на закономерность в жизни хозяйства, и я стал изучать **закономерность его эволюции.**

Мне хотелось,—когда, изучая закономерность эволюции крестьянского хозяйства, я стал познавать действительность,— присоединить свой голос к тем, которые говорили, что **крестьянское хозяйство** не только может прогрессировать, но и **действительно прогрессирует.**

Мне хотелось быть в стороне от тех идеологов крестьянского хозяйства, которые, заботясь о нем, плакали над ним; уйти от тех, которые свою социалистически-этическую точку пытались выдать как социально-психическую характеристику трудового крестьянства; но хотелось уйти и от тех, которые бичевали психологию крестьянского хозяйства как психологию ограниченности, твердолобости «мелкого хозяйчика» и т. п. В психологии хозяина-самостоятельного работника и организатора есть много **этически-ценного**, бодрого, красивого; нельзя строить новую жизнь, ненавидя само строительство жизни; я видел в жизни, что есть в крестьянстве **здоровая творческая, ненюющая психология организатора - творца**; необходимо заразиться ею для успешного понимания и изучения этого хозяйства²⁹⁶ ...

Здесь очень внятно определено содержание феномена, который, расширяя мысль Макарова, с полным правом можно назвать «плачущей», а лучше – «нюющей

²⁹⁴ Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. Спб. 1906. С. II-IV

²⁹⁵ Макаров Н. Социально-этические корни ... С. 16.

²⁹⁶ Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство ... С. V-VI

историографией» российской деревни. Большая часть смысла и почти весь пафос этой литературы состоял в доказательстве безотрадного и беспросветного существования российского крестьянства, которое, впрочем, сохраняло шансы на светлое будущее в виде уравнильно- передельной общины, «ячейки» социализма. Именно от представителей этого направления в первую очередь хотел уйти Макаров, поскольку они десятилетиями «свою социалистически-этическую точку пытались выдать, как социально-психическую характеристику трудового крестьянства», то есть, попросту говоря, приписывали крестьянам свои социалистические взгляды и негодуяюще удивлялись, когда не находили их.

А начался этот «интеллектуальный» подлог после «хождения в народ»: «Мы раньше были «пропагандистами» и «развивали народ», прививая ему «высшие идеи». Новая идея состояла в открытии, которое впоследствии развивалось в «Основах народничества» Каблицы (Юзова), но гораздо лучше изложена в программе кружка Натансона, да отчасти вошла и в программу «Народной воли». **Решено было, что народ русский имеет уже те самые идеи, которые интеллигенция считает передовыми, т.е. он, народ, отрицает частную собственность на землю, склонен к ассоциации, к федерализму общинному и областному. Учить его было нечему, нечему и самим учиться.** Требовалось только помочь народу в организации сил и в задаче сбросить гнет правительства, которое держит его в порабощении»²⁹⁷. Кстати, «народничеством» знаток вопроса, Л.А. Тихомиров, называет именно эту идею.

Невозможно без чувства изумления (в сочетании с другими весьма понятными чувствами) читать комментарии «народолюбивых» земских статистиков и народнических теоретиков типа В.В. и Кочаровского, осуждающие «эгоизм», отсутствие альтруизма у крестьян, не желающих, видите ли, делиться и меняться своей унавоженной землей с «голяками». Когда крестьянин, «хорошо обработавший свою полосу и удобривший ее получает при переделе тощую, бывшую в пользовании слабого, по несчастью или лености, однообщественника», - пишет П.П. Дюшен, то «литературные защитники общины восхищаются этими фактами, видя в них проявление «альтруизма» общины, т.е. альтруизм определяется ими как принудительная нравственность!»²⁹⁸.

Показательно мнение об этом А.А. Риттиха, видного деятеля Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902-1904 гг., в будущем – последнего имперского министра земледелия. В своей известной работе «Зависимость крестьян от общины и мира» (Спб., 1903), основанной на данных земской статистики, он отмечает, что «лица, вынесшие на себе тяжелый труд собирания и обработки материала... руководились теми взглядами на общину, которые установились под сложным влиянием описанных выше течений в науке и общественном сознании (т.е. социалистических – М.Д.). **Работая с твердо сложившимися убеждениями, основанными, главным образом, на доктрине экономического материализма, исследователи стремились видеть в добытых ими фактах подтверждение этих убеждений.**

Поэтому, например, стремление общинников к устойчивому владению без поравнения признавалось «регрессивным явлением», в этом усматривался «слепой эгоизм большинства». Сокращение сроков передела и усиление жеребьевок считалось «результатом прогрессивной эволюции общинной идеи».

Из факта отнятия переделом хорошо обработанной полосы и замены ее совершенно истощенной делается вывод о хозяйственной пользе такого обмена, ибо на выпханную землю будет вывезен скопленный богатеем навоз, и, следовательно, такая полоса, бывшая прежде у бедного хозяина, «теперь очень кстати попала к зажиточному».

Неудовлетворительное хозяйство общинников, хотя и признается, но объясняется малоземельем, тяжестью податей и «совокупностью разных случайностей» и т. д..

²⁹⁷ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003, С.122

²⁹⁸ П.Д.(Дюшен П.П.) Русская интеллигенция и крестьянство. Критический анализ трудов местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. М. 1904. С.26-27.

Этот субъективный элемент, который и не скрывается, вызывал обвинения, что выводы прямо противоречат сообщаемым сведениям»²⁹⁹.

Далее Риттих не без иронии замечает: «Интересно кстати отметить, каково отношение земского обследования к этим крайне распространенным и притом бьющим в глаза по своему очевидному вреду для сельскохозяйственной культуры уравнильным порядкам». Когда крестьян спрашивают, что препятствует удобрению земли, то они «нередко» отвечают, что одна из причин – «переделы и переверстки земли, связанные с общинным землевладением... Но, по мнению статистиков, это «указание следует принимать с большою осторожностью». На самом же деле, считают статистики, «потребность в удобрении не сделалась настоятельной, и крестьяне еще не убедились в пользе этой хозяйственной операции».

Однако, продолжает Риттих, зафиксировано множество фактов, когда крестьяне из-за «начавшихся переделов или в виду поднявшихся толков о переделе» прекращали удобрять землю, уже, видимо, убедившись в пользе этой хозяйственной операции. Многие общины, «сознающие уже эту пользу, производят жеребьевки реже или вовсе их отменяют, начинают удлинять срок переделов, прекращают верстание удобряемых нив».

Но эти явления свидетельствуют, что идея уравниения приносится в жертву хозяйственной пользе... **По-видимому, идеалы социалистические не вяжутся с поступательным движением сельскохозяйственной культуры.**

За всем тем земские исследователи относятся весьма отрицательно к тем крестьянам, которые, защищаясь от отобрания у них «сподобленных» полос, противятся переделу. Наряду с определением их самими же крестьянами как «стоящие», «сильные» хозяева, «земляки», они квалифицируются грубо-эгоистическими членами общества, чуждыми этических, альтруистических и социальных мотивов, представителями поддонков полукультурных слоев или просто именуются кулаками, мироедами, коштанами, глотками, в лучшем случае—«зажиточными и притом жадными» крестьянами, богатеями и т.д.»³⁰⁰.

Так в общественном сознании жителей России закреплялся и надолго закрепился негативный, отталкивающий образ «кулака». У крестьян, как мы видим, на этот счет было свое мнение, они уважали настоящих тружеников, но внимание публики фиксировалось на оценках земских статистиков, поскольку она совпадала с «мейнстримом».

Заключительным аккордом здесь мне кажется убийственная характеристика Н.П. Макаровым восприятия российской интеллигенцией слоя «трудовых хозяйств»: «Его или не замечали, когда усиленно «вообще оплакивали», «разоряющуюся деревню», или замечали, но сердито тыкали в него «ненавистным» словом «буржуазия», с социальным умилением в сердце подходя к деревенским низам, к действительно полуразвалившейся части деревни.

Сколько нездорового социального чувства во всем этом; как сильна социальная извращенность в этом чувстве внутренней этической враждебности по отношению к здоровому крестьянскому хозяйству и матерински болезненной любви к полуразвалившемуся хозяйству!

Это такая же извращенность, как если бы мы к здоровым физически и духовно людям относились враждебно за их здоровье, а к больным относились бы наоборот «любовно». Это не значит, что надо забросить больные хозяйства – нет, для них должно быть сделано все, что может быть сделано, чтобы дать им выход в ту или иную сторону; но это означает, что здоровое хозяйство должно нас радовать, если угодно даже вызывать хозяйственно-этические и эстетические переживания»³⁰¹.

Вышедшие на сцену в 1890-х гг. русские марксисты были плотью от плоти этого общества, общества с извращенными этическими принципами, в котором

²⁹⁹ Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины. СПб., 1903. С.48-49

³⁰⁰ Там же, С.90-91

³⁰¹ Макаров Н. Социально-этические корни... С.24–25,

культивировались «нездоровые», а на самом деле – дикие социальные чувства!»! Общества, в котором нормальное, «здоровое» крестьянское хозяйство воспринималось враждебно, а отбросы деревни – с «социальным умилением» и «матерински болезненной любовью». Сначала будущие социал-демократы впитывали народническую этику и уже потом присягали Марксу.

Конечно, исходя из его теории, они относились к крестьянству совершенно иначе, чем «старые» народники 70-80-х гг. и эсеры. Социал-демократы, в полном соответствии с позицией Маркса, ненавидевшего крестьян именно за отсутствие социалистических идеалов, клеймили земледельцев за желание получать за свой труд достойное вознаграждение, за стремление жить лучше, «бичевали психологию крестьянского хозяйства как психологию ограниченности, твердолобости «мелкого хозяйчика». Кто не слышал в советской школе о «двойственной природе крестьянства»? С одной стороны, они труженики, и в этом-де близки к соли земли, к пролетариату, а, с другой, они – на свою беду – собственники!

Эту ненависть и презрение своего учителя к деревне большевики унаследовали в максимальном объеме – и именно крестьянство «Великим переломом» оплатило «Большой скачок» и другие достижения советской власти. О «союзе пролетариата и беднейшего крестьянства», о комбедах нечего и говорить. «Социального умиления» тут было с лихвой.

Однако в том, что в 1929 г. немалая часть жителей СССР психологически была вполне готова к «уничтожению кулачества как класса» (легко представить, как должна была пленять множество оболваненных пропагандой людей, особенно молодых, стилистическая «окончателность», завершенность этой людоедской формулировки!) была большая «заслуга» народнической пропаганды, десятилетиями вколачивавших в общество воистину извращенные – до абсурда – догматы.

Да, мировоззрение русской интеллигенции в каких-то основополагающих моментах остается непостижимым. Зашоренность, ограниченность ее мировосприятия изумляет. О какой объективности, о каком рациональном взгляде на мир тут можно вести речь?

Кому и почему на Руси жить не хорошо: истинные причины упадка деревни.

Вместе с тем, еще раз повторю, что невозможно игнорировать множество свидетельств растущего обеднения части крестьян, появления сельского пролетариата, несмотря на все заклинания о том, что община якобы предохраняет страну от пролетаризации.

Однако сейчас проблема не в том, чтобы констатировать наличие фактов трудной жизни части земледельцев, а в том, чтобы постараться понять, почему это происходило.

Крестьяне видели причину трудностей в нехватке земли, и в рамках своей логики (а откуда у них могла взяться другая?!) были правы – ведь для ведения экстенсивного средневекового хозяйства, которое не слишком изменилось со времен Киевской Руси, земли к концу XIX - началу XX вв. действительно стало не хватать, ибо население росло со скоростью 1,5% в год.

В схожей ситуации на Западе при помощи государства началась интенсификация сельского хозяйства, основанная на агрономическом просвещении земледельцев, обеспечившая процветание западноевропейского крестьянства. А в России образованные люди этой проблемы в массе не понимали или не хотели понимать и очень много рассуждали о малоземелье.

А.С. Ермолов писал: «Что собственно следует разуметь под малоземельем? Мне пришлось на своем веку изъездить всю Россию (кроме самых северных губерний) и значительную часть Сибири. Оказалось, что нет такой местности в России – кроме разве северных губерний – где не приходилось бы выслушивать жалобы на малоземелье, на земельное утеснение». В Европейской России наблюдается крайнее разнообразие площади наделов – от 0,25 дес. на ревизскую душу до 15 дес. на душу государственных крестьян. При этом «особой разницы в благосостоянии крестьян, размеры землепользования коих столь различны, **за исключением только действительно бедственного положения тех из них, которые сидят на даровом нищенском наделе** – во многих случаях констатировать нельзя, а напротив, иногда крестьяне на меньших наделах живут зажиточнее, нежели в селениях многоземельных»³⁰².

При этом представители «партии здравого смысла» постоянно говорили о том, что, во-первых, дополнительное наделение земель никак нельзя осуществить в планируемых крестьянами и оппозицией размерах и что следствием прирезки будет, во-вторых, перенос архаичных приемов земледелия на вновь полученные земли, а это в итоге лишь понизит общую урожайность в стране.

В России конца XIX - начала XX вв. создалась абсурдная на любой непредвзятый взгляд ситуация. В стране с элитным черноземом собирались самые низкие урожаи. При этом в Германии свыше 50% крестьян имели наделы менее 5 га и преуспевали, а в России – средний надел составлял свыше 10 дес.(11 га) и крестьяне жили несравненно хуже.

Проблема заключалась не в количестве земли (и уж, конечно, не в климате), а в качестве и условиях ее обработки, которые в огромной степени определялись наличием общины, которая была реальным тормозом сельскохозяйственного прогресса

То, что этого не понимали многие крестьяне, неудивительно, поскольку они жили, условно говоря, в своем XVII в. (многие, однако, – понимали). А вот поведение очень многих образованных российских людей, обличителей малоземелья, не просто удивительно – оно, скорее, позорно. Из корыстных политических соображений они будили самые низменные чувства крестьян и потакали им, натравливая на помещиков, превратив малоземелье в козырную карту в борьбе с Властью, в игре *на* (sic!) будущее страны.

Даже кадеты, которые по характерному российскому недоразумению считаются либералами, как будто не желали видеть абсолютно очевидные, банальные, по сути, вещи:

³⁰² А.С.Ермолов Наш земельный вопрос ... С.3-5 и др.

«Принципиальное противопоста(но)вление и непонимание условий и экономического значения интенсификации сельского хозяйства, соединяемое с боязнью, что так хотят «замолчать» земельный вопрос или так могут его «замолчать», типично для настроений русского общества, как в широких его партийных и непартийных кругах, так и в экономической литературе. Известный редактор сборника по «Аграрному вопросу»... И. Петрункевич в предисловии к этому сборнику почти официально формулирует эту позицию. «Если бы урожайность была доведена до нормы западноевропейских стран», то тогда надо бы интенсификацию соединить с общей реорганизацией хозяйства; но это путь «медленный» и «обусловленный», **а здесь приходится разрешать определенный социальный вопрос, формулируемый, как малоземелье.** Естественно и то, что немало нареканий встречали по своему адресу А. И. Чупров и А. А. Кауфман, писавшие о возможности и нужности интенсификации»³⁰³.

Как здесь не вспомнить язвительное замечание Б.Д. Бруцкуса о том, что, «русская интеллигенция даже и элементарную мысль о том, что, в конце концов, ведь земля не размножается... считает какой-то реакционной ересью».

Оппозиция всегда фиксировала внимание на внешних факторах жизни крестьянства – малоземелье, платежах, т.е. искала «виновных» *вне* крестьянства.

Разумеется, это было не случайно. Напомню, что общий подход русской интеллигенции к окружающему миру вытекал из руссоизма и пресловутого оптимизма рационалистов XVII-XVIII в. То есть, оппозиция была уверена, что мир прекрасен, а человечество – не ошибка, но достижение Эволюции. Никакие ужасы Французской революции, никакой якобинский террор не поколебали этой благоглупости (ее и сейчас разделяют миллионы тех, кого не убедил в обратном весь XX век вкупе с началом XXI-го).

Исчерпывающую характеристику этих взглядов дал, как известно, С.Л.Франк: «Современный социальный оптимист, подобно Руссо, убежден, что все бедствия и несовершенства человеческой жизни проистекают из ошибок или злобы отдельных людей или классов. Природные условия для человеческого счастья, в сущности, всегда налицо; нужно устранить только несправедливость насильников или непонятную глупость насилуемого большинства, чтобы основать царство земного рая. Таким образом, социальный оптимизм опирается на *механико-рационалистическую теорию счастья.*

Проблема человеческого счастья есть с этой точки зрения проблема внешнего устройства общества; а так как счастье обеспечивается материальными благами, то это есть проблема *распределения.* Стоит отнять эти блага у несправедливо владеющего ими меньшинства и навсегда лишить его возможности овладеть ими, чтобы обеспечить человеческое благополучие. Таков несложный, но могущественный ход мысли, который соединяет нигилистический морализм с *религией социализма*»³⁰⁴.

Другими словами, если людям плохо, то причины этого нужно искать не *внутри* них самих, а во внешних условиях их жизни. Например, если крестьяне живут плохо, то это происходит не потому, что они мало и притом неправильно работают, а потому что у них мало земли, они задавлены налогами и т.п. Стоит лишь отобрать землю у помещиков и казны – и сразу настанет страна Муравия.

Поэтому оппозиция не могла ответить на очень простые вопросы. Если причина ухудшения положения крестьян в малоземелье, то почему там, где наделы меньше и качество земли хуже, крестьяне живут лучше, чем в черноземных губерниях с большими наделами?

Почему не страдают от неурожая помещики и немцы-колониисты? Почему на землях помещиков всегда выше урожайность?

Оппозиция выдумала себе русский народ и его историю, как иногда выдумывают возлюбленных. Вчерашний крепостной крестьянин представлял у нее своего рода

³⁰³ Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство...С.9.

³⁰⁴ Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991, с. 168-169

идеальной личностью. Он как бы априори обладал максимальным трудолюбием, усердием, владел всем богатством агрономических знаний и арсеналом соответствующих навыков и не имел при этом вредных привычек, мешающих его пуританскому быту и рационально организованному производственному процессу. К тому же он якобы был альтруистом, что было чрезвычайно важно для социалистического будущего, которое она ему готовила. И только антинародная политика царизма не давала этому воплощению человеческих совершенств возможности реализовать такой выдающийся потенциал.

На деле, понятно, все было несколько иначе, и это неудивительно после четырех веков, прожитых крестьянами в вотчинно-крепостническом государстве, из которых два века пришлось на крепостное право

Что имеется в виду?

Представители «партии здравого смысла» воспринимали народ *реально*, т.е. со всеми его достоинствами и недостатками, и уж определенно трактовали не в качестве объекта любви и поклонения – все они ходили в церковь и были чужды «человекобожеству». Поэтому они концентрируются на *внутренних* факторах жизни деревни и дружно говорят о том, что крестьянский труд определенно недостаточен, что земледельцы могли бы работать куда больше и куда лучше, а значит – и лучше жить.

Точкой отсчета при рассмотрении этого сюжета может быть следующая информация: «Документы говорят даже о семи вспашках, включая предпосевные. В XIV в. в Англии, как и в Нормандии, уже шла речь о трех вспашках – весной, осенью и зимой. В 1328 г. в Артуа земля, предназначенная под пшеницу, «хорошо обрабатывается с четырьмя ораньями (вспашками), одной зимой и тремя летом». В Чехии в имениях Черниных в 1648 г. было правилом пахать четырежды или трижды, смотря по тому, под пшеницу или под рожь предназначается земля. Запомним слова одного савойского землевладельца, сказанные в 1771 г.: «В иных местах мы изнуряем себя бесконечной пахотой и пашем до четырех или пяти раз ради одного урожая пшеницы, зачастую весьма среднего»³⁰⁵.

Для России второй половины XIX в. эти сведения – как Останкинская телебашня, построенная тогда же рядом с башней Сухаревской.

Жалобы на качество труда в дореформенную эпоху кажутся естественными. Но, казалось бы, после 1861 г., когда они стали работать на себя, отношение крестьян труду должно было бы измениться, однако на деле это происходило далеко не всегда.

Почему?

Как известно, в общем виде положение крестьянского хозяйства³⁰⁶ определялось тремя системами полеводства: трехпольной навозной системой в Нечерноземье, трехпольем без удобрения на черноземе и переложной системой в Новороссии и степях Поволжья. Из этих систем, пишет К.Ф. Головин, «две — навозная трехпольная и переложная, могут иметь свою правильную, вполне рациональную организацию, сберегающую производительные силы почвы. Условия ее для трехпольного хозяйства заключаются в правильном соотношении между пашнями и теми угодьями, откуда добываются кормовые средства; или точнее, в получении возможно большого количества сена с непашотных земель. Для переложной системы такая же правильность будет достигнута, если посевы хлебов не изнурительны для пашни и устроены с некоторым плодосменом. Незачем, кажется, и говорить читателю, что **ни в промышленной, ни в степной полосе эти условия крестьянами не соблюдаются...** Трехпольное черноземное хозяйство... в своем чистом виде полного отсутствия удобрения, как оно практикуется в губерниях Симбирской, Саратовской, отчасти Нижегородской, Пензенской, Воронежской,

³⁰⁵ Бродель Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. том.1 Структуры повседневности. М., 2006. С.91

³⁰⁶ Речь идет о каждой из трех полос (34 губернии), на которые распространялось действие Великороссийского Положения.

Тамбовской и Харьковской ... **не что иное, как полное отрицание всякой рациональной культуры.** В этих местностях до сих пор преобладает бросание удобрения в овраги, по крайней мере у тех крестьян, у которых нет земель купленных или арендуемых на долгий срок»³⁰⁷.

Головин, как и другие непартийные авторы, постоянно говорит о нежелании крестьян тратить силы на улучшение условий своего земледелия и резюмирует: «Коренная причина отсутствия успехов в земледелии у великорусских крестьян заключается очевидно в старании выбрать из почвы как можно больше хлебных продуктов без соответствующей возделки и достаточного удобрения. **Не будь этой причины, даже при самых первобытных орудиях и при исключительно зерновой трехпольной системе, с крестьянских наделов могли бы получаться сносные урожаи,** как получались они в большинстве помещичьих хозяйств крепостного времени....

Но как объяснить эту повальную расточительность в обращении со своими наделами?...

Если мы теперь спросим у себя, нет ли какой-нибудь общей черты у подмеченных нами разнородных явлений, мы без труда найдем, что все они свидетельствуют о полном отсутствии заботливости, рассчитанной на более или менее продолжительный срок.

Крестьяне, в огромном большинстве случаев, не производят вовсе таких улучшений, которые стоили бы даже не денежных затрат, а простого физического труда, если только результат этого труда получится не тотчас. Этим нежеланием пускать свой труд, если можно так выразиться, в долгий оборот и объясняется отсутствие работ для осушения лугов, для расчистки зарослей и самое равнодушие крестьяне к правильному удобрению почвы и к тщательной ее обработке. Во всех этих приемах виден **не прочный хозяин, уверенный, что от него не ускользнут плоды его заботливости, а хозяин мимолетный, хозяин на скорую руку, рассчитывающий лишь вырвать жалкую прибыль у своей жалкой земли.**

Нетрудно, считает Головин, **«отыскать связь между этими свойствами крестьянского хозяйства и общинным землевладением. Обусловленная им поземельная неустойчивость и отнимает у временного владельца охоту к всякой затрате, барыш с которой заставляет себя ждать, а таковы почти все затраты по земледелию»**³⁰⁸.

Напомню – Ермолов постоянно подчеркивает тот факт, что больше всего продовольственных ассигнований правительство направляло в общинные великорусские губернии. Его правоту в оценке влияния общины на уровень задолженности крестьян подтверждает и анализ географии недоимок, проведенный в этой работе.

Проблема неурожаев обогащается новыми нюансами, если мы вернемся к тем упомянутым выше простым вопросам, на которые нельзя ответить в рамках народнической логики.

Во-первых, почему сборы на помещичьих землях практически всегда, и в пору недорода также, были значительно выше, чем на надельных?

Так, описывая неурожай 1897 г., А.С.Ермолов пишет: «В этом году, **как и во всех предшествовавших и во всех последовавших неурожайных годах,** было отмечено, что урожаи на владельческих землях были выше, чем на крестьянских. Лучшее удобрение, лучшая обработка и лучшие семена были тому причиной... В 1897 году разница между урожайностью крестьянских и владельческих земель сказалась особенно резко... Особенно подчеркиваю этот факт потому, что, как известно, в новейшее время, когда явилась теория принудительного отчуждения земель у частных владельцев в пользу крестьян, некоторые последователи этой теории стали отрицать разницу в урожайности помещичьих земель и крестьянских, доказывая, что и техника земледелия у большинства частных владельцев

³⁰⁷ Головин К.Ф. Сельская община ... С.134-135

³⁰⁸ Там же, С.140-141, 144-145

почти ничем не отличается от крестьянской. Другие доказывали, что если некоторая ничтожная разница и есть, то она объясняется тем, что помещики взяли себе при освобождении лучшие земли, а крестьянам отвели худшие. Но едва ли такое объяснение нужно и опровергать. Иногда, стоит только проехать по меже, отделяющей помещичью землю от крестьянской, чтобы на глаз заметить резкую разницу в состоянии хлебов на той и другой, тогда как разницы в качестве почвы по ту и другую сторону межи, очевидно, быть не может»³⁰⁹.

Характеристика неурожая 1906 г. завершается обращением к этой же теме: «Повсеместно почти замечалась большая разница в урожайности на полях помещичьих и крестьянских, даже при равных условиях расположения, почвы и погоды. Это свидетельствует о том, что неурожай зависел не только «от Бога», но и от разницы в обработке полей, в уходе за землею, в своевременности работ. Во многих местах на помещичьих землях рожь дала, по меньшей мере, вдвое, а местами и втрое более, нежели на крестьянских...

В некоторых местах, в районе пострадавших от неурожая губерний, был сделан подсчет, что если бы на крестьянских полях урожаи были только равны помещичьим, то и в 1906 году голода бы не было, крестьяне прокормились бы своим хлебом и правительству не пришлось бы затрачивать, с весьма малою надеждою на возврат выданных ссуд, колоссальные суммы на восполнение пострадавшему от неурожая населению».³¹⁰

Во время неурожая 1908 г. ситуация повторилась вновь: «Поразительную разницу, также значительно большую, нежели обычно, дали урожаи на помещичьих и крестьянских надельных землях... даже в самых неурожайных уездах, Царицынском и Камышинском, частновладельческие земли дали больше крестьянских на 12,5-18% (по ржи – МД). Еще большая разница замечается тут в некоторых уездах в отношении овса... десятая частновладельческой (земли) при посеве 7 пудов дала 27,3 пуда, т.е. больше, чем вчетверо против крестьянской земли. Это подтверждает много раз сказанное мною выше, что **если бы крестьяне на своих землях получали столько же, сколько дают земли частновладельческие, то и при недороде**, постигающем вследствие неблагоприятных метеорологических условий и те, и другие, **все же они собирали бы достаточно, чтобы прокормиться, не было бы ни голодовок, ни необходимости кормежки на казенный счет.**

...За немногими единичными исключениями... урожай был везде на частновладельческих землях выше, нежели на крестьянских, но разница эта особенно ощутительна в губерниях с общинным землевладением и с плодородною почвою, т.е. там, где землевладелец (так в док. – М.Д.) на своей земле не хозяин, потому что она в любое время может быть у него отнята и передана другому, и где крестьяне все свои надежды возлагают на Божью волю, – Бог захочет, так и на камушке родится хлеб»³¹¹.

К слову, урожайной статистикой ЦСК МВД не учитывался тот факт, что огромные площади частновладельческих земель арендовались крестьянами. Между тем это автоматически понижало урожайность на этих землях. То есть, сборы на землях, где вели хозяйство сами помещики, в действительности были еще выше.

Второй вопрос. Почему находившиеся в абсолютно одинаковых с точки зрения почвы и климата хозяйства немцев-колонистов в несравненно меньшей степени испытывали воздействие неурожая? Вот, что пишет об этом Ермолов: «Следует заметить еще, что **у немецких колонистов, которых немало в приволжских губерниях, земли обрабатываются гораздо лучше, и урожаи на них приближаются к помещичьим.** То же было и в 1906 году, и потому к правительственной или посторонней благотворительной помощи они почти не прибегали. В отношении же беднейших своих

³⁰⁹ Ермолов А.С. Наши неурожайи ... Том 1 С.145-146.

³¹⁰ Там же, С.317-318.

³¹¹ Там же, С.578-579.

сочленов, действительно нуждающихся, у колонистов получила широкое развитие взаимная самопомощь, которая у русских крестьян, как известно, отсутствует совершенно, несмотря на общинное начало, которое, по мнению поборников общины, должно было способствовать ее развитию»³¹².

Наконец, почему в период неурожая равно страдают и мало- и многоземельные хозяйства?

«Не оправдалось», – продолжает Ермолов – « в 1906 году также и очень распространенное теперь мнение, что все бедствия сельского населения являются последствием крестьянского малоземелья. Именно, оказалось, что степень нужды населения не находилась ни в какой зависимости от размеров крестьянского землевладения. В числе пострадавших и требовавших правительственной помощи фигурировали одинаково крестьяне и с малыми и с большими наделами, которые в некоторых уездах Самарской губернии доходят иногда до 50 дес. на двор, а у башкир в Уфимской губернии есть наделы и в 100 дес. Правда, что башкиры из этой площади обрабатывают, и то кое-как, лишь самую незначительную часть, а остальное либо сдают в аренду русским, либо и совсем оставляют лежать втуне. И у этих-то широко обеспеченных инородцев всего более, как известно, развивалась цинга, и нужда у них была всего острее».³¹³

То есть, и в оценке данной проблемы, важнейшей для построения оппозиции, мы не видим с ее стороны реалистичного подхода к окружающему миру.

Б.Н. Чичерин, так характеризует эти сюжеты в своих воспоминаниях: «Благосостояние крестьян, которое временно поднялось в первые годы после освобождения, затем пошло под гору. Причины были частью внешние, частью внутренние. К первым принадлежали плохие урожая и уменьшение зимних заработков вследствие построения железных дорог. В прежнее время крестьяне нашей местности возили хлеб в Моршанск не только из окрестностей, но даже из дальней Романовки Балашовского уезда. Это давало им деньги и возможность держать порядочное количество лошадей. С проведением железных дорог эта статья дохода значительно сократилась. Зимой дела почти не было.

Тем сильнее действовали важнейшие внутренние причины: обеднение, семейные разделы, разорительное пьянство и неумение держать деньги в руках. Против разделов помощи не было никакой. Когда бабы ссорятся, братьям волею или неволею приходится расставаться, хотя это и ведет к нищете, а с освобождением сила баб возросла. Меткая русская пословица говорит: «семь топоров идут вместе, а две прялки врозь».

Кабак составляет, может быть, еще худшее зло. Против существования его в Карауле (родовом имени Чичериных в Тамбовской губернии – М.Д.) мы долго ратовали и наконец успели убедить крестьян его закрыть. Деньги, которые они получали от кабатчика за разрешение взять патент, очевидно восполнялись с избытком из собственных их карманов. Прекратились, по крайней мере, безобразные мирские сходки около кабака, при которых обыкновенно пьянство продолжалось в течение трех дней.

Но кто может помешать крестьянину, когда у него есть лишний грош, пропить его на соседнем базаре? Какое влияние это имеет на благосостояние крестьян, я мог видеть из следующего случая. Однажды, в плохой год, приходит ко мне старик, который был в числе перевозчиков на пароме, и приносит сто рублей, с просьбою положить их в банк на имя сына. Я это исполнил. На следующий год, который был еще хуже, он приносит опять сто рублей, все мелкою серебряною монетою, с просьбою положить их на имя внука. Я удивился. «Скажи мне, пожалуйста,— спросил я,— как это у тебя столько денег, когда в нынешнем году даже зажиточные крестьяне нуждаются?» — «Ах, Борис Николаевич,— отвечал он,—ведь я в кабак не хожу, а в кабаке, вы знаете, рубль пропьешь, а десять потеряешь». Этот пример был для меня поучителен. А сколько я видал крестьян,

³¹² Там же, С.318-319.

³¹³ Там же, С.319.

пропивших хорошее состояние и даже погибших при переездах в пьяном виде.

Но у мужика деньги уходят не на одно вино; он просто не умеет их беречь. Века крепостного состояния, в соединении с размахистостью русской природы, привели его к тому, что у него, так же как у барина, они уходят сквозь пальцы. Вследствие этого зачастую встречаем примеры, что крестьянин приносит деньги на сохранение, или сам купит что-нибудь ненужное, говоря, что иначе у него деньги уйдут. Привычки к сбережениям у него нет, а где эта привычка не укоренилась, там благосостояние неизбежно понижается. Народонаселение растет, земли на всех становится меньше, притом она выпаживается, а капитал, который должен восполнить этот недостаток, не увеличивается; что же из этого может выйти, кроме общего обеднения? Это мы и видим на глазах.

Социал-демократы вопят о малости надела, придумывают благодетельные банки, на которые возлагается противная всякому финансовому расчету обязанность давать капитал неимущим, но закрывают глаза на истинные причины бедствия, и главное, считают неприкосновенною святынею то коренное зло, которое влечет за собою общее обеднение, — общинное землевладение.

Пока крестьянин не привык думать, что он сам должен устраивать свою судьбу и судьбу своих детей, никаких путных экономических привычек у него не может образоваться. Крепким сельским сословием, способным служить источником обогащения для себя и для страны, может быть только сословие личных собственников или арендаторов-капиталистов, а никак не общинных владельцев.

Положение 19 февраля не могло решить этого вопроса; нельзя было разом произвести дна коренных переворота в судьбе сельского состояния. Но оно открыло путь личному землевладению, предоставив каждому крестьянину право выкупить свой участок. Задача последующего законодательства состояла в том, чтобы довершить начатое и закрепить наделы за существующими семьями, воспретив переделы на новые души. Только этим способом можно было утвердить в крестьянском сословии понятие о собственности, составляющее основание всякого гражданского быта.

Но ничего подобного не было сделано. Не только все предоставлено на произвол судьбы, но в последнее время произошел даже шаг назад: личный выкуп стеснен. Мудрено ли, что у крестьян все понятия о праве перепутываются, а проистекающие из чувства собственности экономические привычки не могут развиваться?»³¹⁴.

Ясно, что если в первой части этого фрагмента он описывает своих крестьян-соседей, то во второй – говорит о всех земледельцах вообще.

С.Ю. Витте в известном письме Николаю II 1898 г. так определил место обсуждаемых проблем с точки зрения государственных интересов страны: «Крымская война открыла глаза наиболее зрячим: они осознали, что Россия не может быть сильна при режиме, покоящемся на рабстве. Ваш великий дед самодержавным мечом разрубил гордиев узел. Он выкупил душу и тело своего народа у их владельцев. **Этот беспримерный акт создал того колосса, который ныне находится в Ваших самодержавных руках.**

Россия преобразовалась, она удесятерила свои силы, свой ум и свои познания... Теперь нужно двигаться... Император Александр II выкупил душу и тело крестьян, Он сделал их свободными от помещичьей власти, но не сделал их свободными сынами Отечества, не устроил их быта на началах прочной закономерности...

Ваше Величество имеете 130 млн. подданных. Из них едва ли много более половины живут, а остальные прозябают. Наш бюджет до освобождения крестьян был 350 млн. руб., освобождение дало возможность довести его до 1400 млн. руб. Но уже теперь тяжесть обложения дает себя чувствовать. Между тем бюджет Франции при 38 млн. жителей составляет 1260 млн. руб.; бюджет Австрии при народонаселении в 43 млн.

³¹⁴ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Т. II. М., 2010. С.235-237

составляет 1100 млн. руб. Если бы благосостояние наших плательщиков было равносильно благосостоянию плательщиков Франции, то наш бюджет мог бы достигнуть 4200 млн. руб. вместо 1400 млн. руб., а сравнительно с Австрией мог бы достигнуть 3300 вместо 1400 млн. руб. Почему же у нас такая налоговоспособность? Главным образом от неустройства крестьян.

Каждый человек по природе своей ищет лучшего. Это отличает человека от животного. На этом качестве человека основывается развитие благосостояния и благоустройства общества и государства. Но для того, чтобы в человеке развился сказанный импульс, необходимо поставить его в соответствующую обстановку. У раба этот инстинкт гаснет. Раб, сознавая, что улучшение его и бытия его ближних неосуществимо, каменеет. Свобода воскрешает в нем человека. Но недостаточно освободить его от рабовладельца – необходимо еще освободить его от рабства произволу, дать ему законность, а следовательно, и сознание законности, и просветить его. Необходимо... сделать из него «person'u», ибо он теперь «полупersona». Все сие не сделано или почти не сделано.

Крестьянин находится в рабстве произвола. Закон не очертил точно его права и обязанности. Его благосостояние зависит не только от усмотрения высших представителей местной власти, но иногда от людей самой сомнительной нравственности. Им начальствуют, и он видит начальство и в земском, и в исправнике, и в становом, и в уряднике, и в фельдшере, и в старшине, и в волостном писаре, и в учителе, и, наконец, в каждом «барине». Он находится в положительном рабстве у схода, у его горланов. Не только его благосостояние зависит от усмотрения этих лиц, но от них зависит его личность. Существует сомнение, следует ли оградить крестьян от розог или нет? Можно различно решать этот вопрос. Я думаю, что розги как нормальное средство оскорбляет Бога в человеке... Но если еще розги необходимы, то они должны даваться закономерно. Крестьян же секут по усмотрению — и кого же? Например, по решению волостных судов — темных коллегий, иногда руководимых отребьем крестьянства. Любопытно, что если губернатор высечет крестьянина (чего я не одобряю), то его судит Сенат, а если крестьянина выдерут по каверзе волостного суда, то это так и быть надлежит. Крестьянин — раб своих односельчан и сельского управления.

Крестьянина наделили землею. Но крестьянин не владеет этою землею на совершенно определенном праве, точно ограниченном законом. При общинном землевладении крестьянин не может даже знать, какая земля его. Теперь живет второе поколение после освобождения. Права наследства были предоставлены господству смутного обычая, а посему теперешние крестьяне пользуются землею не по законно определенному праву, а по обычаю, а иногда и усмотрению... .

Крестьянство освобождено от рабовладельцев, но находится в рабстве произвола, беззаконности и невежества. В таком положении оно теряет стимул закономерно добиваться улучшения своего благосостояния. У него парализуется жизненный нерв прогресса. Оно обезоруживается, делается апатичным, бездеятельным, что порождает всякие пороки. Поэтому нельзя помочь горю одинокими, хотя и крупными, мерами материального характера. Нужно прежде всего поднять дух крестьянства, сделать из них действительно свободных и верноподданных сынов Ваших. **Государство при настоящем положении крестьянства не может мощно идти вперед, не может в будущем иметь то мировое значение, которое ему предугазано природою вещей, а может быть, и судьбою.**

От сказанного неустройства проистекают все те явления, которые, как надоедливые болячки, постоянно дают себя чувствовать. То вдруг является голод. К нему приковывается все внимание. Все шумят. Тратят огромные деньги на голодающих или прошедших (так в док. — М.Д.) голодающих и воображают, что делают дело. Эти современные голодающие только вяще приучаются быть голодающими в будущем.

То подымается вопрос о земельном кризисе. Странный кризис, когда всюду цена на

землю растет!..

А собственно говоря, ядро вопроса совсем не в земельном кризисе... а в крестьянском неустройстве, в крестьянском оскудении. Там, где овцам плохо, плохо и овцеводам... Призвание и развитие России требуют все новых и новых расходов; расходы эти по народонаселению малы, но они непосильны не по ее бедности, а по неустройству...

Наконец, крестьянское неустройство какая радость для всех явных и скрытых врагов самодержавия: здесь благодатное поле для их действия. Наши журналы, газеты, подпольные листки злонамеренно и благодушно смакуют эту тему.

Одним словом, государь, крестьянский вопрос, по моему глубочайшему убеждению, является ныне первостепенным вопросом жизни России. Его необходимо упорядочить»³¹⁵.

Так выглядела рассматриваемая проблематика, если ее перевести с убогого уровня тогдашней оппозиции на уровень государственных интересов.

Письмо Витте осталось без ответа. Царь, как и другие защитники общины, в своем вымышленном, сконструированном мире тоже забыл о времени, в котором живет.

А между тем эпоха ребром поставила вопрос – может ли соответствовать вызовам времени страна, претендующая на ведущие роли в мировой политике и в то же время находящаяся в состоянии, описанном Витте? Можно ли конкурировать с Австро-Венгрией на Балканах, с Англией и Германией на Ближнем и Среднем Востоке, а с Японией на Дальнем, отвергая то, что обеспечило – в широком смысле – их процветание?

Можно ли претендовать на одну из ведущих ролей в мировой политике, имея такой багаж, как едва ли не самый отсталый в Европе аграрный сектор, в котором занято 80% населения, в подавляющем большинстве еще живущего словно бы в средневековье, только начавшуюся всерьез крупную современную промышленность, и не имея при этом даже всеобщего начального обучения, не говоря еще о многом другом, что давно стало банальностью для держав-конкурентов? Большинство образованных людей, в том числе и в Зимнем дворце, к несчастью, обо всем этом просто не задумывалось.

Правота «реалистов» стала очевидной после 9 ноября 1906 г. Изменения в трудовой этике, изменение отношения крестьян к труду фиксируется *сразу же* с началом Столыпинской аграрной реформы, с началом хозяйствования крестьян на *своей* земле. И это неудивительно. Кому придет в голову, условно говоря, делать евроремонт в общежитии?

Пока я в основном оперировал мнениями помещиков об уравнильно-передельной общине.

Однако в «партию здравого смысла» входили и крестьяне. Вот как видит аграрную ситуацию в России в 1915 г. удивительный человек, русский крестьянский писатель-самородок, С.Т. Семенов: «Что разрушающаяся теперь русская деревенская община учреждение в достаточной степени уродливое — для всякого искреннего человека, практически испытавшего все свойства общинной жизни в деревне, истина несомненная.

Это вовсе не свободная организация сознательно соединившихся людей, а в далеком прошлом, условиями природных особенностей, потом подневольного положения и других отживших обстоятельств — сбита в кучу темная трудовая масса.

Когда пришло время реформы, эта подозрительная община была превращена в сельское общество и оставлена в таком виде, главным образом, для удобства сношения с «свободными сельскими обывателями» административных органов управления и контор крупных помещичьих экономий. Перед администрацией, земством и другими учреждениями общинный крестьянин, хотя освобожденный от власти помещика, все-таки не был признан за достойную внимания единицу, а был только одной спицей в колесе. Он многого не мог сделать, как самостоятельная личность. И только, как член общества, пользовался некоторыми услугами властей, земства и т. п. Такое пренебрежение к

³¹⁵ Витте С.Ю. Из Архива С.Ю.Витте. Воспоминания. Том 1. Рассказы в стенографической записи. Книга 2. С-Петербург 2003 С.537-538, 540-541.

личности, конечно, подавляло энергию этой личности, глушило инициативу и способствовало притуплению развития самостоятельности действий в границах деревенской жизни. Особенно, если эта деятельность была направлена на какие-нибудь изменения привычного порядка.

Темная масса, тугая на соображения, никогда легко не поддавалась на какое-нибудь новое предложение хозяйственного нововведения. Она всегда противодействовала, когда предлагалось что-нибудь непривычное.

Кто не знает, с каким трудом прививалось земское развитие грамотности, переход от трехполья к четырехполью, полевое травосеяние, заведение лучших семян. Зато с необычной легкостью этот же деревенский мир шел навстречу тем, кто мазал его по губам в виде угощения ведеркой водки,—отчего в общине до сих пор процветают мироеды и кулаки, за гроши пользующееся мирскими угождениями, которые никому особенно не были дороги.

Поэтому живые люди деревни никогда особенно не испытывали особо пламенных чувств к родной им общине. Все действительное значение ее было гораздо понятнее им, чем далеко стоящим от нее представителям образованных классов.

Даже те из деревенских людей, которые поняли почему к общине так тяготеют интеллигенты— все-таки не могли дорожить общиной, так как видели, что сбитые в ней люди никогда не могут единодушно и правильно усвоить стремление к лучшему будущему, и эта часто и очень многочисленная масса не представляла собою никакой силы, способной на какое-нибудь целесообразное и планомерное дело...

Это и доказали памятные девятьсот пятый и шестой годы...

Конечно, в общине было кое-что и ценное. Взаимопомощь членов ее в трудных случаях жизни; наделение своих членов благом землепользования. Но когда возникло в общине критическое отношение, то и эти прекрасные преимущества оказались только кажущимися. Взаимопомощь является следствием сознания выгод живущих по соседству людей, поэтому люди в каких условиях к земле ни находишься,—всегда устроят для себя то, что им будет выгодно.

Благо же землепользования, сохранившееся для членов общества, за последнее время совсем сошло на нет. Население общин настолько увеличилось, что паев земли, необходимых для поддержания человеческого существования, стало далеко недостаточно. Надел раздробился до таких размеров, что пользование им представляет в общине очень сомнительную выгоду. В будущем этот надел стал бы дробиться еще мельче, так как увеличение общинных земель нигде не имело места. И качественно общинные земли падали с каждым годом: выводились леса, замшились многие луга, заросли торфом еще вырытые при крепостном праве пруды, углубились овраги и т. п.

Крестьянское землевладение после освобождения крестьян значительно увеличилось, но это увеличение шло на других началах. Покупали землю обществами, товариществами, но только в подворное единоличное владение. Для общин же с обязательностью поравнения земли, с возможностью скидки и навалки душ, никто никогда земли не покупал. Да и странно было бы в наше время, когда к земле составилось совсем другое отношение, приобретать землю и не определить размера и количества ее постоянного владения? Это возможно только с угождением, приобретенным даровым захватом и предназначенным для хищнического пользования. При культурной же связи с землей необходима ясность и определенность прав работающего на ней. Иначе на земле нельзя вести интенсивного хозяйства.

В общине невозможен в настоящей степени прогресс общей жизни, а еще более хозяйственный. Общему прогрессу мешает деревенская улица, с ее обычаями, поверьями, мелочными интересами, захватывающая своим влиянием живую душу с молодых пор, а хозяйственному развитию препятствует неопределенность владения землей, мелкополосица, зависимость от мира условий посева и обработки.

Эти условия упорно мешают подняться урожаю на крестьянских полях даже до

соседних частновладельческих урожаев. Крестьяне уже давно поняли это и стали глядеть на землю не как на главную основу своего существования, а как на подсобное.

Главным средством к жизни для крестьян стал служить отход, ремесло, заработок на стороне; только при возможности этого многие и устраивают свое благополучие. Те же, которые этой возможности не имеют, а таких очень много в деревенском быту — представляют собою самых несчастных людей. У них вечная нехватка, нужда, темнота, озлобление, грязь. И жизнь их самих и их семей представляет постоянное бедствие. Они робки, пассивны, большею частью пьющие. Видеть таких обитателей деревни можно только скрепя сердце. И до такого состояния они доведены в большинстве случаев тем, что их благополучие зависит от одной земли, а эта земля находится под опекою общины, мешающей вырастить два колоса там, где родится один.

В наше время крестьянину, чтобы жить более человеческой жизнью, необходимо увеличение продуктивности его земледельческого труда. Создались и вошли в обиход его жизни такие потребности, отказаться от которых прямо невозможно. Вытесняется все домодельное и заменяется предметами механического производства. На это больше нужно денег, а где же их взять... Необходимо предпринять что-нибудь такое, чтобы земля лучше оплачивала положенный на нее труд.

...Старинная пастьба скота все лето целым стадом, — такое же уродливое явление, как и многие стороны общинного землепользования. Заведено это тоже с незапамятных времен, тогда, когда земли было много и она ничего не стоила. Когда же земля стала иметь высокую ценность, она может быть распахана и включена в севооборот, где она принесет в пять раз больше, чем она дает в виде кочковатого сухого луга или покрытой гнилыми пнями пустоши, — признание неизбежности и ненарушимости пастбища для скота является только вредящим хозяину недомыслием...

Скот в деревенском стаде не улучшается, а ухудшается, хорошие экземпляры его быстро идут к вырождению. Есть ли на Западе, где содержание скота ведется другим порядком, коровы «тасканской» породы? Конечно, нет. Возможен ли подбор лучших пород при размножении скота? Тоже нет, так как в стаде пасутся всякие быки, и коровы покрываются ими вне желания и выбора хозяев.

А поголовная гибель скота от эпидемий? А повреждения их от столкновений? А недостаток корма и воды в летние месяцы, не замечаемые хозяевами, когда корова часто навсегда теряет способность давать все молоко? Все это является прямым следствием такого отжившего способа летнего содержания скота и все это необходимо должно быть устранено, если мы серьезно думаем о хозяйственном прогрессе среди крестьянства.

Как ни утверждает г. Черненко (упоминавшийся выше земский статистик, критик Семенова как сторонника Столыпинской аграрной реформы — М.Д.), что прогресс хозяйства возможен и в общине, новые хозяева, наверное, немало ломали над этим свои головы и все-таки этой возможности не нашли. Получить от земли как можно больше, и притом не истощая почвы, а улучшая ее, — возможно только, когда установится правильное интенсивное хозяйство. А чтобы завести и содержать такое хозяйство, необходимо сбить все полосы в одно место и освободить севооборот от всякого влияния мира.

Эти кардинальные условия разумного хозяйства и побуждают крестьян, желающих лучше хозяйствовать на земле, расстаться с любезной г.г. интеллигентам общиной и выходить на отруба и хутора. Конечно, полевое травосеяние большой плюс, оно внесло громадное облегчение крестьянству при добыче корма, оно способствует, где сеется лен, лучшему урожаю льна, оно может помочь крестьянину установить более доходное скотоводство, а дальше что?

Есть ли возможность малоземельным, размер надела у которых не дает возможности кормиться от зернового хозяйства, — завести такое хозяйствование, которое все-таки обеспечивало им существование? На Нормандских островах, например, в Дании и в других углах Европы множество семей прекрасно живут на таких кусках земли, как

две, три десятины. И у нас, конечно, это возможно, если завести не зерновое, а огородное, ягодное, садовое или пчелиное хозяйство, только, разумеется, не в общине с ее чересполосицей, пастьбой скота и т.п.

Итак, правильное достижение культурно-хозяйственных идеалов в общине невозможно.

Но в общине есть преимущества, которые трудно достижимы в отдельных хозяйствах. Общиною легче вырыть пруд, запрудить плотину, поддержать дорогу и т. п. Но ведь это только и нужно тогда, когда живет вместе большое скопище людей. А когда такого скопища нет, то ничего этого и не нужно. Содержание дороги можно возложить на земство. Воды можно будет достать из колодцев. Да не так трудно вырыть и отдельный прудец. Говорят, что это будет новая забота и пугают этими заботами. Но эти трудности не так уж велики, и если хозяин, преодолев их, достигнет некоторых удобств—он только обогатит местность.

Еще противники выделов ставят пугало в виде того, что хуторянину будет невозможно образование: с хутора далеко ходить в школу. В южных губерниях, где селения в несколько сот домов и поля отстоят на десять верст, конечно, выходом на хутор крестьянская семья значительно отделяется и от школы, и от церкви. Но и при таких условиях—черт не так страшен, как его малюют,—затруднение легко устраняется устройством общежития при школах для дальних учеников.

Что же касается нашей центральной полосы, где наделы очень невелики и деревни часты, то высказываемые народными печальниками такого рода опасения всегда были смешны.

Как будто выделяющиеся удаляется куда-то на полюс? Да, ведь они выделяются самое большое на край поля, и если он отодвинется от школы ближайшей к их деревне, то придвинется к другой. А так как большею частью выделяются не в одиночку, а по несколько семей и живут они на участках в 7—10—15 десятин, то их дворы могут быть очень недалеко друг от дружки. Для таких хуторян даже и не нужно общежитие. Они также, как и в деревне, смогут складом по очереди возить ребят в школу...

Крестьянам с инициативой бросается обвинение в том, что они, уходя из общества, подчиняются эгоистическим стремлениям. Оставаясь в обществе, они своим стремлением вперед невольно толкали бы вперед и менее подвижную массу деревни, и добившись бы какого-нибудь нововведения, сделали бы это сразу обязательным для всей массы. Теперь же, уходя из общества, такие крестьяне теряют эту возможность благотворного воздействия на других...

Это утверждение страдает еще большею натяжкой, чем все другие опасения расстройства хозяйственности крестьян. Да куда же уйдет выделяющийся крестьянин? Ведь, отруб-то или хутор он вырежет из своего поля? Отрубники обыкновенно и жить-то остаются в деревне. И вот, заведя хозяйство по-новому, добившись лучших результатов на своей наделной земле, он не словом, а живым примером покажет возможность лучшего результата своего труда.

И тогда население гораздо легче может понять выгоду более разумного хозяйствования, и если за что примется, то примется не под насильственным давлением, а сознательно, по доброй воле...

Противники нового закона в пламенном стремлении хотя как-нибудь обесценить его, всюду с злорадством подчеркивают то обстоятельство, что выделившиеся на отруба и хутора не ушли далеко от общинников и в хозяйстве, и в жизни. В хозяйственных приемах они большею частью держатся того, чего они держались в общине: было травосеяние, они вводят травосеяние, а если травосеяния не было, они вводят трехполье. А в жизни у них та же нужда, такие же избы и дворы, та же грязь и тараканы...

В своем рвении они (противники Столыпинской аграрной реформы – М.Д.) даже не хотят заметить, если попадаете что-нибудь лучшее, а если не заметить этого нельзя, то они стараются объяснить такое лучшее не следствием новых условий жизни, а какими-

нибудь побочными причинами.

Мне, пишущему эти строки, приходилось наблюдать выделившихся больше всего в своей местности (Волоколамский уезд Московской губернии – М.Д.). И несмотря на то, что благополучие от земледельческого хозяйства, в особенности в нашей стороне, создается не сразу, достичь обычного подъема возможно только долгими годами, тем более, что новое хозяйство пошло у нас в совершенно новой форме и на запольных менее урожайных землях,—и было бы даже странно, если бы это благополучие явилось немедленно; но я все-таки скажу, что оценка новых хозяйств, делаемая противниками нового закона,— грубо несправедлива.

На известных мне выделах, особенно отрубях, чувствуется очень заметный рост благополучия. Прежде всего, на выделенном хозяйстве нужно меньше обязательных рабочих рук. Все работы могут вестись исподволь. Подъяр слагается к осени, сев весной возможно произвести раньше, раньше вывезти и запахать навоз. Ни в чем не может быть спешки, «страды», как в миру. Такой порядок работы на небольшой доли даже дает возможность не держать лишней лошади, которая иногда ложится на хозяйство большим бременем... Это неправду говорят, что хуторянин вынужден больше работать и ему невыгодно будет отпускать детей в школу. Напротив, на выделе не только легче отпустить детей в школу, но получается возможность обходиться в поле без женщин, чего в миру, во время покоса или жнива, совсем нельзя.

Но допустим даже, что в большинстве случаев выделенные хозяйства не дали никаких результатов, поверим не своим глазам и соображениям, а сообщению из разных мест единомышленных с образованным обществом газетных корреспондентов о плохом состоянии выделенных хозяйств.

И все-таки от выделов будет лучше.

Лучше тем, что они дают труженику землю свободную и на такой земле есть возможность проявить всю ту хозяйственную самостоятельность, на которую только человек и способен. **При свободной земле могут беспрепятственно развиваться те творческие задатки человека, которыми богат и русский крестьянин и которым гнет мирского большинства не давал хода. Все это так очевидно, но все это так, как будто бы, непонятно образованным представителям русского общества..**

Сознавать это очень горько.

Враждебность образованного класса к живому деревенскому элементу несомненно принесет свои плоды. Представители русского образованного общества, или русская интеллигенция всегда была дружна с народом; На русском народе лежит немалый неоплаченный долг перед русской интеллигенцией, всегда напряженно борющейся за его лучшее будущее. Она всегда поддерживала с народом живую связь, и теперь эта связь как будто обрывается.

Представители народа пошли по своему пути, а интеллигенция остановилась. Она не одобряет шага самостоятельного, сделанного народом, и отказывается помогать ему, как прежде, своими знаниями, руководством, а готова даже вставлять палки в колеса.

Для народа такое отношение к нему интеллигенции очень опасно. Когда же, как не теперь крестьянству нужна просвещенная помощь интеллигенции? В особенности она нужна, будет после окончания войны, когда у нас усиленным ходом должно пойти устройство хозяйственной жизни, ее твердые и всесторонние знания разве не послужили бы на пользу при этом устройстве?

Да кроме того, одна неотдаляемая близость к народу, принявшему новый закон о землеустройстве, доказала бы, что дружелюбное отношение интеллигенции к народу есть благородное, бескорыстное чувство, вытекающее из широты... высших свойств, **а не союз из определенных расчетов, когда народ нужен только как орудие для политической борьбы, и когда он отстраняется от такого рода борьбы, то становится несколько не**

интересен»³¹⁶.

Этот текст – **настоящий обвинительный акт**, притом составленный «юристом» высокой квалификации. Он позволяет увидеть ситуацию в деревне не со стороны врагов российской исторической власти, а со стороны самостоятельно и глубоко думающих крестьян. Он делает понятнее также и не слишком скрываемое извращенное желание интеллигенции, чтобы крестьяне бедствовали – им **должно** быть плохо, они просто обязаны жить скверно, голодно, иначе всей жизни «народолюбцев», их «романтическим» надеждам и т.п. грозит крушение. За что же они тогда жизнь на алтарь положили? Зачем же тогда монашеский орден создали (Франк), отказывались (якобы) от простых человеческих радостей?

Нельзя при этом не видеть, насколько близки взгляды крестьянина Волоколамского уезда Московской губернии С.Т. Семенова и Министра финансов Империи С.Ю. Витте. Близки в главном – в желании раскрепостить личностный потенциал крестьянства! О том, что мнение Семенова отнюдь не было уникальным свидетельствуют выступления крестьян в Государственной Думе при обсуждении указа 9 ноября 1906 г.³¹⁷

«Партия здравого смысла» справедливо считала, что интересы государства не могут быть соблюдены без соблюдения интересов личности крестьян, без пробуждения в них чувства человеческого достоинства, задавленного общиной, без того, чтобы земледельцы ощутили себя самостоятельными, свободными людьми, которые сами могут решать, как им жить, и от которых что-то зависит в этом мире.

А вот «народолюбцы» личности в крестьянах как раз и не видели, а видели объект попечения, заботы и руководства. Но чем «попечение» земского начальника отличается от «заботы» земца-либерала или «руководства» самоотверженного эсера? Здесь российская деревня в любом варианте является кормовой территорией!

«Реалисты» хотели, чтобы 100 миллионов крестьян перестали рассматриваться как объект для воплощения противоестественных идей о том, что, насилуя человеческую природу (а социализм есть именно насилие над нею), можно добиться всеобщего счастья.

Да и счастье ли это? Ведь поклонники общины – как водится, не спросясь, – решили за крестьян коренной вопрос Бытия: хлебом ли единым жив человек? А что думали на этот счет крестьяне?

Напомню, что Николай II на письмо С.Ю. Витте не ответил. Общину он ценил не меньше оппозиции, хотя и по другим причинам, – не зря его учителем был Победоносцев.

³¹⁶ Семенов С.Т. Крестьянское переустройство. М., 1915. С. 74-86.

³¹⁷ Герье В.И. Второе раскрепощение. М., 1911. С.15-30

Община как «национальный проект» и цена «народолюбия».

Теперь настало время прояснить очень важные вещи, и понять, почему император столь важным вопросе, который прямо касался 80% его подданных, от которых и зависели судьбы страны, был на одной стороне с теми, кто мечтал его уничтожить.

Вспомним, как С.Ю.Витте очерчивает круг «защитников общины» на рубеже веков таким образом: «благонамеренные и почтенные «старьевщики», поклонники старых форм, потому что они стары, полицейские администраторы, полицейские пастухи, которые почитали более удобным возиться со стадами, нежели с отдельными единицами, разрушители, поддерживающие все то, что легко привести в колебание, и, наконец, благонамеренные теоретики, усмотревшие в общине практическое применение последнего слова экономической доктрины — теории социализма»³¹⁸. Данное определение, не претендующее на научность, является, тем не менее, абсолютно верным, и в нем - большая часть ответа.

Злейшие враги могут и любить одну женщину, и болеть за одну футбольную команду. Это естественно, и лишь характеризует причудливость жизни.

Но если сугубо враждебные друг другу общественные силы, прямо нацеленные на уничтожение друг друга, солидарно ратуют за сохранение одного и того же института, играющего в жизни государства огромную роль, то здесь не просто недоразумение. Это значит, что в данном институте есть нечто, что привлекает, что устраивает все стороны.

Чем же так импонировала община фантазмагорическому составу ее защитников?

Тем, что она была основана **на принуждении миллионов людей** к сохранению отсталой минималистской схемы общежития. А это давало широчайшие возможности для управления этими людьми.

С долей упрощением можно утверждать следующее. Целью народников был социализм в России, главной задачей их на этом пути – уничтожение «ненавистного режима». Община для них имела «великое социальное значение», будучи «эмбрионом» нового социального строя и т.п. А российский народ должен был играть здесь роль объекта в громадном социалистическом эксперименте. Понятно, насколько удобна была для этого уравнилельно-передельная община.

Для правительственного лагеря, для «охранителей» община была оплотом существующего строя и одновременно удобным органом правительственной власти, и с этим, в частности, во многом связано усиление патерналистских тенденций с 1880-х гг.

Кроме того, за общину ратовали и те, кто считался умеренными либералами и выступал за «правовой порядок».

Литература в основном ограничивается лишь констатацией указанного «странного сближения».

Между тем сближение было совсем не странным.

Если отвлечься от риторики и левых, и правых, и «либералов», то в основе их действий лежало тривиальное стремление так или иначе **управлять** 100 миллионами крестьян. Только первые требовали, чтобы в роли управляющего выступала «народолюбивая интеллигенция», вторые – земские начальники-чиновники МВД, а третьи – земство.

И – по большому счету – **конкурировали они прежде всего за мандаринат, за кормовую площадь, каковой им представлялась русская деревня** – неважно под какими лозунгами! Ведь «говорить не стоит денег»!

Поэтому то, что именуется контрреформами Александра III в аграрной сфере во многом были реализацией требований левых и либералов, вполне совпадавших с точкой зрения тех, кто принимал решения в правительстве. Так или иначе, но Власть провела почти все меры по поддержанию общинного строя, т.е. расшатавшихся крепостных

³¹⁸ Там же, Том 2. Рукописные заметки. Петербург. 2003. С.40

порядков, о которых много лет твердила народническая – и не только! - интеллигенция – фактическую отмену 165 ст. Положения, удлинение срока выкупа, ограничение семейных разделов, ограничение свободы передвижения крестьян и др. Эти меры принудительного, крепостного, в сущности, порядка тормозили естественный процесс перехода русской деревни к новому строю жизни.

Важный нюанс. «Охранители» хотя бы думали о стране, как они это понимали. А их оппоненты мечтали о богадельне на 1/6 часть земной суши, в которой они были бы важными людьми.

П.П.Дюшен, не считавший нужным скрывать своего «глубокого отвращения к тюрьме, в которой сидит русский народ», т.е. к общине, охарактеризовал этот феномен российской жизни едва ли не исчерпывающим образом: «Защищают крепостную общину и консервативнейшие органы печати и самые либеральные.

Для охранительной печати наше общинное землевладение и связанные с ним общинные порядки ценны, как живые остатки крепостного времени. Идеалы нашей охранительной печати несомненно принадлежат к этому пережитому нами, во многих отношениях мрачному, времени. Защищать консервативные элементы общества и государства— весьма почтенное занятие; но в данном случае защита крепостной общины играет прямо в руку самых ярких врагов не только русского, но всякого государственного порядка.

Труднее себе объяснить симпатии к общине со стороны либеральной печати. Если та ее часть, которая придерживается идеалов коллективистов, защищает крепостную общину во имя нового социального начала, то так называемая «умеренная» либеральная печать всегда выставляла на своем знамени требование «правового порядка»; но что есть общего между правовым порядком и анархией нашей деревни?

Что есть общего между правом, свободой и нарушениями имущественных, семейных и личных прав крестьян в нашей деревне?

Подобное отношение нашего интеллигентного общества к крестьянской общине объясняется двумя причинами. Во-первых, по нашему, хозяев, мнению, интеллигентное общество («город», как выражался покойный А. Н. Энгельгардт) весьма мало знакомо с бытом деревни и предается иллюзиям, не имеющим никакой почвы в действительности. Это одинаково относится как к самым охранительным, так и к самым либеральным органам печати.

Крепостная община, несомненно, была органом вотчинной власти, но в настоящее время этот орган находится в стадии естественного умирания и его оживить нельзя ничем — так же, как нельзя восстановить пережитый период крепостного права.

Нельзя обратить нашу крепостную общину и в социальную ячейку будущего социального порядка.

Крепостная община имеет, конечно, одну общую черту с социализмом— принуждение, но это еще не резон. Крепостная община основана на понятии о тягле, и если она принуждает крестьян производить переделы, то посредством переверстки имеет в виду уравнивать повинность и вообще платежи. **Социализм же желает основать принудительное уравнивание имущества граждан на мнимом праве каждого члена общины получить соответствующий его потребностям надел.** Ученые социалисты верят, что крепостная община способна к такой эволюции; однако внимательный читатель нашего исследования вероятно уже убедился в противном.

Во-вторых, **причина сочувствия нашего интеллигентного общества к крепостной общине заключается в традициях крепостного права и основанных на нем воззрениях на крестьянский народ**, которые мы впитали в себя с молоком матери. Это - положительно так. И охранительная печать, и либеральные ее органы только и хлопочут об установлении опеки над крестьянами.

...Все охранительные меры нашего правительства, несомненно имевшие характер опеки над крестьянским землевладением и хозяйством, были приветствованы полным

одобрением, как со стороны самых консервативных, так и самых либеральных органов печати.

Когда правительство отменяло 165 ст. Пол. о выкупе, узаконило неотчуждаемость крестьянских наделов, рассрочку выкупных платежей и проч., ни один орган наших либералов даже слова не выронил о правах крестьян. Защищая постоянно реформы великого царствования Государя Александра II, либеральная печать ответила на явное уклонение от принципов, установленных первой и самой грандиозной реформой освободительной эпохи, или молчанием, или даже прямым сочувствием.

Это странное явление только тем и объясняется, что мы так привыкли смотреть на крестьянский народ как на объект нашей просвещенной опеки, что никак не можем освоиться с иным взглядом»³¹⁹.

Все сказанное прекрасно понимали и крестьяне. Когда С.Т. Семенова, осмелившегося в 1914 г. вопреки мнению «всего русского образованного общества», «всех его передовых политических направлений», утверждать, что «лучшие силы деревенского мира тянут к формам единоличного труда и отдают явное предпочтение таким формам перед общинными», на него набросились «народолюбцы» с обвинениями в «сознательном искажении жизненной правды», в «реакционном направлении», в предвзятости, в незнании деревни (!!!) и т.п., подтверждая это «целым рядом выдержек из газетных сообщений и из ответов на анкеты статистиков и своими собственными рассуждениями»³²⁰. Типологически нападки такого рода многим хорошо знакомы по советским временам.

Однако Семенов был «опытный человек», цитируя В.Б. Шкловского, и полемику умел вести на весьма высоком уровне. Он отвечал так: «А между тем, односторонностью понимания деревенского мира страдают, главным образом, народные благодетели из образованных классов. Как ни благожелательно они настроены к трудовому народу, но очевидно (что) этот народ представляется им все-таки ничем иным, как только объектом заботливого попечения о его судьбе, и они не считают возможным, чтобы этот народ мог выйти на широкий и свободный жизненный путь без их просвещенного руководства.

А руководство массами может быть легко осуществлено только тогда, когда для этих масс будут сохранены такие формы жизни, которые держали бы эти массы в большой готовой толпе.

Крестьянская община и есть такая форма.

Переход к лучшему будущему (т.е. социализму, в терминологии «благодетелей» - М.Д.) неизбежен. И вот, для подготовки к такому переходу деревенский нераздельный мир облегчит возможность организовать из народных масс нужные силы, а по окончании борьбы при установлении нового строя не нужно будет привать новых форм трудовой жизни, а нужно воспользоваться готовыми старыми ячейками, имеющими в себе зачатки социалистического порядка пользования благами природы и взаимных отношений

И возлагая на деревенскую общину такие прекрасные надежды и лелея эти надежды десятки лет, представители образованного класса, конечно, не могут спокойно относиться к тому, что в самых недрах народной жизни зародился и вырос на сельскую общину совершенно иной взгляд.

Они легко позволяют себе обвинить представителя крестьянского мира, разошедшегося с ними в отношении к общине,—в излишне эгоистических наклонностях, в стремлении к «буржуазному благополучию, и готовы поставить его на одну доску с деревенскими кулаками, расхищающими мирское достояние—землю.

Кидают такие обвинения сторонникам новых земельных порядков представители образованного класса с большой легкостью.

И это тем более удивительно, что вся наша интеллигенция кровно страдает от всякого деспотизма и насилия. Она стонала от гнета бюрократического

³¹⁹ П.Д. (Дюшен П.П.) Наша деревня... С.282-284.

³²⁰ Семенов С.Т. Крестьянское переустройство М., 1915. С.72-73.

правительственного режима, она боролась за свободу в школе, она была защитницей угнетенных политически окраинных народностей, она добивается свободы и самостоятельности неравной в правах по закону русской женщине.

Везде интеллигенция проповедует свободу, а вот когда начинающее думать крестьянство, может быть, заразившееся от этой же интеллигенции стремлением к свободе и самостоятельности, потянулось к избавлению себя в хозяйственном распорядке и в общем положении от душившей их опеки темного, невежественного и в силу своего невежества неспособного к разумной общественности большинства мира, — эта же интеллигенция запротестовала против такого самоосвобождения, и объявила им свою немилость»³²¹.

Сказано сильно и точно. Семенов с легкостью диагностирует крепостнические мотивы интеллигенции, желающей сохранить «деревенский нераздельный мир» как средство держать «массы в большой готовой толпе», воспользоваться им сначала в борьбе за власть (для того она и натравливала крестьян на помещиков), а потом — «при установлении нового строя», в котором интеллигенция будет блюсти распределительную справедливость, использовать его как «готовую старую ячейку, имеющую в себе зачатки социалистического порядка».

Повторю, что для тысяч грамотных жителей России социализм стал формой компенсации крепостнического сознания. Это сознание были лишь слегка трансформировано, закамуфлировано либо красивыми сказками об утопии, либо охранительными декларациями об устоях отечественной самобытности.

В социализме, как и во многих учениях, есть два слоя — декорации и суть. Суть социализма — принуждение и насилие над человеческой природой, которые декорировались весьма привлекательными на слух фантазиями о светлом будущем человечества, — практически совпадала по форме и по содержанию — с крепостным правом, стержнем которого была уравнильно-передельная община.

Иначе и не могло быть — люди, выросшие в атмосфере патерналистского режима, были способны мыслить только в категориях патернализма (исключения, конечно, случались). Свидетельств тому множество. Стоит открыть любой том «Трудов местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности», или материалы Особого Совещания по крестьянскому делу — везде мы видим одно и то же стремление интеллигенции все регламентировать и все контролировать.

Такие желания рефлекторного характера очень понятны для людей, воспитанных в обществе, в котором отсутствовало то, что П.П.Дюшен называл «чувством и идеей правомерности»³²², о чем прекрасно написал, в частности, Б.Кистяковский в «Вехах».

Но это еще не все.

Слова о том, что для охранителей община была оплотом существующего строя и одновременно удобным органом *административной* власти, — это правда, но это не вся правда.

Сейчас я скажу страшную историков КПСС вещь. Как и на Западе, где после 1848 г. появились различные течения в социализме — так и в России был социализм народнический, марксистский, был и земский, но был и бюрократический. Поэтому я ввожу термин «социализм департамента» — по аналогии с термином «социализм кафедры».

Мы пока недостаточно осознаем степень распространения социалистических идей в российском пореформенном обществе. Круг их приверженцев отнюдь не ограничивался теми, с кем мы традиционно их связываем. Соответственно, мы не понимаем, насколько сильно политика правительства в конце XIX - начале XX вв. была пронизана социалистическими идеями. Те, кто бегал по Невскому на демонстрациях в начале 1860-х гг., к середине 1870-х гг. были уже не последними людьми в правительственных

³²¹ Там же, С.73-74.

³²² П.Д. Русская интеллигенция и крестьянство.... С.291.

канцеляриях, и получили возможность влиять на материализацию излюбленных идей юности.

Так ли уж чужды были социалистические идеи российской бюрократии? Вовсе нет. Это противоречило бы духу времени. К.Ф. Головин, описывая эволюцию социализма после 1848 г. говорит: «Образовался целый ряд мирных, не революционных социализмов - католический, попросту христианский, государственный, и даже консервативный, и целая школа экономистов, все растущая в численности, **отбросила, как негодный, самый принцип экономической свободы, требуя законодательного вмешательства для обширной области гражданских сделок**, обнимающей собою все виды личного найма, биржевую спекуляцию и образование акционерных обществ и товариществ на вере...

Таким образом, одно из коренных начал либерального движения XVIII века— экономическая свобода, стремление довести до минимума воздействие государства на частную жизнь, было выброшено за борт, как нечто совершенно противоречащее основной цели всякого общественного союза — доставить его членам возможно большую степень благосостояния.

... И за весьма немногими исключениями... все выдающиеся экономисты с начала 70-х годов в большей или меньшей степени либо признают необходимость государственного вмешательства, и в законодательном и в административном смысле... либо селятся воздействовать на общество, помимо законодательного понуждения, дабы возбудить в нем сознание в необходимости имущественной охраны слабого и общественной солидарности, как обязательного нравственного принципа. Замечательно, что в этом течении сходились люди, вышедшие из самых разнообразных точек умственного горизонта— консерваторы клерикалы, государственные абсолютисты и сторонники либерализма»³²³.

Полагаю, что социализм (разумеется, в варианте Бисмарка, а не Маркса) не слишком тайно исповедовался и российской бюрократией, о чем, разумеется, и народники и остальная оппозиция ревниво не упоминали. О советской историографии и говорить нечего

Бисмарковский вариант социализма, адаптированный к российской специфике, был во многом чрезвычайно привлекателен для тогдашней бюрократии, поскольку открывал принципиально новые возможности для усиления своей роли в стране.

В 1894 г. К.Ф. Головин писал: «Ученые, даже просто чиновники, занятые социальным вопросом и более или менее носящие казенное клеймо, обнаруживают сильные поползновения к урезыванию поземельных прав. Наиболее опасные враги землевладения насчитываются не среди революционеров, а в числе таких деятелей, которых прикрывает очевидная благонамеренность, их верность государственному началу.

В самом деле, нередко приходится выслушивать из очень чиновных уст, что целью аграрной политики должна быть национализация поземельной собственности. Лица, облеченные властью, с легким сердцем высказывают такие чисто социалистические взгляды, потому что поглощение личной собственности государством им кажется одним из пунктов той современной нам политической программы, которая поставила себе задачей усиление государственного вмешательства.

Мы недавно видели любопытный пример такого неуважения к поземельной собственности. С тех пор, как у нас был поднят вопрос о влиянии выкупной операции на крестьянское землевладение, в официальных сферах неоднократно высказывалось мнение, что выкупные платежи не должны вовсе подлежать погашению, а что их, напротив, следует обратить в постоянный налог, превращая таким образом крестьянские наделы в государственную собственность.

В истории нашего крестьянского землевладения такая мера была бы не новостью.

³²³ Головин К.Ф. Вне партий... С.133-134

Крестьянские земли в Новгородской области, составлявшие частную собственность крестьян, были, как известно, обращены в казенные и в силу того обложены податью, существующей и поныне. Правда, такое бесцеремонное обращение с частными землями практиковалось главным образом относительно так называемых мелких, черных людишек, но едва ли от того оно перестает быть вопиющим посягательством, и трудно надеяться, чтобы при существовании такого взгляда на поземельные права крестьян, уважение к поземельной собственности в их среде особенно быстро окрепло.

Впрочем, в нашем чиновном мире едва ли трудно будет отыскать людей, расположенных к распространению такого рода политике и в более крупной собственности и сожалеющих о том времени, когда в Московском государстве за службу жаловали землю, но зато эту землю и отбирали по усмотрению. На такой почве охотники до уфимского чернозема легко сходятся с борцами за идею национализации земли»³²⁴.

Не одну диссертацию, полагаю, следует написать, чтобы полностью раскрыть следующие слова В.И.Гурко, автора указа 9 ноября 1906 г.: «С этого дня (17 октября 1905 г. – М.Д.) мы стали на тот путь, по которому шли все государства Западной Европы. **Тот государственный социализм, которым в течение** долгого периода проникнуты были многие начинания нашей законодательной власти, а в еще большей степени многие из принимаемых правительством мер в порядке управления, должен уступить место предоставлению широкого простора самодеятельности и предприимчивости отдельных лиц.

Мы должны отказаться ныне от мысли равномерно поднять благосостояние всей массы населения, но зато обязаны облегчить отдельным лицам возможность развить все свои природные способности и тем увеличить свои материальные достатка. Если мы когда-нибудь и вернемся на путь коллективизма, то, несомненно, лишь теми же способами, которыми со временем, несомненно, станут на этот путь народы Западной Европы, а именно после высокого культурного развития преобладающего большинства всего населения. Такое развитие само собою приведет к организации сообществ на кооперативных началах»³²⁵.

Не надо быть В.О. Ключевским или А.Е. Пресняковым, чтобы понять, что под «политикой «государственного социализма» имеется в виду аграрная политика Александра III и Николая II, то, что называется патерналистскими контрреформами.

Данная мысль кажется неожиданной лишь на первый взгляд.

С.Ю. Витте писал: «В последней половине прошлого столетия явился социализм во всех его видах и формах, который делает довольно видные успехи в ближайшие десятилетия. Несомненно, что эта эволюция в сознании многих миллионов людей приносит положительную пользу, так как она заставляет правительства и общества обращать более внимания на нужды народных масс. Бисмарк явил явное тому доказательство»³²⁶. Замечу, что пионером здесь выступила Англия, Бисмарк на этом поле дебютировал позже, но масштабнее в том смысле, что во многом парализовал революционный социализм на родине Лассаля и Маркса, отсутствовавший в Англии.

При введении рабочего законодательства Победоносцев упрекал С.Ю. Витте в социалистических начинаниях. А чего стоит брошенное С.Ю. Витте замечание о том, что «после проклятого 1 марта реакция окончательно взяла верх» и «община сделалась излюбленным объектом Министерства внутренних дел по полицейским соображениям, прикрываемым литературою славянофилов и социалистов»³²⁷.

А что такое контрреформы как не попытка сохранить равенство крестьян в общине? Но ведь об этом мечтали и Герцен с Чернышевским!

³²⁴ К.Ф. Головин Социализм как положительное учение. СПб. 1894. С.186-187.

³²⁵ Гурко В.И. Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб. 1906 г. С.38-39.

³²⁶ Витте С.Ю. Из архива С.Ю.Витте.... Том 2. С.39-41.

³²⁷ Там же, С.42.

И чего лучше было для Власти вырвать из рук социалистов и либералов их же знамя, и реально показать крестьянам, кто о них заботится по-настоящему. Вспомним продовольственную помощь!

Об этом можно еще много говорить, но, надеюсь, основная мысль ясна.

Общественность и Власть не слышали тех, кто доказывал необходимость раскрепостить силы крестьянства, скованные искусственно поддерживаемой правительством уравнилельно-передельной общиной. Однако полную справедливость выводов членов «партии здравого смысла» доказала Столыпинская аграрная реформа, традиционная точка зрения о «провале» которой убедительно опровергнута в последние годы, хотя большинству наших соотечественников это неизвестно. Не было ни «краха», «ни провала». Преобразования П.А. Столыпина только в сфере внутринадельного землеустройства вовлекли в свою орбиту 6,2 млн. крестьянских дворов. Они успешно развивались, несмотря на шквал оголтелой критики в свой адрес, начав для сотен тысяч крестьянских семей *новую* и явно не худшую жизнь, а для страны в целом — *новый период* ее истории. И произошло это в первую очередь потому, что крестьяне почувствовали себя хозяевами на своей земле. Соответственно начала меняться вековая трудовая этика, отношение крестьян к земле и своему труду.

Суммируем вышесказанное. Ракурсы видения, осознания и изображения интеллигенцией отечественной деревни никак не могут считаться объективными. В рамках описанного выше подхода оппозиции к проблеме благосостояния об установлении истины речь вообще не идет, поскольку исследование положения крестьян здесь — элемент политической борьбы «передовой» общественности с «ненавистным режимом».

В силу этого создаваемые оппозицией картины российской пореформенной действительности не могут считаться объективными.

Из этого следует не то, в жизни крестьянства не было «негатива», а то, что кроме «негатива» оппозиционеры не видели и не хотели видеть ничего.

Таким было отношение русской интеллигенции к окружающему миру вообще. В сущности, все вышесказанное — хорошая иллюстрация трагической мысли Н.А. Бердяева, осознание которой многое объясняет в нашем XX веке: «Марксистские победы над народничеством не привели к глубокому кризису природы русской интеллигенции, она осталась староверческой и народнической и в европейском одеянии марксизма... Интеллигенцию не интересует вопрос, истинна или ложна, например, теория знания Маха, ее интересует лишь то, благоприятна или нет эта теория идее социализма, послужит ли она благу и интересам пролетариата; ее интересует не то, возможна ли метафизика и существуют ли метафизические истины, а то лишь, не повредит ли метафизика интересам народа, не отвлечет ли от борьбы с самодержавием и от служения пролетариату.

Интеллигенция готова принять на веру всякую философию под тем условием, чтобы она санкционировала ее социальные идеалы, и без критики отвергнет всякую, самую глубокую и истинную философию, если она будет заподозрена в неблагоприятном или просто критическом отношении к этим традиционным настроениям и идеалам... Общественный утилитаризм в оценках всего, поклонение «народу» — то крестьянству, то пролетариату, — все это остается моральным догматом большей части интеллигенции. Она начала даже Канта читать потому только, что критический марксизм обещал на Канта обосновать социалистический идеал. Потом принялась даже за с трудом перевариваемого Авенариуса, так как отвлеченнейшая, «чистейшая» философия Авенариуса без его вedomа и без его вины представилась вдруг философией социал-демократов «большевиков».

...С русской интеллигенцией в силу исторического ее положения случилось вот какого рода несчастье: *любовь к уравнилельной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине.*

А философия есть школа любви к истине, прежде всего к истине. Интеллигенция

не могла бескорыстно отнестись к философии, потому что корыстно относилась к самой истине, требовала от истины, чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья.

Она шла на соблазн великого инквизитора, который требовал отказа от истины во имя счастья людей.

Основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если от гибели ее народу будет лучше житься, если люди будут счастливее, долой истину, если она стоит на пути заветного клича «долой самодержавие».

Оказалось, что ложно направленное человеколюбие убивает боголюбие, так как любовь к истине, как и к красоте, как и ко всякой абсолютной ценности, есть выражение любви к Божеству. Человеколюбие это было ложным, так как не было основано на настоящем уважении к человеку, к равному и родному по Единому Отцу; оно было, с одной стороны, состраданием и жалостью к человеку из «народа», а с другой стороны, превращалось в человекопоклонство и народопоклонство.

Подлинная же любовь к людям есть любовь не против истины и Бога, а в истине и в Боге, не жалость, отрицающая достоинство человека, а признание родного Божьего образа в каждом человеке»³²⁸.

При этом в обществе была создана совершенно ненормально политизированная атмосфера – чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть в библиотеке пять-семь номеров либеральной по тем временам сытинской газеты «Русское слово», в которой писали вовсе не экстремисты, а лучшие журналисты страны, в частности, Тэффи и Дорошевич.

Исчерпывающе охарактеризовал эту проблему В.И.Гурко: «За предшествующие сорок лет русская интеллигентная мысль достигла одного весьма реального результата.

Она сумела внушить общественности, что всякая защита существующего строя совершенно недопустима. Монархия и беспросветная реакция были ею до такой степени отождествлены и соединены знаком равенства, что в глазах передовой общественности они слились воедино.

При таких условиях надо было обладать исключительным гражданским мужеством, чтобы открыто исповедовать сколько-нибудь правые убеждения. Не следует, кроме того, забывать, что в то время как либерализм, так и фрондерство лишь редко препятствовали продвижению на государственной службе, наоборот, консерватизм встречал непреодолимые препятствия на пути общественной деятельности, а также в области свободных профессий.

Писатели, журналисты, адвокаты, художники, коль скоро они обнаруживали в той или иной форме свою оппозиционность правительству, всячески превозносились.

Писания первых находили множество читателей, творения вторых легко сбывались по высокой цене, помощи третьих искали все имевшие дела с судом, так как не только присяжные заседатели, но и коронный суд относился к ним с большей предупредительностью, с большим уважением.

Таким образом, материальные интересы работников свободных профессий также побуждали их щеголять либерализмом и фрондерством по адресу правительства, а следовательно, вступить в среду кадетов.

А наши ученые коллегии, разве они не расценивали подчас степень пригодности данного лица для занятия профессорской кафедры в зависимости от исповедуемых им политических взглядов, хотя бы таковые не имели никакого отношения к той науке, представителем которой эти лица являлись?

Разве Московский университет не забаллотировал совершенно выдающегося окулиста Головина, имевшего мужество высказать правые мысли, предоставив искомую

³²⁸ Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. М., 1991. С.28-31

им кафедре какому-то в научном отношении ничтожеству, щеголявшему политической левизной?

Разве Кони и Таганцев не были прославляемы не столько как блестящие криминалисты, сколько как выказывающие либеральные мысли, а профессор Сергиевский, столь же выдающийся криминалист, разве он не был предметом травли за проявляемый им консерватизм?

Наконец, разве не всем решительно было известно, что в диссертации на ученую степень немисливо было проводить сколько-нибудь политически консервативные взгляды, а что для успеха необходимо было снабдить ее какой-либо критикой существующего строя, хотя бы указанием во вступительной части на те трудности, с которыми сопряжено в самодержавной России изучение какого бы то ни было вопроса, хотя бы дело шло об изучении строения комаринного жала?

Во всем этом, разумеется, была во многом виновата и государственная власть»³²⁹.

Совокупность имеющихся источников подтверждает, увы, мнение В.И.Гурко.

Однако за массовую ложь приходится платить. Повторяя мысль В.А. Маклакова, «в этом заключается справедливость безличной истории».

Так называемая любовь русской интеллигенции к народу выражалась не в стремлении раздвинуть горизонты жизни крестьян, раскрепостить их силы, дать им возможность почувствовать свободу приложения своих сил в полном объеме, приобщить их к образованию, к культуре, к другой – в широком смысле – жизни и т.д. «Народолюбие» проявлялось в том, что эти люди в утвердительном смысле решили за крестьян ключевую дилемму Бытия – «хлебом ли единым жив человек?» - протестуя не против сохранения модуса крестьянской жизни, основанного на принуждении, а против того, что этот модус, *по их мнению*, недостаточно обеспечен в сравнении со временем крепостного права, т.е. полного рабства крестьян. Оно выражалась в упорном желании увековечить принудительные рамки уравнильно-передельной общины.

Все социалисты (идейные и стихийные) считали, что народу нужна не свобода, а прожиточный минимум. С их благословения с 1870-х гг. правительственные органы явно взяли курс на сохранение и расширение временных ограничений правового статуса крестьян, на превращение их в постоянные. Русскую интеллигенцию устраивало то, что жизнь и быт крестьян вообще во многом были выведены из сферы действия общегражданских законов. Это показывает, как она ценила свободу – правда, чужую, не свою! Крепостное сознание наших «народолюбцев» тут лезет изо всех дыр.

Нетрудно также видеть, что знаменитая своим цинизмом мысль Ленина – нравственно то, что служит интересам пролетариата, – не просто витала в воздухе до 1917 г. Для русской интеллигенции, вне зависимости от партийной маркировки, подобный подход был само собой разумеющимся и неотъемлемым элементом осмысления окружающего мира. Это, конечно, не было случайным. Ведь социалистов не десантировали с «летающих тарелок»: «В этом своеобразном отношении к философии сказалась, конечно, вся наша малокультурность, примитивная недифференцированность, слабое сознание безусловной ценности истины и ошибка морального суждения»³³⁰.

Этот поучительный для истории пример коллективного помешательства хорошо иллюстрирует следующий пример. Заканчивая в 1918 г. цитированный выше очерк, Н.П. Макаров утверждает, что «безусловной этической ценностью» является «психология здорового крестьянства», которым «можно социально (!) любоваться, а русской интеллигенции от него можно оздоравливать свою психологию. **А русской интеллигенции действительно придется лечиться духовно**, если только она хочет активно участвовать в творчестве жизни. Ибо если еще и до сих пор возможна такая гимназическая постановка вопроса, как постановка сравнительно недавно сделанная Гиммером-Сухановым в споре с

³²⁹ В.И. Гурко. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С.495-496

³³⁰ Там же, С.28-29

Огановским: «Кто нужнее: социалист или агроном?», то нет сомнения, что **мы больны и тяжело больны**³³¹.

Спорить с Макаровым трудно.

Вновь повторю, что понятие «русская интеллигенция» отнюдь не обнимает всех образованных людей России, а касается лишь профессиональных и полупрофессиональных революционеров и весьма немногих профессиональных же политиков, вроде лидеров кадетов. Большинство российского образованного класса, в отличие от наших дней, тогда *не относилось к интеллигенции*; это еще один пример семантической «инфляции».

Сказанное уместно пояснить следующим замечанием В.И. Гурко: «Однородной по своим взглядам кадетская партия... никогда не была. Так, между центральным комитетом партии или, вернее, теми ее членами, которые фактически направляли ее деятельность, и местными ее отделами постоянно замечались некоторые расхождения, в особенности там, где видную роль играл земский элемент.

Оно и понятно. Лидеры партии поставили себе определенную цель лично достигнуть власти и ради достижения этой цели мало перед чем останавливались. В их глазах поэтому партийные интересы неизменно премиривали над интересами государства и застилали их... У преобладающей массы даже видных рядовых членов партии таких вождельней, очевидно, быть не могло.

Таким образом, в сущности, цель лидеров партии и многих из ее последователей далеко не всегда была тождественна. Избиратели, давая свой голос партии, руководствовались ее программой и стремились к осуществлению провозглашенных в ней положений, причем в подавляющем большинстве были в полном неведении о закулисной деятельности ее лидеров и о тех соглашениях, которые они заключали с вожаками партий революционных»³³².

Так или иначе социалисты сумели закрепить свое видение пореформенной России вообще и российской деревни, в частности, в массовом сознании, поскольку безраздельно господствовали в литературе и публицистике. Это видение, повторю, было полностью унаследовано, расширено и дополнено советской историографией, призванной легитимизировать переворот 25 октября 1917 г., ужасы Гражданской войны и «обычную» советскую жизнь. Именно так утвердилась довлеющая над нами до сих пор парадигма – революция есть логическое завершение изъянов пореформенной жизни России.

Этот фальшивый взгляд благополучно дожил до наших дней, капитально деформируя восприятие отечественной истории миллионами людей.

³³¹ Макаров Н.П. Социально-этические корни... С.26

³³² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С.500

О настоящем голоде и голодном экспорте

Это текст дает некоторое представление о *социальной* политике царизма, об отношении правительства к народным нуждам, к налоговым платежам населения, о продовольственной помощи и др.

Эту политика, разумеется, не была совершенной, и ее можно оценивать по-разному. Однако очевидно, что ее проводило правительство *христианской* страны, осознающее, что за окном – вторая половина XIX-го или начало XX века, и уже поэтому (при всех изъянах) эта политика не могла не укладываться в определенные нравственные нормы. Эта политика, безусловно, во многом учитывала выработанные к этому времени Западом образцы социального «поведения» государства, во многом им соответствовала, и тем, кто ее проводил, было отнюдь не безразлично мнение цивилизованного мира о России.

Другое дело, что она не всегда была удачной, точнее, разумной, но нельзя забывать, что Александр II предпринял первую в мировой истории попытку вестернизации многовекового деспотического режима. И в этом смысле никакого опыта у иудео-христианской цивилизации не было, не говоря о том, что два последних императора, как, впрочем, и тысячи их подданных, путали понятия «самобытность» и «отсталость».

Во всяком случае, эта политика *категорически исключала* возможность устранения государства от помощи подданным во время стихийных бедствий, не говоря, точнее не заикаясь, даже гипотетически о возможности использования прямого геноцида для достижения политических целей.

Политика советской власти исходила из *совершенно противоположных* посылок.

По страшному капризу Истории горстке экстремистов представилась возможность реализовать на практике идеи социализма, т.е., по Достоевскому, «весь этот мечтательный бред», «весь этот мрак и ужас, готовимый человечеству в виде обновления и воскресения его»³³³.

Власть взяли *воинствующие безбожники*, в принципе не имевшие *никаких* моральных сдержек, и фактически сразу начали железной рукой воплощать «весь этот мрак и ужас» в жизнь.

То, что называется «военным коммунизмом», как-то находится на периферии общественного сознания, и по традиции, начатой еще в «Кратком курсе»³³⁴, многими считается обусловленным экстремальными условиями времени.

Однако сейчас уже и в школьном учебнике можно прочесть, что «серьезное влияние на экономическую политику (гражданской войны – М.Д.) оказывали идеологические воззрения большевиков. Они мечтали о быстром, стремительном переходе к коммунизму. В новом обществе, полагали они, не будет частной собственности, торговли, рыночных отношений, производство будет подчинено единому плану, труд станет всеобщим, а распределение материальных благ – уравнительным»³³⁵.

А.К. Соколов пишет: «Раньше считалось, что политика военного коммунизма была вынужденной, продиктованной специфической обстановкой гражданской войны. Однако, если вспомнить содержание и сущность проводимых большевиками преобразований, это выглядит не совсем так. Конечно, большое значение имела сама ситуация в Советской республике, напоминающая положение осажденной крепости, в которой уже начались и голод, и мор. **И все-таки военно-мобилизационная и реквизиционная система периода гражданской войны выросла на сплетении множества факторов.**

³³³ Достоевский Ф.М. Дневник. Статьи. Записные книжки. М., т.1. 1845-1875. С. 409-411

³³⁴ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). М., 1950. С.219

³³⁵ Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю. Истории России. XX-начало XXI века. Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений. М., 2005. С.122.

Когда отсутствует четкая программа действий, как это было у большевиков («сначала возьмем власть, а потом посмотрим»), то конкретные шаги в той или иной области во многом диктуются складывающейся обстановкой, а из этого затем извлекаются теоретические и идеологические постулаты, привязанные к марксистской доктрине, но часто прямо противоположные тому, что задумывалось в теории.

Нельзя не обратить внимания, что социально-экономические преобразования большевиков постоянно шли по линии ускорения под влиянием революционного нетерпения и экстремизма, охвативших общество. Распад товарно-денежных отношений, рынка, натурализация хозяйства, постоянная угроза голода в столицах и промышленных центрах также ускорили введение мер военно-коммунистического характера, или как писал Ленин, «непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению продуктов»³³⁶. Продолжение этой мысли Ленина, высказанной 17 октября 1921 г., наглядно показывает глубину представлений большевистских лидеров о коммунизме: «Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по фабрикам и заводам, - и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение». И эти люди подобрали власть в самой большой стране мира со 150-миллионным населением!

Куда там Марксу с Энгельсом?!

Военный коммунизм продемонстрировал все будущие пороки советской системы – и отнюдь не всегда на эмбриональном уровне. Не берусь сразу определить, какие явления позднейшей советской истории не встречаются уже в 1918-1920 гг.

Военный коммунизм показал, что бывает, когда за управление страной берутся – в прямом и переносном смысле слова – кухарки мужского и женского пола, опьяненные свалившейся на них властью, одуревшие от вседозволенности и не обремененные никакими представлениями о морали.

Крестьяне недолго наслаждались плодами «черного передела» и заплатили за реализацию своей вековой мечты цену, беспрецедентную в мировой истории. Немедленный переход к коммунизму обернулся жесточайшей гражданской войной, разрушением крестьянского хозяйства в масштабах страны и людоедством как своего рода апогеем первого приступа к строительству «нового мира».

В мои задачи не входит всесторонний анализ аграрной политики большевиков. Я лишь хочу привести некоторые ее характеристики, которые дает один из ведущих аграрников первой трети XX в. Л.Н. Литошенко в своей уникальной книге «Социализация земли в России»³³⁷.

Если продрозверстка – сюжет более или менее понятный, то о разрушительном влиянии на жизнь деревни трудовой повинности как компоненте военного коммунизма известно куда меньше (оставляя в стороне «Доктора Живаго», в какой-то мере дополняющего приводимую ниже информацию).

«Социалистическое правительство считало себя вправе распоряжаться личностью своих подданных и заменять частнохозяйственные стимулы к труду. Обязательная трудовая повинность должна была дать возможность «планового» распределения и использования наличных запасов рабочей силы в стране для надобностей социалистического хозяйства.

Главные запасы этих сил находились в деревне, куда укрылась от голода и значительная часть пролетариата. Естественно, что лично-трудовые обязательства всю тяжесть своей должны были лечь именно на сельское население.

Запасы рабочей силы для разного рода хозяйственных целей черпались из деревни двумя способами. Во-первых, она поставляла кадры для регулярных «трудовых армий», организованных в определенные единицы и работавших на разных трудовых «фронтах».

³³⁶ Соколов А.К. Курс советской истории. 1917-1940. М., 1999. С.88

³³⁷ Литошенко умер на Колыме в 1943 г., а его труд, хранившийся в Гуверовском архиве, увидел свет в 2001 году в Новосибирске.

Во-вторых, на деревенское население возлагалось выполнение целого ряда эпизодических и периодических работ, требовавших массового приложения неквалифицированного труда и, главное, массового использования транспортных средств крестьянского населения.

Второй вид трудовых повинностей лег на крестьянское хозяйство несравненно более тяжелым бременем, чем первый. Грандиозные планы Троцкого о милитаризации труда окончились почти ничем....

Гораздо ощутительнее для крестьянина оказались так называемые «периодические» и иные нерегулярные натурально-личные повинности. За два года существования декрета о всеобщей трудовой повинности, на крестьянина и его лошадь был возложен целый ряд всевозможнейших «общественно-необходимых» работ. Крестьянин вывозил на станции и на сыпные пункты отобранный у него же самого хлеб, сводил лес, пилил и возил в город дрова, перевозил с места на место бесчисленную советскую администрацию, расчищал от заносов железнодорожные пути, разгружал и нагружал вагоны, чинил проселочные дороги, обрабатывал поля и убирал хлеб для красноармейцев, прудил мельничьи плотины, подметал городские вокзалы и улицы, собирал для топлива еловые шишки.

Весь этот тяжелый труд, требовавший участия не только самого «трудообязанного», но и его рабочего скота вместе со скудным транспортным инвентарем, почти не оплачивался. За целый день труда взрослого мужчины с телегой и лошадью «выдавали» ничтожный «паек», состоящий из фунта хлеба, шепотки соли, коробки спичек, чаще всего десятка фунтов овса для лошади. В большинстве случаев даже эти нищенские нормы оплаты труда оказывались фактически невыполненными. По признанию официального отчета «общие цифры задолженности» государства населению достигают огромных размеров». Один только Главный лесной комитет остался должен населению 23,5 млрд рублей деньгами, 180 пудов жиров, 13 293 пуда мяса, 63 пуда чая и т. д. Нередко повинности крестьянского населения вообще считались бесплатными». В лучшем случае труд крестьян был оплачен не более как на 8% его действительной стоимости. В итоге и сами «трудообязанные» и их работодатели смотрели на разного рода «пайки» и денежные выдачи как на подачки, имеющие целью несколько скрасить настроения работающих. Установился, по существу, правильный взгляд, что трудовая повинность основана не на договорном начале, но представляет собой образец подневольного, обязательного и бесплатного труда (ср. общественные работы во время продовольственных кампаний до революции – М.Д.)

Обременительность трудовых повинностей усиливалась организацией их выполнения. Основные декреты по этому поводу имели в виду только интересы административно-хозяйственных органов и не содержали никаких норм, охраняющих интересы «трудообязанных».

Право пользования трудовой повинностью было предоставлено не только различным центральным «чрезвычайным» комиссиям по снабжению топлива, по борьбе с заносами, пожарами, вредителями и т. п., но и местным советским властям. На почве же «местных нужд» выростали самые уродливые формы эксплуатации городом деревни. Каждый уездный город или губернский Совет считал себя полным хозяином личных сил и транспортных средств подчиненных ему деревень. В административных органах, особенно провинциальных, сосредоточились отбросы городской культуры, не имеющие часто никакого представления об условиях деревенской жизни. Они могли искренне верить, что крестьянская лошадь работает без корма 24 часа в сутки, а крестьянское хозяйство представлялось им неисчерпаемым источником не только продовольственных ресурсов, но и свободного запаса живой силы, которым правящий класс пролетариев распоряжается по своему усмотрению. Нет той экономической бессмыслицы, которая не была бы испробована в виде обязательных заданий для трудовых повинностей. Описывать их — значило бы пуститься в расследование изобретательности каждого уездного совета и

комитета труда.

...Всякий, кому приходилось зимой 1920 г. проезжать проселочной дорогой, помнит незабываемую картину принудительной организации труда. Снежные поля, пустынное шоссе, черные пятна павших при исполнении обязанностей лошадей по сторонам дороги, изредка советские тракторы с одной горячей водой, одинокий, бесконечно длинный, еле двигающийся обоз с «советскими» дровами и неизменные через каждые 15-20 верст «засады» заградительных отрядов, тщательно перерывающие возы с дровами, чтобы найти и отобрать запрещенные к провозу продовольственные припасы.

Нет никакой возможности сколько-нибудь полно и точно определить в цифрах объем выполненных деревенским населением трудовых повинностей и ущерб, нанесенный ими крестьянскому хозяйству...

Отдельные, ограниченные небольшой территорией подсчеты дают поразительные цифры. Один автор-коммунист попытался подсчитать по документальным данным, какую работу пришлось выполнить людям и лошадям его родной волости в порядке трудовых повинностей. Оказалось, что 2 000 лошадей, насчитывавшихся в этой волости, за один 1920 г. прошли по приказам Советской власти не менее 500 тыс. верст, т. е. десять раз объехали по экватору земной шар. Исследованная волость вовсе не принадлежит к числу исключительных, и усердие местных органов власти не выходит за пределы нормального»³³⁸.

Литошенко, проанализировав данные по 6 губерниям, представляющих разные хозяйственные районы России, делает вывод о том, что «нет ни одной губернии, где трудовая повинность отнимала бы менее одного рабочего месяца в год мужского и женского труда вместе. В среднем по всем 6 губерниям затрата рабочего времени составляет 62 дня на одно хозяйство, или около 2,5 рабочего месяца. Нужно заметить, что в этой сумме преобладает более дорогой и ответственный в сельском хозяйстве труд мужчины, на долю которого приходится 2 месяца, или 80% трудовых повинностей. Кроме того, каждое хозяйство в среднем отдавало государству 40 рабочих дней лошади.

Если мы теперь сопоставим трудовые повинности с общим запасом рабочих сил в хозяйстве, то окажется, что в среднем по всем губерниям принудительный труд отнимал 11,3% мужской рабочей силы, 3,2% женской и 9,7% лошадиной. Это значит, что каждый мужчина в крестьянской семье отдавал социалистическому правительству каждый 9-й день своего труда, каждая женщина трудилась по приказу того же правительства каждый 30-й день и каждая лошадь в крестьянском хозяйстве работала для государства один из десяти своих рабочих дней.

Но эти средние цифры еще не говорят всей правды, потому что объем трудовых повинностей колебался по отдельным губерниям. Если в губерниях Орловской, Владимирской и Тульской принудительный труд отнимал всего 5-6% рабочего времени каждого взрослого мужчины, то в Новгородской губернии этот коэффициент социалистического использования рабочей силы поднимался до 11%, а в Уфимской и Северо-Двинской приближался уже к 20%. Даже в пределах одной и той же губернии обнаруживаются значительные расхождения. В Северо-Двинской губернии зарегистрированы хозяйства, отдававшие до 100 мужских и столько же женских дней работы. Во Владимирской есть несколько случаев, превышающих 50 дней труда и т. д.

Никакой закономерности в колебаниях этих цифр искать не следует... Пестрота размеров трудовых повинностей больше всего объясняется случайными причинами и произволом местных властей.

Но как раз этот произвол и ощущался болезненнее всего.

Крестьянин не мог располагать ни своим временем, ни своей лошадью, ни своей телегой. Всегда, зимой и летом, во время отдыха и на полевых работах, могло явиться начальство и потребовать его к отбыванию социалистической повинности. Последние

³³⁸ Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С.401-406.

разрушали его здоровье, губили лошадей и ломали последний инвентарь, не давая взамен ни материальных компенсаций, ни морального удовлетворения. Троцкий думал, что «аппарат трудовой повинности» на практике приучит крестьянскую массу к особенностям «нового режима» и разовьет в ней социалистические навыки. На деле трудовая повинность будила не мечты о земном рае, а воспоминание о недавнем прошлом, когда крестьянин был прочно опутан узами крепостного права.

Вместе с этими воспоминаниями возрождалась и психика подневольного труда.

С одной стороны, стремясь ускользнуть от гужевой повинности, крестьянин сокращал численность своего рабочего скота, недостаток же последнего заставлял ухудшать обработку почвы и сокращать площадь посева.

С другой стороны, чувствуя себя в полной зависимости от произвола местной власти и отдавая социалистическому государству не только продукт своего труда, но и самые силы и здоровье свое, **крестьянин переставал сознавать себя свободным хлебопашцем, терял интерес к ведению хозяйства, опускал руки и переходил на положение ленивого и лукавого раба.**

Если продовольственные разверстки уменьшали стимулы к производству и сокращали площадь посевов крестьянских хозяйств, то транспортная повинность сокращала наличность живого и мертвого инвентаря, а трудовая — **убивала саму душу крестьянского хозяйства, его волю к свободному труду**³³⁹.

Далее Л.Н. Литошенко определяет реальные размеры повинностей, которые свалила на крестьянство новая власть: «Принудительное отчуждение продуктов в общей сложности составляет от 33 до 88 руб. на хозяйство в разных губерниях. По расчету на средний семейный состав хозяйства это составляет от 5,3 до 13,6 золотого рубля подушной подати; десятина посева уплачивает 8-23 рублей золотом. Неравномерность обложения сочетается здесь с высокими абсолютными размерами податного бремени.

Что касается трудовой повинности, то по своим абсолютным размерам стоимость отданного государству труда мало уступает ценности взятых им продуктов. В общем, можно заметить, что принудительные отчуждения продуктов были наивысшими в производящих хлеб губерниях, а трудовая повинность ложилась более тяжелым бременем на население потребляющей лесной полосы России.

В итоге все крестьянство находилось приблизительно в одинаковых условиях. Продуктами своего хозяйства и личным трудом оно уплачивало в пользу социалистического государства огромную подать в 127,3 руб. на хозяйство. По расчету на душу населения и десятину посева это составляет 19,5 и 31,8 золотого рубля.

Разрушительная сила налогов такого размера очевидна сама собою. Она еще резче бросается в глаза при сопоставлении с тяжестью податного бремени нормального времени».

В абсолютном выражении податное бремя на одно хозяйство в 1920/1921 г. превышало довоенную норму в среднем в 9 раз, а по расчету на душу населения — «каждый сельский житель отдавал в 1920/21 г. государству трудом и продуктами ровно в 10 раз больше, чем при старом режиме»³⁴⁰.

По разным губерниям в нормальное время взималось в среднем 1,4% валового дохода. В 1920/21 г. доля государства дает уже между 8,4 и 17,3% (соответственно в потребляющих и производящих губерниях — М.Д.) . В среднем тяжесть обложения возросла в 6-12 раз, и это **не считая трудовой повинности.**

Словом, каким способом ни измерять налоговое бремя, крестьянин оказывается в жестоком проигрыше уже при сопоставлении одних сумм и ставок прежних и нынешних налогов.

Для полноты картины необходимо напомнить, что в смысле обременения плательщика формы взимания налога имеют не меньшее значение, чем ее размеры. Это

³³⁹ Там же, С.406-409

³⁴⁰ Там же, с.410-414

установлено еще А. Смитом в его знаменитых четырех правилах налоговой политики. Система советских налогов кажется построенной на принципиальной отрицании каждого из них.

Вместо налогового равенства мы имеем исключительно неравномерное, несправедливое и несогласованное с хозяйственными силами плательщиков обложение.

Вместо определенности налогов — судорожное изъятие на глаз установленных «излишков», совсем по Смиту «поощряющее нахальство и содействующее разращению сборщиков податей».

Вместо наибольшего удобства уплаты налога — наиболее тяжелая натуральная форма налогов, связанная для плательщика с рядом добавочных обременений в виде подвоза, ссыпки и хранения продуктов.

Вместо дешевизны взимания, наконец, — громаднейший аппарат людей, складов, транспорта и упаковочных средств, поглощающих иногда до 50% собранных продуктов.

Мы не говорим уже о средневековых жестокостях, сопровождавших взимание разверсток и налогов, о «милитаризации» продовольственного дела, о лишении свободы распоряжения своей личностью всех «трудообязанных». Эти стороны социалистической налоговой системы не могли быть предусмотрены в гуманный век Смита.

Подведем теперь итог описанным выше плюсам и минусам революции. **Конфискация земель нетрудового пользования и дополнительное наделение обманули ожидания крестьянства.** Выгодная для сельского хозяйства конъюнктура войны и первого года революции быстро уступила место сокращению покупательной силы крестьянства и понижению ее по сравнению с продуктами промышленности. Освобождение от прямых и косвенных денежных налогов сменилось бестоварьем и неизмеримо более тяжким натуральным обложением. Формы взимания налогов заставляли вспоминать об остатках средневековья и крепостного права. Баланс советской политики явным образом складывался не в пользу крестьянского хозяйства. Революция возлагала на него несравненно более тяжелое бремя, чем снимала»³⁴¹.

Политика советской власти закономерна повлияла на потребление деревни: «Русский крестьянин, со всех сторон теснимый социалистическим государством, в последнюю очередь отказался от потребления привычного количества пищи.

Тем не менее и здесь произошли сдвиги в худшую сторону. Те же анкеты показывают, что оставаясь количественно, по своему калорийному содержанию, приблизительно на одном и том же уровне, питание сельского населения ухудшалось качественно. Исчезло разнообразие пищи и привозные продукты. Рожь повсеместно вытеснила пшеницу, исчезла мука тонкого помола, появились самодельные крупы, вроде ржаной и пшеничной, стали есть овес и конину, укоренились и другие пищевые суррогаты или продукты скверного качества.

По мере приближения к современному моменту более резко обнаруживаются перемены в количественных пропорциях питания. Систематическое проведение земельно-продовольственной политики на фоне повторных неурожаев сделало свое дело.

Даже оптимистические анкеты о питании дают для 1922 г. резко выраженное падение норм потребления. Нечего и говорить, что небывалый голод, поразивший в 1921 г. огромную территорию, надолго понизил уровень питания населения соответствующих районов.

Но еще глубже и быстрее, чем питание, упал уровень жизни в области удовлетворения других материальных потребностей сельского населения».

Анализируя данные о величине различных продуктов, которые не производились крестьянами, а покупались или выменивались ими в 1919/20 г., Литошенко констатирует: «Перед нами картина поразительного оскудения. Для его характеристики не нужно обращаться к иностранным образцам, достаточно сравнения с нормами довоенного

³⁴¹ Там же, С.416-417

потребления. Наибольшему сокращению подверглись самые важные потребности. Приобретение сельскохозяйственных машин и орудий упало до 10% обычной нормы, покупка и без того скудных в крестьянском обиходе одежды, обуви и белья сократилась почти в 14 раз, потребление важнейших, не производимых в крестьянском хозяйстве продовольственных припасов (сахар, соль, чай) понизилось в 7 раз и т.д. В среднем по всем статьям покупных продуктов потребление упало с 22 руб. 42 коп. до 3 руб. 41 коп., т. е. уменьшилось приблизительно в 6-7 раз.

Смысл этих цифр может быть объяснен опять только в том же направлении. Наталкиваясь на дороговизну или прямой недостаток промышленных продуктов, крестьянин частью урезывал свои потребности, отказываясь от самого необходимого, частью заменял недостающие блага предметами собственного изготовления. Потребность в машинном инвентаре не могла быть удовлетворена собственными силами и она осталась висеть в воздухе. Зато на смену водке явилась «самогонка», место покупных ситцев заняло домашнее полотно, недостаток керосина был пополнен дедовской лучиной. По всей линии потребления: в пище и в одежде, в постройке жилищ и в освещении — крестьянин выбрасывал все лишнее и переходил от денежного хозяйства к строго натуральному.

Все три вышеописанные черты — нивелировка крестьянского хозяйства, его натурализация и понижение жизненного уровня, вместе взятые, — дают картину ярко выраженной *натурально-хозяйственной реакции*³⁴².

Сбылись давние мечты народников — натурально-хозяйственная теория воплотилась в жизнь.

Естественным следствием «непосредственного перехода к коммунистическому производству и распределению продуктов» стал голод 1921-1922 гг.

«Россия издавна была страной частых недородов. Низкая производительность сельскохозяйственного труда, отсталая техника и климатические особенности приводили к тому, что почти каждый год частичный неурожай обнаруживался то в одном, то в другом районе. За последние 30 лет более крупные недороды, поразившие значительное число губерний, приходится на 1891, 1906, 1911, 1920 и 1921 гг. **В советской печати существует понятная тенденция относить голодовки последних лет к разряду обычных для России, неотвратимых стихийных бедствий. Это верно только отчасти.**

На деле между бедствием 1921 г., описанной выше натурально-хозяйственной реакцией и экономической политикой последних лет может быть установлена неопровержимая причинная связь. Она обнаруживается прежде всего поразительным совпадением территории, пораженной голодом в 1921 г., и области, бывшей главным театром принудительных отчуждений в предшествующих 1919 и 1920 гг.

Главным очагом голода является Поволжье и Приуралье в составе 12 губерний.³⁴³

Подсчитывая количество взятого в этих губерниях государством хлеба, получаем 132 млн пудов для 1919/20 г. и 90 млн пудов для 1920/21 г. По отношению к общей сумме хлебных заготовок за два года по всей РСФСР эти цифры составляют 44%. В 1920/21 г., когда реквизиции на востоке были уже ослаблены, государство забрало все же в 6

³⁴² Там же, С.435-437

³⁴³ Уральская, Оренбургская, Челябинская, Уфимская, Екатеринбургская, Вятская, Трудовая Коммуна немцев Поволжья, Самарская, Саратовская, Симбирская губернии и Татарская республика. Однако голод имел и свою обширную периферию. А.М. Кристалл пишет, что голод «поразил 16 российских губерний, 3 автономные республики, 3 автономные области и Трудовую коммуны немцев Поволжья. На этой территории проживало 34 589,4 тыс. человек. Однако в 1922 г. голод охватил также города Москву (население 1028,2 тыс. чел.) и Петроград (894,1 тыс. чел.). Московскую, Петроградскую, Омскую, Пензенскую, Нижегородскую, Курскую и Тамбовскую губернии с общим населением в 13 731,3 тыс. человек. Кроме того, в 1921 г. голодали пять губерний Украины с населением в 9 542,2 тыс. чел., Азербайджан (2097. тыс. чел.), Армения (1214,4 тыс. чел.). Казахстан (5018.3 тыс. чел.), а также Дагестан (798.2 тыс. чел.) и 2 автономные области (832 тыс. чел.). В 1921 г. в зоне голода, по нашим данным, уже проживало 69 795.1 тыс. человек (все население страны составляло 134 663 800 человек». Кристалл А.М. Голод 1921 г. в Поволжье... С.17

губерниях Поволжья 15% чистого сбора хлебов, полученного в 1920 г. Изъятие такого количества хлеба в течение двух лет подряд не могло не отразиться на состоянии местного хозяйства.

Его положение ухудшалось, далее, крайней бессистемностью (и жестокостью) продовольственных реквизиций. Отбиравшие хлеб не считались ни с продовольственной нуждой хозяйства, ни с его потребностями в семенах и корме скота, ни с необходимостью иметь некоторый запас продуктов в качестве запасного, страхового от неурожая фонда. Последнее обстоятельство особенно губительно отразилось как раз на состоянии хозяйства Поволжья. Этот край издавна славился подверженностью засухам и резким колебаниям урожая. Годы тучных сборов чередуются здесь с тощими жатвами.

При резких колебаниях урожая крупные размеры посевной площади до некоторой степени смягчали опасность голода. Абсолютно низкий сбор с одной десятины по расчету на все хозяйство обеспечивал необходимый минимум существования. Крестьянин переставал продавать хлеб, но для скудного пропитания и редкого посева хлеба у него все же хватало.

Средство борьбы с постоянной угрозой голода население нашло в расширении посевов и накоплении запасов.

...Советские продовольственные органы принимали этот страховой фонд за скрываемые «спекулятивные» запасы и уничтожали их.

На беспорядочные реквизиции, как мы уже знаем, крестьянство отвечало систематическим сокращением посевных площадей. Страх голода отступал на задний план перед страхом правительственных разверсток. Кроме того, население не имело физической возможности засеять прежнюю площадь. Для этого у него не хватало ни семян, ни скота. В результате лишение запасов прежних лет и не обеспеченное посевами крестьянское хозяйство подвергалось величайшей опасности.

До революции общая площадь посева голодающего Поволжья составляла 10,2 млн десятин при 10,1 млн человек сельского населения. На душу населения здесь имелось, следовательно, несколько более одной десятины посева. Даже при урожае в 15 пудов с десятины своего хлеба хватило бы для прокормления семьи, а при пониженной норме потребления и с запасами прежних лет можно было обеспечить посевной материал и корм скоту. Наконец, собственные излишки у многопосевных хозяйств, излишки, несомненно получавшиеся даже при самых скудных урожаях, становились теми местными запасами, которые помогали пополнить недостаток продовольственных ресурсов, не прибегая к привозу их издалека.

Сокращение посевной площади, ухудшение обработки, нивелировка размеров хозяйства и систематическое отобрание излишков должны были радикальным образом понизить естественную сопротивляемость голоду описываемых районов. Сокращение посевов достигло, как мы знаем, наибольших размеров именно в Поволжье. В 1921 г. здесь оставалось не многим более половины прежней площади. Общая площадь посева исчислялась в 5,8 млн. десятин; по расчету на душу населения, возросшего до 10,6 млн., это составляло не более 0,55 десятины посева всех хлебов, включая технические культуры. При урожае в 15 пудов с десятины на каждого человека приходилось бы 7,5 пудов хлеба. Этого не могло хватить даже на голодное существование. Отсутствие запасов и местных излишков увеличивали опасность.

В 1921 г. Поволжье поразила редкая по силе засуха. Урожай с десятины в среднем упал в 1 7 пудов ниже 10 пудов с десятины. Катастрофа разразилась. Поволжье переживало страдания, небывалые со времен Годунова. В течение зимы 1921/22 г. документально засвидетельствованы массовые случаи каннибальства.

Для поверхностного наблюдения или официального оптимизма причиной бедствий служит засушливое лето нынешнего года. В действительности гибель миллионов людей была предопределена продовольственной политикой последних лет. С полудесятиной посева на душу и без всяких запасов Поволжье существовать не может. Стихийные

причины стали только последней каплей, упавшей на весы судьбы несчастного края.

Значение продовольственной политики и вызванной ею натурально-хозяйственной реакции не ограничивается, однако, одними местными, хотя бы и жестокими, голодовками. Под угрозой голода оказывается вся Россия»³⁴⁴.

Анализ продовольственного баланса РСФСР в 1921/22 г. приводит Л.Н. Литошенко к следующим размышлениям: «Потребление сельского и городского населения исчислено по минимальным нормам. Предположено, например, что в потребляющей полосе сельское население съедает только по 11,5 пуда хлеба на душу в год, включая расход на корм скота. Та же норма сохранена для пострадавших от неурожая губерний производящей полосы. Для непострадавших губерний производящей полосы норма несколько повышена. Потребление городского населения повсеместно ограничено 10 пудами хлеба. Если принять во внимание, что прежняя норма потребления хлебных продуктов, без корма скота, составляла около 18 пудов в год на душу населения, то нельзя не признать, что исчисления сделаны осторожно и исходят из предположения, что нищая страна будет питаться впроголодь.

Несмотря на это, общий баланс страны, вывезшей не далее как в 1913 г. 648 млн. пудов хлеба, сводится теперь с огромным дефицитом в 61 млн. пудов. [Присоединение ресурсов Украины не устраняет дефицита. Сама Украина в 1921/22 г. голодает и в целом нуждается в привозе 197 млн. пудов хлеба.] Чтобы просуществовать впроголодь, Россия должна ввозить значительные количества хлеба. Без этого продовольственный бюджет может быть сбалансирован лишь за счет увеличения числа голодных смертей.

Но может быть этот печальный вывод относится только к 1921 г.? Может быть он объясняется неблагоприятными климатическими условиями этого года и огромной потребностью в хлебе пораженных недородом областей?

Анализ порайонных итогов... к сожалению, заставляет отказаться от этого последнего утешения»³⁴⁵.

Л.Н. Литошенко доказывает, что «неустойчивость хлебного баланса России не есть случайное явление, вызванное климатическими условиями 1921 г. В основе ее лежит разрушение крестьянского хозяйства всей предыдущей политикой. Это разрушение привело к небывалому голоду, а голод, в свою очередь, становится мощным фактором дальнейших разрушений. Может быть статистически доказано, что степень сокращения посевов находится в причинной связи с интенсивностью неурожая. Не только гибель рабочего скота и недостаток посевного материала, но и физическая слабость совместно с моральной апатией заставляют население голодающих районов сеять еще меньше, чем раньше. Учет засеянной осенью 1921 г. площади озимых по 28 губерниям показывает понижение против прошлого года на 23%. Посев яровых едва ли будет благоприятнее. Мы стоим, таким образом, перед новым сокращением посевной площади, а вместе с тем и перед продолжением кризиса.

Не может быть и речи об устойчивом балансе, пока в коренных земледельческих районах засеивается полдесятины земли на душу сельского населения. При огромном протяжении России невозможно предположить такое сочетание метеорологических условий, которое было бы благоприятно для всего сельского хозяйства. Каждый год в России бывают пораженные недородом районы.

Вся разница в том, что раньше дефицит пораженных районов пополнялся излишками более счастливых областей, а теперь таких излишков нет и население каждого района предоставлено собственным силам. Частичный недород в любом районе означает в настоящее время обречение на голод или даже голодную смерть большего или меньшего числа людей. Если бы даже одновременно в других районах вследствие высокого урожая образовались бы некоторые излишки, использование их все равно было бы до крайности затруднено распыленностью этих излишков по миллионам мелких хозяйств, слабостью

³⁴⁴ Литошенко Л.Н. Социализация земли ... С.439-442.

³⁴⁵ Там же, С.442-443

стимулов у последних к обмену излишков на обесцененные денежные знаки, полным отсутствием покупательной силы у населения пострадавших районов.

Натурально-потребительская реакция крестьянского хозяйства имеет, таким образом, два ряда вредных последствий.

С одной стороны, она мешает самопроизвольному или организованному выравниванию избытков и недостатков отдельных районов, с другой — она ставит под удар продовольственный баланс всей страны. Одним из давних недугов русского народного хозяйства была тесная зависимость его процветания от размеров урожая. Теперь не только благосостояние, но и жизнь миллионов людей каждый год висят на волоске. От того, пойдет или не пойдет вовремя дождь, зависит урожай, а вместе с ним и судьба целых областей, по размерам превосходящих крупнейшие европейские государства.

В стране, лишенной возможности покупать хлеб за границей и не имеющей средств для выравнивания избытков и недостатков за государственный счет, дефицит продовольственного баланса может быть покрыт только физической смертью избыточного населения»³⁴⁶.

Когда Л.Н. Литошенко писал эти строки, он не мог знать, что страну спасет Герберт Гувер и его организация АРА, которая, кроме прочего, выделит зерно для посева в 1922 и 1923 гг.

Приведенных данных более чем достаточно, чтобы понять, как быстро и страшно сформировалась и вошла в сознание миллионов людей новая система жизненных ценностей и нравственных координат, сменившая ту, которая господствовала при «малоземелье, непосильных платежах, голодном экспорте» и прочих прелестях царского режима.

Однако это далеко не все, что следует сказать.

Множеству современников, конечно, были ясны причины голода 1921-1922 гг.

Тем не менее с его началом такие партийные «златоусты», как Троцкий, Радек и Ярославский опубликовали ряд брошюр и статей, в которых проводился тезис о том, «что русский голод - стихийное бедствие, которое нельзя было ни предвидеть, ни предупредить»³⁴⁷.

После 1917 г. дореволюционные представления о стихийном бедствии сохранились, а о том, что такое *голод*, к несчастью, серьезно изменились.

Для нас принципиально важно уяснить, как менялась реакция Власти на эти вызовы. Царский режим тратил в отдельные годы, например, в 1891 г. на продовольственную помощь суммы, сопоставимые с расходами на оборону страны, он кормил, точнее «прокармливал» миллионы людей, число которых в сумме превышало население многих западноевропейских стран, он открывал тысячи столовых и пунктов медицинской помощи, он предоставлял возможность нуждающимся заработать себе на пропитание, он выдавал хлеб и деньги в ссуду, а затем прощал долги, и т.д., притом же его альтруизм прямо воспитывал у немалой части населения привычку полагаться не на себя, а на «Царский паек».

Истерики русской интеллигенции по поводу «народных бедствий» и вины правительства в огромной степени были популистской демагогией даже и по представлениям того времени. У насквозь лицемерной социалистической (да отчасти и кадетской) интеллигенции с двойными стандартами проблем не возникало. Власть была виновата в самом своем существовании.

Имперское правительство тратило сотни миллионов рублей на продовольственную помощь, в то время как они могли быть потрачены на многое другое, что было куда полезнее социального иждивенчества – на оборону, на всеобщее начальное образование,

³⁴⁶ Там же, С.448-450.

³⁴⁷ Кристкалн А.М. ук.соч.

например, на открытие столь нужных стране военных училищ, на новые железные дороги, да мало ли на что!

А теперь попробуем кратко, «пунктиром» очертить подходы «власти рабочих и крестьян» к рассматриваемой проблематике.

В 1921 г. она поначалу попросту замалчивала сам факт голода

При этом обращает на себя внимание явная растерянность советской власти, перед которой, по точной формулировке Геллера и Некрича, впервые возникла «задача, которую нельзя было решить силой»³⁴⁸. Они считают, что Ленин боялся прямого обращения за помощью к странам Запада, «опасаясь получить решительный отказ. Отказ капиталистических стран помочь государству, которое открыто ставило своей целью мировую революцию, казался Ленину в первой половине 1921 г. поведением как нельзя более естественным. Безвыходное положение вынуждает Ленина после долгих колебаний согласиться на создание Всероссийского комитета помощи голодающим» (ВКПГ)³⁴⁹, который должен был стать своего рода гарантом того, что помощь дойдет до голодающих.

История возникновения, недолгой работы и ликвидации ВКПГ, который советская историография десятилетиями разоблачала как «контрреволюционную организацию», чрезвычайно показательна.

А.М. Кристалн, в середине 1990-х гг. проведший развернутое исследование деятельности этой организации, сделал следующий вывод: «Факты однозначно свидетельствуют: ВКПГ создавался и функционировал именно как непартийная благотворительная организация».

22 июня 1921 г. VII съезд Московского общества сельского хозяйства принял предложение инициатора съезда С.Н. Прокоповича о создании Всероссийского комитета помощи голодающим. Его возглавили сам Прокопович, его жена Е.Д. Кускова и Н.М. Кишкин, бывший министр продовольствия Временного правительства.³⁵⁰ Ленин со своим обычным «кухонно-коммунальным» юмором стал называть Комитет «Прокукишем» (от сокращения первых слогов фамилий его лидеров); даже в такой детали видны его сущностные человеческие качества.

После согласования формальностей вхожий в Кремль М. Горький, ставший членом Комитета, «29 июня 1921 г. официально внес на рассмотрение Политбюро ЦК РКП(б) предложение о создании Всероссийского комитета помощи голодающим», в состав которого вошел 61 видный представитель небольшевистской общественности и 12 партийцев.³⁵¹ Почетным председателем, как говорилось, был избран В.Г. Короленко, успевший написать Горькому в августе 1921 г., что «голод у нас не стихийный, а искусственный».

Власть даже при формировании состава ВКПГ в первую очередь блюла собственные интересы. Заслуживает внимания мысль Кристална о том, что большевики, видевшие главного идейного противника в Русской православной церкви, стремились «заручиться в борьбе с ней чем-то вроде союза с другими конфессиями или хотя бы обеспечить нейтралитет с их стороны». Поэтому в состав Комитета были включены представители меннонитов, баптистов, адвентистов, но не было ни одного представителя Русской православной церкви.

По мнению Кристална, «создание ВКПГ как независимого от советского правительства общественного органа, вызвало одобрение во всем мире, было воспринято как признак отхода большевиков от тотального контроля над всей жизнью России.

Уже в июле 1921 г. Москва получила предложения продовольственной помощи одновременно от Лиги Наций, которой руководили Англия, Франция и Италия, и от правительства США, представленного Американской администрацией помощи (American

³⁴⁸ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М., 1996. книга 1.122.

³⁴⁹ Там же, С.123

³⁵⁰ Кристалн А.М. Голод 1921 г.... С.24-25

³⁵¹ Там же, С.25.

Relief Administration, сокращенно: АРА).

И если разоренная Первой мировой войной (1914-1918 гг.) Европа не могла обеспечить весь необходимый для спасения жителей России объем продовольственной помощи, то АРА, которая существовала с 1919 г., могла свободно распоряжаться огромными излишками продовольствия, имевшимися в распоряжении правительства США.

Лига наций образовала особую комиссию для организации помощи голодающим России, во главе которой встал известный норвежский полярный исследователь Ф. Нансен... Нансеновский комитет с самого начала стал сотрудничать с советским правительством, а АРА предпочитала иметь дело с ВКПГ.

В связи с этим 21 июля 1921 г. глава советского государства М.И.Калинин подписал декрет, фактически придававший ВКПГ статус организации, официально признанной властями, но совершенно независимой от них. Однако внутри ВКПГ создается коммунистическая группа во главе со Л.Б.Каменевым и Н.А.Семашко.

Еще 12 июля 1921 г. Ленин написал Семашко записку, в которой указал, как следует обращаться с руководством ВКПГ: "Директива сегодня в Политбюро – строго обезвредить Кускову. Вы в «ячейке коммунистов» не зевайте, *блюдите строго*. От Кусковой возьмем имя, подпись, пару вагонов от тех, кто ей (и таким) сочувствует. Больше ни-че-го».

Конечно, Кускова прекрасно понимала, что ее имя просто используют, что оно служит ширмой для советского правительства, но она сознательно пошла на это, чтобы помочь своей стране. Она говорила Каменеву: «Помочь может только заграница. Помощь не притечет: будут думать, что помогают вам, Красной армии, но не голодающим»³⁵².

Герберт Гувер, стоявший во главе АРА, выдвинул два условия развертывания деятельности своей организации в РСФСР – самостоятельность действий своей организации и освобождение заключенных в российских тюрьмах граждан США. Ленин кипел от негодования: «Подлость Америки, Гувера и Совета Лиги наций сугубая. Надо наказать Гувера, публично дать ему пощёчины, чтобы весь мир видел, и Совету Лиги наций тоже».

Как можно видеть, представления о подлости у Ленина, главного творца «новой морали», были своеобразными. Подлостью у него называется, в частности, желание людей, жертвующих средствами, знать, на что они тратят *свои* деньги, и стремление быть уверенными в том, что аморальная власть не истратит их на нужды своей диктатуры.

Однако выбирать не приходилось. 25 июля Горький от имени советского правительства принял предложение Гувера. «12 августа 1921 г. Совнарком получил официальное сообщение о том, что АРА «настаивает на переговорах с советским правительством». 21 августа 1921 г. специальный посланник Совета Народных Комиссаров М.М. Литвинов подписывает в Риге соглашение с АРА о помощи голодающим в России».³⁵³

Узнав об этом, член Комитета Н. Кутлер произнес известную фразу: "Ну, а нам теперь надо по домам... Свое дело сделали. Теперь погибнет 35 % населения голодающих районов, а не все 50 или 70...».

ВКПГ получил право «образовывать свои отделения на местах и за рубежом, приобретать в России и за границей продовольствие, фураж, медикаменты, распределять помощь среди голодающих. В результате переговоров с представителями зарубежных комитетов помощи голодающим в России была достигнута договоренность о поездке делегации ВКПГ в Стокгольм. Это обстоятельство не могло не беспокоить власть, т.к. в

³⁵² Там же, С. 25-26

³⁵³ О деятельности АРА можно судить по весьма информативной статье Р.А. Латыпова «Помощь АРА Советской России в период «великого голода» 1921-1923 гг.» <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=864&level1=main&level2=articles>

состав Помгола входили бывшие активные члены оппозиционных партий.

В то же время советская власть всячески тормозила деятельность ВКПГ. Так, 23 августа 1921 г. Горький был вынужден направить из Петрограда в Москву телеграмму председателю ВКПГ, в которой заявил о своем выходе из состава комитета в связи с тем, что Петроградский губисполком не утвердил состав питерского отделения ВКПГ: "Деятельность Петроградского Отделения мною прекращена 23 августа. В силу этого заявляю о моем выходе из членов Всероссийского Комитета помощи голодающим". Через несколько дней, 27 августа 1921 г., перестал существовать и сам комитет»³⁵⁴.

Когда 18 августа 1921 г. Прокопович, Кускова и Кишкин официально ходатайствовали перед ВЦИК о разрешении им выехать за границу для сбора пожертвований, они получили отказ с формулировкой: «Немедленный выезд делегации не вызывается необходимостью».

Советская власть тривиально испугалась – ведь ВКПГ обратился за содействием к патриарху Тихону, не говоря о том, что на счета Комитета сразу же потекли средства и т.д. «Недобитые» общественные деятели старого мира с энтузиазмом восприняли возможность сделать что-то по-настоящему полезное для народа.

26 августа Ленин написал письмо «Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП (б)» в своем типичном стиле: «Предлагаю, выразив возмущение наглейшим предложением Нансена (он включил в состав своей организации члена ВКПГ – М.Д.) и поведением «кукишей», сегодня же, в пятницу 26.8. постановлением ВЦИКа распустить «Кукиш».

Прокоповича сегодня же арестовать по обвинению в противоправительственной речи... и продержать месяца три, пока обследуем это собрание тщательно. Остальных членов «Кукиша» тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, под надзор. Ей-ей, ждать еще - ошибка будет громадная. Пока Нансен не уехал, дело будет сделано; Нансену поставлен будет ясный «ультиматум». Игре (с огнем) будет положен конец. Напечатаем завтра же пять строк короткого, сухого «правительственного сообщения»: распущен за нежелание работать.

Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать «Кукишей». Баричи, белогвардейцы хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места. Калинин поехал, а кадетам «не вместно». **Изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев...** Большой зуб будет удален сразу и с большой пользой во всех отношениях. Не надо колебаться. Советую сегодня же это покончить в Политбюро. Иностранцы начнут приезжать, надо «очистить» Москву от «Кукишей» и прекратить их игру (с огнем)».

Это письмо не хуже записки о «подлости» Гувера и Лиги наций вновь демонстрирует стилистику мышления советского лидера. Он не любил людей, разве что кроме существующих исключительно в его воображении абстрактных «сознательных рабочих и крестьян». Даже в *такой* ситуации, он считает себя вправе ставить «ультиматумы» Нансену – помогать будете на наших условиях, а не хотите – не надо, пусть мрут от голода.

27 августа 1921 г. было принято решение Президиума ВЦИК о роспуске Всероссийского комитета помощи голодающим, и вечером того же дня собравшиеся по просьбе Каменева члены ВКПГ С.Н. Прокопович, Е.Д. Кускова, Н.М. Кишкин, В.Ф. Булгаков, Н.Д. Кондратьев, Б.К. Зайцев, М.А. Осоргин и Н.Н. Кутлер были арестованы. Не тронули, что характерно, старую террористку Веру Фигнер (дожившую 1942 г. и воочию увидевшую, как воплотились в жизнь мечты ее молодости). «В этот же день ВЧК направила циркулярное распоряжение на места о необходимости установить наблюдение за местными комитетами, запретить их собрания, арестовать участников нелегальных

³⁵⁴ Макаров В.Г., Христофоров В.С. К истории Всероссийского комитета помощи голодающим. // Новая и новейшая история. №3. 2006.

собраний. 28 августа 1921 г. газета "Известия" опубликовала постановление ВЦИК о ликвидации Помгола.³⁵⁵

Троих (по другим данным – шестерых) арестованных приговорили к смертной казни, но их спасло заступничество Нансена. Позже часть их была выслана за границу, и тем самым спасена. Судьба Кондратьева и других членов ВКПГ, оставшихся в советской России, была куда страшнее.

Трагичной была и участь деятелей Всероссийского церковного комитета помощи голодающим (ВЦКПГ), созданного под руководством патриарха Тихона.

В августе 1921 г. русская православная Церковь в лице патриарха Тихона также предложила советскому правительству свою помощь в деле борьбы с голодом. «Е. Кускова, вспоминая «могучую энергию» патриарха, «поднявшего на дело спасения всю верующую Россию и за границу», считает, что эта энергия очень напугала большевиков, в глазах которых «проявление его и нашей энергии было лишь организацией контрреволюции»³⁵⁶.

Только 9 декабря 1921 г. Совнарком согласился принять помощь церкви, возложив надзор за нею на ВЧК.

19 февраля 1922 года патриарх предложил епархиальным советам передать в фонд помощи голодающим церковные ценности, за исключением священных предметов («в объеме вещей, не имеющих богослужебного употребления»).

А дальше началось известное теперь не по большевистским агиткам святотатство.

19 марта 1922 г. Ленин писал в «строго секретной» записке: "Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией... Нам... необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей».

Началось массовое изъятие церковных ценностей по всей стране. Чекистов тогда звали «ловцами жемчуга». В ходе изъятий произошло 1414 кровавых инцидентов.³⁵⁷

«Сопrotивление верующих Шуи, во время которого было убито 4 и ранено 10 человек, немедленно используется Лениным для составления строго секретного инструктивного письма, адресованного членам Политбюро. «Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать». Ленин дает указания: арестовать как можно больше «представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства», провести показательный процесс, расстрелять „очень большое число». Во время процесса, организованного в Москве в апреле-мае 1922 года, 11 обвиняемых были приговорены к смертной казни. В отношении пятерых приговор был приведен в исполнение. В качестве свидетеля, а затем и обвиняемого, был привлечен патриарх Тихон. Он был помещен под домашний арест и лишен возможности исполнять свои функции. На процессе в Петрограде (июль 1922 года) судили 86 человек. К смерти было приговорено 10 обвиняемых, казнено четверо, в том числе митрополит Вениамин. В общей сложности в 1922 году было казнено 8100 священников, монахов и монашенок»³⁵⁸, открывших, по точной мысли Н.А. Кривовой, «счет новым мученикам России».

Бездушный империалистический Запад спас тех жителей России, которых еще можно было спасти. Главную роль в этом сыграла АРА: «В мае 1922 года АРА кормила 6099574 человек, американское общество квакеров - 265 тысяч, Международный союз помощи детям - 259751 человек, Нансеновский комитет - 138 тысяч, шведский Красный крест — 87 тысяч, германский Красный крест - 7 тысяч, английские профсоюзы - 92

³⁵⁵ Там же. Авторы считают, что Зайцев арестован не был.

³⁵⁶ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... С.143

³⁵⁷ Кристкалин А.М. Голод 1921 г.... С.28-29

³⁵⁸ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... С.143-144.

тысячи, Международная рабочая помощь - 78011 человек. Статья «АРА» в Большой советской энциклопедии (1926) дает дополнительные сведения: АРА работала в РСФСР в голодные годы с 1.10.1921 по 1.6.1923 г. В период максимального развития своей деятельности она кормила приблизительно 10 миллионов человек. За время своей деятельности израсходовала около 137 миллионов золотых рублей»³⁵⁹.

АРА не только кормила миллионы людей, но и оказывала им медицинскую помощь. Более того, существовала так называемая «побочная помощь» АРА – по восстановлению разрушенной гражданской войной инфраструктуры страны, т.е. «строительство дорог, санитарные работы, ремонт и сооружение водозаборных систем, различные общественные работы. Например, железнодорожное хозяйство России... просто не справлялось с объемом перевозок и разгрузочных работ для АРА, в связи с чем ее сотрудникам пришлось организовывать и восстановление путей сообщения. Так, только в Симбирской губернии был восстановлен 271 железнодорожный мост. АРА финансировала строительство дорог, мостов, фонтанов, обновление школьных зданий, больниц, заводов. Главный акцент – улучшение санитарных условий. Без этого вынужденного комплекса мер помощь голодающим лишь продлевала их агонию, снижала результативность оказываемой поддержки»³⁶⁰.

В высшей степени показательны причины прекращения деятельности АРА в советской России, раскрываемые Р.А. Латыповым: «С начала осени 1922 г. началось сокращение помощи. Наблюдалось сокращение в объемах и географии помощи – закрытие Оренбургского дистрикта. Критическая фаза голода осталась позади, был собран хороший урожай. Большевики начали тяготиться присутствием АРА. Голод переходил в нужду и недоедание. На официальном сленге положение характеризовалось как «последгол». Однако, Советы нуждались в политическом признании США, поэтому миссию приходилось терпеть, хотя начался оказываться вежливый, но жесткий нажим.

И все же, несмотря на официальный оптимизм, многие крестьяне по-прежнему голодали и взывали о помощи. Голод и помощь АРА серьезно компрометировали коммунистические власти в глазах населения и мировой общественности. Поэтому власти в центре и на местах предпринимали попытки прямо или косвенно приуменьшить вклад АРА в борьбе с голодом и заодно приписать их заслуги себе. Когда кризис миновал, отношение явно изменилось, теперь помощь виделась не так нужной, власть стала тяготиться присутствием независимой от ее контроля организации, а в голосе партийных функционеров все явственнее стали проявляться нотки классовой ненависти».

СССР «в пику Гуверу и АРА» выдвинул на первый план фигуру Ф.Нансена, отодвинув АРА на периферию. «Большевики нашли Нансена удобным пропагандистским орудием в своих взаимоотношениях с Западом, и в особенности для нейтрализации влияния АРА. Не удивительно, что Нансен стал «звездой» советской прессы, удобным «громоотводом» для режима. Нансен возглавлял безгосударственную организацию, хорошо был известен в России как полярный исследователь, без политических амбиций, критиковал действия западных правительств, его представители «передавали продрузы советским органам, не требуя создания собственного особого разветвленного аппарата».

Он работал через Советы, АРА – самостоятельно и часто вопреки. Нансена большевики встречали с помпой, он был обласкан всякими почестями и наградами, всюду его встречали оркестры, речи, организовывались пышные банкеты. Ближе к концу декабря 1921 г. ему воздал должное всероссийский съезд Советов, избрав почетным членом Московского Совета. Нансен стал почетным доктором Московского университета [Kondratyev et al.]. Все эти события нашли свое отражение на многих страницах советской прессы – в центре и на местах, в то время как АРА почти полностью игнорировалась. И это накануне голосования в Конгрессе США о выделении дополнительных 20 млн. долл. для помощи России. Если Международный Комитет Помощи России под руководством

³⁵⁹ Там же, С.125

³⁶⁰ Латыпов Р.А. Помощь АРА....

Нансена с сентября 1921 по сентябрь 1922 г. поставил в Россию 90 тыс. 700 тонн продовольствия, то АРА только за один год поставила около 790 тыс. грузов продовольствия (не считая одежды и др.).

Летом 1922 г. советское правительство поспешило объявить миру о победе над голодом, о перспективах хорошего урожая. Официальный оптимизм был обусловлен стремлением произвести впечатление на общественное мнение Запада. Советское правительство лихорадочно нуждалось в привлечении иностранного капитала и развитии внешней торговли.

Но даже лояльно настроенный Нансен объявил 20 июля 1922 г. о катастрофе с урожаем – 11 дней спустя после того, как *Правда* провозгласила о победе над голодом. Тем не менее, хотя критический период голода прошел, был собран хороший урожай, но оставалось кормить еще 4 млн. детей и 1 млн. взрослых.

Гуверу снова пришлось обращаться к американским гражданам и организациям оказать поддержку. В одной из своих речей он осудил тех, кто позволил себе выразить свои антисоветские чувства, которые он полностью разделял, но в данный момент считал их проявлением неуместными.

Новая обстановка требовала от АРА приспособления к изменившимся условиям, возник вопрос о передаче американского продовольствия правительственным институтам в связи с возможным завершением спасательных операций. В течение целого года американцы боролись за сохранение полного контроля над поставками помощи, но сейчас они должны были отступить.

Изменения в политике Советского правительства касались всех зарубежных организаций помощи в свете улучшения продовольственного положения. В случае с АРА – ее открытые кухни должны быть закрыты, не постепенно, а сразу; ее продовольственные поставки переданы советским ведомствам; также АРА возложит на себя ответственность за оплату доставки посылок и их распределение в тесном контакте с профсоюзными организациями. Последнее, в случае принятия, могло ликвидировать соглашение о посылках. То же самое касалось и медицинской программы.

Руководство АРА в России выступило решительно против, пригрозив полностью свернуть свою деятельность. Конфликт внешне был улажен, но на местах региональные инспектора АРА столкнулись с яростным сопротивлением местных властей и полномочных представителей. Они требовали закрытия всех кухонь и передачи всей инфраструктуры АРА в руки советских органов. Источником проблемы стали циркуляры Последгола – государственного Комитета по борьбе с последствиями с голода, ориентировавшего местное руководство на «новый порядок».

Летом 1922 г. советская делегация на конференции в Гааге повергла мир в шок, объявив о намерении возобновить экспорт зерна. Осенью 1922 г. Москва объявила о наличии миллионов тонн зерна, предназначенного на экспорт, в то время, когда собственные оценки указывали на то, что в ближайшую зиму 8 млн. советских граждан все еще будет нужна продовольственная помощь, половина которой может быть удовлетворена собственными ресурсами.

Американская сторона протестовала против изъятия большевиками хлеба у голодающих на экспорт, и это впоследствии имело негативное впечатление на общественное мнение в США – помощь была прекращена, отношения между странами испорчены, а официальное признание Америкой СССР было отложено еще на десять лет.

АРА заявляла о непосредственном спасении жизни советских людей, советские лидеры о возрождении индустрии для строительства социализма, который бы ликвидировал голод в будущем. Гувер не желал субсидировать реконструкцию советской промышленности за счет жизней советских людей – это стало источником его отказа от поиска средств и привело к сворачиванию деятельности АРА в Советской России.

Заявив о завершении голода, Москва заменила Помгол другой структурой –

Последголом. Цель этой меры, ставшей по сути сменой вывески, заключалась в том, что скрыть реальность продолжающегося голода, но в то же время позволить Западу и дальше направлять помощь в Россию. В январе 1923 г. жители Одессы стали свидетелями странной картины – американский корабль «Манитоба» разгружал в порту груз с поставками помощи АРА, в то время как рядом советский сухогруз «Владимир» загружался украинским зерном, направлявшееся в Гамбург.

... Отныне ценность АРА в глазах властей явно понизилась, оно изменило свое отношение к гуманитарной помощи. Центральные и местные власти стали настаивать на том, чтобы АРА сама за все платила – за автомобили, жилье, горючее, а также подписало соглашение со все более становящимися агрессивными советскими профсоюзами. Возникли визовые проблемы, проблемы с курьерской почтой и многое другое, что отравляло взаимные отношения.

Михаил Калинин в феврале 1923 г. сформулировал видение АРА с «деревенской точки зрения», сказав, что крестьянин благодарен за помощь, но сейчас голоду пришел конец и у мужика пропал всякий энтузиазм к американской помощи. Выросший на черном хлебе, немного мясе и рыбы, он не хочет, чтобы его дети употребляли белый хлеб, какао, кукурузу, рис и т.д.(!) Калинин сказал, что в глазах крестьян этот сбалансированный рацион мало пригоден для реальных нужд. Крестьянину не нравится платить налоги за доставку американского продовольствия (надо полагать, что крестьянин был восторге от уплаты продналога! – М.Д.)».

Примечательно заключение Латыпова: «Борьба с голодом в России стала самым трудным опытом АРА во всей ее гуманитарной деятельности в европейских странах с периода 1919 по 1923 гг. Первоначально предполагалось ограничиться распределением продуктов среди детей и больных. Это была «стандартная» процедура в других странах. Гуманитарная операция в Советской России оказалась беспрецедентной. Она вышла за рамки традиционной гуманитарной активности. Колоссальные масштабы бедствия и не менее колоссальные усилия трансформировали АРА из обычной гуманитарной организации в разновидность американской корпорации, действующей на коммерческой основе с гуманитарными целями. От смерти было спасено от 10 до 20 млн. человек...

Наши школьники и студенты об этом не знают. Может быть, хотя бы сейчас мы сумеем по достоинству оценить значение и масштаб помощи Америки нашей стране, усилия тех, кого называли «аровцы», и кого мы так незаслуженно забыли»³⁶¹.

Не могу не привести мнения Р.Пайпса о Г.Гувере: «Многие государственные деятели занимают видное место в истории благодаря тому, что послали на смерть миллионы людей; Герберт Гувер, скоро забытый в России, а впоследствии президент США, имеет редкую возможность занять достойное место в людской памяти как спаситель миллионов».

Геллер и Некрич справедливо считают, что «в истории Комитета (ВКПГ – М.Д.), в истории отношения к АРА выработалась модель поведения советской власти по отношению к тем, кто приходил ей на помощь, стремясь при этом сохранить некоторую самостоятельность: 1) уступки, если нет иного выхода, 2) отказ от уступок, едва необходимость миновала, 3) месть».

Они вкратце прослеживают, как освещалась деятельность АРА в последующих изданиях: «Малая советская энциклопедия (1930) меняет тон: «под видом благотворительности» АРА „имела возможность содействовать ослаблению в Америке кризиса сбыта товаров». В 1950 году Большая советская энциклопедия (второе издание) информирует: «Предоставленную ей возможность создания своего аппарата в Советской России АРА использовала для шпионско-подрывной деятельности и поддержки контрреволюционных элементов. Контрреволюционные действия АРА вызвали решительный протест широких масс трудящихся». Энциклопедия не объясняет почему

³⁶¹ Там же.

АРА появилась в Советской России и не сообщает, что она там, кроме «шпионско-подрывной деятельности» делала. Очередное издание БСЭ (1970) признает, что АРА «оказала определенную помощь в борьбе с голодом», но «в то же время правящие круги США пытались использовать ее для поддержки контрреволюционных элементов и шпионско-подрывной деятельности, для борьбы с революционным движением и укреплением позиции американского империализма в европейских странах».

По данным ЦСУ голод 1921-1922 гг. обернулся для России гибелью 5,1 млн. человек. «Потери от голода следует прибавить к потерям гражданской войны. В 1918—1920 годах страна потеряла 10 180000 человек. Следовательно за период гражданской войны 1918 - 1922 потери составили более 15 миллионов человек. Это примерно 10% населения. Советский демограф Б. Ц. Урланис подсчитал, что потери в гражданских войнах в отношении к численности населения составили: в Испании 1936—1939 годов - 1,8%, в США (война Севера с Югом) - 1,6%. Эти цифры позволяют понять чудовищность гражданской войны. Сюда следует добавить около 2 миллионов человек, погибших на фронтах первой мировой войны и не менее миллиона эмигрантов, для того, чтобы составить представление о потерях страны в 1914 - 1922 годы».³⁶²

Однако гражданская война не закончилась в 1922 г.

Сталин, разгромив оппозицию внутри ВКП (б), использовал идеи «левых», т.е. троцкистов, о том, что «первоначальное социалистическое накопление», необходимое для создания социалистической индустрии, следует получить «за счет внутренней колонии – крестьянства» (Преображенский). В этом – основная причина коллективизации и ее гигантских жертв.

«Великий перелом» и форсированная индустриализация, как говорилось уже, сопровождалась самым настоящим голодным экспортом, безо всяких кавычек и извращения элементарных понятий, которые детям объясняют в дошкольном возрасте. Власть насильственно отбирала у крестьян сельскохозяйственные продукты, а затем, пользуясь тем, что внешняя торговля была ее и только ее монополией, продавала награбленное за границей. На эти деньги советское правительство покупало оборудование целых заводов, флагманов пятилетки, оплачивало стоившие миллионы долларов услуги Альберта Кана, «архитектора индустриализации», приглашало в СССР иностранных специалистов, обучало на эти деньги сотни советских инженеров за рубежом и т.д. Страшные события 1932-1933 гг., унесшие от 7 до 8 миллионов жизней, – пример, насколько мне известно, не имеющий аналогов в мировой истории.

Здесь есть принципиально важный момент. Статистика не подтверждает мнения, что именно экспорт хлеба был особенно важен для закупок импортной техники. Максимальная выручка за вывоз хлеба – 883 млн.руб. – была получена в 1930 г. В том же году выручка за экспорт нефтепродуктов и лесоматериалов составила 1430 млн.руб. Еще почти 500 млн.руб. дали пушнина и лен. Затем мировые цены на зерно упали, и суммарный его вывоз в 1932-1933 гг. принес лишь 389 млн.руб., а лесоматериалов и нефтепродуктов – почти по 700 млн.руб. Вывоз пушнины в 1933 г. по стоимости превысил вывоз хлеба.

Заслуживает внимания следующий комментарий этой ситуации: «Подобные факты заставляют еще раз подумать над тем, как Сталин, Молотов, Каганович и другие политики изыскивали средства на нужды индустриализации. В 1926 г. генсек убеждал партию и народ, что нравы помещичье- буржуазной России («Сами недоедим, а вывозить будем») ушли в прошлое. Он и позднее регулярно говорил о преимущества социалистической индустриализации, связанных, в частности, с неуклонным ростом благосостояния рабочих, всех трудящихся. Какая же катастрофа заставила его изменить мнение в годы пятилетки, особенно в 1932-1933 г.? Неумное желание поддерживать провозглашенные

³⁶² Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... С.125-126.

темпы? Но выручка за хлеб уже не могла ничего изменить, а сохранение зерна внутри страны в тот трагический час спасло бы жизнь многим нашим людям.

Напрашивается и другая тяжелая мысль. Зерно изымалось у крестьянства по баснословно низкой цене, а увеличение экспорта нефтепродуктов и других видов прибыльной продукции требовало иных расходов и усилий. Вот и шли по линии наименьшего сопротивления. А ведь понимали, что это преступление, и скрывали его тщательно. Ни в одной из газет того времени о голоде не было сказано ни одной строчки»³⁶³

В меньшем масштабе ситуация 1932-1933 гг. повторилась во время голода 1946-1947 гг., унесшего жизни, как минимум, миллиона человек, когда 2,5 млн. тонн хлеба ушло в страны будущей «социалистической демократии».

Вот что об этом пишет В.Е. Зима: «Засуха 1946 г. в зерновых районах России, Украины, Молдавии привела к тому, что в целом по стране собрали 4,6 ц зерна с гектара, т.е. меньше чем в 1944-1945 гг. В создавшейся обстановке правительство использовало засуху для применения жестких мер продразверстки, заставив колхозы и совхозы сдать государству 52% урожая, т.е. больше чем в годы войны. Государственные поставки зерна составили в 1946 г. 17,5 млн. т, что было на 2,5 млн. т ниже уровня 1945 г. и в два раза меньше чем в 1940 г. Собранного количества зерновых с учетом имевшихся запасов и резервов было достаточно для обеспечения всего населения страны.

Решив максимально сохранить накопленное, правительство избрало иной путь. Осенью того же года сняли с карточного снабжения 28 млн. рабочих и членов их семей, живших в сельской местности. Всего в конце 1946 г., включая колхозников, не было обеспечено хлебом более 100 млн. человек. Практически миллионы людей не были защищены от голода, свирепствовавшего с ноября 1946 г. по август 1947 г. в областях Черноземной полосы, Средней и Нижней Волги, Южного Урала, Западной Сибири, Украины и в соседних с ней областях Белоруссии, Молдавии...

Обезлюдившему, разоренному селу был не по силам завышенный план весеннего сева 1946 г., завершившегося к тому же с большим опозданием; осенью низкий урожай зерновых не смогли убрать в срок. Поступление зерна на рынок в 1947 г. по сравнению с 1946 г. сократилось в 1,7 раза. В результате хлеба выпекали в 3 раза меньше, чем в довоенном 1940 г....

Вслед за сокращением поступлений хлеба на внутренний рынок в сентябре 1946 г. были повышены в 2-2,5 раза, розничные цены на хлеб и другие продовольственные, а заодно и на промышленные товары, распределявшиеся по карточкам.

С помощью карточной системы огромную массу сельских жителей, составлявших 65% общей численности населения, изолировали от государственной торговли. Председателям колхозов и секретарям сельсоветов запрещалось выдавать справки и документы людям для поездки в города с целью покупки продовольствия... Такая политика продразверстки, примененная к колхозам и совхозам, дала возможность государству собрать достаточное количество продовольствия для нормированного снабжения населения городов и обеспечить пополнение резервов, но тем самым она обрекла на массовый голод жителей деревни. На страницах газет тех лет писали о трудностях и путях их преодоления, о том, что "без серьезных жертв невозможно ликвидировать тяжелое наследие войны". Сообщалось о засухе, но ни слова о голоде.

Непризнание факта голода в стране позволяло правительству пренебрегать организацией необходимой продовольственной помощи населению...

Глава тогдашнего правительства Украины Хрущев в своих воспоминаниях пишет, что сообщал Сталину о голоде и людоедстве зимой 1947 г., но ответом был лишь гнев вождя: "Мягкотелость! Вас обманывают, нарочно докладывают о таком, чтобы разжалобить и заставить израсходовать резервы"³⁶⁴.

³⁶³ Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т.2, С.270-271

³⁶⁴ Зима В.Е. Тупики аграрной политики (1945-1953) //СССР и холодная война. М., 1995. С.142-150.

Это искреннее, жуткое потрясение верного ленинца, 1-го секретаря КП(б) Украины Н.С. Хрущева дорогого стоит. Легко представить, чего ему, имевшему к 1946 г. ясное представление о характере Сталина, стоил этот звонок!

Более того, Сталин отказался от продовольственной помощи, которую СССР продолжал получать, хотя после войны и в меньшем размере, по линии Советского общества Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП). Когда на Западе стало известно о начавшемся в 1946 г. массовом голоде, то в течение 1946/47 г. американский Красный Крест, в основном благотворительная организация Рашен Релиф (США), направила в СССР грузов на 31 млн. долларов. Это была самая крупная помощь, направленная в СССР во время голода. Кроме того, «под предлогом помощи жертвам войны (иначе советская сторона подарки не принимала) поступили сотни тысяч посылок из Аргентины, Дании, Ирана, Швейцарии, Швеции и др...

Советское правительство с подозрением относилось к послевоенной помощи и искало предлог для отказа, что не раз и делалось.

Направленные в СССР по линии обществ Красного Креста грузы распределял Совмин СССР. Поскольку помощь часто обезличивалась и передавалась по другим адресам, а жертвователи не получали вразумительных ответов об ее участии, то за границей распространились слухи, что посылаемые в СССР подарки расхищаются. В мае 1947 г. безадресные поступления подарков по линии Красного Креста прекратились и направлялись только грузы целевого назначения.

Тому немало способствовало мнение советского руководства о нецелесообразности организации сбора средств в пользу СССР, что могло бы быть использовано Западом "для демагогической пропаганды". Министерство иностранных дел рекомендовало исполкому СОКК и КП под благовидным предлогом отказаться от предлагаемой помощи.

Советское правительство продемонстрировало Западу, что СССР способен сам оказывать помощь тем, кто в ней нуждается. В ответ на просьбы со стороны Болгарии, Румынии, Польши, Чехословакии в эти и другие страны в 1946-1947 гг. из Советского Союза было отправлено 2,5 млн. т зерна.

Иначе говоря, руководство страны сознательно пошло на голод, сохранив, а осенью 1947 г. на 80-90% пополнив запасы зерна. Таким же методом производились накопления других продуктов питания и промтоваров к предстоящим 16 декабря 1947 г. отмене карточной системы и денежной реформе»³⁶⁵.

У нас есть возможность конкретизировать ситуацию вокруг голода на Украине и обращения Хрущева Сталину: «В 1946 г. в год сильнейшей засухи, украинские колхозники должны были сдать государству 400 млн. пуд. (7,2 млн. тонн) зерна. Эта цифра, как и большинство других плановых заданий, произвольно была установлена и никак не соотносилась с действительными возможностями украинского сельского хозяйства. Отчаявшиеся крестьяне слали письма украинскому правительству в Киев и союзному в Москву, умоляя прийти им на помощь и спасти от голодной смерти. Хрущев, который был в то время первым секретарем ЦК КП(б)У после долгих и мучительных колебаний (он опасался быть обвиненным в саботаже и потерять свое место) все же послал письмо Сталину, в котором просил разрешить временно ввести карточную систему и сохранить продовольствие для снабжения сельскохозяйственного населения. Сталин в ответной телеграмме грубо отверг просьбу украинского правительства. Теперь украинских крестьян ожидали голод и смерть. Народ начал умирать тысячами. Появились случаи каннибализма. Хрущев приводит в своих мемуарах письмо к нему секретаря Одесского областного комитета партии А.И. Кириченко, посетившего в зиму 1946-1947 года один из колхозов. Вот, что он сообщал: «Я увидел ужасную сцену. Женщина положила трупик своего собственного ребенка на стол и разрезала его на куски. Она безумно говорила, когда это делала: «Мы уже съели Манечку. Теперь мы засолим Ваничку. Это поддержит

³⁶⁵ Там же. С.150-152

нас некоторое время». Можете Вы себе это представить? Женщина сошла с ума на почве голода и зарубила собственных детей на куски!». Голод бушевал на Украине.

Однако Сталин и его ближайшие помощники не желали считаться с фактами. На Украину был послан беспощадный Каганович в качестве первого секретаря ЦК КП(б)У, а Хрущев временно впал в немилость, был перемещен на пост Председателя Совнаркома Украины. Но никакие перемещения не могли спасти положения: голод продолжался, и он унес около миллиона человеческих жизней»³⁶⁶.

И при этом миллионы тонн зерна, напомню, вывозились в страны будущей народной демократии. А что творилось в 1932-1933 гг., когда распухшие от голода люди стали привычной частью привокзальных пейзажей, а через порты и таможни на экспорт шел поток продовольствия?

До каких же глубин цинизма нужно опуститься, чтобы после этого десятилетиями твердить о «голодном экспорте», о «проклятом царизме», а в наши дни – и о «миллионах православных душ», якобы умерших от голода при П.А. Столыпине?!

* * *

Пора подвести итоги.

Империя в России, так же как в Германии, Австро-Венгрии и Турции *была сокрушена тотальной войной*. Только поэтому наша страна прошла после 1917 г. ту трагическую дорогу, которую прошла.

Падение Старой России отнюдь не вытекает из той глубоко пессимистической картины развития страны после 1861 г., которую мы знаем с детства. Прежде всего, потому что это часто недостоверная и даже откровенно лживая картина.

Мы рассмотрели ряд базовых характеристик экономического и социального развития пореформенной России.

Чего бы ни мы касались – «голодного экспорта», продовольственной помощи населению во время неурожая, недоимок и «вынужденных продаж», проблем производства и потребления, сбережения народных накоплений и т.д. – данные статистики убедительно опровергают традиционную трактовку этих сюжетов. Во всех случаях мы сталкиваемся с предвзятостью, намеренными искажениями, а то и с банальной фальсификацией.

В своих политических целях оппозиция фактически создала своего рода «Реквием» – по Живому.

Эта картина до сих пор существует и, продолжая искажать восприятие миллионов наших соотечественников, не дает им возможности адекватно воспринимать Историю своей страны.

Нельзя с этим мириться.

Потому что настоящее, которое вытекает из *такого* прошлого, не может иметь Будущего.

Москва, 2012

³⁶⁶ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М., 1996. Том 2. С.25-26 (517-518).